УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник статей

ВЫПУСК СОРОК ЧЕТВЕРТЫЙ

Москва
2011

Научное издание

Ближний Восток и современность
Сборник статей (выпуск сорок четвертый)
М., 2011, 368 стр.

Ответственные редакторы: М.Р. Арунова,
В.А. Исаев,
А.О. Филоник

Сборник посвящен широкому кругу проблем, связанных с ситуацией на Ближнем и Среднем Востоке. Предлагаемые статьи являются исследованием конкретных вопросов странового и общего порядка, имеющих актуальное научное и практическое значение и раскрывающих суть некоторых явлений и процессов локального и регионального масштабов.

Книга предназначена для специалистов-востоковедов, а также для всех тех, кто следит за динамикой событий в ближневосточном регионе.

Мнение авторов статей может не совпадать с точкой зрения Института.

ISBN 978-5-89394-225-5
ISBN 978-5-89282-471-2

ISBN 978-5-89394-225-5
ISBN 978-5-89282-471-2

© Учреждение Российской Академии наук Институт востоковедения РАН
© Институт Ближнего Востока

СОДЕРЖАНИЕ

Е.В.Дунаева
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИРИ: СТАРЫЕ ПОДХОДЫ И НОВЫЕ ВЕЯНИЯ..... 5

О.И.Жигалина
ИРАКСКИЕ КУРДЫ И ПРОЦЕСС ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА ВЛАСТИ В ИРАКЕ 15

И.В.Жмуйда, М.Ю.Морозова
НАВОДНЕНИЕ ИЮЛЯ – АВГУСТА 2010 г. КАК ФАКТОР УХУДШЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПАКИСТАНА 28

Н.А.Замараева
ХАРАКТЕР ПАКИСТАНО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 2009–2010 гг. 40

С.Н.Каменев
ПАКИСТАН: ТРУДНОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РОСТА 63

Н.М.Мамедова
О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ФОРМИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИРИ 75

Д.А.Марьясис
ИЗАРИЛЬ. ПУТЬ В ОЭСР 82

Е.С.Мелкумян
СУЛТАНАТ ОМАН: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ 108

Н.З.Мосаки
АФРИКАНСКАЯ ПОЛИТИКА ТУРЦИИ 127

Э.В.Павлуцкая
РОЛЬ АРМИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ МАРОККО..... 154

А.Б.Подцероб
РОССИЯ – АРАБСКИЙ МИР: ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ (1992–2011 гг.) 182

М.Б.Пойкер
ВЛИЯНИЕ ПРЯМЫХ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ НА РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ ИЗРАИЛЯ 204

Л.Н.Руденко
ЧЕРНАЯ И ЦВЕТНАЯ МЕТАЛЛУРГИЯ АРАБСКИХ СТРАН: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ 221

В.И.Сажин
НЕКОТОРЫЕ ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИРАНА ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ МАХМУДЕ АХМАДИНЕЖАДЕ 234

Г.И.Смирнова
ДИВЕРСИФИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ ЭНЕРГИИ НА АРАБСКОМ ВОСТОКЕ 242

А.О.Филоник, А.Хайдар
АРАБСКИЙ МИР В ПОТОКЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: СОЗИДАТЕЛЬНОСТЬ КАК АЛЬТЕРНАТИВА СОЗЕРЦАТЕЛЬНОСТИ..... 260

А.О.Филоник, М.Занбуа
СИРИЯ: ОТ ИСПРАВИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ К СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОМУ РЫНКУ 284

В.С.Шевченко
«КЕДРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» В ЛИВАНЕ (2005 г.) 313

В.И.Юртаев
ИРАН: ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ 327

Е.В.Дунаева

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИРИ: СТАРЫЕ ПОДХОДЫ И НОВЫЕ ВЕЯНИЯ

Внешнеполитический курс любого государства предстает как производное двух групп факторов. Факторы первого порядка определяются принципами функционирования системы международных отношений и ситуацией, складывающейся на глобальном и региональном уровнях. Вторая группа имеет, несомненно, более важное значение для понимания действий государства за пределами своих границ, поскольку определяется национальными интересами. В условиях авторитарного государства это – интересы режима, а, по сути, группы интересов правящей группировки и социальных страт и элит, имеющих возможность оказывать воздействие на процесс выработки и реализации внешней политики. Результат взаимодействия этих группировок и определяет внешнеполитическую линию страны. Соответственно усиление влияния той или иной группы внутри государственного аппарата объясняет внесение определенных изменений и корректировки курса.

Стоящие у власти силы руководствуются своими идеологическими установками, поэтому и внешняя политика несет на себе отпечаток идеологических концепций правящих элит. Задача насаждения своей идеологии в региональном или глобальном масштабе предопределяет экспансионистскую направленность действий на международной арене.

После свержения шахского режима и перехода власти в руки духовенства основной стратегической линией действий исламской республики стала идея экспорта исламской революции, которая понималась как «способ избавления мусульман и немусульман от колониального гнета и других форм угнетения со стороны господствующих мировых держав[1]». Один из экспертов по вопросам внешней политики в своей работе «Экспорт исламской революции: предпосылки и международные последствия» пишет, что, «если в начале (*сразу после по-*

беды исламской революции в Иране – авт.) понятие «экспорт революции» рассматривался лишь как идея, то позднее оно превратилось в основной внешнеполитический принцип, выражавшийся формулой «Ни Запад, ни Восток, а исламская революция», что и было закреплено в конституции страны[2]».

За прошедшие после исламской революции годы внешняя политика ИРИ претерпела определенные изменения. Однако все эти годы лозунг «экспорт революции» продолжал оставаться краеугольным камнем внешнеполитических устремлений режима. Наблюдавшиеся за прошедшие годы корректировки касались лишь методов и форм осуществления «экспорта революции».

С первых дней после падения шаха среди пришедшего к власти духовенства наблюдались два основных подхода к вопросу о методах реализации «экспорта революции». Сторонники первого выступали за продвижение идей исламской революции путем пропаганды достижений режима на международной арене, а также воздержание от вмешательства в дела других государств и развитие отношений со всеми странами. Последователи второго подхода были более радикальны и признавали необходимым оказание «угнетенным народам» широкой поддержки и материальной помощи, вплоть до военной, с целью их скорейшего освобождения от ига сверхдержав. Эти два подхода, несколько видоизменившись под влиянием внешних и внутренних факторов, продолжают и в настоящее время лежать в основе внешнеполитических дебатов, а результаты взаимодействия их адептов, представленных во властных структурах, определять внешнеполитический курс страны.

Возникновение различий и противоречий при выработке и проведении внешнеполитического курса связано и со своеобразным характером политической системы ИРИ, которая предполагает множественность центров принятия решений. В то же время раздвоение государственной власти на органы религиозные и светские создает возможность поддержания равновесия внутри системы и, как показывает более чем 30-летний период существования ИРИ, в определенной степени нивелирует периодически возникающие разногласия. Однако в отдельные периоды эти различия доходят почти до критической величины, в результате чего в целях сохранения режима привносятся изменения в политику страны.

К структурам, вовлеченным в выработку внешней политики, относятся канцелярия духовного лидера, Наблюдательный

совет, Совет экспертов, парламент, в частности, комиссия по внешней политике и безопасности, Совет по целесообразности принимаемых решений, Высший совет национальной безопасности, президент и правительство, министерство иностранных дел. Степень влиятельности каждого из этих органов, особенно это касается министерства иностранных дел, зависит от авторитета возглавляющей его фигуры и определяется близостью ее к руководителю государства. Можно также говорить и о том, что как на выработку решений, так и на практическое проведение внешнеполитического курса в опосредованной форме оказывает влияние еще целый ряд организаций, институтов, структур. К ним можно отнести Высший совет культурной революции, Координационный совет по исламской пропаганде, Министерство культуры и исламской ориентации, Организацию хаджа, религиозные общества и организации, исламские фонды, Комитет помощи имама Хомейни и некоторых других. Эти институты формируют общественное мнение или параллельно с внешнеполитическим ведомством занимаются международной деятельностью и таким образом влияют на внешнюю политику страны.

В последние годы возрастает роль КСИР в политической и экономической жизни, соответственно увеличивается и его вовлеченность в решение внешнеполитических вопросов.

Традиционность (закрытость) иранского общества, отсутствие демократических традиций и отлаженной системы функционирования политических партий и других элементов гражданского общества не позволяет проследить, как происходит разработка тех или иных концепций, какие структуры вовлечены в их формирование и каково влияние тех или иных организаций на принятие решений. Отсутствие прозрачности скрывает и существование разногласий в высших эшелонах власти.

Выработка концепций и подходов, как и принятие окончательных решений в иранской действительности нередко происходит на частном, порой семейном, уровне, в ходе личных встреч вне рамок протокола. Так, популярные совместные трапезы после намазов в памятные по религиозному календарю дни, коллективные разговения в рамадан (эфтар), на которые собираются представители государственной верхушки и религиозные деятели страны, можно вполне рассматривать как своего рода заседания, на которых обсуждаются важнейшие государственные проблемы. Аналогичных традиций придерживаются и оппозиционные силы. Все предварительные согласо-

вания происходят в кулуарах, а на форумах и съездах выносится на утверждение уже выработанная концепция.

Говоря о том, что процесс формирования политических решений протекает при взаимодействии формальных и неформальных структур, нельзя не учитывать, что по конституции страны доминирование основных направлений политики государства отнесено к компетенции лидера, и последнее слово остается за ним. Тем не менее, «в качестве высшего руководителя, Хаменеи … в некоторых случаях готов предоставить другим большую свободу при выборе политических решений[3]».

Необходимо подчеркнуть и тот факт, что в Иране даже в условиях заидеологизированности можно говорить о существовании практики дебатов в ходе выстраивания внешнеполитического дискурса. Газеты, информационные и аналитические сайты публикуют материалы, свидетельствующие о существовании у разных политических сил различных точек зрения по вопросам внешней политики, которые отстаиваются в условиях острой полемики.

В ИРИ имеется немало исследовательско-аналитических центров, занятых разработкой внешнеполитических проблем. Некоторые из них связаны напрямую с государственными структурами, как, например, Центр стратегических международных исследований министерства иностранных дел, Центр стратегических исследований Совета по целесообразности, исследовательские центры при парламенте и Совете экспертов. У других непосредственная связь с тем или иным властным центром не просматривается, они представляют собой частные или полугосударственные институты. Ко второй группе следует отнести такие центры, как ИРАС – Центр евразийских исследований, вносящий значительный вклад в разработку подходов к развитию отношений Ирана с Россией, Центральной Азией и Кавказом. Анализ публикаций этих институтов (а каждый из них располагает своими печатными и интернет-изданиями) выявляет наличие дифференцированных подходов к анализу внешнеполитических проблем. В качестве примера можно указать на существование в иранской политической элите трех основных мнений о развитии взаимоотношений с Россией.

Большинство представителей высшего звена госаппарата, исходя из совпадения позиций двух стран, выступающих против однополюсной системы и американского лидерства в современном мире, рассчитывают видеть в России стратегического союзника и делают упор на развитие партнерства

на международном, региональном и двустороннем уровнях, не осознавая того, что Россия смотрит на взаимное сотрудничество с точки зрения своих национальных интересов и готова развивать отношения в контексте многовекторной внешнеполитической линии.

В отличие от вышеизложенной, называемой политологами «оптимистической», сторонники второй – пессимисты – призывают относиться к России с осторожностью и недоверием и не делать ставку на долговременную перспективу[4]. В основе их подхода лежит прочно сложившийся за прошедшие столетия стереотип, рисующий Россию агрессором и колонизатором. Эту точку зрения разделяет значительная часть представителей реформаторского лагеря. Их нежелание отрешиться от предвзятых исторических подходов и преимущественная ориентация на Запад не позволяют им объективно оценить происходящее. В настоящее время сторонники такого подхода не представлены в высших эшелонах власти и не оказывают прямого влияния на истеблишмент на уровне принятия решений.

В иранской политической элите есть и последователи взвешенного подхода, в основе которого лежит относительно реалистический взгляд на взаимоотношения двух стран. Его сторонники, учитывая роль и влияние России в регионе и на мировой арене, а также многовековые исторические и культурные связи двух стран, считают, что развитие сотрудничества отвечает национальным интересам ИРИ. При оценке плюсов взаимодействия с Россией, особый акцент делается на ее геополитическое и геоэкономическое положение, а также на важное значение России как члена СБ ООН[5]. Реалисты, учитывая прагматизм российской внешней политики, видят благоприятные возможности практического взаимодействия двух стран как в решении региональных проблем – Ближний Восток, Афганистан, Ирак, Кавказ, Каспийское море, так и на двустороннем уровне в сфере энергетики, транспорта, торговли. Выражая обеспокоенность нынешней ситуацией в двусторонних отношениях и опасаясь дальнейшего охлаждения отношений, они предлагают руководству Ирана отказаться от предвзятых оценок позиции России, занять более конструктивную позицию и пересмотреть свою узконаправленную внешнеполитическую стратегию с целью диверсификации своего курса в международных отношениях[6].

Можно отметить и рост влияния части интеллектуальной элиты, представленной университетской профессурой, на фор-

мирование внешнеполитического дискурса в последние годы. На базе таких учебно-исследовательских центров, как факультет политологии и институт мировых исследований Тегеранского университета, Университет имама Садега в Куме, Международного центра исламских наук (с 2007 г. называется Международное общество избранных), Международный университет им. Хомейни в Казвине и других был подготовлен и опубликован ряд работ. Они не только дают теоретическое обоснование внешнеполитической доктрины страны, но и анализируют региональные и международные аспекты политики ИРИ, тем самым также отражая наличие дебатов по этим вопросам.

Отмечая существование нескольких направлений во внешнеполитических дискуссиях, необходимо подчеркнуть, что наблюдаемые различия не затрагивают глобальной цели – укрепления и распространения иранской революционной модели в ее шиитской версии. Как было отмечено, позиции оппонентов различаются лишь подходами к определению методов и способов ее реализации. Причем, эти подходы могут меняться в зависимости от времени, внутренних и внешних событий, и порой их первоначальная сущность выхолащивается.

За 30-летний период можно проследить различные течения во внешнеполитических дебатах, представленные радикальными исламистами (или исламскими глобалистами), регионалистами, прагматиками, делающими акцент на экономические и культурные факторы, националистами и даже прозападниками. Адепты этих направлений самым непосредственным образом отражают идеологические позиции представителей двух основных группировок, представленных на внутриполитическом поле страны: реформаторов и консерваторов. Все изменения в ходе осуществления внешнеполитической линии государства, наблюдавшиеся в определенные временные периоды, прямо связаны с приходом к власти тех или иных политических элит.

Представляется, что, оценивая внешнеполитический дискурс ИРИ, можно говорить о 1979–1988 гг. как периоде формирования основных внешнеполитических установок исламского режима. В первые годы происходило вытеснение либерально-буржуазных (прозападно настроенных), националистических, левацких, просоветских групп и установление господства исламской парадигмы. Соответственно возрастала и роль идейных установок входящего во власть революционного духовенства в формировании внешней политики. Захват американских

заложников в Тегеране в ноябре 1979 г., который называют «второй исламской революцией», стал не только одним из первых внешнеполитических актов временного правительства, но и «определяющим фактором, подтолкнувшим внешнюю политику ИРИ на путь экспорта революции»[7]. Начавшаяся ирано-иракская война, обострившая отношения Ирана не только со странами Запада и восточным лагерем, но и с большинством государств региона, окончательно подтвердила (по мнению цитируемого автора), направленность внешнеполитического курса на создание единого исламского фронта путем экспорта революции, осуществляемого как политическими, экономическими, культурными, идеологическими, так и военными методами[8].

Однако в этот период отчетливо проявились противоречия среди верхушки пришедшего к власти духовенства по вопросу осуществления экспорта революции. Левые исламисты, убеждения которых в тот период разделял один из нынешних лидеров оппозиционного движения – М. Кярруби, ратовали за жесткие (военные) методы. Правые, которых позднее стали называть традиционалистами или консерваторами, призывали к созданию в Иране своего рода образцовой социально-экономической модели, которая сама по себе станет красноречивым свидетельством преимуществ исламского общества справедливости. Противостояние правых и левых наблюдалась в государственных структурах, религиозных организациях, партийных группировках, однако в наиболее острые моменты вмешательство духовного лидера нивелировало противоречия и разряжало ситуацию.

Со второй половины 80-х годов XX в. вносятся изменения во внешнеполитический курс ИРИ. Завершение ирано-иракской войны и кончина Хомейни вывели на политическую арену страны прагматиков. Необходимость скорейшего восстановления экономики увеличила заинтересованность в развитии взаимоотношений с зарубежными государствами. В период пребывания у власти президента А.А. Хашеми Рафсанджани (1989–1997) внешняя политика приобретает более национальный и региональный характер. Лозунг «экспорт исламской революции» практически вышел из употребления, однако это не означало, что он был снят с повестки дня. Под влиянием внутренних и внешних факторов изменились лишь инструменты его проведения. Акцент был сделан на мягкие методы – экономическое сотрудничество и культурную экспансию. Повысился интерес

к участию в международных организациях. Однако практика непосредственной поддержки исламских движений продолжалась.

В результате внесения изменений в структуру государственной власти, и, в частности, отмены поста премьер-министра президент сосредоточил в своих руках руководство исполнительной властью, и соответственно возросло его влияние на формирование внешнего курса. В этот период несколько снизился накал внешнеполитических дебатов, так как переосмысление ближайших целей и методов проведения внешнеполитического курса происходило и у некоторых левых группировок, которые постепенно отходили от позиций крайнего радикализма.

Внешняя политика реформаторов – период президентства М. Хатами (1997–2005 гг.), по сути, – продолжение, развитие, углубление внешнеполитической линии предшествовавшего президента. Объявленная новым президентом политика разрядки понималась как расширение международных связей ИРИ при сохранении верности основным исламским принципам и продолжение линии на превращение Ирана в модель, достойную подражания. Идея «диалога цивилизаций», широко пропагандируемая президентом-реформатором, по словам министра иностранных дел правительства времен М.Хатами, также была выдвинута лишь для того, чтобы «подготовить почву для более широкого распространения призывов исламской революции»[9].

Необходимо отметить, что отсутствие всей полноты власти в значительной степени мешало реформаторам проводить курс на разрядку. Многие шаги М.Хатами на международной арене встречались критически не только радикальными исламистами, но и консерваторами-традиционалистами. Противоречия по внешнеполитическим вопросам возникали и среди представителей лагеря реформаторов. После выборов в меджлис 7-го созыва в 2004 г., ввиду усиления процессов дифференциации внутри каждого из двух политических течений, увеличились расхождения по вопросам внешней политики внутри каждого из флангов. Появление неоконсерваторов, неопрагматиков, консервативно настроенных реформаторов повлекло за собой распространение более дробных мнений во внешнеполитическом дискурсе. Однако относительно развития ядерной программы существует общественный консенсус.

С приходом к власти президента М. Ахмадинежада и переходом впервые за всю историю ИРИ всех институтов власти в руки консерваторов внешнеполитический курс становится бо-

лее агрессивным, усиливается его военная составляющая, происходит активизации ядерной программы. Уровень воздействия идеологии на формирование и осуществление внешней политики усилился. Иранский президент открыто призывает к продолжению революции и проведению наступательной внешней политики как в региональном, так и в мировом масштабе. Резкие заявления и некоторые решительные действия президента вызывают недовольство представителей не только реформаторского, но и консервативного лагеря. Дебаты по внешнеполитическим вопросам особенно активизировались в период подготовки к президентским выборам 2009 г. Реформаторы резко критиковали М. Ахмадинежада за открытую поддержку ХАМАС, Хезболлы, обострение отношений с рядом арабских государств.

Жесткую критику со стороны лагеря традиционалистов и религиозных авторитетов вызывают стремления президента поставить на обсуждение и самый чувствительный для Ирана вопрос – возможность восстановления отношений с США. М. Ахмадинежад проявляет решительность и твердость и постоянно в той или иной форме обращается к этому вопросу. Пусть его письма к руководству США носят наставительный и обличительный характер и остаются без ответа, попытки президента вступить в диалог с главным врагом исламской революции – свидетельство неоднозначности его политической линии. Представляется, что президент осознает, что ввиду ужесточения международных санкций против ИРИ и усиления ее изоляции, возможности экономического развития страны будут сильно ограничены, следствием чего станет обострение внутреннего положения. В условиях усиления внутриполитических разногласий и сохраняющегося противостояния в обществе это может привести не только к потере власти неоконсерваторами, но и к значительному ослаблению Ирана. Нормализация отношений с Западом могла бы содействовать решению многих проблем. Но многолетнее насаждение в общественном сознании враждебного отношения к «Великому сатане» в значительной степени сдерживает президента. Как считает другой эксперт по вопросам внешней политики ИРИ, за время, прошедшее после революции, внешняя политика Ирана значительно изменилась, но «идеологическая доктрина исламской республики по-прежнему основана на трех принципах: женщины обязаны носить хиджаб, Соединенные Штаты остаются противником Ирана, то же можно сказать и об Израиле. Отказ от этих

принципов поставил бы под сомнение сам смысл существования исламской системы и размыл бы границы между идеологией режима и его реальными интересами»[10].

Четко прослеживающиеся намерения М. Ахмадинежада расширить президентские полномочия, снизить роль Совета по целесообразности, ограничить возможности меджлиса в вопросах контроля за деятельностью правительства, поставить своих людей во главе институтов, влияющих на выработку внешнеполитического курса (в частности, смена министра иностранных дел, введение в своем аппарате должностей спецпредставителей по внешнеполитическим вопросам), может свидетельствовать о его намерении поставить под свой контроль внешнюю политику страны для того, чтобы внести корректировки в традиционный курс. Как указывалось, согласно конституции, определение внешней политики страны отнесено к компетенции духовного лидера. Али Хаменеи открыто заявляет о своей поддержке президента. В этих обстоятельствах нельзя исключить, что в обозримом будущем наблюдаемый ныне процесс реорганизации структур, реально имеющих отношение к выработке внешней политики, приведет к тому, что их количество будет сведено к минимуму. А это создаст условия для переоценки ценностей, свойственных традиционной внешней политике ИРИ и позволит привнести в нее новое начало.

---

[1] Б. Навазани. Содур-е энгелаб-е эслами. Заминеха ва пейамадхайе бейнольмелали-йе ан. Тег., 1388. С. 1.

[2] Там же, с. 2.

[3] К. Саджадпур. Аятолла Хаменеи: высший руководитель. – Pro et Contra. № 4(42), июль-август 2008. С. 21.

[4] М. Санаи. Три подхода к оценке ирано-российских отношений. Выступление на специальном заседании ИРАС «Иран и Россия в новых международных условиях»… – www.iraneurasia.ir. 27.01.2010.

[5] Там же.

[6] Интервью с профессором Х.Бавандом «Уроки ирано-российских отношений».. – www.iras.ir. 13.12.2009.

[7] Б.Навазани. С. 318.

[8] Там же, с. 357.

[9] Там же, с. 443.

[10] К. Саджадпур. Аятолла Хаменеи: высший руководитель… С. 21.

О.И.Жигалина

ИРАКСКИЕ КУРДЫ И ПРОЦЕСС ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА ВЛАСТИ В ИРАКЕ

Деятельность Коалиционного Курдского Блока (ККБ)

Участие иракских курдов единым списком на выборах в парламент Ирака принесло им 57 мест. Однако почти 8 месяцев политические силы страны не могли достичь соглашения относительно состава нового парламента. В этой ситуации курды были намерены вести переговоры со всеми фракциями. Они создали Коалиционный Курдский Блок (ККБ) для отстаивания интересов Курдистанского региона в этих переговорах. ККБ поддерживал позицию Масуда Барзани, президента этого региона, ратовавшего за скорейший выход из кризиса власти и формирование нового правительства на основе партнерства и консенсуса. Курдское руководство выражало мнение, что затягивание этого процесса грозит спровоцировать беспорядки по всей стране.

Курдская коалиция разработала программу действий, сформулированную в докладе из 19 пунктов. Он являлся основой для ведения переговоров с другими политическими фракциями, победившими на выборах, и содержал условия для вступления в любую будущую правительственную коалицию.

Курды настаивали на реализации ст.140 иракской конституции, которая может разрешить с Багдадом проблемы спорных территорий между курдами и другими этническими группами, в том числе и проблему Киркука. Они требовали урегулирования вопросов добычи нефти и газа, статуса пешмерга, предоставления курдам ключевых постов в будущем иракском парламенте и др.

Межпартийная борьба в Иракском Курдистане

Как представляется, различные политические партии и течения Иракского Курдистана как будто бы достигли консенсуса

по важным аспектам внутриполитической жизни страны. Вместе с тем между ними ведется острая политическая борьба за влияние на курдское сообщество Ирака. На одном полюсе политической борьбы выступают старые организации – Демократическая партия Курдистана (ДПК), возглавляемая М. Барзани, и Патриотический союз Курдистана (ПСК), руководимый Дж. Талабани. На другом полюсе группируются новые организации, в числе которых, например, движение и фракция курдского парламента «Перемены» («Горан»)[1], пользующиеся поддержкой определенной части населения Курдистанского региона Ирака. Первоначально эта группа возникла внутри ПСК как ее фракция, которой, однако, не удалось сформировать политическую партию. «Горан» стало функционировать в Курдистане как альтернативное (ПСК и ДПК) политическое движение. Многие его приверженцы отдают предпочтение именно этому определению, поскольку, по их мнению, политические или социальные движения «состоят из лиц или организаций, объединяющихся для реализации специфических политических или социальных задач, требующих коллективного решения»[2]. Они выступают за реформу управления, согласно которой предпочтение отдается парламентской системе, препятствующей якобы развитию авторитаризма власти.

Это движение возглавил бывший заместитель генсека ПСК Науширван Мустафа, который находился у истоков формирования ПСК. Однако после 1991 г. он много внимания стал уделять осмыслению политической истории Иракского Курдистана, написал свои мемуары и несколько книг, в числе которых, например, «Курды в советской игре» (1993). Его позиция по курдскому вопросу отражала глубоко фундированный политический подход. Он также принимал во внимание и новые тенденции – проблему глобализации, отказ от старой идеологии, «ослеплявшей» курдских левых и т.д. Меняя свои взгляды, Н. Мустафа понимал, что многие из его соратников не смогут согласиться с ним. Он также не нашел понимания и у генерального секретаря ПСК Дж. Талабани. Его критиковали и его оппоненты, но Н. Мустафа все-таки решился возглавить новое политическое движение во имя обновления общественно-политической жизни Курдистанского региона. Он основал свою медиа группу (Wusha company) и исследовательский центр. Эта медийная компания издает газеты, имеет свой сайт и радиостанцию. С их помощью движение освещает пороки курдского общества и ошибки руководящих партий.

Признавая историческую роль старых политических партий (ДПК и ПСК), Мустафа, однако, не выступает за их роспуск. Он представляет созданное им движение «Горан» как альтернативу им, критикуя их за то, что они якобы не способствуют развитию демократии, поскольку контролируют три ветви власти – исполнительную, законодательную и судебную. Поэтому он выступил с предложением заменить Национальный совет парламентом, свободным от влияния политических партий; кабинет министров он считает целесообразным преобразовать в исполнительный комитет, который бы состоял из структур, занимающихся политическими и экономическими проблемами; судебную систему он предлагает освободить от прямых или косвенных влияний руководящих партий[3].

Под его руководством движение «Горан» отдельным списком (Change List) выступило на парламентских и президентских выборах, состоявшихся в Курдистанском регионе летом 2009 г.[4] Это принесло ему 25 мест в курдском парламенте.

В основе политической программы «Горан» находились нерешенные проблемы Курдистанского региона: дефицит бюджета, высокий уровень безработицы, коррупция и непотизм, неоправданно раздутый аппарат чиновников и бюджетных служащих, недостаток квалифицированной рабочей силы, требование объединения сил пешмерга, урегулирование разногласий с Багдадом по проблемам закона об углеводородах и финансово-банковским проблемам и пр. Она была поддержана частью курдского населения, что позволило «Горан» создать свою фракцию в Региональном парламенте Курдистана. Это придало движению «Горан» определенный вес для участия в выборах в иракский парламент, которые состоялись 7 марта 2010 г. Оно получило 8 депутатских кресел.

«Горан» выступает за обновление политической структуры Курдистанского региона, поэтому ратует за подготовку нового поколения политиков, которые бы «открыли новую эру политики в Курдистане». Они должны также заниматься экономикой и владеть искусством ведения переговоров во имя развития курдской нации. Это движение выступает также за ротацию руководящих кадров, которые не должны находиться на своих постах свыше 10 лет[5].

«Горан» подвергает резкой критике деятельность ДПК, которая со своей стороны обвиняет это движение и его лидеров в создании напряженной ситуации по всему Курдистану. Так,

когда в Захо и Дохуке в мае 2010 г. прошли протесты против ДПК, руководители последней объявили это делом рук «Горан», что было опубликовано в газете «Хабат»[6].

Движение «Горан» считает, что ДПК не заботится о территориальной безопасности Курдистанского региона, находится в конфронтации с Багдадом, не контактирует с современным мировым гражданским обществом и вообще утрачивает уважение курдского народа, поскольку партия и ее лидер якобы не хотят перемен.

По мнению «Горан», не отвечающие современному моменту старые политические партии – ДПК и ПСК – пытаются руководить модернизацией их собственной политической структуры и продвигают на руководящие посты нужных им людей из кланов и курдской элиты. В связи с этим «Горан» выступает за справедливое решение проблем и власть закона. При этом руководство движения считает необходимым забыть противоречия и вместе взяться за обновление общественно-политической жизни Курдистанского региона[7].

В середине августа 2010 г. «Горан» представило Региональному правительству Курдистана и президенту региона М. Барзани проект политических и экономических реформ из 13 пунктов, опубликованный в местной печати. Однако он не был всерьез воспринят курдским руководством[8].

Между тем внутри движения «Горан» активизировались силы, которые борются за его преобразование в партию. Намечалось проведение конференции, на которой должны быть приняты основополагающие документы. Однако эта работа застопорилась из-за возникших внутри движения разногласий. Некоторые ее функционеры задались вопросом о том, подходит ли Н. Мустафа на роль лидера партии, поскольку движение реально требует реформирования. Их смущает то, что Н. Мустафа опирается на своих сторонников, перешедших вместе с ним из ПСК, и якобы рассчитывает на бесконечное лидерство. Они полагают, что «Горан» нуждается в сильном руководящем комитете, который должен состоять из новоприбывших членов. Ему требуется сформулировать свои позиции по широкому спектру проблем курдского общества. Поэтому, как считает часть функционеров «Горан», пришло время, чтобы дать слово новому молодому поколению политиков, пришедших в «Горан» с надеждой на установление демократии в Курдистане[9].

Сторонники преобразования движения в партию заявляют, что оно будто бы уже является партией, завоевав 25 мест

в курдском парламенте и 8 мест в иракской Национальной ассамблее. Они склоняются к тому, чтобы «Горан» стал лидирующей политической силой в Курдистанском регионе. Поэтому, говоря о внутренней реорганизации движения, они акцентируют внимание на необходимости учитывать достижения социального прогресса в Иракском Курдистане и опираться на городские социальные слои. Программа партии должна, по их мнению, отражать положения первой конференции движения, одобренные большинством его приверженцев[10].

Несмотря на взаимные нападки, деятельность фракции «Горан» в курдском парламенте способствовала принятию им позитивных решений. Так, например, она добилась обсуждения бюджета на 2009 г., в результате чего было принято несколько поправок, чего ранее никогда не происходило, поскольку бюджет принимали, как правило, без обсуждения.

С точки зрения некоторых зарубежных аналитиков, активность «Горан» двигает демократический процесс в Иракском Курдистане, где процветает «эрозия власти». В регионе, по их мнению, все решения принимались Политбюро двух основных курдских партий, которые, однако, борются с независимыми журналистами, подвергающими критике работу курдского руководства. Так, например, представитель свободной печати С. Осман 4 мая 2010 г. был схвачен неизвестными людьми на территории Эрбильского университета и увезен в неизвестном направлении. Затем его обезображенное тело было найдено в 80 км у Эрбиля – в окрестностях Мосула. Его коллеги выражали уверенность в том, что это кара за критику курдского руководства[11].

Противоречия между «Горан» и ДПК существуют и по другим вопросам. Так, например, фракция «Горан» поднимала вопрос о легитимности одобрения Региональным правительством Курдистана прошлого созыва проекта региональной конституции. Она консультировалась по этому вопросу с центральными законодательными органами в Багдаде. Несмотря на это, М. Барзани был настроен весьма оптимистично: он считал, что новый парламент не имеет права отменить конституцию, поскольку ни одна фракция не наберет 2/3 голосов, необходимых для отмены документа. Он также приветствовал возникновение оппозиционных фракций, таких, как «Горан», но в то же время выразил озабоченность тем, что некоторые видят в этом ослабление позиций двух партий (ДПК и ПСК), осуществляющих контроль над силами безопасности, экономикой и наделенных пра-

вом назначения на руководящие должности[12], то есть партий, которые монополизировали важные сферы общественно-политической жизни Курдистанского региона Ирака. В основе их сотрудничества находится многолетняя борьба против деспотического режима С. Хусейна и за национальные права курдов.

В период формирования нового парламента Ирака движение «Горан» присоединилось к ККБ.

Ситуация в Иракском Курдистане

Несмотря на существующие межпартийные расхождения и политическое маневрирование различных политических сил, Региональный парламент Курдистана является эффективным органом регионального управления. Так, когда в 2009 г. проходили выборы в парламент Курдистанского региона, оппозиция раскачивала ситуацию, но Курдскому блоку (ДПК и ПСК) удалось избежать волнений и сохранить стабильность в регионе.

В сравнении с другими регионами страны в Курдистанском регионе местные власти обеспечивают население элементарными благами – водой, электричеством и т.п. В то время как Багдад, например, испытывает серьезные лишения в снабжении электричеством, Эрбиль на 20 часов в сутки гарантированно обеспечивает население светом. И эти отключения будут ликвидированы по мере вступления в эксплуатацию в 2011 г. новых электростанций. Эти предприятия создаются в рамках инвестиционных программ и инициатив, которые привлекают иностранных инвесторов для строительства электрогенераторов и других установок, приобретая тем самым преимущества в разработках в сфере добычи нефти и газа. Запасы нефти в Иракском Курдистане, по некоторым данным, оцениваются в 45 млрд. баррелей, а газа – в 20 триллионов куб. м[13].

В Эрбиле успешно работают представители Торговой палаты Германии, которые завязывают связи с курдскими деловыми кругами и продвигают интересы немецких компаний в автономном регионе. В сфере энергетики, строительства, текстильного и фабричного производства работают итальянские, французские, австрийские, американские, российские, турецкие и другие фирмы. RWE, «Роснефть» и другие не менее значительные компании заявили о своем желании вкладывать средства в развитие этого стабильного региона. Однако первое

место в торговом и экономическом развитии Курдистанского региона занимает Турция, которая в 2011 г. предполагает вложить 10 млрд. долларов[14].

Багдад дал зеленый свет иракским курдам в развитии культурных и туристических связей. Так, Франция уже создала свой культурный центр в Эрбиле; возобновила работу немецкая школа; австрийские авиалинии осуществляют прямой рейс Вена-Эрбиль; возобновляет также рейсы и авиакомпания «Lufthansa».

Эрбиль со следующего года планирует начать продажу ценных бумаг со стартовым капиталом в 10 млн. долларов[15].

В целом инвестиционная политика Эрбиля и наличие соответствующего законодательства позволят иракским курдам существенно развить экономику своего региона и вывести его на первое место среди других субъектов аморфной иракской федерации.

Участие курдов в общеиракском политическом процессе

Поставленные курдами задачи требуют сохранения политической стабильности не только Иракского Курдистана, но и всей страны. Поэтому их лидеры прилагали немалые усилия для ускорения формирования нового иракского правительства. Они старались отмежеваться от споров вокруг проблемы и прилагали усилия для ее мирного политического решения. Определенные сдвиги в этом направлении стали наблюдаться после того, как Н. аль-Малики, возглавивший альянс «Государство закона», объединившийся с шиитскими группировками, участвовавшими в парламентских выборах, начал переговоры с курдами. Н. аль-Малики официально ответил на требования из 19 пунктов Коалиционного Курдского блока (ККБ), рассматриваемого Эрбилем в качестве основы для формирования правительства. Он согласился со многими предложениями М. Барзани в специально направленном на его имя письме. Аль-Малики посчитал необходимым уточнить основательность ультимативного тона курдских политических партий и их угрозы выйти из состава ККБ в случае отказа решить их насущные проблемы. ККБ заявил, что готов встретиться со всеми политическими блоками, включая «Аль-Иракийя», для обсуждения проблем Курдистанского региона и ускорения процесса формирования нового иракского правительства.

Заинтересованность Н. аль-Малики получить наибольшее число парламентских мест и начать процесс формирования нового правительства побуждала его идти на компромисс с курдами. Ему была важна их поддержка для получения поста премьер-министра. Взамен он обещал курдам продвинуть решение проблемы спорных территорий. Он заявил, что не будет препятствовать курдам провести референдум по проблеме Киркука. В Мосуле, Киркуке и Диале Н. аль-Малики якобы сказал, что готов реализовать положение ст.140 иракской конституции о проведении референдума для решения судьбы нефтеносного района Киркука, который стремится присоединить к своей территории Курдистанский регион[16].

Стараясь решить важную для себя проблему и ускорить процесс формирования иракского правительства, курдское руководство, в частности, поддержало право Национальной коалиции на формирование нового правительства. В связи с этим курдская парламентская группа в составе 57 человек поддержала статус Н. аль-Малики как действующего премьер-министра и кандидата на пост премьер-министра от Национальной коалиции. В течение 4 месяцев курдские депутаты ждали «официального» ответа политических блоков на их требования, известные как «доклад из 19 пунктов». Та из партий Национальной коалиции, которая гарантирует курдам выполнение большинства их требований, заручится поддержкой ККБ в формировании коалиционного правительства. Но первым на них ответил блок Н. аль-Малики «Государство закона»[17].

Вместе с тем курды активно участвовали в обсуждении кандидатов на ключевые посты в новом правительстве. Решение этой проблемы требовало консенсуса всех политических блоков. М. Барзани в связи с этим стал инициатором создания комитета из 8–12 представителей от всех политических блоков для начала переговоров по составу правительства, в котором должны представительствовать все политические силы страны. С этим предложением М. Барзани согласился блок «аль-Иракийя»[18].

Н. аль-Малики был склонен сформировать такую комиссию. Однако некоторые зарубежные аналитики считали, что подобное сотрудничество могло воспламенить суннитских арабов провинций Ниневия, Киркук и Диала, отказывавшихся уступить богатую нефтью территорию курдам.

Было важно, чтобы формирование нового кабинета проходило без эксцессов и не вызвало бы политической нестабиль-

ности. В связи с этим американцы, в частности, опасались того, чтобы какой-либо неверный шаг курдского руководства не стал причиной развязывания гражданской войны в стране[19]. Поэтому вице-президент США Дж. Байден по сути выступал как политический советник курдского руководства.

Позиция Вашингтона в отношении иракских курдов

Во время одного из своих визитов в Иракский Курдистан Дж. Байден посоветовал курдскому руководителю отказаться от борьбы за сохранение поста президента Ирака, который занимал Дж. Талабани, лидер второй по значимости в Курдистанском регионе партии (ПСК). Белый дом рассчитывал передать этот пост представителю одной из выигравших арабских фракций И. Аллауи («аль-Иракийя») или Н. аль-Малики («Государство закона»), которые уже более полугода соперничали друг с другом и боролись за доминирование в политике Ирака.

Сам Дж. Талабани придерживался того мнения, что вопрос о должности президента следовало решать через переговоры[20]. В то же время один из членов ККБ М.Осман сказал, что курды могли бы уступить пост президента, если будет гарантировано выполнение ст.140 иракской конституции.

Передача поста президента представителю арабских фракций являлась одним из пунктов обширной программы Дж. Байдена, предложенной иракским политикам. В ней намечалось передать курдам пост руководителя органа национальной безопасности.

Представляется, что в период вывода американских войск из Ирака курды рассматриваются Вашингтоном в качестве одной из политических сил, на которую они будут оказывать давление с целью наиболее полной реализации своих интересов.

«Интересы курдов не являются приоритетными для США, – сказал С. Вулф, профессор Отделения безопасности Бирмингемского университета (Великобритания), – США хотят стабильности в Ираке и хотят уйти как можно быстрее, чтобы не ввергнуть страну в возможное развязывание гражданской войны сразу после их ухода»[21]. Чтобы безболезненно вывести американские войска из Ирака до конца 2011 года, требуется как можно быстрее сформировать иракское правительство, поскольку промедление чревато нестабильностью в Ираке.

Назначением курда на пост министра Национальной безопасности Вашингтон предполагал нейтрализовать вражду между арабами-суннитами и арабами-шиитами, а также другими политическими силами, тоже поддерживаемыми извне.

Существовали и другие предложения ключевых постов для курдов. Так, например, важной позицией представлялась должность спикера иракского парламента, которую мог занять курд. Поддерживая эту точку зрения, Д.П. Сервер, вице-президент американского Института мира, в то же время подчеркивал, что курды, безусловно, являясь друзьями Соединенных Штатов, должны отстаивать свои собственные интересы и зависеть от США как можно меньше[22].

Белый дом поощрял активность иракских курдов в процессе формирования нового правительства. Так, Дж. Байден призвал М. Барзани продолжать принятый им курс в этом направлении. Он одобрил позицию руководства Курдистанского региона по вопросу участия всех коалиционных сил, участвовавших в выборах, в составе правительства. Дж. Байден отметил, что хотя Соединенные Штаты якобы и не выражают предпочтения тем или иным кандидатам, Вашингтон настаивает, чтобы М. Барзани содействовал формированию законного правительства, способного реализовать насущные запросы иракского народа[23].

Таким образом, США использовали курдов для реализации своей заинтересованности в создании нового дееспособного правительства в Ираке. Между тем в зарубежных политологических кругах высказывались различные точки зрения на отношение США к иракским курдам.

Некоторые аналитики считали, что после вступления Б. Обамы на должность президента США Вашингтон «повернулся к ним спиной» ради осуществления своих интересов в стране, якобы оказывая на них давление из-за своей неспособности обуздать суннито-шиитские противоречия. Но это не то, что курды ожидали от американцев[24]. Такой точки зрения придерживается, в частности, проф. С. Зюнс из университета Сан-Франциско, подчеркивавший, «что будет с курдами на втором месте у американских чиновников». Он полагает, что предложение курдам занять пост главы национальной безопасности Ирака обусловлено тем, чтобы быть уверенными, что важный государственный пост займет неараб, который получит промежуточную позицию между враждующими суннитами и

шиитами и который не будет зависеть от влияния ни со стороны Ирана, ни со стороны арабских стран.

Другие американские политологи придерживались, однако, иного мнения. Так, проф. Р. Олсон из американского университета Кентукки сомневался в том, что предложения Дж. Байдена смогут продвинуть политический процесс в Ираке. При этом он считал, что их реализация не пойдет на пользу курдам и не сможет усилить власть Регионального парламента Курдистана. Олсон сказал: «То, что президентом Ирака является курд, весьма важно для курдов. Конечно, пост главы национальной безопасности жизненно важен. Но сила этой позиции может быть ослаблена, и тогда курды не будут иметь в Багдаде прочных позиций». Олсону представлялось, что США хотят для своей собственной «иракской» политики ослабить сильную и значимую позицию, которой курды обладали в Багдаде[25].

Разброд мнений зарубежных политологов не влиял, однако, на убеждение М. Барзани, верящего в то, что США не лишат курдов своей опеки. Он называет Соединенные Штаты «освободителем» иракского народа от деспотического режима С. Хусейна. В одном из своих интервью Масуд Барзани заявил, что президент Обама и вице-президент Дж. Байден заверили его в том, что Вашингтон не оставит иракских курдов в случае ухудшения внутриполитической ситуации в стране и возникновения угрозы Курдистанскому региону. Американские высокопоставленные лица аргументировали это тем, что Соединенные Штаты надолго останутся в Ираке, поэтому ситуация в этой стране весьма важна для них[26].

Первые итоги борьбы курдов в начале выхода из кризиса власти

Процесс длительных переговоров и консультаций привел, наконец, соперничавшие политические фракции к консенсусу. В результате курды сохранили пост президента. За Дж. Талабани отдали свои голоса 195 депутатов. При этом президент лишился некоторых своих полномочий. Во-первых, был расформирован Президентский совет. Во-вторых, президент не имеет права вето в отношении принятия законопроектов. Новый парламент отныне сможет принимать законопроекты простым большинством голосов, кроме изменений в конституции,

для чего требуется проведение референдума. В этом случае курды рассчитывают на то, что они смогут заблокировать любое из не удовлетворяющих их изменений, поскольку они составляют большинство в трех провинциях страны.

Вместе с тем продолжатся переговоры о распределении других ключевых постов.

Свое удовлетворение деятельностью М. Барзани в переговорном процессе с фракциями уже выразила Турция. А вот движение «Горан» выступило с заявлением о своем выходе из состава ККБ. В начале ноября движение заявило об этом, выразив недовольство действиями представителей ДПК и ПСК в процессе формирования нового правительства, поскольку они обусловливались интересами этих партий.

Некоторые курдские аналитики негативно восприняли этот шаг «Горан», поскольку выход его из Курдской коалиции не только ослабляет этот блок, но и, по их мнению, изолирует «Горан» от народа. Они полагают, что изменение направления курдской политики в Иракском Курдистане не является делом одного дня. А решение о выходе «Горан» из ККБ продиктовано злобой и ненавистью к ДПК и ПСК. Этот жест движения партия и союз не расценивают как победу «Горан» и призывают его к прагматизму и учету конкретной ситуации в Курдистанском регионе[27].

Таким образом, политическая активность и осторожность руководства Курдистанского региона в процессе формирования нового иракского парламента позволила курдам сохранить за собой пост президента, который отныне будет иметь более представительский характер. Им не удалось добиться и важного поста спикера, отданного представителю фракции «аль-Иракийя». Результатом ослабления курдской фракции в Багдаде уже стал выход «Горан» из ККБ, который расценивается как недовольство политикой Эрбиля в переговорном процессе. В дальнейшем можно ожидать усиления политической борьбы в Курдистанском регионе между правящей коалицией (ДПК и ПСК) и движением «Горан», в особенности, если ККБ не удастся добиться у Н. аль-Малики обещанного им решения проблемы спорных территорий.

---

[1] Подробнее см.: Жигалина О.И. Движение Горан (Перемены) Курдистанского региона Ирака. – iimes.ru, 22.03.2010.

[2] Mufid Abdulla. The change “Goran” between Political Parties&Movements – Part 1. – http://www.kurdishaspect.com/doc121209MA.html
[3] Naushrvan Mustafa: His impact on the contemporary Kurdish politics. – http://www.kurdmedia.com/article.aspx?id=16225
[4] Подробнее см.: Жигалина О.И. Предвыборная кампания в Иракском Курдистане. 17.07.09. – iimes.ru
[5] Gorran Leaders need a coherent vision for the future of the Goran Movement. – Kurdisaspect.com 05.08.2010.
[6] The Prospect of democracy in the South Kurdistan. – Kurdmedia.com 25.05.2010.
[7] Там же.
[8] Gorran Party’s withdrawal from Kurdistani Coalition: victory or defeat? – http://www.kurdmedia.com/article.aspx?id=16532
[9] As N.Mustafa dithes, Gorran supporters should not lose hope. – Kurdmedia.com 16.09.2010.
[10] Gorran movement :ready to expand while confidence kicks in. – http://www.kurdmedia.com/article.aspx?id=16364
[11] Kurdistan and Democracy in the Middle East. – Kurdmedia.com 09.06.2010.
[12] http://www.kurdisaspect.com/doc072909SD.html
[13] Erbil shows Bagdad path out of political impasse. – kurdishmedia.com 26.09.2010.
[14] Там же.
[15] Там же.
[16] Al-Maliki promises Sunni Figures he wouldn’t concede to Kurds on Kirkuk Referendum. – peyamner.com 07.10.2010.
[17] Al-Maliki’s agrees to most of the Kurds’ demands. – http://www.peyamner.com 09.10.2010.
[18] Al-Iraqiya welcomes Barzani’s initiative. – http://www.peyamner.com 09.10.2010.
[19] Kurds: deal closer on settling Iraq political limbo. – peyamner.com 09.10.2010.
[20] Experts warn US is turning its Back on Kurds. – peyamner.com 10.10.2010.
[21] Там же.
[22] Там же.
[23] http://www.institutkurde.org 08.10.2010.
[24] Expert warn US…
[25] Там же.
[26] Obama ensures not to leave us, Barzani says. – http://www.peyamner.com 06.10.2010.
[27] Gorran Party’s withdrawal from Kurdistani Coalition: Victory or defeat? – http://www.kurdmedia.com/article.aspx?id=16532

И.В.Жмуйда, М.Ю.Морозова

НАВОДНЕНИЕ ИЮЛЯ – АВГУСТА 2010 г. КАК ФАКТОР УХУДШЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПАКИСТАНА

По прогнозам экономистов, мировое население, возможно, возрастет на одну треть с 2009 г. по 2050 г., увеличившись на 2,3 млрд. чел. Это – замедление темпов по сравнению с предыдущими четырьмя десятилетиями, когда рост составил 3,3 млрд. чел., или 90%. Процесс шел в основном за счет развивающихся стран. При этом урбанизация будет развиваться быстрыми темпами и к 2050 г. городское население составит 70% всего населения мира (ныне – 49%), а доля сельского населения будет сокращаться. Несмотря на предполагаемое увеличение темпов роста экономики в развивающихся странах, проблема нехватки здесь продовольствия и недоедания будет ощущаться во многих районах мира. Спрос на зерновые как для населения, так и в качестве кормов должен достигнуть к 2050 г. 3 млрд. т, против 2,1 млрд. в 2009 г. Мировое население, которое к 2050 г., возможно, достигнет 9,1 млрд. чел., вызовет рост спроса на продовольствие как таковое на 70% за 2005/07 – 2050 гг., в частности, крупяных культур – на 1 млрд. т, мяса – на 200 млн. т, 72% которого должно быть потреблено в развивающихся странах.

За счет чего может произойти возможный рост урожаев зерновых (на 80% в развивающихся странах)? Главным образом – за счет повышения урожайности и роста интенсификации использования земельного фонда. Площадь пахотных земель должна возрасти на 70 млн. га (менее 5%), при этом в развивающихся странах этот показатель должен увеличиться на 120 млн. га, а в развитых сократиться на 50 млн. га (или на 8%). В связи с медленным ростом эффективности использования водных ресурсов и сокращением площадей под рисом, темпы роста ирригации могут оказаться замедленными – 11% к 2050 г.[1]

Для определения реального положения места той или иной страны имеется Индекс риска продовольственной безопасности для 148 стран. Пакистан занимает в нем 11 место, как подверженный «экстремальному риску», Бангладеш и Индия, соответственно, занимают 20 и 25 места.

Согласно подсчетам Всемирного Банка, дефицит продовольствия 2007–2008 гг. вверг еще 100 млн. чел. в глубокую нищету, дополнительно к тому, что 1 млрд. жителей земли уже живет на 1 долл. в день. Пакистан относится к категории «Д» в мировой классификации недоедания после Бангладеш и Непала – это серьезный повод уделить больше внимания программам защиты от голода. «Продовольственная безопасность страны ухудшилась из-за возросших цен на питание, стагнации доходов и растущей безработицы», – говорится в докладе «Помощь действием», опубликованном к Всемирному дню продовольствия[2].

В докладе ФАО говорится, что эта Организация оказала через Европейский Союз помощь до 2008 г. четырем провинциям Пакистана в размере 4,5 млрд. рупий, чтобы сократить рост цен на продовольствие. Из-за удорожания продуктов питания число голодающих увеличилось на 10 млн. чел. – до 70 млн., в то время как в 2004–2006 гг. их было 36 млн.[3]

Сельское хозяйство – ключевая отрасль экономики Пакистна. В нем прямо или косвенно занято 80% населения, 73% поступлений в иностранной валюте формируется за счет экспорта сельхозпродукции и промышленных товаров, связанных с аграрным сектором. Его развитие за годы независимости проходило различные этапы, отражавшие отношение к нему государства. Российские востоковеды выделяют три основных периода в развитии аграрного сектора: доколониальный (примерно до середины XIX в.), британское господство (вплоть до августа 1947 г.) и этап независимого государства. По их мнению, наиболее радикальные преобразования земельных отношений провели англичане в 60–70-е годы XIX в.[4]

За шесть десятилетий независимого развития не удалось резко повысить эффективность воспроизводственных механизмов в сельском хозяйстве. И хотя ряд отраслей его развивались, особенно в связи с «зеленой революцией», сравнение с соседними странами, такими как Индия и Китай, указывает на замедленные темпы роста. Если к моменту получения независимости доля сельского хозяйства не превышала 20% ВВП, то ныне – не более 14%.

2009–10 ф. г. оказался неблагоприятным для сельского хозяйства. Темпы роста составили 2% против 3,8% в предыдущем году. Главной причиной этого был значительный дефицит осадков и воды для ирригации. Причем, если в сезон «хариф» воды, необходимой для выращивания таких культур как рис, сахарный тростник и хлопок, было достаточно, то в сезон «раби» (главным образом, для пшеницы) ее оказалось на треть меньше, чем требовалось. Положение было усугублено тем, что на сокращение товарности сельхозпродукции в последние годы влияли различные факторы, в частности, низкая активность рынка сельскохозяйственных продуктов и рыночных отношений. Данные говорят, что основные культуры обеспечивали 32,8% добавленной стоимости в сельском хозяйстве, но потеряли в темпах роста 0,2% против роста на 7,3% в предыдущем году. А производство менее значимых культур, дающих 11,1% добавленной стоимости, сократилось на 1,2%.

В докладе Азиатского банка развития указывается, что в Пакистане главной причиной падения урожайности стал реальный дефицит воды, в связи с чем необходимо обратить особое внимание на сооружение водохранилищ и оптимизацию использования водных ресурсов. Только за 2008–09 ф. г. запасы речной воды сократились на 21%, а накопления ее у дамб на 34% – и все это из-за сокращения муссонных осадков на 30% и постоянных в этот период суховеев.[5]

Пакистан располагает самой крупной в мире ирригационной системой – к орошаемым относится более 80% сельскохозяйственных угодий. Тем не менее количество поливной воды в расчете на душу населения сократилось с 5 тыс. куб. м в 1947 г. до 1,2 тыс. в 2005 г. и рискует опуститься ниже критического порога в 1 тыс. куб. м, в то время как население выросло более чем в четыре раза: с 36 до 158 млн. чел. Основной водный источник, помимо подземных линз, которые также истощаются в результате интенсивного использования, это вода р. Инд и его притоков – в Пакистане до 70% речного стока идет на орошение земель. Инд и большинство его притоков берут начало в горах Кашмира, на который претендуют как Пакистан, так и Индия.

Еще в 1960 г. при посредничестве Всемирного банка Дели и Исламабад подписали договор о разделе водных ресурсов Инда. По этому договору Индия получила право распоряжаться водой трех восточных притоков Инда – Сатледжа, Рави и Биа-

са, а Пакистан – на воду Инда и его притоков Джелама и Чинаба. В настоящее время договор оказался под угрозой, поскольку воды крайне не хватает для обеих стран, население которых выросло с 1960 г. в 3–3,5 раза.

Из-за нехватки воды для полива Пакистан уже в 2009–10 ф. г. по существу столкнулся с социально-экологической катастрофой. Во избежание подобного кризиса необходимо не допустить дефицита воды для полива – такая задача может быть решена путем увеличения забора воды из Чинаба. Но в его стоке заинтересована и Индия, где из-за водного конфликта в последнее время обострились отношения между штатами Пенджаб и Хариана. Индия планирует построить две плотины (в том числе крупный гидроэнергетический комплекс Баглихар) на Чинабе в штате Джамму и Кашмир. Пакистан вступил с ней в переговоры и неоднократно обращался в международные юридические органы с просьбой не допустить строительства. Спор из-за воды способен осложнить урегулирование кашмирской проблемы. А решить его можно, очевидно, лишь путем согласованных действий как Индии и Пакистана, так и мирового сообщества[6].

Как отмечалось на предшествующем Канкунской конференции по изменению климата семинаре по проблемам экологии, Пакистан является худшей жертвой меняющегося климата. Это показали катастрофические события 2010 г.: подвижки ледника в Хунзи, вызвавшие сходы лавин, оползни, последовавшая затем засуха, а позже – небывалое наводнение.

Экологические проблемы Пакистана отчетливо отражаются на всем развитии, но особенно на крупных городах и сельском хозяйстве. Важными причинами являются неправильная распашка склонов и интенсивное применение удобрений, которые приводят к развитию эрозии и засолению посевных площадей. В то же время чрезмерный выпас скота и уничтожение естетвенного покрова (на корм скота и домашнее топливо) вызывают, наряду с развитием овражно-балочной сети, сильную ветровую эрозию. В районах с более засушливым климатом, приравниваемых к пустыням и полупустыням, возникают проблемы перемещения песчаных дюн, распространения солончаков. Последние тенденции резко усилились в конце 90-х годов в связи с потеплением климата в глобальном масштабе, равно как и с длительной засухой на региональном уровне.

Распространившаяся в последние годы засуха (причем не только в Пакистане, но и во всех сопредельных странах – Индии, Иране, Афганистане), по-видимому, лишь усилила процессы почвенной деградации и превратила многие из них в необратимые. Первопричиной подобного экологического бедствия стало нерациональное, по сути чрезмерное, применение химических удобрений и ядохимикатов.

Известно, что уничтожение лесов, особенно в верховьях рек, как это происходило и происходит в Пакистане, также чревато негативными последствиями для экологического баланса страны и служит осложняющим фактором.

К основным причинам сильной загрязненности водных ресурсов относится низкая эффективность всей системы водного хозяйства, охватывающего как ирригационные сети, так и городскую инфраструктуру. Исследования последних лет показали, что по таким параметрам, как показатель pH, количество растворенного кислорода, речная вода полностью безопасна и для орошения, и для питья, однако по такому показателю, как количество взвешенных частиц, она полностью непригодна для питьевых нужд.

Исследования Синдского агентства охраны окружающей среды, показало, что основными источниками промышленного загрязнения водных ресурсов в растущей степени являются химическая и текстильная промышленности, а также производство сахара, удобрений и растительного масла[7].

В сельской местности, в отличие от городской среды, процесс загрязнения водных ресурсов уже не может быть решен с помощью строительства очистных сооружений, поскольку достиг стадии необратимости. Стекающая с орошаемых полей вода поступает не только в речные русла, но просачивается и в грунтовые слои. В результате с каждым годом все больше новых территорий в сельской местности начинают испытывать дефицит водных ресурсов (не столько в количественном отношении, сколько в качественном). Положение достигло критического уровня в деревнях, которые расположены в непосредственной близости от крупных городских агломераций (например, Карачи), где колодцы загрязняются не только смываемыми с полей химикатами, но и городскими промышленными и бытовыми сточными водами.

В целом нерациональное использование ирригационной системы, выпас скота и хозяйственная деятельность в целом

ведут к деградации почвенного покрова, повреждению гумуса и потерям урожая. Игнорирование указанных проблем привело к обострению бюджетного дефицита, который увеличивается на 50–80 млрд. рупий ежегодно[8].

Это далеко не все причины, влияющие на состояние экосферы, жизнедеятельность человеческого капитала и сельскохозяйственное производство.

Переориентация политики во многих развивающихся странах, в том числе и Пакистане, с сельского хозяйства на другие секторы экономики особенно остро ощущается в последние годы. Так, в Пакистане доля аграрного сектора в ВВП сократилась с 22,6% в 1995 г. до 19,9% в 2006 г. (в Индии за этот же период с 24,8% до 16,7%). Ухудшение положения крестьянского населения привело к его миграции в города, что ухудшает продовольственную ситуацию. Пакистан в 2004–05 ф. г. удвоил импорт пшеницы. В стране периодически возникают кризисы, связанные с нехваткой пшеницы, риса, сахара, лука и многих других продовольственных товаров. Нынешний мировой продовольственный кризис усугубляет положение в Пакистане и, как следствие, влияет на распространение бедности, особенно среди неимущих слоев населения. Об этом свидетельствуют следующие данные: из 53 наиболее важных товаров 25 отмечены наибольшим ростом цен; среди них рис, сахар, жмыхи, бананы, мясо и т.д. Цены на девять наименований продуктов (главным образом сезонных) за 2007–08 ф. г. несколько снизились. Но для тех, кто получает до 3 тыс. рупий в месяц, они увеличились почти на 31%, для получающих от 3 тыс. до 5 тыс. рупий – на 29,2%, получающих 5 тыс. – 12 тыс. – на 26,86% и 12 тыс. и выше – на 23,17%[9].

Пшеница – главный пищевой продукт населения, обеспечивающий 14,4% добавочной стоимости сельского производства и 3,1% ВВП. В 2009–10 г. под нее были отведены 9 млн. га и произведено 25 млн. т. Нехватка воды и естественных осадков в посевной период привела к сокращению площадей под этой культурой и сборов (24 млн. т – на 0,7% меньше по сравнению с предшествующим годом)[10].

Цены на пшеницу и муку растут с угрожающей быстротой, причем они варьируются от провинции к провинции и внутри них. В 2007–08 ф.г. правительство обнадеживало жителей, что цена на 20-килограммовый мешок муки не вырастет на 375 рупий, и решило поэтому импортировать 2,5 млн т пшеницы, за-

претив при этом экспорт. Особое внимание было уделено поставкам пшеницы в СЗПП и Белуджистан, где ощущалась ее наиболее острая нехватка. Вместе с тем, впервые частному сектору был разрешен импорт зерна. Правительство решило создать стратегические запасы пшеницы и риса, чтобы стабилизировать цены не только до конца 2007–08 г., но и в 2008–09 г. Нехватка пшеницы привела к тому, что ряд предприятий в Карачи (70 фабрик и 90 мелких предприятий), в Равалпинди, Исламабаде и многих других городах были закрыты[11].

При, казалось бы, существенной нехватке зерна в стране есть не только ее запасы, но даже излишки. Об этом свидетельствуют данные ООН, Мировой продовольственной программы и других международных организаций. Они относят Пакистан к числу стран, которые, имея запасы зерна, отказываются продавать их соседям, в частности, Афганистану, что ведет к контрабанде муки и зерна в эту страну, а также в Индию и Иран. Контрабандисты искусственно создают спрос на продукцию мукомольных фабрик в районе Пешавара и в Панджабе, поскольку ежедневно контрабандно до 5 тыс. 20-килограммовых мешков муки пересекают на грузовиках границу Афганистана.

Подпольные торговцы мукой зарабатывают с каждого мешка муки до 80–100 рупий, продавая его за 1,2 тыс. рупий в Афганистане и закупая в пограничном местечке Торкхам за 1020 рупий и меньше. Детальное изучение расходов мукомольных фабрик на производство, продажную цену и т.д. показывает, что от кризиса оказываются в выигрыше именно владельцы мукомольных фабрик, которые играют на ценах, получая 16% прибыли и доводя стоимость 1 кг белой муки до 30 рупий. В целом же прибыли спекулянтов достигли более 200%.

ООН предупреждает пакистанские власти о необходимости пресекать монополизм оптовых торговцев и крупных бизнесменов, которые контролируют поставки, цены и деятельность фермеров на рынках, а также фальсифицируют продукты.

Чтобы упорядочить торговлю, цены, запасы и перевозку зерна и муки в стране, власти Пакистана решили платить до 10% стоимости продукции на нелегальных складах и в запасниках информаторам, чтобы препятствовать автоконтрабанде и нелегальным перевозкам внутри страны и осуществлять траспортировку муки и зерна по железным дорогам.

В мае 2008 г. в ответ на критику ООН премьер-министр С. Гилани, в качестве жеста доброй воли, разрешил экспорт

50 тыс. т пшеницы в Афганистан. «Мы постоим за наших афганских братьев и сестер в их трудный час», – заявил он[12].

Второй по важности после пшеницы продовольственной культурой является рис. Он также вторая по значимости экспортная культура после текстиля. Мировой продовольственный кризис также затронул цены на рис.

Ежегодно Пакистан производит более 5 млн. т риса и потребляет 2,5 млн. т. Несмотря на излишки в размере 2,5 млн. т, цены на него растут, и правительству пришлось установить минимальные экспортные цены, однако цены внутри страны достигли своего пика.

Утаивание и контрабанда риса являются основными причинами, не позволяющими опустить цены. Часть экспертов считает, что правительство должно периодически запрещать экспорт риса на 15–30 дней, что поможет снизить цены. Другие же полагают, что запрет на экспорт приведет к росту контрабанды и сокращению валютных поступлений.[13]

Серьезный кризис разразился в Пакистане с одной из самых важных культур – сахарным тростником, доля которого в добавленной стоимости составляет 3,6%, а в ВВП – 0,8%. В 2009–10 г. сборы тростника сократились до 49,4 млн. т против 50 млн. в предыдущем году, или упали на 1,3%. Основными причинами спада явились ограничение площадей под культурой, нехватка воды для орошения и электроэнергии, падение цен на тростник и рост цен на компоненты производства (инвентарь, удобрения и т.д.). Кризис в сахарной отрасли продолжается вот уже больше года. В октябре 2009 г. Торговая корпорация Пакистана должна была получить 200 тыс. т сахара, а получила только 83,3 тыс. т. Постоянный комитет обвинил Торговую корпорацию в обострении сахарного кризиса из-за проволочек с импортом, что вызвало нехватку сахара для населения и крупные потери для государства.

Среди других культур следует выделить рапс, сборы которых в 2009–10 г. выросли на 7,4%, а бобовых существенно сократились: с 7,4 млн. т до 5,7 млн., или на 23%. Снизились также урожаи таких культур как джовар, ячмень, кукуруза, баджра и табак – соответственно на 6,7, 4,9, 3,0, 1,0 и 1,0%.

Что касается масличных и производства масел, то местное производство составляет 24%, а 76% импортируется[14].

По производству молочной продукции Пакистан, согласно официальным данным, занимает 4 место в мире. В 2009–10 г.

в стране 8 млн. фермерских хозяйств произвели 36,2 млн. кг молочных продуктов. По стоимости (177 млрд. рупий) это самая дорогостоящая статья агросектора. «И несмотря на проводимую государством политику поддержки государственно-частного предпринимательства в молочной промышленности и ежегодный прирост в 5%, спрос на ее продукцию растет на 16% в год».[15] В результате в стране ощущается ее нехватка. Причин этому несколько: болезни животных, которые часто заносятся и из Индии, и из Афганистана, вблизи границ с которыми пасутся стада; нехватка породистых коров, потери от ненадлежащего содержания животных и т.д. В результате чего надои, например, в сравнении с Новой Зеландией меньше в 3 раза и в 7 раз по сравнению с США[16].

По данным министра торговли Пакистана, за 2007–2009 гг. стоимость продовольствия, вывезенного из страны, составила 5855,9 млн. долл. Экспорт включал рис (при этом экспорт риса «басмати» сократился на 21,65%[17]), рыбу и рыбопродукты, фрукты, овощи, пшеницу, специи, семена масличных, орехи, сахар, мясо и мясопродукты и другую продукцию.

Согласно данным Федерального Бюро статистики, в экспорте продовольственных товаров наибольший удельный вес в 2009–10 г. имели овощные культуры: рост составил 65%, в стоимостном выражении 110 млн. долл. (в 2008–09 г. – 67 млн. долл.). Затем следовал экспорт фруктов – 224 млн. долл. против 142 млн. в предшествующем году (рост на 57%). Параллельно с ростом экспорта табака (17%), мяса и мясопродуктов (39%), имело место резкое падение вывоза кормов – на 90%, пшеницы – на 98%, сахара – на 100%, на 36% сократился экспорт всех прочих культур.

Еще в январе 2010 г. проблема продовольственного обеспечения не вызывала опасений у правящих кругов Пакисана, которые оценивали излишки продовольствия в 8 млн. т для местного потребления, что позволяло не беспокоиться об их нехватке, по крайней мере, еще в течение двух лет. Глава сельскохозяйственного департамента на семинаре в Институте стабильного развития политики в январе 2010 г., заявил, что запасы продовольствия в 36 млн. т, из которых 24 млн. т пшеницы, 7 млн. т риса, 3 млн. т кукурузы и других менее значимых культур, окажутся достаточными для внутреннего потребления. Однако, из-за высоких цен на продовольствие в регионе, особенно в соседних странах, куда контрабандой вывозятся эти

товары, в Пакистане возникла серьезная проблема в связи с ростом цен[18].

Нет сомнения в том, что рост мировых цен на продовольствие в значительной степени увязан с ростом цен на нефть и нефтепродукты, а также с тем, что урожаи кукурузы и некоторых других видов продовольственных культур направляются на производство биотоплива и изымаются из оборота. Пакистан – импортер как нефти, так и продуктов питания, на которые были израсходованы соответственно 7 и 3 млрд. долл. в 2008–09 г. Второй причиной в этом же контексте за последние три года стал рост дефицита текущих расходов, что обусловило возросшую зависимость от внешних источников снабжения. Это отразилось на динамике торговых операций и сделок с продовольствием в период 2007–2010 гг.

	2006–07	**2007–08**	**2008–09**	**2009–10**
1. Импорт продовольствия, млрд долл.	2,7	4,2	3,5	3,5
2. Экспорт продовольствия, млрд долл.	2,0	2,8	8,0	3,2
3. Дефицит баланса продовольствия, млрд долл.	0,7	1,4	1,1	0,3
4. Общий дефицит, млрд долл.	13,5	20,9	17,1	15,9
3 : 4, %%	5,3	6,6	6,6	1,9

Подсчитано по: Pakistan Economic Survey 2009–10, Islamabad, 2010, pp. 88–89.

Наводнение, поразившее страны в июле-августе 2010 г., имело катастрофические последствия и крайне негативно отразилось на продовольственной ситуации в Пакистане, резко нарушив функционирование всего аграрного воспроизводственного комплекса в стране.

По прошествии четырех месяцев с начала катастрофического наводнения можно подвести некоторые его последствия. Согласно Пакистанской Организации по управлению природными катастрофами, от наводнения пострадали 18–20 млн. чел.,

4,6 млн. оказались бездомными, были разрушены 980 тыс. домов, количество жертв превысило 2 тыс. чел.[19]

Общий фактический ущерб от наводнения составил, по заявлению федерального министра финансов, 10 млрд. долл. Он заявил, что восстановление экономики – самый большой вызов стране, и «народ должен проглотить эту горькую пилюлю в интересах нации».[20] Ущерб, который причинен стране, проанализировал С.Н. Каменев, указавший, что по своим масштабам он может быть приравнен к национальной катастрофе.[21]

Восстановление аграрного сектора является насущной задачей в силу того, что необходимо восстановить урон от наводнения и предотвратить продовольственный дефицит и создать материальные и технические условия для грядущего роста. По данным ФАО, около 3,2 млн. га посевных культур были уничтожены наводнением, а из 20 млн. чел., пострадавших от него, 80% были заняты под сельским хозяйством. Более того, сотни тысяч голов скота, оказавшегося в зонах затопления, оказались под угрозой гибели. Около 200 тыс. голов скота погибли только в Синде и столько же в Панджабе. Для восстановления сельского хозяйства, по оценкам правительства, потребуется 450–500 млрд. рупий ежегодно в течение ближайших трех лет. Также потребуются большие усилия для обучения фермеров и крестьян современным технологиям, неменьшие средства – на восстановление ирригационной сети и финансирование текущих расходов на приобретение семян, дизельного топлива, удобрений и т.п.[22]

Нехватка продовольствия и сельхозпродуктов из-за наводнения крайне остро отразилась на соотношении спроса и предложения. Опасения, что дисбаланс еще больше усилится, потребовали оказания срочной помощи пострадавшим фермерам, чтобы восстановить производительность труда в аграрном секторе. По данным министерства продовольствия, государство в связи с наводнением начало распределять бесплатно семена, субсидировало цены на удобрения для урожая «раби», которые были аккумулированы из внешних источников. Правительство также повысило закупочные цены на пшеницу с 950 до 1 тыс. рупий за 40 кг и готово начать ее экспорт после уборки нового урожая. Официальные лица и экспортеры продовольствия считают, что после спада сборов пшеницы в сентябре и октябре, с ноября начинается некоторый рост ее экспорта.

В целом же сельские товаропроизводители и официальные лица считают, что после сокращения экспорта продовольствия и роста импорта из-за наводнения, торговый дефицит в 2011 г. останется на уровне 2010 г. или будет выше. В этом они усматривают «основания для оптимизма».[23]

---

[1] Pakistan Observer. Special Report, 17.10,2009; The Nation, 17.10.2009.
[2] Dawn, 8.09.2009; The Nation, 17.10.2009.
[3] Daily Times, 11.02.2010.
[4] Подробнее см.: Земельный вопрос. М., 1999, с. 426.
[5] Dawn, 26.01.2010.
[6] Money plus, 14.06.2010; The Nation, 9.07.2010.
[7] Economic Survey 1999–2000. Government of Pakistan, Islamabad,2000, p. 232.
[8] Pakistan Observer, 5.10.2007.
[9] The Nation, 24.05.2008; Money plus, 15.12.2008.
[10] Money plus, 14.07.2010.
[11] Daily Times, 20.05.2008; The News, 20.05.2008; The Nation, 21.05.2008.
[12] The News, 23.05.2008.
[13] The News, 11.08.2008.
[14] Money plus, 14.06.2010.
[15] Pakistan Observer, 30.01.2010.
[16] Money plus, 5.02.2007; Pakistan Observer, 30.01.2010.
[17] Pakistan Observer, 20.02.2010; 4.07.2010.
[18] The News, 26.01.2010.
[19] Money plus, 27.09.2010.
[20] Pakistan Times, 5.12.2010.
[21] См.: С.Н.Каменев. Катастрофические последствия наводнения в Пакистане. – «Новое восточное обозрение» – http://www.journal-neo-com/, 20–21.11.2010.
[22] The News, 4.10.2010.
[23] Dawn, 11.10.2010.

Н.А.Замараева

ХАРАКТЕР ПАКИСТАНО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 2009–2010 гг.

Пакистано-американские отношения в этот период являлись составной частью внешней политики Исламской Республики Пакистан (ИРП). Приоритетными направлениями внешней политики в рассматриваемый период оставались прагматичные подходы Исламабада к развитию международных связей, направленные на укрепление геополитических позиций страны, продвижение национальных интересов, расширение торгово-экономических сфер сотрудничества, поиск новых рынков сбыта пакистанской продукции.

Значительное влияние во внешней политике Пакистана имели внутренние факторы, определявшие приоритетные международные контакты. Внешняя политика характеризовалась четким стремлением к сбалансированному развитию региональных и международных связей, защитой собственных интересов, сохранением и укреплением существующих позиций в системе международных взаимоотношений. С этой целью Исламабад развивал многосторонние связи по каналам международных организаций и стремился использовать одновременное пребывание в различных альянсах. Это позволяло эффективно отстаивать интересы на международной арене в Организации объединенных наций, Организации Исламская конференция, Ассоциации государств Юго-Восточной Азии, Организации экономического сотрудничества, Шанхайской организации сотрудничества и т.д.

На девятом саммите ШОС (июнь 2009 г.) Пакистан заявил, а в 2010 г. подтвердил желание сменить свой статус «страны-наблюдателя» на «постоянного члена», считая ШОС «важной платформой укрепления доверия, региональной безопасности и содействия экономическому сотрудничеству». Заметно активизировались и пакистано-российские отношения.

Параллельно укреплялись связи с международными экономическими организациями – Международным валютным фондом, Азиатским банком реконструкции и развития и др. В июне 2009 г. был восстановлен диалог с Нью-Дели после прекращения контактов на высшем уровне в ноябре 2008 г. (теракт в Мумбае, в котором индийские власти обвиняли Пакистан), и в 2010 гг. были предприняты шаги, направленные на его дальнейшее развитие.

Исламабад продолжил динамику двусторонних отношений со своими традиционными региональными партнерами – Афганистаном, Ираном, Китаем, Южной Кореей, Японией; ближневосточными государствами и Турцией, центрально-азиатскими республиками. Пакистан стремился обеспечить свою энергобезопасность, подписав Меморандумы о взаимопонимании, касающиеся транснациональных проектов, например, прокачки газа по газопроводу Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия, передачи электроэнергии по проекту CASA-1000/ Центральная Азия – Южная Азия, цель которого – передача электроэнергии из Киргизии и Таджикистана в Афганистан и Пакистан.

Развивалось и западное направление внешней политики Пакистана, в первую очередь, с США, Великобританией, Канадой, странами Евросоюза и т.д. На этом направлении Исламабад умело использовал свое ключевое значение для международной антитеррористической борьбы в соседнем Афганистане с целью получения политических и экономических дивидендов.

Ключевая роль Исламабада в антитеррористической кампании диктовала необходимость постоянного сотрудничества с руководством США и НАТО по вопросам региональной и глобальной безопасности. Исламабад признал НАТО «ключевым объединением демократических стран», которое способно решить сложные вопросы в разных частях мира.

По мере активизации Международных сил содействия безопасности (МССБ) в Афганистане, в 2007 – 2008 гг. оживились движения боевиков Талибан и Аль-Каиды в пограничных горных районах Афганистана и Пакистана. Обстановка требовала быстрых решений причем, не только военных, но и политических, в связи с чем отношения США – НАТО – Пакистан требовали более высокого уровня.

В 2009–2010 гг. пакистано-американские отношения строились по разработанному Белым домом сценарию долгосрочного поэтапного сотрудничества:

– военное сотрудничество, включая американскую военно-экономическую помощь и реализацию концепции АфПак – включение зоны пуштунских племен Пакистана, расположенных вдоль границы с Афганистаном, в антитеррористическую военную кампанию, но силами пакистанской армии;
– политическое сотрудничество в рамках Стратегического диалога в 2009 – 2010 г., что предусматривало увеличение числа американских советников и, соответственно, усиление их влияния на внешние и внутриполитические события;
– экономическое сотрудничество – предоставление США финансовой помощи в размере 7,5 млрд. долл. на пять лет, начиная с 2010 г.

От Исламабада требовалось только одно – «выдавить» боевиков Движения Талибан, воюющих против американских войск и коалиционных сил НАТО в Афганистане, со своей территории в зоне пуштунских племен, которая по утверждению США была «плацдармом террористов для нанесения ударов по силам США и НАТО в Афганистане».

Б. Обама начал активно продвигать «афгано-пакистанский вопрос», демонстрируя новые подходы при отражении вызовов современности. «Новая» стратегия борьбы с терроризмом, между тем, понятие условное, так как еще в 2002 г. экс-президент США Дж. Буш определил основные ее составляющие – «безопасность, развитие и управление».

В начале 2009 г. Программа борьбы с терроризмом действительно была «перезагружена», но с качественно измененными параметрами – объемами финансирования, резко возросшим количеством направляемых в регион войск (21 тыс. военнослужащих), постепенным выводом войск из Ирака и расширением театра военных действий в пограничных территориях как Афганистана, так и Пакистана. Отличительной чертой разработанной стратегии – расширение ее географии – Афганистан и Пакистан рассматривались «как единое целое» в антитеррористической кампании в регионе Западной Азии. Семь лет безрезультатной войны против боевиков в Афганистане заставили демократов Вашингтона пересмотреть тактику борьбы с ними. Пакистан, по их планам, должен был, со своей

стороны, блокировать маршруты перехода боевиков из Афганистана и ликвидировать их тренировочные лагеря и базы.

Одной из причин неудач в борьбе с экстремистскими группировками в Афганистане США считали открытость границы с Пакистаном, недостаточную мобилизованность пакистанской армии, неэффективность переговорного процесса с талибами и связь пакистанских армейских кругов с боевиками. Б. Обама заявил, что «новая администрация не примет поражения в региональной политике, учитывая, что безопасность США связана с безопасностью в Афганистане».

Уже в марте 2009 г. Б. Обама обнародовал новую инициативу в отношении Афганистана – региональный подход в борьбе с терроризмом и экстремизмом в регионе и увеличение численности войск.

«Региональность» стала официальной установкой действий МССБ в регионе в целом. Одной из причин эффективности Талибан и Аль-Каиды, и, соответственно, неудач военных операций МССБ, как считали в Вашингтоне, были вылазки боевиков, после которых талибы, в основном этнические пуштуны, тропами переходили через горы на пакистанскую территорию. События 09.11.2001 г. и ввод американских войск в Афганистан способствовали массовому переходу афганских талибов в предгорье Гиндукуша, зону племен Пакистана.

Именно это обстоятельство заставляло США и НАТО называть «Пакистан» «спасительными небесами для талибов». В связи с этим обстоятельством их аналитики задумались о разработке следующей стадии в борьбе с талибами – региональном подходе и использовании территории Пакистана, материализовавшейся в концепции АфПак.

Официально программа «региональности» была запущена на саммите НАТО в Бухаресте в апреле 2008 г., который выработал основные ее четыре принципа: долгосрочное обязательство, афганское руководство, совокупный подход и региональное соглашение» НАТО. Призывая все соседние с Афганистаном государства оказать помощь в «строительстве стабильного государства», альянс в первую очередь обращался к Пакистану с целью «оказания всемерной поддержки, направленной на совершенствование безопасности и стабильности на пакистано-афганской границе и развития диалога между Афганистаном и Пакистаном…»[1].

В 2008 г. утвержденный НАТО план трудно было представить реализованным – отношения между двумя странами, а

точнее, между президентом Пакистана П.Мушаррафом и президентом Афганистана Х. Карзаем были если не открыто холодными, то корректно официальными. Расхождения как раз и касались вопроса о зоне пуштунских племен Территорий федерального административного управления (ТПФУ). Официальный Исламабад категорически отвергал свою вовлеченность в афганский узел. П.Мушарраф не поддерживал тезис «региональности» – «предоставление своей земли», как трактовали его США и НАТО, что, в конечном итоге, стало одной из причин «неугодности» П.Мушаррафа для США еще в 2008 г.

С избранием 6 сентября 2008 г. нового президента ИРП Зардари открылась новая страница сотрудничества США – НАТО и Пакистана в афганском вопросе, характеризовавшаяся «расширением политического диалога, а также развитием военного сотрудничества в пограничном вопросе на пакистанской стороне границы и координации действий трех военных структур – Пакистана, США – НАТО и Афганистана.

Обе новые администрации – США и Пакистана – практически одновременно с разницей в несколько месяцев пришли к власти, а, следовательно, были поставлены перед необходимостью решения сложной, многолетней задачи – борьбы с терроризмом в регионе Западной Азии.

Но первоначально необходимо было наладить пакистано-американское сотрудничество[2]. Министр обороны США Р.Гейтс заявил, что «Вашингтон совершил ряд серьезных ошибок в своей политике по отношению к Пакистану», заявляя о готовности восстановить тесные связи Пентагона с пакистанской армией, «исходя из общих целей и взаимного уважения»[3].

Позднее, по признанию шефа Пентагона, разрыв связей между министерствами обороны Пакистана и США (после ядерных испытаний Исламабада в 1998 г.) являлся «стратегическим просчетом» в региональной политике Вашингтона, ориентировавшейся в 90-е годы XX в. на «краткосрочные политические решения…», которые объяснялись по его словам «дефицитом доверия»[4]. При этом Гейтс заявил о необходимости восстановления партнерских связей в полном масштабе по линии военных ведомств двух стран. Пакистанцы назвали это «умышленным предательством США прифронтового государства»[5].

Разногласия между Исламабадом и Вашингтоном по концепции АфПак проявились незамедлительно. США имели свое представление о координации политических и военных усилий –

практически с сентября 2008 г. резко участились бомбардировки американскими беспилотниками пограничных территорий Пакистана под предлогом борьбы с Талибан и Аль-Каидой. Пакистанская сторона высказывала серьезное беспокойство продолжавшимися случаями несанкционированного вторжения американских беспилотных средств на пакистанскую территорию и обстрелами населенных пунктов, которые приводили к многочисленным жертвам среди гражданского населения, разрушению инфраструктуры. Требования о прекращении авиаударов администрация президента Зардари остались без ответа. Росло недовольство в армейской среде, усиливались антиамериканские настроения в целом в стране, рейтинг избранного президента резко пошел вниз.

Но этот период характеризовался также «ростом приверженцев консервативного ислама среди солдат и офицеров пакистанских Вооруженных сил, которым в 2009–2010 гг. американцами ставилась задача воевать против боевиков Талибан».

27 марта 2009 г. президент США обнародовал новую стратегию в отношении Афганистана и Пакистан, основной целью которой было полное уничтожение террористических организаций Талибан и «Аль-Каида».

Объективной основой для привлечения Пакистана к активным военным действиям были: во-первых, по мнению Белого дома, низкая эффективность, Исламабада в борьбе против исламских экстремистов, которые занимали прочные позиции в отдельных пограничных с Афганистаном районах Пакистана; во-вторых, необходимость опосредованного контроля за ядерной программой Пакистана; в-третьих, необходимость бесперебойной доставки грузов для американского контингента и МССБ (около 80% необходимого продовольствия и оборудования транспортировалось в Афганистан через пакистанские порты).

Реакция на новую стратегию борьбы с терроризмом, обнародованную Б. Обамой, в самом Пакистане была неоднозначной. Правительство во главе с президентом А.Зардари первоначально приняло ее безоговорочно. Одновременно росло недовольство в армейских кругах политикой нового президента, человека чуть более года вернувшегося в страну из эмиграции, быстро взявшего власть и проводившего проамериканский курс.

Позднее «концепция региональности» подверглась резкой критике президентом А. Зардари. Он обвинял Вашингтон в том, что «ставит в один ряд Афганистан и Пакистан – два разных

государства, а применяет одни и те же подходы в борьбе против международного терроризма и установления стабильности в регионе»[6].

А.Зардари дистанцировался от Афганистана в вопросе американской политики в регионе и методов ее проведения в Пакистане. «Пакистан с ее функционирующими государственными институтами, диверсифицированной экономикой, влиятельной и мощной армией, и Афганистан – с его длящимися десятилетиями конфликтами и этническими распрями – два разных государства, – заявил он. Согласно его мнению «положить конец движению Талибан по обе стороны границы возможно лишь при согласованных военных действиях сил НАТО, воющих в афганских провинциях Гельменд и Кандагар, и пакистанской армии в Южном и Северном Вазиристане и других пуштунских землях …»[7].

Экономический кризис, разразившийся в стране еще в 2007 г., инфляция, рост безработицы породили ряд сложных социальных проблем. Одновременно формировалось широкое оппозиционное движение в лице Пакистанской мусульманской лиги (Наваза Шарифа) против правящей Пакистанской народной партии и т.д.

В целом антитеррористическая кампания, проводимая властями в зоне пуштунских племен, порождала рост симпатий к талибам в пакистанском обществе, дальнейший рост экстремистских настроений, особенно в среде учащейся молодежи медресе, и соответственно всплеск антиамериканизма.

Экстремисты отметили презентацию новой стратегии Б. Обамы серией террористических актов в Пакистане и заявили об активизации борьбы как против присутствия на «своей земле» иностранных военных специалистов, участившихся авиаударов в пограничных с Афганистаном территориях, против официальных властей государства, так и растущего присутствия американцев в соседнем Афганистане.

В первой половине 2009 г. Вашингтон организовал ряд международных форумов в Бонне, Париже, Москве, Гааге с целью обсуждения ситуации в Афганистане и оказания помощи его народу.

3–4 апреля 2009 г. в Страсбурге прошел юбилейный, 60-ый саммит НАТО, одним из ключевых вопросов которого была разработка новой региональной стратегии стран Североатлантического альянса в борьбе с терроризмом, представленным

Движением Талибан и «Аль-Каиды» в регионе Западной Азии, проработка новых маршрутов транспортировки военных и гражданских грузов для военных контингентов стран НАТО, расквартированных в Афганистане и др.

США и НАТО предоставили мощную финансовую, экспертную, военную и иную помощь, но не было одного – положительного результата военно-стратегических действий Северо-атлантического альянса в Афганистане. Обвинения бросались не только в адрес Кабула, но и Исламабада. Напряженность в пакистано-американских отношениях нарастала, Белый дом требовал от Исламабада решительных действий в зоне пуштунских племен.

«Пакистан – угроза нашей стране и миру». Именно такие слова были произнесены госсекретарем США Х. Клинтон на заседании комиссии Сената по иностранным делам 22 апреля 2009 г.

Собственно, обвинения были предъявлены по нескольким статьям: постоянные «уступки Талибан, позволявшие им контролировать часть территории страны, а именно долину Сват в Северо-Западной пограничной провинции»; критика, что государственная власть в Пакистане «находится под угрозой захвата талибами»; коррумпированность судебной системы в стране и т.д. Руководитель внешнеполитического ведомства США обратилась не только к «официальным лицам пакистанского правительства, но народу Пакистана, пакистанской диаспоре, ко всем, кто добился значительного успеха в Америке, к академическим кругам, бизнесу, профессионалам и т.д. с призывом заявить протест политике правительства Пакистана, направленной на предоставление «все большей и большей территории боевикам Талибан, «Аль-Каиде», их союзникам, которые создали синдикат на этих территориях».

Момент жесткой критики со стороны Х. Клинтон совпал с подведением первых традиционных «успехов» в США – ста дням новой администрации. Критикуя правительство Пакистана, она, таким образом, подвергла критике одно из ключевых направлений внешнеполитической стратегии Б. Обамы – расширенный, региональный подход к ситуации в Афганистане и Пакистане.

Кризис доверия Пакистану, вызванный захватом исламистской организацией Движение за установление шариата (ДУШ) (поддерживала тесные связи с Движением Талибан Пакистана (ДТП)

нескольких регионов на севере страны, обусловлены объективными и субъективными причинами, часть которых и была инициирована самим Вашингтоном.

Первоначально по отношению к ДТП и другим аффилированным с Аль-Кайдой движениям и организациям новые власти выбрали иную, чем П.Мушарраф тактику уступок «братьям-пуштунам». Пришедшее к власти в феврале 2008 г. в Северо-Западной пограничной провинции (СЗПП) коалиционное правительство в лице двух партий – правящей ПНП и местной Национальной народной партии, имело влияние только в отдельных местностях, уступая в целом контролю ДУШ и ДТП в регионе.

Теряя власть, коалиция ПНП – АНП, запросила федеральный центр об удовлетворении требований ДУШ – введении шариатского суда. Зардари 22 марта 2009 г. подписал указ о введении «Nizam-i-Adl Regulation», норм шариата в Малаканде, включая районы долины Сват в обмен на мирное соглашение с талибами. Талибы по-своему воспользовались этим и стали повсеместно утверждать власть шариата в северных районах страны.

США выступили сначала против «Nizam-i-Adl Regulation», рассматривая его как «уступку пакистанским талибам». Именно в этом скрывалась одна из причин давления Вашингтона на Исламабад, который под сильным внешним прессингом развернул против талибов крупномасштабную военную операцию с применением тяжелой наземной техники и авиации.

В 2007–2008 гг. пакистанская армия проводила локальные военные операции в зоне пуштунских племен ТПФУ и районах провинции Хайбер-Пахтунхва (бывшая СЗПП, переименована в 2010 г.), но они каждый раз заканчивались подписанием мирных договоренностей.

Давление Вашингтона на Исламабад весной 2009 г. заставило вооруженные силы Пакистана начать новые широкомасштабные военные действия в указанных районах.

В 2009–2010 гг. федеральная армия Пакистана провела девять военных операций в северных районах страны, граничащих с Афганистаном – в Северо-Западной пограничной провинции, а также агентствах ТПФУ – Курраме, Баджауре, Южном Вазиристане, Хайбере, Оракзае и т.д. Фактически крупные военные операции закончились ранней весной 2010 г., а в дальнейшем проводились действия по сдерживанию боевиков. К октябрю 2010 г., как заявил командир корпуса генерал-

лейтенант А.Я. Малик «80% территории ТПФУ были очищены от террористов…»[8].

Вашингтон рассматривал военные операции на территории Пакистана против боевиков Талибан как часть региональной антитеррористической кампании. К 2009 г. в соседнем Афганистане ни США, ни МССБ не смогли создать силы, способные эффективно противодействовать боевикам Движения Талибан. Прослеживалась тенденция к расширению масштабов втягивания Пакистана в военные действия против международного терроризма. И в случае принятия решения о выводе боевых подразделений МССБ из Афганистана, Вашингтон планировал опереться на пакистанскую армию в качестве силы, способной продолжать линию на сдерживание талибов военными средствами.

США серьезно относились к решению так называемого пограничного вопроса. Пакистано-афганская граница, бесконтрольный переход боевиков, тренировочные лагеря для совершенствования террористической деятельности, склады оружия в зоне племен, базы постоянного пребывания на территории Пакистана талибов, воюющих против американских и коалиционных сил в Афганистане – все вызывало крайнюю озабоченность США. В мае 2009 г. они инициируют трехстороннюю встречу – Афганистана, Пакистана и США в рамках концепции «Регионального подхода США в борьбе с терроризмом в регионе Западной Азии».

Одной из основных договоренностей был пакет «пограничных соглашений», направленный на совместную борьбу с терроризмом, организованной преступностью, наркотрафиком, а также на повышение эффективности управления безопасностью пограничных районов с целью пресечения ее нелегального перехода.

Протяженность границы между двумя странами составляет более 2 тыс. км. Установление действенного пограничного контроля преследовало две основные цели: борьба с нелегальным переходом границы и предотвращение наркотрафика. Определенные меры принимались и в прошлые годы, но обе стороны продолжали обвинять друг друга в нарушении договоренностей – Кабул обвинял Исламабад в «предоставлении своей земли в районе пуштунских племен для боевиков; в свою очередь Исламабад обвинял Кабул в неспособности приостановить поток талибов»[9].

Для повышения безопасности границ Афганистан и Пакистан согласились сформировать пограничные силы безопасности; в дальнейшем производить обмен нарушителями и разведывательными данными.

США также внесли «свой вклад» в решение «пограничного вопроса». С января 2009 г. подготовлено более 1 тыс. скаутов из состава Пограничного корпуса Пакистана. Они были призваны повысить уровень боеготовности 58-тысячного (весьма пассивного) военизированного контингента, патрулировавшего территории зоны пуштунских племен на границе с Афганистаном.

При американской финансовой поддержке в районе г. Варсак (агентство Южный Вазиристан) был создан центр подготовки пакистанских военных. Как писала газета «The New York Times» 9 июля 2010 г., этот новый центр, расположенный в 20 км от пакистано-афганской границы, был предназначен для обучения 2 тыс. солдат одновременно. 10-недельный курс обучения под руководством американских военных инструкторов включал подготовку снайперских пар (включая навыки использования американских снайперских винтовок М24 и маскировки позиций), командиров рот и взводов. Первые 250 выпускников центра завершили подготовку в июле 2010 г. Как заявили в Исламабаде, пакистанское военное руководство не имело возможности направлять подразделения на переподготовку в учебный центр в связи с интенсификацией боевых действий в пограничных районах страны. Оборудование учебного центра уже обошлось Вашингтону в 23 млн. долл.

Экономическая помощь США Пакистану

Вслед за «пограничным вопросом» Вашингтон приступил в мае 2009 г. к реализации экономической составляющей «Региональной стратегии» – Конгресс одобрил законопроект Керри-Лугара, после вступления его в силу 16 октября 2009 г. и обретения статуса закона, он стал называться Акт 2009 г. об усиленном партнерстве с Пакистаном, согласно которому Исламабад получает помощь в размере 1.5 млрд. долл. ежегодно в течение 5 лет (т.е. 7,5 млрд. долл.) на невоенные цели.

Указанный Акт является реализацией планов упрочения национальной безопасности США[10]. Именно с позиций «защиты

национальных интересов США» Вашингтон и строил свои взаимоотношения с Исламабадом.

Юридическим основанием для появления подобного документа был закон США об оказании иностранной помощи от 4 сентября 1961 года[11], а фактическим основанием – военная, политическая и дипломатическая переоценка США роли Пакистана как прифронтового государства в антитеррористической деятельности МССБ в Афганистане; усиление его участия в военной, политической и экономической борьбе против терроризма и экстремизма в регионе.

Акт 2009 г. об усиленном партнерстве с Пакистаном создавал механизм предоставления широкой экономической помощи Пакистану и предусматривал жесткие условия выполнения. Одной из особенностей закона была его нацеленность именно на зону племен ТПФУ. Условием предоставления помощи в первую очередь – «борьба Пакистана до победы над международным терроризмом и экстремизмом».

Основные цели экономической и иной помощи народу Пакистана, как указано в документе, сводились к следующему:

– «сотрудничество с правительством Пакистана в целях повышения безопасности в пограничной зоне, установление контроля и предотвращение использования территории Пакистана в качестве базы или укрытий боевиков с целью проведения террористических акций в Пакистане или на других территориях;
– оказание помощи в становлении демократических институтов управления страны, а также в укреплении контроля демократически избранного гражданского правительства над военными структурами» и т.д.

Цели программы американской помощи Пакистану логически вытекали из «Региональной стратегии», которая требовала координации и сотрудничества Пакистана с другими заинтересованными правительствами, что являлось ключевым условием для дальнейшего процветания и безопасности Пакистана в целях укрепления отношений с Афганистаном и Индией.

США брали на себя обязательства направить инвестиции на «развитие инфраструктурных проектов: строительство дорог, решение проблем водоснабжения, электроэнергии, оказание поддержки дальнейшему развитию национальной авиационной промышленности и авиационной инфраструктуры; осо-

бое внимание планировалось уделить реализации инфраструктурных проектов в приграничных с Афганистаном районах». Значительные средства планировалось направить «на развитие системы национального здравоохранения с целью снижения детской смертности, предотвращения роста заболеваемости населения.

В области повышения грамотности предусматривался целый ряд мероприятий, в том числе «повышение качества преподавания в ходе совершенствования системы образования во всех районах Пакистана»; ревизию программ обучения в медресе и закрытие тех медресе, которые связаны с движением Талибан или другими экстремистскими группами. «Особое внимание уделялось повышению эффективности социальных программ при оказании помощи населению зоны племен ТПФУ, т.е. предоставление доступа к образованию всему населению зоны племен во имя будущего детей; разработку и совершенствование учебных планов школ, включая медресе».

Помимо этого ставилась задача обеспечить «…повышение ответственности, эффективности и независимости средств массовой информации»;

Серьезное внимание уделялось помощи временно перемещенным лицам (пострадавшим в результате военных действий), а также долгосрочному развитию районов Пакистана, затронутых внутренними конфликтами; предоставление медицинских и образовательных услуг в районах, где проживали афганские беженцы».

США брали обязательства оказывать экономическую помощь Пакистану в случае, если последний «прекратит поддерживать экстремистские и террористические группы, а также будет способствовать предотвращению их активности на территории соседних государств»; будет «совершенствовать усилия, направленные на противодействие финансированию террористической деятельности, а также законодательства о контроле за отмыванием денег».

С целью повышения эффективности борьбы с терроризмом как в самом Пакистане, так и в регионе, США оговорили необходимость и важность «укрепления правоохранительных органов и национальных сил безопасности под руководством гражданского правительства», а также «повышения правительственного контроля в ряде районов Пакистана, которые могут стать объектами осуществления угроз или саботажа со стороны

антиправительственных элементов как на территории Пакистане, так в соседних государствах».

Таким образом, взамен финансовой помощи в размере 7,5 млрд. долл. США требовали проведения ряда социальных и экономических реформ, а также жестко увязывали финансирование с военными операциями против исламских экстремистов силами федеральной армии Пакистана.

Реакция Пакистана на американский пакет финансовой помощи была неоднозначной. Обсуждение условий ее предоставления было вынесено на заседание нижней палаты парламента, Национальной ассамбли, где в ходе дебатов выяснилось, что крупнейшие оппозиционные силы – Пакистанская мусульманская лига (Наваза Шарифа) и Пакистанская мусульманская лига (Каид-и Азама), а также военные, охарактеризовали пакет помощи как кабальный.

Благодаря активной внешней политике, пакистанскому руководству все же удалось обеспечить частичное поступление иностранной помощи в размерах, которые могли облегчить выход из трудного экономического положения, усугубленного разрушительным наводнением летом 2010 г. Ущерб от него оценивался международными экспертами в 10 млрд. долл.

Пакистанская сторона в то же время не получила положительного ответа на обещанный США доступ на внутренний американский рынок. Бизнес сообщество настаивало на отмене ввозимых пошлин, в частности, на текстиль – одну из основных статей экспорта[12].

Помимо предоставления указанных 7,5 млрд. долл. в рамках Акта 2009 г. об усиленном партнерстве с Пакистаном, США учредили несколько специальных фондов. Так, 19 июня 2009 г. США утвердили решение о выделении ИРП 1,4 млрд. долл. на нужды экономического развития и обеспечения безопасности. Средства включали финансовую помощь для временно перемещенных лиц (беженцев) и дополнительно 700 млн. долл. на цели Противоповстанченского фонда Пакистана, которые полностью должны поступить до сентября 2011 года; также были учреждены отдельные Фонды коалиционной поддержки с суммой в 1 млрд. долл. на компенсационные цели народу Пакистана в его борьбе против боевиков[13]. В интервью «Доон» 22 июня 2009 г. президент Б. Обама четко обозначил основную цель американской поддержки – борьба против экстремистов, т.е. боевиков Талибан и Аль-Каиды должна быть продолжена.

Внести определенную ясность в пакистано-американские отношения и наметить дальнейшие планы США на афгано-пакистанском направлении должен был трехдневный визит госсекретаря США Х. Клинтон в Пакистан в конце октября 2009 г. Решение ключевых пакистано-американских вопросов даже после визита госсекретаря Х.Клинтон в целом не продвинулись вперед. Вашингтон настаивал на продолжении военных операций в зоне племен.

Пакистан – США: расширение военных действий против исламских экстремистов на территории Пакистана

Практически одновременно с принятием Акта 2009 г. об усиленном партнерстве с Пакистаном, министр обороны США Р. Гейтс сделал заявление о намерениях США расширить военную кампанию в Афганистане[14], как средство «усиления попыток уничтожить Аль-Кайду в местах ее укрытия на Территориях племен федерального административного управления», входящих в состав Пакистана. Это, во-первых, означало нанесение массированного воздушного удара по территориям агентств, а во-вторых, поскольку с сентября 2009 г. зона пуштунских племен ТПФУ подпадала под действие конституции Пакистана, любая наземная военная операция силами иностранных войск в районе могла быть расценена как нарушение территориальной целостности этого государства.

Отсутствие реальной федеральной власти и административного контроля в пограничных с Афганистаном районах Пакистана в корне противоречило концепции США по сдерживанию исламских экстремистов. В 2009 г. Вашингтон ставил цель создать заслон на пути боевиков в пограничных с Афганистаном районах Пакистана силами пакистанской армии.

Под давлением США Пакистан провел летом 2009 г. широкомасштабную военную операцию против боевиков Движения за установление шариата и Движения Талибан Пакистана на территориях долины Сват в Северо-Западной пограничной провинции, проведение которой также отвечало национальным интересам и Исламабада.

В октябре 2009 г. госсекретарь США заявила о необходимости следующей военной операции в агентстве Северный Вазиристан. Одновременно в западной печати мелькали сообщения

об аналогичных действиях в северных районах провинции Белуджистан, пограничных с Афганистаном. Таким образом, США стремились руками Исламабада блокировать пограничные с Афганистаном земли. Но именно вопрос о военной операции в агентстве Северный Вазиристан ознаменовал начало кризиса в пакистано-американских отношениях.

В январе 2010 г., столкнувшись с определенным скептицизмом со стороны пакистанской гражданской и военной элиты, министр обороны США поспешил заявить, что его страна не ставит целью «захватить ни дюйма пакистанской земли», США не намерены «разворачивать военные базы»; и в их планы не входит «контроль над ядерным арсеналом Пакистана»[15].

Судя по заявлению Гейтса, американцы были готовы «оказывать Исламабаду техническую помощь, содействие в подготовке пакистанских офицерских кадров в США, а также помощь в подготовке подразделений по противодействию радикальным талибским группировкам». С этой целью Вашингтон учредил многомиллионный Фонд борьбы с повстанческими группировками, целью которого было предоставление материалов и оказание помощи в тренировках пакистанских военных; США удвоил финансирование для проведения тренировок пакистанских офицеров в тренировочных центрах США»[16].

Гейтс заявил, что «речь может идти об удовлетворении Вашингтоном просьбы Пакистана о выделении пакистанской федеральной армии нескольких единиц беспилотных летательных аппаратов для воздушной разведки пограничных районов ТПФУ. США вели переговоры о предоставлении 12 разведывательных БПЛА типа RQ-7 Shadow, а также обучении пакистанских военных правилам их эксплуатации. В то же время Гейтс подтвердил предоставление Исламабаду финансовой помощи. США «перевели 1 млрд. долл. в Фонд коалиционной поддержки, по поставки военного оборудования для борьбы с терроризмом[17].

Гейтс немного лукавил, заявляя о военной поддержке Пакистану, но одновременно промолчав о желании «подтолкнуть» Исламабад к продолжению военных операций против боевиков. В начале января 2010 г. сенатор Дж. МакКейн, призывал к «более активным действиям против боевиков Талибана, базирующихся в агентстве Северный Вазиристан» в полосе пуштунских племен Пакистана[18].

Большинство группировок Талибан, действовавших в Афганистане и одновременно базировавшихся в пограничных районах Пакистана, состояли из собственно афганцев, а также иностранных боевиков (арабы, узбеки, таджики и т.д.). Основными группировками были:

– формирования талибов, базирующихся в Кветте (провинция Белуджистан, Пакистан);
– сеть Хаггани – частично базировалась в агентстве Северный Вазиристан ТПФУ Пакистана;
– Хезб-и-Ислами Гульбуддин и ряд других.

В значительной степени руководство ими осуществлялось извне, в том числе, лидерами и полевыми командирами, скрывавшимися в пограничных районах Пакистана. С пакистанской же территории боевикам поступала поддержка, осуществлялась связь с другими группировками и т.д.

Нейтрализация активности боевиков в Пакистане была одним из основных факторов внутренней безопасности страны, а для возглавляемых США МССБ – одним из серьезных условий успеха действий международной коалиции в борьбе против талибов в Афганистане.

По признанию многих аналитиков, результативность действий МССБ в Афганистане была далека от совершенства. Современная ситуация в Афганистане оставалась сложной, несмотря на восьмилетний период ведения боевых действий, что требовало от США и НАТО проведения всестороннего анализа сложившейся ситуации.

Один из выводов включал в себя признание того, что конфликт в Афганистане уже нельзя рассматривать как исключительно локальный, но и как региональный. Всего в конфликт были вовлечены в той или иной степени пять компонентов – афганское население, правительственные структуры, МССБ, боевики Талибан и так называемые внешние факторы.

Современный подход США к региону Западной Азии, по словам Гейтса, подразумевал «развитие широкого стратегического диалога с Пакистаном, включая такие вопросы как стабильность в Афганистане и Пакистане, роль политических решений в отношении боевиков в Афганистане; отношения Пакистана и Индии; угроза региональному экстремизму и вызов боевиков в Пакистане»[19].

Картина региональной расстановки сил была бы неполной без учета развития двусторонних отношений между Нью-Дели и Кабулом. Политическое и экономическое влияние Индии на Афганистан возрастало, отмечался рост индийских инвестиций в инфраструктуру, школы и госпитали Афганистана, а также возможности участия индийских военных в боевой подготовке отдельных частей афганской армии и т.д.[20] Однако, учитывая традиционно проблемные пакистано-индийские отношения, активность Нью-Дели в Афганистане вызвала раздражение у Исламабад и подталкивала его к реализации контрмер по ее ограничению.

Вызывало раздражение Исламабада и усиление военного сотрудничества между Индией и США. В частности, Индия планировала заключить крупнейшую сделку с США по закупке десяти крупнейших военно-транспортных самолетов Globemaster-III, стоимость каждого из которых оставляла 220 млн. долл. США также стремились принять участие в индийском проекте стоимостью в 10,4 млрд. долл. для приобретения 126 многоцелевых истребителей для индийских ВВС. Индия уже договорилась с США о приобретении 12 радаров обнаружения огневых точек AN/TPQ-37 стоимостью 190 млн. долл, американский военный корабль Trenton стоимостью 92,5 млн. долл., 6 палубных вертолетов UH-3H, шесть военно-транспортных самолетов C-130J Super Hercules стоимостью 962 млн. долл. и 8 морских разведывательных самолетов P-8I стоимостью 2,1 млрд. долл.»[21].

Все это дало повод президенту Пакистана А. Зардари уже в январе 2010 г. сделать заявление о «недопустимости гонки вооружений, проводимой Индией в регионе»[22]. США со своей стороны подчеркнули, что продавали Индии транспортные самолеты…»[23].

В целом, изменение линии Вашингтона в двусторонних отношениях с Пакистаном выглядело как осознанный и тактически выверенный шаг для обретения регионального союзника в лице пакистанской армии – реальной силы, способной сдержать распространение влияния движения Талибан вне границ Афганистана.

В дальнейшем, в 2010 г., пакистано-американские отношения развивались на основе достигнутых еще весной 2009 г. договоренностей в экономической, социальной и военной областях в рамках Стратегического партнерства.

Натянутость отношений была вызвана одиннадцатидневной блокадой грузов для США и МССБ в Афганистане. Закрытие Хайберского пропускного пункта, через который проходил один из главных маршрутов поставок, последовало после обстрела американцами погранзаставы в агентстве Куррам ТПФУ. Погибли несколько пакистанских военнослужащих. Исламабад закрыл границу, а Вашингтон принес извинения.

Несмотря на взаимные обвинения, стороны все же подтверди намерение «развивать стратегическое партнерство, основанное на общих ценностях, интересах и взаимном уважении»[24].

Один из важных пунктов Стратегического диалога в 2010 г. – обсуждение вариантов переговорного процесса Х. Карзая с афганскими талибами и, в зависимости от результатов переговоров, – выработка совместной тактики. Исламабад в высшей степени осторожно касался этой темы, официально не признавая присутствие на своей территории ни лидера афганских талибов муллы Омара, ни лидера боевой группировки Хаккани. США неофициально предпринимали попытки «возглавить» переговорный процесс, но талибы исключали их участие. Белый дом вновь должен был полагаться на Исламабад.

Второй вопрос афганского проекта – военная операция в Северном Вазиристане. Успешное ее проведение должно было завершить фронтальное наступление пакистанской армии вдоль пакистано-афганской границы и, таким образом, блокировать талибов (афганских и пакистанских) в высокогорной части Гиндукуша.

На переговорах в Вашингтоне Пакистан предложил несколько важных экономических и инфраструктурных проектов в области экономики, энергетики, здравоохранения, образования, сельского хозяйства и др. Все они были значимы для Пакистана, который понес колоссальные человеческие и материальные потери в результате наводнения летом – осенью 2010 г. Средства, полученные ранее на социальные нужды, были переориентированы на оказание помощи беженцам, получение медикаментов, восстановление дорог, мостов, школьных и медицинских учреждений и т.д.

Одной из острых тем экономики Пакистана была энергетика. В 2010 г. США подтвердили готовность сотрудничать в области гидроэнергетических проектов, в частности, в проведении работ по «укреплению плотин Гомал и Сатпара, оказании

технической поддержки в строительстве, разработке и установке гидравлических ворот для плотины Баша»[25]. Недавнее согласие США было продиктовано необходимостью присутствия его технических специалистов в двух районах страны на Северных территориях и пограничных с Афганистаном районах страны, в устье Инда и его притоках, где было намечено строительство дамб.

Исламабад включил в повестку дня ядерный вопрос – очень неудобный для США. В ходе переговоров с Б. Обамой пакистанская делегация настаивала на передаче гражданских ядерных технологий, подчеркнув, что Исламабад в течение 35 лет успешно вел работу в этой области, и нуждался в новейших технологиях для производства дешевой энергии; иными словами разговор шел о передаче Исламабаду аналогичных технологий, которые в 2008 г. были переданы Нью-Дели «во избежание «дискриминации» с Индией».

В продолжение темы передачи технологий вновь был поднят вопрос о беспилотных летательных аппаратах, в которых крайне заинтересован Исламабад. Признавая их эффективность в борьбе с террористическими элементами, Пакистан неоднократно высказывал опасения, что, помимо боевых целей, БПЛА проводят еще и разведывательную деятельность, проникая далеко вглубь территории Пакистана. Вопросы обсудили, обе стороны признали их важными, но США технологий не дали.

В целом же итоги пакистано-американского Стратегического диалога можно было охарактеризовать как положительные, Пакистан получил первый транш из обещанных 7,5 млрд. долл. и приступил к реализации ряда проектов.

После принятия администрацией Б. Обамы решения о выводе войск из Афганистана стало очевидным, что центральное место в сфере силового сдерживания процесса распространения влияния движения Талибан, а также различных экстремистских группировок за пределы афганской территории в Вашингтоне отводят Пакистану. В этой связи весьма остро стоял вопрос, насколько силовые структуры ИРП готовы к противодействию боевикам, активность которых значительно возросла в 2010 г. Исламабад негативно реагировал на попытки американцев проводить военные операции по нейтрализации боевиков в приграничных с Афганистаном районах на пакистанской территории. Этот тезис однозначно подтверждался высказыванием посла ИРП в США, который заявил, что «пакистанские

вооруженные силы способны сами дать ответ на террористическую угрозу, в связи с чем не требуется действий на суверенной территории Пакистана каких-либо иностранных войск».

Отвергая вероятность участия американских (как и любых иных иностранных) боевых подразделений в операциях против боевикам на своей территории, Пакистан взял на себя серьезную ответственность по обеспечению безопасности – и не только национального, но и регионального уровня. С учетом значительного международного резонанса от решения по выводу американских подразделений из Афганистана, к успехам и неудачам Исламабада на пути противодействия талибам и сдерживания распространения их влияния в регионе будет однозначно приковано внимания и США, и других стран, чьи военные контингенты принимали участие в Международных силах содействия безопасности в ИРА.

Как заявил в конце ноября 2010 г. помощник госсекретаря по вопросам Южной и Центральной Азии Р. Блейк, Пакистан добился серьезного прогресса в борьбе с террористами, но ему предстоит сделать еще больше в противостоянии «Лашкар-и-Тойба» и другими экстремистскими группировками.

Наряду с подготовкой персонала США оказывали также и военно-техническую помощь Пакистану. К указанным программам следует отнести поставки истребителей F-16, оснащенных высокоточными системами целенаведения в дневных и ночных условиях. Группа американских военных летчиков была направлена в ИРП для непосредственного обучения пакистанских пилотов навыкам ведения ночных полетов.

Однако основные усилия американцами были предприняты, чтобы убедить пакистанское руководство в том, что основную угрозу национальной безопасности Пакистана, по мнению Вашингтона, на современном этапе представляла не Индия (с которой у ИРП имеются давние взаимные противоречия, не раз перераставшие в вооруженные конфликты), а рост влияния движения Талибан и угроза распространения экстремизма в приграничных с Афганистаном районах страны. С 2001 г. Вашингтоном выделено более 10 млрд. долл. на размещение и обустройство пакистанского военного контингента в пограничных районах. 100-тысячный пакистанский контингент уже переброшен на охрану западной границы ИРП, две дивизии расквартированы в Свате, еще несколько дивизий пакистанских ВС размещены в Южном Вазиристане. Размещение контингента

вдоль пакистано-афганской границы, несомненно, потребовало от Исламабада принятия стратегического решения о значительной перегруппировке в национальных ВС, основой концепции которых до сих пор предполагалась защита именно восточных рубежей страны – границы с Индией[26].

Несмотря на значительные размеры финансовой помощи, при рассмотрении политики Исламабада на афганском направлении, а также процесса формирования сил противодействия экстремистской угрозе в приграничных с ИРА агентствах и провинциях невозможно было не учитывать объективный рост недовольства международным (и, прежде всего, американским) военным присутствием в ИРП со стороны военно-политического истеблишмента Пакистана[27].

Отмечен рост антиамериканизма в зоне племен, в первую очередь в Северном Вазиристане из-за последствий боевых операций против боевиков с применением беспилотных летательных аппаратов США. Этим также во многом объясняется стремление пакистанского руководства к ограничению количества американских военных инструкторов на своей территории. По состоянию на июль 2010 г. их количество не превышало 120 чел. из так называемого персонала спецопераций[28]. Этого количества американских инструкторов, необходимых для качественной подготовки пакистанских военных не хватало. Напротив, для этих целей их требовалось гораздо больше, однако, пакистанское военное руководство сознательно сокращало их число из опасения быть обвиненным в слишком тесных связях с «непопулярными Соединенными Штатами».

Отказ от иностранного военного присутствия на своей территории на фоне вывода коалиционных сил из ИРА выводило Пакистан на передовую линию борьбы с современными экстремистскими течениями в регионе, для которых не существовало госграниц, и которые уже прочно обосновались в пограничных с Афганистаном агентствах страны, находя последователей среди местного населения. Несомненно, нацеленность на противодействие талибам, распространение радикальных настроений в приграничных с Афганистаном районах потребовало от политического руководства (особенно от военного командования) ИРП серьезного пересмотра современной концепции национальной безопасности и оборонной доктрины, что, несомненно, отразилось на пакистано-американских отношениях и на дальнейший период.

[1] BBC, 03.04.2008.
[2] Brigadier Hamid Mohmud, Information warfare, 107–120, NDC journal, Selected papers written by members of the courses at the National Defence College, Islamabad, summer 2005, 120 p.
[3] http://www.defense.gov/Speeches/Speech.aspx
[4] http://www.defense.gov/Transcripts/Transcript.asp, The Frontier post, 24.01.10.
[5] The Frontier post, 24.01.10.
[6] The Nation, 10.09.09.
[7] Dawn, 10.09.09.
[8] The Frontier Post, 07.12.10.
[9] The Nation, 10.05.09.
[10] S.1707. One Hundred Eleventh Congress of the United States of America. An Act. To authorize appropriations for fiscal years 2010 through 2014 to promote an enhanced strategic partnership with Pakistan and its people, and for other purposes.
[11] The Foreign Assistance Act (Pub.L. 87–195, 75 Stat. 424, enacted September 4, 1961.
[12] Dawn, 11.10.09.
[13] The Nation, 21.06.09.
[14] Dawn, 07.09.09.
[15] http://www.defense.gov/Speeches/Speech.aspx
[16] http://www.defense.gov/Transcripts/Transcript.asp
[17] The Frontier Post, 23.01.10.
[18] Dawn, 08.01.10.
[19] http://www.defense.gov/Speeches/Speech.aspx The Frontier Post 23.01.10.
[20] The New York Times, 20.01.10.
[21] The Nation, 09.01.10.
[22] Dawn, 26.01.10.
[23] The Frontier post, 24.01.10.
[24] Dawn, 25.10.10.
[25] Dawn, 25.10.10.
[26] В.Я. Белокреницкий, В.Н. Москаленко, История Пакистана, XX век., М., ИВ РАН, Крафт, 2008, 567 стр.
[27] В.Я. Белокреницкий, Особенности внешнеполитического процесса в современном Пакистане, 176–199, в сб. «Ближний Восток и современность, сборник статей, выпуск сорок первый, М., 2010, 303 стр.
[28] The New York Times, 09.07.2010.

С.Н.Каменев

ПАКИСТАН: ТРУДНОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РОСТА

Общая динамика населения

Изучение демографических процессов в Пакистане, протекавших на протяжении всего периода существования государства (с 1947 г. по 2010 г.), важно главным образом для практического исследования воспроизводственного цикла общественного продукта, поскольку дает возможность проследить, в первую очередь, рост наиболее важного макроэкономического показателя – дохода на душу населения, а также провести на этой базе соответствующие международные сравнения. А это, в свою очередь, уже дает возможность не просто соотнести общие объемы производимой продукции (будь это ВВП или ВНП, что мало что дало бы исследователям при сопоставлении в абсолютном исчислении, пусть и в неизменных ценах), а составить своего рода рейтинговую таблицу. (Как известно, ООН при определении уровня развития той или иной страны использует, по меньшей мере, 60 показателей, начиная с дохода на душу населения).

Естественно, что подход к исследованию такого рода процессов может быть самый разный, но нам представляется, что оптимальный вариант в этом случае носит трехэлементный характер, а именно: естественный (абсолютный рост численности населения, изменения в структуре занятости, половозрастной состав), механический (территориальное размещение, миграционные процессы) и социальный (перемещение из одной социальной группы в другую, динамика развития социальной структуры общества), наиболее сложный для анализа даже для среднеразвитых стран, а тем более для Пакистана, который сможет перейти в указанную группу в лучшем случае в среднесрочной перспективе[1].

С нашей точки зрения, для макроэкономического анализа национального хозяйства страны наиболее важно исследова-

ние естественных процессов воспроизводства населения Пакистана, динамика его роста, амплитуда колебаний – ускорение или замедление его среднегодового прироста по пятилетиям или десятилетиям. В этой связи можно привести основную демографическую таблицу – о численности населения Пакистана.

Таблица 1

Численность населения Пакистана*,
млн. человек

	1951 г., перепись	1961 г., перепись	1972 г., перепись	1981 г., перепись	1991 г., на 1 июля	2000 г., на 1 июля	2010 г., на 1 июля
Население,** всего	33,78	42,88	65,31	84,25	110,79	138,53	173,51
Городское население, всего	6,02	9,66	16,59	23,84	33,62	45,05	63,05
Сельское население, всего	27,76	33,22	48,72	60,41	77,17	93,48	110,46
Белуджистан***	1,17	1,38	2,42	4,14	…	6,57	…
Панджаб***	20,65	25,49	37,61	47,14	…	73,62	…
СЗПП***	4,57	5,68	8,37	10,88	…	17,74	…
Синд***	6,05	8,42	13,89	18,87	…	30,44	…

* Составлено по: Pakistan Statistical Yearbook 1995, Karachi, 1995.
Pakistan Economic Survey 1974–75. Islamabad, 1975.
Pakistan Economic Survey 2009–10. Islamabad, 2010.
Statistical Supplement of Economic Survey2002–2003. Islamabad, 2003.
** Суммарная численность населения по провинциям не дает в совокупности общую численность населения страны из-за сложности подсчетов населения в ТПФУ (FATA), а также округления статистических данных.
*** Численность населения в провинциях в 2000 г. на самом деле представляет собой информацию (экстраполяцию), представленную на основе переписи 1998 г., в соответствии с которой общая численность населения Пакистана составила 132,35 млн. чел. К данным по провинциям в указанном году следует прибавить численность населения FATA – 3,18 млн. чел. и Исламабада – 0,81 млн. чел.

Приведенные данные позволяют самостоятельно рассчитать среднегодовые темпы роста населения Пакистана, которые составляли в 50-е годы 2,4%, в 60-е годы – 3,8%, 70-е годы – 2,9%, 80-е годы – 2,8%, 90-е годы – 2,5% и в первом деся-

тилетии нынешнего века – 2,2%. Если на уровне оперирования абсолютными цифрами, характеризующими численность населения Пакистана, едва ли можно провести какой-то анализ (разве что привести в качестве альтернативных иные оценки или информацию о численности населения страны), то рассматривая среднегодовые темпы роста численности населения по десятилетиям некоторые выводы буквально напрашиваются сами по себе.

В данном случае речь идет о резком всплеске темпов демографического роста в 60-е годы. Надо сказать, что и раньше, например, в 70–80-е годы советские и зарубежные исследователи отмечали увеличение этого параметра, однако не в такой степени – простейшие расчеты[2], делавшиеся в указанный период времени, показывали прирост населения в среднем в год в размере примерно 3,1–3,3%. Скорее всего, в данном случае имела место последующая после переписи корректировка (возможно, и не одна) ее первоначальной информации. Кроме того, со временем к демографическим оценкам присоединялись не только национальные статистические службы, но и соответствующие подразделения ООН, других международных организаций, ряда других стран. Достаточно сказать, что, по оценкам национальных экспертов-демографов, сделанных специально для подготовки 10-го «Народного пятилетнего плана на 2010–2015 гг.» (“The 10th Five Year People’s Plan 2010–15”) численность населения страны составляла на 1 июля 2010 г. 173,51 млн. чел.[3], а приводимые в том же официальном издании правительства Пакистана “Pakistan Economic Survey 2009–10” (являющемся практически главным официальным документом о ежегодном состоянии экономики страны) данные о населении Пакистана, но подготовленные уже американскими специалистами, свидетельствуют, что его численность составляла 177,1 млн. чел.[4] А эксперты Департамента демографии ООН в 2008 г. прогнозировали на 2010 г. совсем иную цифру – 184,75 млн. чел.[5]

Как известно, на первом месте по численности населения в мире сейчас находится Китай – свыше 1.338 млн. чел. (по состоянию на 1 июля 2010 г.). Второе место прочно занимает Индия – 1.156 млн. Далее следуют США – 307 млн. чел., Индонезия – 240 млн. чел. и Бразилия – 198 млн. чел.[6] Таким образом, пока что Пакистан занимает шестую строку в этой «табели о рангах» с численностью населения около 175 млн. чел.

Говоря об урбанистических процессах в Пакистане полагаем целесообразным привести последние, имеющиеся в нашем распоряжении данные о населении основных городов страны. Наиболее населенный город – Карачи, число жителей в котором составляло в 2010 г. 13,39 млн. чел., на втором месте находится Лахор – 7,21 млн., далее следуют Файсалабад – 2,91 млн., Равалпинди – 2,01 млн. чел. и т.д.[7]

И далее – несколько слов о перспективах демографического роста в Пакистане. Заметим, что прогнозирование именно демографических процессов является наиболее благодарной задачей из всех мыслимых прогнозов, поскольку именно в этой сфере такого рода процессы проходят в наибольшей степени эволюционно, но никак не революционно (мы не берем в расчет наземные и водные катастрофы, которые в одночасье могут унести жизни тысяч и даже десятков тысяч людей). Поэтому мы не удержались от соблазна привести здесь прогнозную таблицу численности населения Пакистана до 2030 г. (несколько вариантов), подготовленную в 2008 г. уже упоминавшимися экспертами Департамента демографии ООН.

Таблица 2

Прогноз численности населения Пакистана до 2030 г.*,

млн. чел.

Год	Усредненный вариант	Максимальный вариант	Минимальный вариант	При сохранении существующих темпов роста населения
2010	184,75	184,75	184,75	184,75
2015	205,50	207,32	203,68	207,91
2020	226,18	231,27	221,10	234,35
2025	246,29	255,82	236,75	263,40
2030	265,69	280,05	251,34	294,81

* Составлено по: Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations Secretariat, World Population Prospects: The 2008 Revision. N.-Y., 2008.

Как свидетельствуют эти данные, разброс при рассмотрении указанных трех вариантов весьма велик. Однако вполне можно предположить, что наиболее вероятен вариант при низких темпах роста численности населения страны (едва ли можно предположить, что прирост населения Пакистана будет оставаться неизменным на протяжении 20-ти лет, хотя бы по-

тому, что мировые тенденции свидетельствуют о том, что в странах, аналогичных Пакистану, да и в самом Пакистане явно наблюдается тенденция к определенному падению рождаемости даже с учетом успехов медицины и снижению детской и взрослой смертности).

Сдвиги в экономике и занятость

Говоря о трансформации экономики Пакистана на макроуровне, мы практически не рассматривали весьма важный и интересный вопрос о том, как и в какой степени развитие экономики пакистанского государства влияло на сдвиги в социальной структуре пакистанского общества. Вопрос этот вовсе не прост. Ведь перестройка любого общества (а развивающегося с его многоукладностью, пестротой этнического состава, различиями в культурных традициях и т. д. тем более) происходит одновременно на самых различных качественных уровнях и в разной степени. Основными из тесно связанных изменений в социальной структуре являются трансформация старых и появление новых классов и социальных групп, вертикальные и горизонтальные сдвиги в структуре экономически активного населения, рост наемного труда. Этот список можно было бы: дополнить, однако для наших целей следует выделить главные взаимосвязи, тем более что мы хотим сосредоточить свое внимание лишь на одной из них. Как справедливо писала в свое время видный советский экономист Т.С. Покатаева, «наиболее тесно связан с экономикой отраслевой состав самодеятельного населения, сдвиги в котором служат непосредственной предпосылкой перестройки всего общества»[8]. Несмотря на то, что это положение было сформулировано около 30 лет назад, оно в полной мере справедливо и сейчас, и в ближайшей перспективе.

Структура экономически активного населения находится в прямо пропорциональной зависимости от достигнутого в данный исторический момент уровня экономического развития страны: чем выше этот уровень, тем больше доля занятых в промышленности, строительстве, сфере услуг и тем меньше она в сельском хозяйстве. Это характерно для всех развивающихся государств на определенном этапе их развития (табл. 3).

Таблица 3

Отраслевая структура занятости в Пакистане*

Отрасль	1972 г.		1982 г.		1992 г.		2002 г.		2009 г.	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Сельское хозяйство	10.793	57,3	13.643	55,7	15.427	48,3	20.105	48,4	22.523	45,1
Промышленность	2.433	12,9	3.349	13,7	3.993	12,5	4.819	11,6	6.492	13,0
Энергетика	70	0,4	122	0,5	256	0,8	291	0,7	499	1,0
Строительство	642	3,4	1025	4,8	1.609	6,3	2.409	5,8	3.296	6,6
Транспорт, связь	911	4,8	1.171	4,8	1.405	5,5	2.077	5,0	2.597	5,2
Торговля (включая занятых в гостиничном деле и сфере питания)	1.879	10,0	2.681	10,9	3.347	13,1	5.608	13,5	6.842	13,7
Прочие услуги	2.118	11,2	2.510	10,2	3.449	13,5	6.231	15,0	7.691	15,4
Итого	18.846	100,0	24.510	100,0	31.940	100,0	41.540	100,0	49.940	100,0

* Составлено по: Pakistan Economic Survey 1982–1983. Islamabad, 1983, с. 174.
Pakistan Economic Survey 2001–2002. Islamabad, 2002, Statistical Appendix, с. 138.

Действительно, как свидетельствуют данные в приведенной выше табл. 3 постепенно сокращалась доля занятых в сельскохозяйственной сфере и возрастал их удельный вес в индустриальных отраслях, а также в сфере услуг. При этом численность рабочей силы увеличивалась не во всех, а лишь в отдельных областях сферы услуг, таких, как торговля, гостиничное хозяйство и сфера питания. В этом нашли свое проявление особенности экономического развития Пакистана в 70-е и в 90-е годы XX в.: в условиях нестабильности и некоторой неопределенности социально-экономического развития страны капиталовладельцы предпочитали осуществлять инвестиции именно в указанные, наиболее прибыльные отрасли экономики. И именно в эти отрасли устремлялась в поисках возможно большего заработка значительная часть самодеятельного населения.

Рассматривая общие тенденции изменения занятости в индустриальных отраслях и сфере услуг, принимая во внимание их долю в создании общественного продукта, а также быстрый рост численности населения Пакистана (около 3% в год), мы имеем все основания считать, что практически за все время своего независимого существования именно сфера

услуг являлась ведущим абсорбентом рабочей силы. Важную роль здесь играли большая трудоемкость этой сферы и весьма ограниченные возможности какой-либо механизации, а в конечном итоге – и роста производительности труда. Однако здесь следует иметь в виду, что если рост занятости в индустриальных отраслях прямо свидетельствует о поступательном движении экономики вперед, то возрастание численности рабочей силы в отраслях сферы услуг говорит не столько о позитивных сдвигах в национальном хозяйстве Пакистана, сколько о возрастании скрытой безработицы.

Определенный интерес представляет сравнение отраслевой структуры занятости со структурой производства общественного продукта. Первое, что здесь сразу же бросается в глаза, – это явное несоответствие между удельным весом занятых в сельском хозяйстве и вкладом этой отрасли в ВВП. Например, в начале 70-х годов сельское хозяйство обеспечивало 37% общественного продукта, в то время как занятость в указанной сфере в тот период превышала 57%. Через десять лет (в начале 80-х годов) первый параметр составил 30%, в то время как второй – остался примерно на том же уровне, около 56%. Такое несоответствие (характерное, кстати сказать, для большинства развивающихся стран) было связано преимущественно с низким уровнем производительности труда в сельском хозяйстве Пакистана и опережающим (по сравнению с агросферой) ростом производительности труда в несельскохозяйственных отраслях. Что касается индустриальных отраслей, то здесь наблюдается другая картина: их удельный вес в ВВП растет быстрее, чем занятость. Кроме того, здесь несоответствие проявляется не столь заметно, как в сельском хозяйстве. В определенной мере диспропорции между долями занятости в основных сферах экономики и их вкладом в создание общественного продукта могут служить показателем уровня дуальности экономики, ее очагового развития[9].

Таким образом, в процессе социально-экономического развития Пакистана несоответствие между отраслевой структурой общественного продукта и отраслевой структурой занятости увеличивалось. Это в определенной степени служит свидетельством возрастания разрыва между современным и традиционным секторами, между городом и деревней, усиления, относительного перенаселения в стране.

Миграция и трансферты

Массовая миграция пакистанской рабочей силы за рубеж начала осуществляться в первой половине 70-х годов XX в., когда разразился мировой энергетический кризис, когда стали существенно возрастать доходы арабских нефтедобывающих государств, и когда последние стали ощущать нехватку рабочей силы в своих государствах, причем нехватку не только квалифицированной, но в первую очередь неквалифицированной рабочей силы. Постепенно такая тенденция к расширению перемещения пакистанцев в арабские государства нарастала и обрела особо большие масштабы после прихода к власти военных во главе с Зия-уль-Хаком. Здесь немаловажную роль сыграло стремление тогдашнего нового правительства исламизировать практически все стороны общественной жизни страны, включая экономику; однако на практике это было ничем не прикрытым желанием «потрафить» богатым нефтью арабским странам с целью получить от них максимальную помощь и, в конечном итоге, «принять у себя дома» пакистанцев, стремящихся выехать туда на работу.

Хотя справедливости ради следует отметить, что отнюдь не какая-то отдельно взятая арабская страна находится на первом месте по отправке оттуда денежных переводов пакистанцев на родину; здесь главенствующее место занимают, как правило, США. Если рассмотреть географическое распределение такого рода валютных поступлений от пакистанцев из-за рубежа, то на первом находятся США (возьмем в качестве отправной точки 2009 г.) – 1,76 млрд. долл., затем следуют ОАЭ – 1,69 млрд., Саудовская Аравия – 1,56 млрд. и Организация стран Персидского залива (Бахрейн, Катар, Кувейт и Оман) – 1,2 млрд. долл.[10]

Важно отметить, что в последние десятилетия поступления от пакистанцев из-за рубежа являются второй (после экспортных доходов) статьей валютных поступлений. Если в начале нынешнего десятилетия размеры поступлений от пакистанцев, работавших за рубежом, едва превышали 2 млрд. долл., то в 2010 г. эта цифра достигла почти 9 млрд. долл. и имеет явную тенденцию к дальнейшему росту[11]. По информации Международного фонда сельскохозяйственного развития (Interna-

tional Fund of Agricultural Development), Пакистан занимал в 2010 г. первое место в мире по размеру поступлений от своих соотечественников из-за рубежа. Далее следовали Бангладеш, Маврикий, Свазиленд, Гвинея-Бисау и Филиппины и др.[12]

Пакистанские эксперты оценивают численность пакистанцев, проживающих и работающих за рубежом, а в результате – направляющих значительные средства в Пакистан, в размере свыше 4 млн. чел., из которых 1,1 млн. чел. живут с арабских государствах[13]. Несомненно, что их валютные переводы играют важную роль в социально-экономическом развитии страны, поскольку направляются далеко не только на потребление, но и на вложение в качестве инвестиций в самые разные области национального хозяйства страны, в первую очередь, в сферу услуг. И правящие круги страны различными способами всячески поощряют такое направление валютных средств – предоставлением различных льгот (налоговых, таможенных, для тех, кто создает различного рода предприятия в т.н. зонах промышленной и экспортной переработки и т.п.). Однако эффективность такого рода мер крайне низка – как и раньше, не менее 70% всех поступаемых из-за рубежа средств объективно идет на потребление (либо в незначительной степени на приобретение недвижимости), что вполне естественно, поскольку выезжают за границу на заработки преимущественно выходцы из низших и низких социальных слоев пакистанского общества, в то время как квалифицированная рабочая сила может найти себе применение и в Пакистане. Хотя эта тенденция нередко нарушается.

Во второй половине 90-х годов Фонд зарубежных пакистанцев разработал программу, согласно которой эмигрантам выделялось 35 тыс. участков земли для строительства домов. Однако реализация и этого проекта шла крайне медленно, поскольку многие пакистанцы, возвратившиеся домой из-за рубежа, были весьма напуганы размахом коррупции среди чиновников и боялись, что их средства бесследно исчезнут[14].

Определенная часть средств от пакистанцев из-за рубежа поступает по нелегальным каналам, используется т.н. система «хунди и хавала». Здесь некое доверенное лицо перевозит оговоренную сумму наличными и передает непосредственно получателю, либо через посредника. Случаи присвоения средств перевозчиком в таких случаях практически исключаются, такое возможно лишь теоретически, поскольку в подобном

случае жестокая кара постигнет не только самого фигуранта, но и всех его близких, в первую очередь семью. По оценкам министерства внутренних дел Пакистана и министерства финансов страны, примерно 25% от общего размера поступлений от пакистанцев из-за рубежа перевозится именно таким нелегальным способом. Один из старших чиновников этого ведомства в свое время (2008 г.) посетовал на неэффективность принимавшихся мер по борьбе с этим явлением и сослался на пример Индии, где еще в бытность пребывания у власти Индиры Ганди последняя приняла ряд жестких законов по борьбе с аналогичным явлением в Индии. В частности, в случае выявления факта получения валюты нелегальным путем все счета получателя могли быть в лучшем случае заморожены, а в худшем – все имевшиеся на нем средства отойти в пользу государства. Если же у получателя банковские счета не имеются, то его имущество может быть конфисковано[15].

Пакистанские власти пошли в этом отношении несколько иным путем. С целью минимизировать потери от нелегального перевода валюты из-за рубежа в Пакистан указанные выше два пакистанских министерства, а также Министерство по делам зарубежных пакистанцев и Госбанк страны в 2009 г. разработали проект, а затем и реально создали т.н. «Пакистанскую инициативу зарубежных переводов» (Pakistan Remittance Initiative (PRI). По замыслу разработчиков проекта реализация программы должна повысить собираемость в казну валютных средств через легальные каналы как минимум на 20%.[16] Но как бы то ни было, поступления от пакистанцев, работающих за рубежом, составляют вторую по величине статью доходов из внешних источников после экспортной выручки.

* * *

Опыт исследования показывает, что сдвиги в экономике Пакистана не настолько велики, чтобы соответствовать темпам прироста населения и притоку трудовых ресурсов на рынок рабочей силы.

В связи с этим значительная часть экономически активного населения вынуждена регулярно эмигрировать, чтобы поддержать жизнеспособность своих семей.

Главный же урок демографического роста в Пакистане состоит в том, что государство не может обеспечить увеличивающиеся трудовые контингенты рабочими местами и пока

полной мерой эксплуатируют благоприятную ситуацию в странах, где пакистанская рабочая сила находит продуктивное применение.

Тот факт, что трансферты составляют важный источник поступлений, удовлетворяет власть, которая избегает на текущем этапе социальной напряженности, оставляя в стороне вопрос о целесообразности и эффективности использования полученных таким образом накоплений. Однако в свете нарастающих демографических проблем такой подход к их «решению» не следует, видимо, считать перспективным.

---

[1] Подробно такой подход к анализу демографических процессов освещен в монографии А.В.Заболотского «Трудовые ресурсы Пакистана». М., 1985.

[2] Здесь имеются ввиду расчеты, сделанные, в частности, на базе: А.М.Айрапетов. Таблицы исчисления среднегодовых темпов роста, прироста и снижения. М., «Статистика», 1967.

[3] Pakistan Economic Survey 2009–10. Islamabad, 2010, p. 235. По другим данным, но тоже пакистанским численность населения составляла 174,6 млн. человек («Pakistan Times». 28.09.2010).

[4] Ibid., p. 237. Пакистанские эксперты воспользовались информацией, опубликованной в US Census Bureau International Database. N.Y., 2010.

[5] Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations Secretariat, World Population Prospects: The 2008 Revision.

[6] Составлено по: http://ru.wikipedia.org/wiki/. «Численность населения мира на 1.07.2010.»

[7] Pakistan Economic Survey 2009–10. Islamabad, 2010, p. 242.

[8] Развивающиеся страны. Экономический рост и социальный прогресс. М., 1983, с. 302.

[9] Наглядным примером тому, кроме Пакистана, могут служить и некоторые страны Ближнего и Среднего Востока — Турция, Иран и др. Вместе с тем, во многих странах Латинской Америки наметилась тенденция к уменьшению диспропорций, а в отдельных государствах (например, Аргентина, Уругвай) уже в 90-е годы было достигнуто примерное равенство долей сельского хозяйства в ВВП и занятости (что свидетельствует о сближении этой сферы с несельскохозяйственными отраслями).

[10] The News. 11.07.2009. Однако, с другой стороны, во второй половине 2010 г. (июль-декабрь) на первое место вышли, по предварительным данным, ОАЭ – 1,26 млрд. долл., затем следовали: Саудовская Аравия –

1,14 млрд., США – 998 млн., Бахрейн, Кувейт, Катар и Оман вместе взятые – 626 млн., Великобритания – 577 млн., Евросоюз – 172 млн. долл. (Pakistan Times. 12.01.2011.).

[11] Dawn. 4.10.2002. The News. 11.06.2010.

[12] Подробнее см.: И.В.Жмуйда. Пакистан – мировой лидер по получению зарубежных переводов. – www.iimes.ru. 8 июня 2010 г.

[13] Rabail Shaikh. Worker's Remittances: A major source of strengthening the economy. – «Business & Finance Review». 12.04.2010.

[14] И.В.Жмуйда. Пакистан – мировой лидер по получению зарубежных переводов. – www.iimes.ru. 8 июня 2010 г.

[15] Business Record. 13.10.2008.

[16] PakTribune. 28.10.2009.

Н.М.Мамедова

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ФОРМИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИРИ

В Иране единого центра выработки внешней политики нет. Крайне затруднена идентификация органов и лиц, участвующих в выработке внешнеполитического курса. Хотя проблемы внешней политики активно обсуждаются в средствах массовой информации, официальных основополагающих документов по внешней политике практически нет. Например, нет специальной концепции безопасности и концепции внешней политики, как во многих других странах. Общие концептуальные аспекты содержатся в Конституции, в Перспективном плане развития, или двадцатилетней программе (до 2025 г.), но они носят чрезвычайно ограниченный характер. Уже сам факт отсутствия концептуального официального документа красноречиво говорит о том, что в стране нет единого мнения по вопросам внешней политики. Ее выработкой занимаются духовный лидер – рахбар и его администрация. В процессе участвуют Совет по целесообразности с его исследовательским институтом, президент страны как глава правительства, в составе которого находится министерство иностранных дел, и подчиненные ему вице-президенты, возглавляющие ряд организаций, которые имеют непосредственное отношение к внешней политике (например, Организация атомной энергии) и другие. Но все эти центры неравнозначны – и по степени участия в выработке внешней политики, и по влиянию на ее практическое проведение.

Упомянутая выше двадцатилетняя программа достаточно четко нацеливает иранское общество на необходимость такого повышения политического и экономического потенциала страны, который позволил бы стать Ирану одним из региональных лидеров. Об этом все чаще говорится в заявлениях иранских лидеров, особенно президента страны М. Ахмадинежада. Российские и зарубежные аналитики все больше склонны считать

главной целью внешнеполитического курса превращение Ирана в мощную региональную державу. Означает ли это, что Иран отошел от тех принципов внешней политики, которые были заявлены при создании исламской республики? Возникли ли новые по сравнению с первыми годами власти правовые основы для их изменения? На мой взгляд, те из исламских принципов, которые были закреплены в Конституции (приоритет на отношения с исламскими странами, максимальное ограничение иностранного влияния) и которые служили лозунгами нового строя в первые годы после революции (например, экспорт исламской революции), в достаточной мере остаются актуальными и для нынешнего руководства страной, изменилась лишь риторическая терминология.

Согласно Конституции, определение внешней политики – это прежде всего прерогатива рахбара. Как показывает более чем 30-летний опыт функционирования ИРИ, и в реальной жизни главная роль в выработке внешнеполитического курса остается за рахбаром. Во всяком случае, Двадцатилетняя программа, которая в наибольшем объеме определяет цель и задачи внешней политики ИРИ, разрабатывалась в институте при Совете целесообразности, который формируется рахбаром.

Это обстоятельство нужно учитывать при выстраивании другими странами, в т.ч. Россией, иранского вектора своей внешней политики. То есть, принимать в расчет не только Конституцию, планы-программы, официальные постановления правительства и принимаемые меджлисом законы, но также фетвы и указы рахбара. Достаточно назвать фетву Хомейни о Салмане Рушди, чтобы определить важность такого правового источника для внешних отношений.

Важно также с этой точки зрения, что к числу центров, где формируется внешнеполитическая доктрина Ирана, относятся религиозные научные центры. Главным из них является в настоящее время Кум, в меньшей степени – Мешхед. Именно Кумский центр определяет статус аятолл, которые наделены правом на иджтихад, в т.ч. на толкование внешнеполитических актов. Показательно, что как только встает проблема изменения внешнего курса (например, появляется информация о возможности переговоров с США), по этим проблемам высказываются великие аятоллы страны, а президенты перед принятием важных решений едут в Кум. Например, в конце 2010 г., когда международная ситуация вокруг Ирана осложнилась, лидер

страны Али Хаменеи совершил поездку в Кум и имел продолжительные беседы с аятоллами.

Главной целью внешней политики страны продолжает оставаться распространение влияния ислама, что вполне отвечает нормам конституции, в которой сказано о продолжении исламской революции в стране и перенесении ее за национальные пределы, о необходимости найти путь образования единой мировой уммы. Это не противоречит вполне светской цели – установлению регионального лидерства, наоборот, именно это лидерство сделает более перспективной задачу продолжения исламской революции. Тем не менее, необходимо иметь в виду, что, когда говорится об усилении регионального влияния как о цели внешней политики Ирана, то при такой формулировке теряется первоначальный смысл и создания исламского правления в Иране, и характера его внешней политики. Ведь создание иранской государственности в форме исламского правления – это современный исламский проект. И не просто исламский проект, но проект шиитского государства. Представляется, что долгосрочной целью всей политики режима, в т.ч. и его внешней политики, является успешная реализация этого проекта. Это даст возможность Ирану преодолеть «одиночество» как страны шиитской и персидской. Установление и сохранение исламской формы правления для Ирана – это проект и национальный (позволяет сохранить многонациональное государство как единое целое), и региональный (позволяющий стать региональным лидером), и глобальный (повышает роль ислама как политического фактора в международных отношениях). Это проект имеет еще и другой аспект – шиитский, и как шиитский, он также охватывает эти все три уровня.

Наблюдаемые тенденции в экономическом развитии, в виде постепенного вытеснения из политической жизни духовенства, – объективно делают более актуальной смену целевых парадигм – с обеспечения интересов исламского режима в сторону обеспечения интересов государства как такового. Но пока такой смены не произошло. Да, Иран ставит своей целью повысить свое влияние, но – как страна с существующим режимом. Если исключить в качестве цели власти сохранение исламского режима, то нужно согласиться с тем, что задачи внешней политики ИРИ ничем не отличаются от целей шахского периода. (А в тот период, несмотря на рост экономического и военного потенциала, на поддержку США, Иран, став фактически региональным лидером,

оставался, тем не менее, в «стратегическом одиночестве».) С точки зрения нынешнего руководства Ирана, реализация исламского правления, даже если от него останется не содержание, а лишь форма, сможет более тесно вписать Иран в регион, стать одним из его лидеров. Все центры принятия политических решений понимают, что уменьшение потенциала государства может привести к маргинализации идеи исламского правления, и главное – исламского правления в шиитском варианте.

Нужно отметить, что постепенная утрата исламского характера правления не обязательно может привести к большей прозрачности внешней политики. Ахмадинежад и его группировка заняли почти монопольное положение во властных структурах, отстранив от власти сторонников старых идеологов революции, но это не снизило оппозиционности режима к существующему мировому порядку, и Ахмадинежад не устает призывать к установлению нового миропорядка.

Учет значимости исламского фактора интересен и с точки зрения перспектив развития политической ситуации в стране. Большинство отечественных и зарубежных аналитиков практически однозначно оценило развернувшееся в 2009 г. «зеленое движение» как свидетельство не только демократических тенденций в общественной жизни страны, но и сближения Ирана с Западом, с мировым сообществом. Впервые за тридцать лет иранское общество в столь масштабных рамках открыто заявило, что оно выступает против исламского режима и отрицает легитимность власти. Но следует обратить внимание на то, с каких позиций лидеры этого движения критиковали власть. Основным параметром критики со стороны покойного аятоллы Монтазери, а также представителей исламского модернизма Соруша и Кадивара, которые представляют собой ядро одного из центров формирования новых взглядов, находящихся за рубежом, стала идея о несоответствии действующего в Иране исламского строя изначальному проекту исламской системы, заложенному в период революции. По их мнению, в стране наблюдается искажение целей и задач исламского государства, разработанного имамом Хомейни. Вполне возможно, что это своеобразный политический маневр, позволяющий выступать против проводимой политики в рамках конституционных норм. Но само сохранение идеи исламского проекта, да еще в виде возврата к фундаменталистским ценностям, свидетельствует пока о потенциале именно исламского фактора.

Схематично взгляды различных групп на методы распространения исламской революции и исламского влияния можно условно сгруппировать следующим образом:

Группировка	**Методы**	**Годы**
Консерваторы, радикалы	Военные, идеологические	1979–1988 гг.
прагматики	экономические	1989–1996 гг.
реформаторы	культурные	1997–2004 гг.
Неоконсерваторы и радикальные консерваторы	Военная поддержка исламских организаций, идеологическое воздействие	2005–2010 гг.

Говоря о внешнеполитическом курсе режима, нельзя не отметить в качестве одного из главных его направлений противостояние чуждому влиянию. Нужно сказать, что этот аспект всегда был крайне актуален для внешнеполитического курса различных режимов в Иране. В истории Ирана XX в. были периоды «негативного равновесия», «позитивного равновесия», «опоры на третью силу». Во взглядах на внешнюю политику исламского режима с точки зрения его ориентации на различные страны можно выделить такие периоды и направления:

Политика негативного равновесия и ориентация на мусульманские страны	Период Хомейни (1979–1988)	Консерваторы-фундаменталисты, радикалы (внешнеэкономический курс)
Политика позитивного равновесия (СССР и Европа)	Период Рафсанджани (1989–1994)	прагматики
Опора на третью силу – Россию	Период Рафсанджани (1995–1997)	прагматики
Политика позитивного равновесия (Россия, Европа, попытки улучшить отношения с США)	Период Хатами (1997–2004)	Реформаторы (перешедшие из группы радикалов)
Опора на третью силу – Россию	Парламентские выборы 2004 г. – середина 2009 г. (период Ахмадинежада)	неоконсерваторы
Опора на третью силу – Китай	С середины 2009 г.	Радикальные консерваторы

Все большее влияние на внешнюю политику начинают оказывать идеи национализма. Само понятие иранского национализма в ИРИ начинает претерпевать изменения. Акценты на доисламское прошлое, позволяющие Ирану считать себя «великой нацией», несомненно, играют огромную роль в региональной политике Ирана, особенно на центральноазиатском треке.

Несмотря на существование внутри страны разных взглядов на внешнюю политику, до настоящего времени на формирование внешнеполитического курса решающее влияние оказывают взгляды тех, кто противостоит существующему миропорядку. Главными факторами этого противостояния в настоящее время являются ядерная программа Ирана и палестино-израильская проблема. При этом нужно иметь в виду, что палестинская проблема существовала и до исламской революции и до ядерной программы. Если ядерная проблема является инструментом в проведении внешней политики и может быть кардинально изменена, изменение позиции Ирана по палестинской проблеме представляется более сложным. Палестинская проблема как особая позиция входит в набор тех осевых понятий духовенства, которые противостояли шахской внешней политике, сыграли роль в оказании особой же поддержки обездоленному мусульманскому народу. При этом в системе внешних отношений Иран объективно был и остается заинтересованным в налаживании отношений с Израилем как противовесом арабскому влиянию. В шахский период отношения с этим государством усиливали военно-политический потенциал Ирана как регионального лидера. В настоящее время Иран использует поддержку «Хезболле» и ХАМАС для сближения с мусульманскими странами, с одной стороны, и для противостояния с США, с другой. Причем, в зависимости от находящихся у власти различных политических группировок в истории внешнеполитического курса ИРИ были периоды открытой поддержки палестинцев, скрытой (неофициальной) поддержки «Хезболла», а в период президентства Ахмадинежада – официальной поддержки.

Практически все центры выработки внешнеполитического курса, включая оппозиционные правительству Ахмадинежада группировки, единодушны в необходимости повышения экономического потенциала, используя внешнеэкономические отношения. Для Ирана – этот аспект внешней политики чрезвычайно

важен, так как Иран является страной с высоким внешнеторговым потенциалом, стоящим на экспорте нефти, импорте технологий и полуфабрикатов, необходимых для развития промышленности. Резкое ограничение его внешнеторговой активности оказывает крайне негативное влияние на экономику и, как следствие, на политическую жизнь страны. В этой связи особое значение, с точки зрения проведения внешнеполитического курса, может иметь такой фактор, как расширение санкций, особенно санкций ЕС. Снижение экономического потенциала может изменить цель экономического развития – со стратегии роста на стратегию выживания. Это отразится на региональной политике, в которой в последние годы культурная компонента удачно подкреплялась экономической – поставками продукции, энергоресурсов и капиталов. С определенной долей вероятности можно предположить, что это может повлиять и на изменение позиции иранского руководства по ядерной проблеме, а следовательно, – на изменение внешней политики на глобальном уровне.

Д.А.Марьясис

ИЗРАИЛЬ. ПУТЬ В ОЭСР

В конце 80-х годов прошлого века Израилем был взят курс на углубление экономической интеграции в современную систему мирохозяйственных связей. К шестидесятилетнему юбилею страны удалось пройти огромный путь от в целом довольно закрытой экономики социального равенства до открытой рыночной, в основном соответствующей лучшим мировым стандартам, постиндустриальной экономики начала XXI в.[1]

Начиная с 1992 г. одной из главных стратегических задач Израиля на этом пути является вступление в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Различные экономические и политические кризисы как внутри страны, так и международные затягивали этот процесс. Однако в начале 2010 г. руководством ОЭСР было объявлено о возможности вступления Израиля в эту организацию до конца этого года. Так и произошло. 10 мая 2010 г. Совет ОЭСР одобрил принятие Израиля в свои ряды. Формальное вступление состоялось 27 мая 2010 г. в Париже. Теперь уже в качестве члена ОЭСР Израиль должен будет постоянно доказывать состоятельность своей социально-экономической политики.

В открытых источниках имеется достаточно информации об ОЭСР, ее истории, принципах, целях, структуре, поэтому в рамках статьи нет смысла останавливаться на этом подробно. Однако стоит вспомнить несколько деталей.

Итак, образованная в 1961 г. ОЭСР является в настоящий момент форумом 33 наиболее развитых государств мира, придерживающихся принципов рыночной экономики и демократической формы правления. Различные организационные структуры занимаются постоянным анализом конъюнктуры финансовых рынков, социально-экономического развития, ситуации в сфере борьбы с коррупцией, состояния окружающей среды как в мире в целом, так и в странах-членах организации в частности. На различного рода форумах вырабатываются совме-

стные решения, к исполнению которых могут присоединиться также и государства, не входящие в ОЭСР. Подобная активная работа ведет к унификации национальных стандартов, что способствует более эффективному сотрудничеству между странами.

Для того чтобы стать членом этой организации, надо следовать сложной процедуре. После того как Совет ОЭСР решает пригласить страну для обсуждения возможности ее вступления в организацию, представителям различных комитетов организации ставится задача проверить политическую и законодательную систему страны-кандидата на предмет возможности принятия ею всех обязательств, возлагаемых на члена ОЭСР. Наиболее значительную роль при этом играет Инвестиционный комитет, который проверяет способность страны-кандидата следовать Принципам свободного движения капиталов и текущих «невидимых»[2] операций, если она станет членом организации. Следование упомянутым принципам означает, что страна не отдает предпочтение своим национальным источникам по отношению к другим странам-членам, а также какой-либо одной стране по отношению к другой стране-члену ОЭСР. Когда страна-кандидат проходит весь необходимый для вступления (т.е. для соответствия нормам ОЭСР) в организацию путь реформирования собственной экономической и законодательной системы, собирается заседание Совета организации, на котором происходит подписание Соглашения о присоединении к ОЭСР, которое затем ратифицируется парламентом присоединяющейся страны, после чего она становится полноправным членом организации[3].

История основательных взаимоотношений Израиля и ОЭСР началась в марте 1996 г., когда ее Совет министров удовлетворил израильский запрос об участии в деятельности организации. В настоящее время Израиль в полной мере принимает участие в работе более пятидесяти комитетов, рабочих групп и других целевых объединений в качестве полноправного члена, постоянного или временного наблюдателя.

Последней по времени структурой ОЭСР, к которой присоединился Израиль, перед тем как стать полноправным членом организации, стал Центр развития ОЭСР. Израиль, а также Вьетнам и Египет вошли в Совет управляющих Центра в марте 2008 г. Этот центр был основан в 1962 г. как полунезависимая структура, чьими членами являются как члены ОЭСР, так и

другие страны. Центр является площадкой для контактов стран-членов ОЭСР и стран с развивающейся экономикой[4]. По состоянию на конец 2010 г. в этой структуре состоят 39 стран. В 2009/2010 гг. рабочая программа Центра фокусировалась на Африке, Ближнем Востоке, Латинской Америке и Азии. Новые члены Центра приняли участие в дискуссиях, аналитических работах в рамках этой 2-летней программы, они также получили право предлагать свои идеи и задействовать своих специалистов для их реализации.

В начале 2000-х годов из-за мирового кризиса рынка высоких технологий и палестинского восстания (интифада Аль-Акса) экономическая и политическая ситуация в Израиле значительно ухудшилась, поэтому о серьезных переговорах по вступлению Израиля в ОЭСР речи идти не могло. Однако во второй половине прошедшего десятилетия стране не только удалось справиться с серьезным экономическим кризисом, но и выйти на качественно новый этап своего экономического развития, чему в немалой степени способствовали либеральные реформы министра финансов в правительстве А. Шарона – Б. Нетаньяху[5]. Такая ситуация позволила Израилю возобновить попытки присоединиться к ОЭСР. Для того чтобы лучше подготовиться к этому процессу, Израиль в 2006 г. обратился за помощью к Австралии и Японии. Также в 2006 г., уже после войны в Ливане, израильтянам на различных встречах удалось убедить представителей организации начать подготовку детального отчета по стране, чтобы на его основе потом подготовить заключение о возможности вступления Израиля в ОЭСР в ближайшее время.

Переломным во взаимоотношениях Израиля и ОЭСР стал 2007 г. – 16 мая того года Совет организации решил пригласить Израиль начать официальное обсуждение членства в ОЭСР. В заявлении Совета ОЭСР было сказано, что Генеральный секретарь организации должен установить условия и параметры процесса вступления в ОЭСР Израиля и еще четырех стран и представить их на утверждение Совета. Вне зависимости от этого Совет всегда имеет возможность поднять политические вопросы, связанные с процессом вступления этих стран, которые передаст им Генеральный секретарь[6].

Израильские специалисты полагают, что уже после этого заявления Совета ОЭСР мировое сообщество стало относиться к Израилю фактически как к члену престижной группы раз-

витых промышленных стран мира. Следует признать, что Израиль середины 1990-х – это конечно не Израиль 2007 г. Тогда членство в ОЭСР должно было способствовать признанию позиций Израиля в мировом сообществе, стимулировать приток иностранных инвестиций в страну. Сегодня этот шаг подтверждает принадлежность Израиля к наиболее развитой части мировой экономической системы[7].

Уже 20 мая 2007 г. правительство Израиля единогласно приняло решение начать полномасштабный процесс вступления в организацию. Была создана межправительственная группа для решения всех задач, с этим связанных, так как процесс вступления в ОЭСР сопровождается крупномасштабной проверкой экономики Израиля, а также влечет за собой необходимость ратифицировать различные конвенции, принятые этой организацией. Особо стоит выделить Конвенцию по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при ведении международных деловых операций. Критерии ОЭСР были также приняты израильской налоговой системой и распространены на такие сферы, как внутреннее управление, права человека, образование, условия конкуренции. Кроме того, эта группа должна была заложить надежный фундамент для определения политики Израиля в рамках ОЭСР после присоединения страны к этой организации.

В ноябре 2007 г. Генеральный секретарь ОЭСР посетил Израиль с официальным визитом. Он встретился с премьер-министром страны, министром финансов и другими профильными министрами. Целью переговоров явился процесс вступления Израиля в эту организацию. 30 ноября 2007 г. Совет ОЭСР одобрил «дорожную карту» присоединения страны к организации. В этом документе были обозначены три основных компонента. Во-первых, оценка приверженности Израиля фундаментальным ценностям – плюралистичной демократии, основанной на верховенстве закона; уважении прав человека; открытой рыночной экономике. Во-вторых, сверка законодательной и политической системы Израиля с правовыми нормами ОЭСР. В-третьих, оценка политики Израиля в некоторых важных областях, таких как движение капитала, инвестиции, борьба с коррупцией, финансовые операции и рынки, окружающая среда, корпоративное управление, страхование, конкуренция, политика в области науки и технологии, общий курс в сфере информации, компьютеризации и коммуникации, ситуация в сфере потребления и т.д.[8]

Во время своего визита Генеральный секретарь ОЭСР А. Гурриа заявил на Конференции премьер-министра Израиля по экспорту и международному сотрудничеству, проходившей в Тель-Авиве, что не существует определенной даты принятия Израиля в члены организации, так как это слишком ответственный шаг, чтобы действовать неосмотрительно. Израиль и его экономическая политика прошли проверку. Ситуация и процессы, проходившие в стране, соответствовали критериям ОЭСР, что значительно облегчало задачу. Гурриа отметил, что подготовка Израиля к вступлению в организацию является примером для всего остального мира. Тем не менее государству необходимо принять еще ряд важных мер. В частности, Банк Израиля должен получить полную самостоятельность[9].

В январе 2008 г. делегация ОЭСР во главе с заместителем Генерального секретаря организации посетила Израиль с целью начать официальный процесс присоединения. По итогам этого визита межминистерской подготовительной группой Израиля были созданы 18 профессиональных команд по каждой из областей, упомянутых в «дорожной карте». Эти команды приступили к подготовке ответов на вопросы, предложенные специалистами ОЭСР, а также к проверкам, которые проходили в течение 2008–2009 гг.

Параллельно с процессом вступления израильским специалистам было необходимо следить за текущей деятельностью структур ОЭСР, вовлеченных в процесс оценки возможности и желания Израиля принять на себя все обязанности полноправного члена организации. Израиль получил право присоединиться ко всем структурам ОЭСР, занимающимся оценкой в рамках процесса присоединения этой страны к организации[10].

В начале августа 2008 г. ОЭСР одобрила первую ступень вступления Израиля в свои ряды. На этой стадии израильская команда подготовила предварительный меморандум по 250 законодательным позициям, требуемым для исполнения социально-экономической политики ОЭСР и других правил организации; ОЭСР приняла меморандум и после рассмотрения вернула его на доработку и для разъяснения ряда вопросов, в частности в сфере налогообложения. Исправленный израильский меморандум был одобрен ОЭСР. Израильским командам было сообщено, что они могут переходить ко второй стадии процесса, а именно к групповым обсуждениям таких вопросов, как нало-

гообложение, законодательные вопросы, экология, энергетика, занятость и безработица и др. Для этой цели до конца 2008 г. было запланировано восемь дискуссионных сессий. Делегации из ОЭСР приезжали в Израиль для проведения дискуссий по указанным темам с израильскими командами. Специалисты организации также проверяли претворение в жизнь законодательных актов, принятых Израилем в процессе вступления в ОЭСР[11]. В тот момент казалось, что страна станет полноправным членом этой организации уже к концу 2009 г.

Однако мировой финансово-экономический кризис внес свои коррективы в планы израильского экономического истеблишмента – вступление в ОЭСР пришлось отложить, чтобы бросить все силы на минимизацию негативного воздействия кризиса на экономику страны. Однако уже в конце декабря 2009 г. стало известно, что Генеральный секретарь ОЭСР А. Гурриа 18 января 2010 г. посетит Израиль с визитом, чтобы обсудить с руководством страны основные выводы очередного отчета, составленного специалистами ОЭСР, о социально-экономическом состоянии страны по итогам 2009 г. и провести консультации по поводу скорейшего вступления Израиля в организацию[12]. Этот визит состоялся в указанные сроки. Его итоги можно назвать для Израиля позитивными: Гурриа объявил, что ожидается вступление страны в ОЭСР в первой половине 2010 г. При этом он указал на ряд проблем (отмеченных в отчете), решением которых Израиль должен был в ближайшее время заняться, чтобы стать членом этой организации[13]. Представляется, что специалисты ОЭСР остались довольны мерами, предпринятыми израильским правительством, так как уже в мае 2010 г. состоялось принятие страны в эту организацию, о чем говорилось в начале статьи.

Представляется интересным привести краткий анализ экономического развития Израиля в 2007–2009 гг., т.к. 2007 г. – это еще докризисный период, а развитие экономики в 2008–2009 гг. протекало уже под знаком мирового финансово-экономического кризиса. Ведь одним из важных показателей зрелости экономической системы является ее способность нивелировать негативное воздействие подобных кризисов. По возможности, данные по Израилю показаны в сравнении со средними данными по ОЭСР. Это дает более четкое представление об уровне требований организации к странам-членам и о степени соответствия Израиля этому уровню.

К настоящему моменту Израилю удалось создать разветвленную высокотехнологичную открытую экономическую систему, во многом отвечающую высшим мировым стандартам.

С экономической точки зрения 2007 г. явился продолжением позитивных изменений в Израиле, начавшихся после выхода страны из экономического кризиса 2000–2003 гг. Позитивная динамика наблюдалась во многих сферах: так, ВВП страны, растущий с 2004 г. темпами выше 5% в год, вырос в 2007 г. на 5,4% (табл. 1); быстрый рост поддерживался в основном за счет роста делового сектора, быстрого роста экспорта и сокращения безработицы (уменьшение безработицы началось в 2004 г.).

Таблица 1.

Динамика основных макроэкономических показателей Израиля и ОЭСР

	2007		2008		2009		Среднее 1998–2008 гг.	
	Израиль	ОЭСР*	Израиль	ОЭСР*	Израиль	ОЭСР*	Израиль	ОЭСР*
Темпы роста ВВП	5,4	3,7	4	0,6	0,7	-3,5	3,8	3,1
Рост ВВП на душу населения	3,5	3,2	2,2	0,3	-1	-4	1,7	2,5
ВВП на душу населения ($ тыс.) в текущих ценах	22,8	40,1	27,3	-	26,7	-	19,8	28,7
Уровень безработицы	7,3	5,9	6,1	5,9	7,6	8,2	8,9	6,8
Уровень инфляции (в течение года)	3,4	3,5	3,8	3,6	3,9	0,5	2,4	4
Экспорт (% от ВВП)**	37,1	44,8	40,9	41,6	36,6	-	32,1	40,9
Доход от налогов (% от ВВП)	36,5	36,8	33,3	-	31,3	-	35,9	35,9
Государственный долг (% к ВВП)	79,4	57,6	76,9	78,4	79,4	90	91,3	62

* В среднем по странам–членам ОЭСР.

** Для Израиля – экспорт за исключением бриллиантов.

Источник: Bank of Israel. Annual Report – 2008, 19.04.2009, table 1.2.; Bank of Israel. Annual Report – 2009, 30.05.2010, table 1.A.2.

Изменился и характер экономического роста страны: при сокращении производственного разрыва рост все в большей степени стал основываться на количественном увеличении факторов производства, а не на повышении их продуктивности – в 2007 г. резко возрос уровень занятости и выросли инвести-

ционные потоки. Повысился объем частного потребления, и давление спроса стало ощутимым, что, между прочим, отразилось в сокращении профицита по текущим платежам и быстром росте импорта[14].

Индекс потребительских цен (ИПЦ) вырос в 2007 г. на 3,4%, что было выше запланированного на тот год максимума. Причиной этому стали как внешние факторы – рост мировых цен на топливо и продовольствие, так и рост внутреннего спроса.

До конца 2007 г. негативное влияние начинавшегося тогда мирового финансового кризиса на экономику Израиля в целом и на его финансовые рынки, в частности, было умеренным. Но по мере развития кризисных явлений специалисты пришли к выводу, что его негативное воздействие на экономическую систему страны усилится как непосредственно – через влияние на финансовую систему Израиля, так и косвенно – из-за спада мировой экономической активности.

Правительство продолжало проводить поддерживающую экономический рост политику: бюджетный дефицит был ликвидирован, а отношение государственного долга к ВВП продолжило снижение. Цель по расходам была исполнена. Сокращалось также и общественное потребление по отношению к ВВП.

Среди проводимых в 2007 г. реформ следует отдельно отметить комплекс мер по сокращению налогового пресса. Несколько лет назад стало очевидно, что несмотря на адекватную западным стандартам долю налогов в ВВП (табл. 1), вес косвенных налогов, согласно исследованию Центра политической экономики и Фонда Фридриха Альберта, выше, чем в других странах. Редактор исследования д-р Й. Габай – бывший Уполномоченный по сбору подоходного налога – утверждал, что уровень прямых налогов (подоходный налог и отчисления в Институт государственного страхования) в целом является одним из самых низких на Западе. Габай связал это с прогрессивной налоговой политикой Израиля и большим разрывом в доходах между самыми богатыми и самыми бедными 10% граждан страны. Первые получают 40% доходов Израиля и платят 70% всех подоходных налогов. При этом израильтяне с совокупным доходом в 12–13 тыс. шекелей в месяц платят больше всех налогов в мире. Это означает, что израильский средний класс подвергается самому сильному налоговому давлению. По словам д-ра Габая, наибольшей проблемой являлись косвенные налоги, такие как НДС, налог на транспорт,

топливо и табак. Эти налоги были самыми высокими среди западных стран. Косвенные налоги в Европе составляли в тот период 10–12%, в то время как в Израиле – 16%[15].

Для решения этой проблемы был разработан план дальнейшего сокращения налога на прибыль корпораций с 29% в 2007 г. до 25% в 2010 г., а также по внедрению отрицательного подоходного налога и общему сокращению налогового бремени на группы населения с низким и средним уровнем дохода[16].

Иллюстрацией стабильности экономической системы Израиля накануне глобального кризиса может служить ее реакция на Ливанскую кампанию лета 2006 г. – большинство отраслей хозяйства страны подверглось лишь незначительному временному отрицательному воздействию. По оценкам специалистов Банка Израиля, война стоила стране потери 0,5% ВВП. Причем темп экономического роста, отмеченный в первой половине 2006 г., был восстановлен уже в четвертом квартале того же года. Финансовые рынки Израиля также продемонстрировали стабильность – после небольшого падения показателей, наблюдавшегося во время боевых действий, они возобновили свой рост в соответствии с довоенными трендами[17].

2008 г. начался для Израиля относительно благоприятно, однако уже во второй половине этого года негативное воздействие мирового финансово-экономического кризиса начало сказываться на экономическом состоянии страны все больше. Хотя ВВП Израиля увеличился по итогам года на 4%, в последнем квартале он на самом деле сократился. Причиной послужило падение спроса, приведшее к сокращению производства как для нужд внутреннего рынка, так и на экспорт (который тоже существенно снизился). На тот момент проблемы с кредитованием, приведшие к сокращению предложения, были еще мало ощутимы. К концу года также значительно сократились налоговые поступления и частное потребление[18].

Следуя тенденции предыдущих лет, уровень безработицы в Израиле в начале 2008 г. продолжал падать, сократившись по итогам года до уровня в 6,1%, достигнув самого низкого уровня в текущем десятилетии (табл. 1). Однако осенью того же года рост занятости прекратился, зарплаты упали, а безработица начала расти.

До сентября 2008 г. в Израиле наблюдалась высокая инфляция, отражавшая рост мировых цен на энергоносители и избыточный спрос в экономике страны. В последнем квартале

того же года, вслед за падением цен на углеводороды и снижением уровня избыточного спроса, снизилась и инфляция. Вместе с тем по итогам года ИПЦ вырос на 3,8%, превысив запланированный уровень.

Монетарная политика страны соответствовала требованиям момента. С сентября 2008 г. учетная ставка снижалась несколько раз, достигнув своего исторического минимума. Банк Израиля купил значительное количество иностранной валюты, чтобы увеличить резервы и сдержать дефляцию шекеля.

Финансовый сектор страны претерпел значительные негативные изменения, но все же они были меньше, чем в большинстве других стран. Упала стоимость акций и корпоративных облигаций, также значительно увеличились кредитные спрэды. Финансовые институты Израиля, включая банки, продемонстрировали устойчивость. Ни одному из банков не понадобилось государственное вмешательство, и ни один из них не обанкротился. Это явилось следствием в меру консервативной политики государства в банковской сфере, осуществлявшего постоянный надзор за частными банками. Между тем небанковский кредитный рынок стал зоной риска и основной причиной сокращения кредитного предложения[19].

В 2008 г. продолжилось сокращение уровня государственного долга в соотношении к ВВП, хотя и более медленными темпами, чем ранее. Впервые с 2004 г. фискальная политика была экспансивной, что наряду с сокращением ставок налогов, уменьшением уровня активности и проблем на рынке капитала, приведших к снижению налоговых поступлений, способствовало росту дефицита.

При этом наблюдался экономический рост в более слабых секторах экономики. Этому способствовали механизмы рынка труда. В 2007–2008 гг. прослеживался рост занятости среди групп населения с низким уровнем образования, что привело к некоторому сокращению уровня бедности в этот период. В 2008 г. впервые стала применяться программа кредита по подоходному налогу на зарплату, стимулирующая рост дохода среди низкооплачиваемых рабочих[20]. Сокращение числа иностранных рабочих также положительно сказалось на возможности израильтян получить работу в низкооплачиваемых секторах и уровне получаемой ими зарплаты[21].

В 2009 г., несмотря на все ожидания и происходящее в других экономически наиболее развитых странах мира, изра-

ильская экономика выросла. В этом году, который войдет в историю как один из наиболее сложных периодов в мировой экономической истории, ВВП Израиля вырос на 0,7%, в то время как средний уровень роста по ОЭСР был негативным, т.е. наблюдалось падение ВВП на 3,5%.

В начале 2009 г. ВВП Израиля сократился на 1,5%, потом Банк Израиля предсказал нулевой рост, а итоговый результат оказался даже немного лучше, хотя производство в деловом секторе упало на 0,4%. Экономическое восстановление страны началось во второй половине 2009 г. и приобрело более определенные черты в сентябре–декабре того же года, когда на фоне улучшения некоторых тенденций в мировой экономике возросли внутренний частный и общественный спрос, а также наметился определенный рост экспорта (в начале года он значительно сократился, а импорт рос). Рост израильского подушевого ВВП сократился на 1%, а рост того же показателя в странах ОЭСР – на 4%[22].

Банк Израиля, во главе которого стоит один из наиболее авторитетных в мире специалистов проф. С. Фишер, взял на себя главную роль (как ему и положено по статусу) в сдерживании финансовой составляющей кризиса. В принципе предпринимаемые им меры были признаны успешными, но некоторые детали до сих пор вызывают оживленные споры, в том числе и у специалистов ОЭСР. Так, еще в сентябре 2008 г. Центробанк значительно понизил учетную ставку, но уже в августе 2009 г., вслед за улучшением мировой и внутренней конъюнктуры, повысил ее с 0,5% до 0,75%. В ноябре того же года он произвел еще один раунд повышения ставки до уровня в 1%, чего не сделал к тому времени ни один из Центробанков стран ОЭСР. В январе 2010 г. ставка была повышена до 1,25%. Также следует отметить, что до марта 2008 г. Банк Израиля придерживался стратегии невмешательства на рынок иностранной валюты, но с того месяца он начал ежедневные интервенции с целью увеличения золотовалютных запасов страны. Специалисты ОЭСР особо отмечают, что даже когда намеченные цели были достигнуты, ЦБ Израиля продолжил интервенции на валютном рынке, хотя и не с такой частотой. По их мнению, несмотря на то, что увеличение золотовалютных запасов было оправданным, следовало как можно быстрее прекратить практику вмешательства ЦБ в рыночные процессы, а С. Фишер не торопился это делать[23]. С одной стороны, подоб-

ная политика оказалась оправданна – удалось избежать коллапса финансовой системы Израиля, и уровень инфляции в 2009 г., составив 3,9%[24], был лишь на 0,9% выше запланированного, но с другой стороны, подобная активная политика ЦБ вкупе с другими факторами повышала уровень инфляционных ожиданий, что само по себе способствовало росту цен. Международные эксперты видят в подобных действиях, помимо всего прочего, опасность излишней централизации на валютном рынке, что могло в будущем отрицательно сказаться на позиции Израиля в мировых финансовых институтах.

Кризис привел к необходимости определенного реформирования Банка Израиля. В результате сложнейших переговоров между его управляющим и министром финансов Ю. Штайницем была принята новая формула управления банком, при которой регулирование инфляции остается главным приоритетом ЦБ, но при этом политически важные действия стали предприниматься не единолично управляющим, а большинством голосов специально созданного монетарного комитета банка. Также был утвержден новый управляющий орган – Совет директоров. За банком сохранялась функция основного советника правительства по экономической политике.

Дефицит бюджета в 2009 г. составил 5% ВВП – что было ниже запланированного. Это произошло из-за более быстрого восстановления экономики и соблюдения уровня расходов, близкого к намеченному. При этом по-прежнему высоким, несмотря на жесткие меры бюджетной консолидации, оставался уровень государственного долга по отношению к ВВП – 76,8% в 2008 г. и 79,4% в 2009 г. Рост государственной задолженности происходил на фоне мирового кризиса и роста индекса ИПЦ. По мнению министра финансов Израиля, такой незначительный рост хотя и являлся негативным фактором, все же говорил об устойчивости израильской экономики, поскольку в ряде стран Запада этот показатель значительно вырос в связи с необходимостью срочного увеличения государственных расходов (табл. 1). Однако эксперты ОЭСР считают, что в обозримом будущем фискальная политика Израиля должна будет концентрироваться именно на проблеме государственной задолженности (согласно общепринятым западным стандартам, уровень госдолга к ВВП не должен превышать 60%) и дефицита бюджета. При этом отмечалось, что бюджетные расходы на ВПК в процентном отношении к ВВП в Израиле были выше

среднего показателя по странам ОЭСР, а на гражданские нужды – ниже.

Торговый дефицит Израиля в 2009 г. составил 4,86 млрд. долл. – самый низкий уровень с 1990 г. Экспорт (за вычетом бриллиантов, кораблей и самолетов) составил 86,6% импорта, что было на 15% выше, чем в 2008 г.[25] Интересно также отметить, что, согласно данным ЦСБ Израиля, в 2009 г. произошло значительное увеличение профицита по текущим операциям страны – этот показатель достиг 7,5 млрд. долл., что являлось наибольшим значением за всю историю страны. В 2009 г. профицит баланса по текущим операциям составил 3,7% ВВП, тогда как в 2008 г. он равнялся 0,7% ВВП, а в 2007 г. – 2,6%. По данным ЦСБ, подобный рост профицита по текущим операциям был обусловлен резким сокращением потребления топлива в Израиле[26].

Таким образом, если в целом рассматривать экономическую ситуацию в Израиле в кризисный период, то оказывается, что страна неплохо справилась с влиянием негативных мировых процессов. Подобная оценка нашла отражение в выводах как экспертов ОЭСР, так и специалистов Международного валютного фонда (МВФ), отраженных в опубликованном 25 января 2010 г. специальном докладе по Израилю[27]. При этом социальная составляющая экономической системы страны по-прежнему вызывает беспокойство международных экспертов.

В частности, 20% домохозяйств Израиля находятся за чертой бедности, в то время как в среднем по странам ОЭСР этот показатель составляет 11%. При этом большинство бедных принадлежит к двум группам населения страны – арабам и ортодоксальным иудеям. По мнению экспертов ОЭСР, такая ситуация во многом является следствием не всегда оправданной политики государства по отношению к ним, в особенности к арабам-гражданам Государства Израиль. Отмечается низкая степень вовлеченности обеих групп в трудовые отношения, а также недостаточный для современного мира уровень образования. Но если для евреев-ортодоксов это во многом сознательный самостоятельный выбор, то для арабской части населения Израиля зачастую это результат дискриминационной политики властей. Решение проблемы, по мнению экспертов ОЭСР, следует искать в основном в двух плоскостях: реформе образовательной системы[28], изменении ситуации на рынке труда. Интересно, что страна, еще 20 лет назад жившая в сис-

теме «государства всеобщего благоденствия», сегодня тратит на социальные услуги лишь 16% ВВП, в то время как страны–члены ОЭСР – в среднем 21% ВВП[29].

На рынке труда Израиля ситуация была неоднозначной. С одной стороны, безработица в 2009 г. в Израиле составила 7,6%, а в среднем по ОЭСР – 8,2%. С другой, Израиль уже довольно длительное время не может справиться с наплывом иностранных рабочих в страну – как легальных, так и нелегальных, что, во-первых, осложняет ситуацию с трудоустройством арабов – граждан Израиля, а во-вторых, повышает уровень криминогенности в стране, усиливает социальную напряженность. Известно также, что 40% израильтян в возрасте 15–64 лет не работают добровольно или по другим причинам. В странах ОЭСР этот показатель равен 33%[30].

Если говорить про многолетние тренды, то Израиль продолжает извлекать выгоду из своих относительных преимуществ в сфере высоких технологий. Доля венчурного капитала в ВВП страны – самая высокая среди стран-членов ОЭСР. Наибольшая часть высокорисковых инвестиций в Израиле приходится на компании ранних стадий в телекоммуникационной сфере и области биотехнологий. По количеству компаний, котирующихся на NASDAQ, страна уже в течение довольно долгого времени удерживает первое место среди государств за пределами Северной Америки. Также следует отметить, что по состоянию на 2008 г. среди стран, не являющихся членами ОЭСР, у Израиля было самое высокое отношение количества патентов к ВВП и патентов к населению[31]. На протяжении ряда лет соотношение затрат на гражданские НИОКР к ВВП в Израиле является самым высоким среди всех стран-членов ОЭСР – 4,9% по сравнению с 1,7% в среднем по ОЭСР (наиболее близкими к Израилю по этому показателю являются Швеция, Финляндия, Япония, Корея, США). По данным ЦСБ в 2006 г., 78,3% гражданских НИОКР осуществляются бизнес-сектором Израиля. 52% расходов на гражданские НИОКР шли за счет Комитета по бюджету и планированию университетов. В последние годы наблюдается процесс снижения уровня затрат на НИОКР университетов при росте доли частных компаний в области информационных технологий и биотехнологий.

Достижения Израиля в экономическом развитии нашли признание международных организаций, чье мнение влияет на формирование отношения к стране. Так, в начале 2008 г. World

Economic Forum (WEF), публикующий индекс конкурентоспособности 131 страны мира, поставил Израиль на 17-ю строчку сразу за Норвегией и перед Францией (для сравнения: Россия в этом рейтинге заняла 58-е место). Кризисные годы негативно повлияли на позиции Израиля по этому индексу, отодвинув его сначала на 23-ю строчку, а к началу 2010 г. – на 27-ю (Россия на 63-м месте)[32]. Представляется, все же, что это временное явление. При этом, если посмотреть на этот индекс и на индекс IMD[33] по отдельным категориям, то оказывается, что Израиль по-прежнему входит в пятерку мировых лидеров в таких сферах, как приток венчурных инвестиций, качество и доступность высокопрофессиональной рабочей силы, доступность высоких технологий, государственные и частные расходы на гражданские НИОКР, степень защиты инвестиций. А по оценкам Всемирного банка, ежегодно составляющего индекс условий для ведения бизнеса по 183 странам, по состоянию на май 2009 г. Израиль занял 29-е место (Россия – 120-е). Страна особенно привлекает инвесторов своим защитительным законодательством и простотой трансграничной торговли, а также легкостью получения кредита и открытия собственного дела[34].

Позитивные изменения в экономике Израиля, а также достаточно уверенное прохождение страной максимально опасного кризисного периода за последние 80 лет были отмечены и наиболее авторитетными рейтинговыми агентствами. Сначала, в ноябре 2007 г., «Standard&Poor's» опубликовало сообщение о повышении кредитного рейтинга страны как в долгосрочной перспективе, так и в краткосрочной. Этому примеру последовали в феврале 2008 г. «Fitch» (правда, это агентство снизило прогноз на 18 месяцев с «положительного» на «стабильный»), затем в апреле и «Moody's» (см. диагр.1 приложения). Показательно, что это первое изменение израильского кредитного рейтинга за девять лет (а для «S&P» и «Fitch» – за 13)[35]. В пресс-релизах все трех агентств говорится о том, что причиной таких изменений стала эффективная бюджетная политика Израиля, направленная на сокращение отношения государственного долга к ВВП. Известно, что этот показатель был слишком высоким для страны с развитой экономикой, однако за последние годы в результате целенаправленной дисциплинированной политики его удалось снизить до уровня в 80% в конце 2007 г., что уже соответствует верхней границе для группы наиболее развитых стран мира[36].

При всех очевидных экономических успехах Израиля существует ряд областей, где его показатели не столь высоки. В статье уже говорилось о необходимости изменений в налоговой системе страны, потребности дальнейшего снижения уровня государственного долга к ВВП. Для создания объективной картины происходящего следует назвать также и другие проблемы современной экономики Израиля.

Так, банковская система Израиля в 2005 г. по методологии индикаторов финансовой стабильности МВФ заняла 19-ю строчку среди 23 стран-членов ОЭСР. По данным Центробанка страны, для достижения среднего уровня среди членов ОЭСР израильской банковской системе необходимы улучшения в двух наиболее важных для банковской стабильности областях – достаточности основного капитала и недействующих кредитов[37]. При этом отмечается, что в 2006 г. ситуация в обеих сферах улучшилась. Регулятивный капитал израильских банков по отношению к оцененным по рискам активам составил в 2005 г. 10,7%, по сравнению с 12,2% в среднем по странам–членам ОЭСР. Израильские банки заняли 14-е место в рейтинге по соотношению недействующих кредитов к общему их объему и 4-е – по чистой открытости относительно обменного курса, с незначительным уровнем открытости[38].

Также нуждаются в улучшении логистические системы Израиля. Об этом говорится в отчете Всемирного Банка. В отчете 155 стран ранжированы в соответствии с индексом выполнения логистических задач, который основан на данных поставщиков услуг по транспортировке и других составляющих. В 2009 г. Израиль занял 31-ю строчку в индексе выполнения логистических задач. Согласно отчету, плохие логистические возможности Израиля означают, что стоимость перевозки товаров для израильского экспорта в два раза дороже аналогичной стоимости для стран Запада ($1 000 за контейнер против $500 в других странах), а стоимость израильского импорта – в три раза выше аналогичного показателя по ОЭСР[39]. Эти данные подтверждаются индексом развития инфраструктуры, который является частью синтетического индекса конкурентоспособности, рассчитываемого WEF. Израиль занял по этому показателю в 2009 г. лишь 44-ю строчку, что говорит о достаточно низком уровне развития инфраструктуры страны. Опасение вызывает тот факт, что, по версии WEF, показатели Израиля в этой сфере ухудшаются, так как еще в 2007 г. страна была на 28-й строке

рейтинга[40]. Тревожной также представляется тенденция ухудшения состояния тех компонентов инфраструктуры страны, которые напрямую связаны с сектором высоких технологий. Так, по данным ОЭСР, средняя скорость связи с Интернетом в Израиле – одна из наиболее низких среди развитых стран. Тогда как всего лишь несколько лет назад Израиль гордился одним из самых высоких показателей в мире по степени распространения широкополосного доступа в Интернет[41].

Израиль также демонстрирует довольно низкие показатели по заработной плате учителей, которая составляет 40% от средней зарплаты данной категории работников стран-членов ОЭСР. Так, по данным обзора «Education at a Glance 2010», опубликованного ОЭСР в начале сентября 2010 г., израильский учитель начальной школы с пятнадцатилетним стажем зарабатывал в 2008 г. $19 868, в то время как средний уровень по ОЭСР составлял в тот момент $39 426, что практически в 2 раза больше израильского показателя. При этом, по данным исследования, в Израиле в 2006–2007 гг. на 8% (в паритетах покупательной способности) выросли расходы на одного ученика, также Израиль потратил в 2007 г. 4,1% ВВП на школы, что выше среднего уровня по ОЭСР, составившего на тот год 3,6%. Однако израильские классы переполнены – 28 детей в среднем в классе, в то время как в странах-членах ОЭСР в среднем 22 ученика в классе. Интересно, что среднее количество часов преподавания на одного ученика в любом возрасте одно из наиболее высоких среди исследованных стран. При этом количество часов преподавания на одного учителя в среднем ниже, чем в странах-членах ОЭСР. В 2008 г. в израильской начальной школе этот показатель составил 755 часов (в среднем по ОЭСР – 786), а в средней школе – 541 (в среднем по ОЭСР – 661)[42].

Известно, что Израиль находится в числе стран, чьи экспортеры наиболее интенсивно занимаются подкупом местных чиновников. В свете того, что борьба с коррупцией – одна из наиболее важных задач ОЭСР, Израилю необходимо принимать экстренные меры по улучшению ситуации в этой области, в частности предать гласности итоги расследований подобных случаев в сфере ВПК.

Довольно плохи показатели Израиля и в совокупном социальном балансе, несмотря на очень высокий уровень продолжительности жизни и в целом прогрессивную пенсионную систему. Социальный баланс в Израиле – разница в доходах между

богатыми и бедными – это слабая позиция по отношению к среднему уровню по странам–членам ОЭСР. Более того, этот разрыв увеличивается.

Но внутриполитическая ситуация в Израиле даже хуже, чем социальный баланс. Здесь речь идет о стабильности правительства и уровне насилия. Частые выборы отрицательно влияют на политическую стабильность, а на уровень насилия негативное воздействие оказывает фактор наличия терроризма. По мнению Генсека ОЭСР, экономическое будущее страны зависит от ее возможностей проводить реформы, которые все еще необходимы для сглаживания перекосов и сокращения уровня вмешательства правительства в экономику Израиля, который по-прежнему слишком высок. Политические процессы также должны быть реформированы так, чтобы обеспечить реализацию экономических реформ. В этом состоит одна из наибольших трудностей для всех стран-членов ОЭСР[43].

Вместе с тем нельзя не отметить, что правительство Израиля по возможности оперативно старается реагировать на критику, звучащую в его адрес как со стороны представителей ОЭСР, так и других международных организаций. В представленных министерством финансов Израиля в начале 2010 г. приоритетах макроэкономической политики страны на ближайшие годы отмечены практически все требующие реформирования, по мнению международных экспертов, элементы хозяйства, что также нашло отражение в принятом летом того же года перспективном бюджете Израиля на 2011–2012 гг.[44]

Итак, Израиль стал членом одной из наиболее престижных международных межгосударственных структур. Сам по себе процесс вступления в ОЭСР позитивно сказался на экономическом развитии страны. Все же необходимо разобраться в том, что дает Израилю членство в ОЭСР, кроме получения безусловно престижного, улучшающего экономический имидж страны (который итак совсем неплох) статуса.

Во-первых, вступление в ОЭСР уже само по себе является международным признанием качества экономической политики Израиля. Во-вторых, это будет служить дополнительной гарантией для иностранных инвесторов, которые доверяют «знаку качества» ОЭСР, при принятии ими решения об инвестициях в Израиль. Сегодня, когда весь мир так или иначе борется с последствиями мирового кризиса, когда происходит формирование новых подходов к международной финансовой деятельности

и потенциальные инвесторы крайне скрупулезно рассматривают все варианты для инвестиций, этот аспект становится более важным для Израиля, чем это можно было предположить в 2007 г. – в начале активного процесса подготовки вступления страны в ОЭСР.

В-третьих, членство в ОЭСР будет иметь положительное влияние на кредитный рейтинг Израиля, что снизит затраты на привлечение заемного капитала. Как уже отмечалось ранее, с кредитным рейтингом у Израиля все в порядке. Однако одно значимое изменение произошло и в этой сфере. Аналитическая компания «Morgan Stanley Capital International» (MSCI), присваивающая свои рейтинги мировым фондовым рынкам с 1969 г., именно 27 мая 2010 г. повысила статус Израиля с оценки «развивающийся рынок» до уровня «развитый рынок»[45]. Эта реклассификация открывает Израилю доступ к финансовым средствам инвесторов, вкладывающих только в развитые рынки, так как, являясь ведущим поставщиком эталонных индексов и аналитических продуктов по управлению рисками, MSCI рассчитывает целый ряд фондовых индексов – глобальный, региональные и национальные. Многие инвестиционные фонды формируют свои портфели в соответствии со структурой данного индекса, а некоторые даже не имеют права вкладывать средства в акции, не включенные в них[46].

В-четвертых, от Израиля потребуется соответствовать всем стандартам ОЭСР. В частности, будет необходимо использовать принятую в организации методологию сбора и анализа статистических данных как для использования их в международных сравнениях, так и для принятия политических решений. По мнению экспертов, для Израиля это будет иметь большое значение, так как многие государственные ведомства обычно стараются сохранить свою деятельность как можно менее прозрачной, а в ОЭСР принято предоставлять детальную статистику по всем направлениям социально-экономической жизни страны[47]. Большая открытость также положительно скажется на качестве внутреннего управления, ибо приведет к необходимости интенсифицировать внутренние экономические реформы. При этом надо будет учитывать рекомендации специалистов ОЭСР. К тому же Израиль сможет принимать участие в разработке новых международных стандартов организации, что немаловажно.

Таким образом, к настоящему моменту Израиль прошел большой путь от потенциального кандидата в ОЭСР к полноправному членству в этой престижной организации. Особенно значительных успехов в процессе вступления Израилю удалось добиться в 2007–2009 гг. Социально-экономические показатели Израиля неоднородны. Наряду с удовлетворительными и даже хорошими данными экономического развития уровень социального неравенства и политической нестабильности оказывают негативное воздействие на общее представление о стране. Вероятно, именно политические причины и постоянные проблемы с безопасностью привели к тому, что Израиль только в 2010 г. присоединился к ОЭСР, тогда как некоторые страны–члены организации, уступающие Израилю по большинству других показателей, стали ее участниками раньше него.

---

[1] Подробнее см. Марьясис Д.А. Израиль в системе международных экономических отношений (1985–2005 гг.). – М.: ИВ РАН и ИБВ, 2007.

[2] «Невидимые» операции – торговые сделки в сфере услуг.

[3] Информация предоставлена на основе материалов, опубликованных на сайте www.oecd.org

[4] Wollberg E. Israel joins OECD Development Center. – www.globes.co.il, 23.03.2008.

[5] Подробнее об этом см.: Марьясис Д.А. О реализации чрезвычайной программы экономической стабилизации Израиля // Государство Израиль: политика, экономика, общество. Сборник статей. – М.: ИВ РАН, 2006, с. 112–131.

[6] Globes' correspondent and Klein Z. OECD to open membership talks with Israel. – www.globes.co.il, 16.05.2007.

[7] Temkin A. Israel steps up a league. – www.globes.co.il, 17.05.2007.

[8] Israeli Participation in OECD Activities: 2007. Ministry of Finance, International Affairs Department, July 2008.

[9] Keidan A. OECD head: Israel must keep central bank independent. – www.globes.co.il, 01.11.2007.

[10] Israeli Participation in OECD Activities: 2007. Ministry of Finance, International Department, July 2008.

[11] Filut A. Israel moves ahead on OECD acceptance. – www.globes.co.il, 04.08.2008.

[12] Filut A. OECD secretary-general to visit Israel in January. – www.globes.co.il. 17.12.2009.

[13] Filut A. OECD head: Israel will be a member this year. – www.globes.co.il. 19.01.2010.
[14] Bank of Israel. Annual Report – 2007, 01.04.2008, с. 1.
[15] Niv S. Israelis earning NIS 12–13 thousand pay world's highest taxes. – www.globes.co.il, 05.07.2006.
[16] Ministry of Finance, International Affairs Department, Economic Highlights 2nd Quarter 2008, July 2008, с. 8.
[17] Israel: Ready for the OECD. Ministry of Finance, International Affairs Department, April 2007, с. 21.
[18] Bank of Israel. Annual Report – 2008, Chapter 1, The Economy and Economic Policy, 19.04.2009, с. 1–2.
[19] Там же, с. 6.
[20] Налоговый кредит на заработанный доход – налоговый вычет для налогоплательщиков с детьми и доходом ниже определенного уровня. Впервые такая схема начала применяться в США в 1975 г.
[21] Bank of Israel. Annual Report – 2008, 19.04.2009, с. 7.
[22] Bank of Israel. Annual Report – 2009, Chapter 1, Israel's Economy and The Global Crisis, 30.05.2010, с. 1–2.
[23] Economic Survey of Israel, 2009. Policy Brief. с. 5. OECD, 2009.
[24] Этот уровень инфляции значительно выше среднего по странам ОЭСР, составившего в 2009 г. 0,5%. (см. табл.1).
[25] Israel Central Bureau of Statistics. Monthly Bulletin of Statistics No. 7/2010.
[26] Filut A. Current account surplus second highest on record. – www.globes.co.il. 25.01.2010.
[27] Подробнее см. Israel: Staff Report for the 2009 Article IV Consultation. IMF, Washington D.C., 25.01.2010.
[28] Образовательная система в Израиле подвергается критике с разных сторон. В этой статье нет возможности обсудить проблему подробнее, однако стоит сказать, что у специалистов есть опасения, насколько Израиль будет в состоянии поддерживать адекватное развитие сектора высоких технологий в будущем, если сегодня не реформировать систему образования страны.
[29] Economic Survey of Israel, 2009. Policy Brief. с. 7–9. OECD, 2009.
[30] Temkin A. OECD slams Israel's social economic policy. – www.globes.co.il. 20.01.2010.
[31] Israel: Ready for the OECD. Ministry of Finance, International Affairs Department, April 2007, с. 41–45.
[32] См. www.gcr.weforum.org.

[33] IMD – International Institute for Management Development (Lausanne) ежегодно представляет Global Competitiveness Yearbook, являющийся очень авторитетным аналитическим источником.
[34] World Bank. Doing Business 2010 Report. – www.doingbusiness.org.
[35] Подробнее об истории кредитного рейтинга Израиля см.: Марьясис Д.А. Израиль в системе международных экономических отношений (1985–2005 гг.). – М.: ИВ РАН и ИБВ, 2007, с. 159–163.
[36] По материалам сайта www.standardpoors.co.il и статей www.globes.co.il: Fitch raises Israel rating, 11.02.2008; Moody's upgrades Israel, 18.04.2008.
[37] Кредиты, по которым не выполняются условия первоначального соглашения, т.е. не уплачены взносы за определенный период и т.п.
[38] Klein Z. Israeli banks near bottom of OECD. – www.globes.co.il, 21.10.2007.
[39] World Bank. Logistics Performance Index. 2010.
[40] См. www.gcr.weforum.org.
[41] Perez G. Israel among countries with slowest Internet connection. – www.globes.co.il. 07.12.2009.
[42] Goldenberg R. Israeli teachers earn 40% of OECD average. – www.globes.co.il. 07.09.2010.
[43] По материалам статей www.globes.co.il: Keidan A. OECD head: Israel must keep central bank independent, 01.11.2007; Korin-Lieber S. Israel's record mixed as OECD candidate, 16.01.2008; Klein Z. Fischer: OECD membership will help, but reforms must continue, 21.01.2008.
[44] Подробнее см. об этом: Марьясис Д.А. Некоторые аспекты макроэкономической политики Израиля в 2010 г. – М.: ИБВ, www.iimes.ru, 20.08.2010.
[45] Israel Ministry of Finance. International Affairs Department. Economic Highlights, 2nd Quarter 2010. – www.financeisrael.mof.gov.il, July 2010.
[46] Информация с сайта www.rating.rbc.ru
[47] Temkin A., OECD membership means greater transparency. – www.globes.co.il, 10.05.2010.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Диаграмма 1

Кредитный рейтинг Израиля

Источник: Israel Ministry of Finance. International Affairs Department. Economic Highlights, 1st Quarter 2010, с. 5. www.financeisrael.mof.gov.il, April 2010.

Диаграмма 2

Процент безработных среди рабочей силы

Источник: Statistical Abstract of Israel #61. Central Bureau of Statistics, Diagram 28.01.2010.

Диаграмма 3

ВВП на душу населения по паритетам покупательной способности (ППС) и обменным курсам

2008

Источник: Statistical Abstract of Israel #61. Central Bureau of Statistics, Diagram 28.02.2010.

Диаграмма 4

Государственные расходы на гражданские НИОКР

Источник: Statistical Abstract of Israel #61. Central Bureau of Statistics, Diagram 28.04.2010.

Е.С.Мелкумян

СУЛТАНАТ ОМАН: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Султанат Оман – государство, расположенное в регионе Персидского залива, член Совета сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ). В последние несколько десятилетий Оман постепенно, но неуклонно осуществляет реформирование своей политической системы и расширяет горизонты своей внешнеполитической деятельности. Пример Омана подтверждает общие закономерности развития стран этого региона, в то же время он по-своему уникален, так как страна прошла путь изменений в очень сжатые сроки. Важным этапом современного политического развития этого государства стало принятие в 1996 г. Основного закона – конституции страны, в которой впервые была определена структура власти и полномочия различных ее ветвей.

Основной закон государства. В ноябре 1996 г. декретом султана Кабуса бин Саида был принят Основной закон государства (*Ан-Низам аль-асасий ли ад-дауля).* В его преамбуле говорилось, что султан принял этот документ, «основываясь на принципах, которые лежат в основе политического курса, проводившегося государством в предшествующие годы в различных сферах. Он намерен и далее прилагать усилия ради построения лучшего будущего, которое будет отличаться дальнейшими достижениями на благо отчизны и ее граждан. Этот документ был подготовлен ради укрепления международного положения, которое занимает султанат, и его роли в поддержании мира, безопасности, справедливости и сотрудничества между различными государствами и народами, опираясь на общие интересы этих государств и народов»[1].

Принятие конституции знаменовало собой, таким образом, наступление нового этапа в развитии султаната Оман. Сам же этот шаг стал возможным, когда страна уже добилась определенных успехов в своем развитии, в том числе во внешней политике.

Первая статья Основного закона государства провозглашала султанат Оман «арабским, исламским, независимым государством», обладающим «полным суверенитетом» со столицей в Маскате. Во второй статье говорилось, что ислам является государственной религией, а шариат – основой законодательства.

Среди оманского населения примерно 45% составляют приверженцы ибадизма, 50% – сунниты и 5% – шииты и индусы. Правящая семья принадлежит к ибадитской ветви ислама[2].

Ислам остался важной частью жизни султаната, но он деполитизирован. Правительство поощряет публикацию и распространение литературы ибадитских богословов, но ибадитская идеология не влияет на политику. Нынешний муфтий Омана – Ахмед ибн Хамад ибн Сулейман Аль-Халили, выходец из Занзибара, считает, что различия между ибадизмом и суннизмом не имеют серьезного значения[3]. Власти султаната выступают за единство всех мусульман.

Пятая статья Основного закона провозглашает султанскую наследственную власть, которая передается по мужской линии потомкам сейида Турки бин Саида бин Султана. Наследник престола должен быть правоверным мусульманином, дееспособным, законным сыном оманских родителей – мусульман. Султан Турки бин Саид бин Султан, который правил с 1871 г. по 1888 г., в оманской историографии считается основателем оманской государственности. В период его правления был установлен контроль над Дофаром. Султан Турки пошел на установление более тесных связей с Великобританией, что было гарантией сохранения стабильности в стране.

В шестой статье Конституции содержится разъяснение по поводу наследования власти султана. В ней говорится, что Совет правящей семьи в течение трех дней после того, как трон султана стал вакантным, должен определить, кто его займет. Если Совет правящей семьи не может достичь соглашения по кандидатуре будущего султана, то эту функцию должен выполнить Совет обороны, который при этом руководствуется указаниями прежнего султана, которые он должен оставить, направив письмо Совету правящей семьи.

Совет обороны был создан декретом султана в декабре 1996 г. Его возглавляет лично султан, а его членами являются министр дворцовой канцелярии, который также возглавляет бюро верховного главнокомандующего, генеральный инспектор полиции и таможни, командующие вооруженными подразделе-

ниями, а также командующий королевской гвардией и глава внутренней безопасности[4].

В султанате Оман не зафиксирован принцип прямого наследования, то есть передача власти от отца к одному из сыновей, как это и происходило в Омане в течение всего XX века. Это связано с тем, что у султана Кабуса нет наследников. Поэтому вопрос престолонаследия приобретает особую остроту. Достаточно сложная процедура престолонаследования, предусмотренная в Основном законе страны, предоставляет широкие возможности для гибкого решения этой проблемы.

Основной закон провозглашает, что власть осуществляется на основе справедливости, совещательности (*аш-шура*) и равенства всех граждан – принципов, гарантируемых Основным законом и законодательными положениями (ст. 9). Таким образом, Конституция опирается на исламские традиции, которые предусматривают соблюдение всех этих принципов.

Две статьи Конституции – 10 и 11 определяют политические и экономические основы султаната. Политические принципы предусматривают сохранение независимости, суверенитета, территориальной целостности, отражение любой агрессии, а также выполнение заключенных страной договоров и соглашений.

Экономические принципы гарантируют развитие экономики на основе «справедливости» и «принципов свободной экономики» при тесном взаимодействии между частным и государственным секторами. В основе экономического развития страны лежит регулярное пятилетнее планирование, следование которому позволило заложить основы современной индустрии и сельского хозяйства, диверсифицировать хозяйственную жизнь, поднять благосостояние населения и укрепить базу социального обеспечения[5].

Специальный третий раздел Конституции посвящен правам и обязанностям граждан. В нем основное внимание уделяется личному статусу оманских граждан, которые не могут быть лишены гражданства ни при каких обстоятельствах. Они равны перед законом, имеют право покинуть страну и вернуться в нее.

Гражданам Омана гарантированы и некоторые политические права, такие как свобода мнений, свобода печати, свобода проведения собраний и создания общественных организаций. Но все эти положения оговариваются соблюдением целого ря-

да условий, которые дают возможность властям в случае необходимости лишить граждан всех этих прав.

В четвертом разделе Основного закона, посвященном полномочиям главы государства, отмечается, что султан является главой государства и верховным главнокомандующим. Он – «символ национального единства, стоящий на страже его сохранения». Среди обязанностей султана – председательствование в совете министров или же назначение его председателя (ст. 42). Однако сосредоточение в руках султана значительного числа властных полномочий (он является и премьер-министром страны) не противоречит Конституции Омана, хотя, в принципе, она допускает возможность разделения власти между султаном и назначенным им премьер-министром.

Административная система государства также возглавляется султаном Кабусом. Она состоит из королевской канцелярии, министерства дворцового офиса, кабинета министров, секретариата кабинета, специализированных советов, управленческого аппарата провинций Маската и Дофара, а также Совета Омана[6].

Совет Омана (*Маджлис Уман*) является органом представительной власти. Он состоит из двух палат – Консультативного совета (*Маджлис аш-шура*) и Государственного совета (*Маджлис ад-дауля).* Порядок их формирования и функционирования не изложен в Основном законе, а был регламентирован специальным законом.

Члены Государственного совета – верхней палаты, назначаются султаном. Однако закон устанавливает, из кого султан должен выбирать кандидатов в этот Совет (статья 12). Это – бывшие министры и их заместители, бывшие послы, бывшие верховные судьи, ушедшие в отставку высшие офицеры. В Совете представлены люди, «обладающие знаниями и опытом в области естественных и гуманитарных наук», деятели культуры, профессора университетов и других высших учебных заведений, бизнесмены, лица, имеющие особые заслуги перед страной. Султан по своей воле может назначить кого-либо из других категорий граждан, не перечисленных в этом списке. Список лиц, из которых правитель страны выбирает депутатов верхней палаты, существует и в других арабских странах, например, Бахрейне. Их перечень аналогичен оманскому. Это положение подтверждает

тот факт, что политические системы всех стран Залива имеют немало общих черт.

Консультативный совет – нижняя палата парламента, формируется на основании итогов всеобщих, прямых и тайных выборов, в которых участвуют все граждане страны, как мужчины, так и женщины. Провинции, в которых проживает более 30 000 жителей, выдвигают четырех кандидатов. Из них два должны быть избраны в состав парламента. Провинции с меньшим числом жителей выдвигают по два кандидата, из которых один должен стать депутатом парламента. Избранные члены парламента обязаны оставить свою прежнюю работу. Срок действия полномочий депутата составляет три года[7].

Кандидаты в члены Консультативного совета должны отвечать следующим условиям: они должны быть не моложе тридцати лет, характеризоваться хорошей репутацией, ответственностью и высоким уровнем образования. В 1994 г. число членов Совета было увеличено до 80 чел. По мере роста населения страны возрастает и число депутатов. В 1998 г. их стало 82[8]. В результате выборов, состоявшихся в 1994 г., депутатами Совета впервые стали две женщины[9]. Они сохранили свой мандат и на последующих выборах.

Обе палаты Совета Омана должны действовать в тесном взаимодействии с Советом министров, которому эти палаты ежегодно представляют отчет о проделанной ими работе.

Закон о деятельности Консультативного совета определил сферу его полномочий. Депутаты нижней палаты рассматривают все проекты законов до их передачи султану и дальнейшего опубликования. Они выносят свои рекомендации относительно законов, которые поступают к ним из Совета министров, и формулируют свою точку зрения по проблемам, которые были вынесены на обсуждение правительства. Кроме того, члены Консультативного совета обязаны давать рекомендации правительству относительно проектов развития, предусмотренных в пятилетних планах, а также оказывать содействие в их осуществлении.

Министров, возглавляющих ведомства, деятельность которых направлена на обеспечение потребностей населения и повышение их уровня жизни, могут вызывать на заседания Консультативного совета, где они представляют отчеты о проделанной их министерствами работе. Заседания парламента, на которых заслушиваются министры, транслируются по мест-

ному телевидению и привлекают пристальное внимание оманского общества.

Основная часть работы Консультативного совета осуществляется в комитетах – экономическом, здравоохранения и социальных дел, юридическом, образования и культуры, услуг и развития на местах, экологическом и других. Депутаты Совета не обладают законодательной инициативой. Их роль в управлении государством ограничена, но, учитывая тот факт, что опыт органов представительной власти в Омане невелик, создание этого выборного органа было несомненным достижением оманской власти.

Со своей стороны Государственный совет занимается подготовкой предложений, касающихся планов развития страны, и рассматривает проекты законов до их публикации в «Официальной газете». Кроме того, султан или совет министров вправе поставить перед членами верхней палаты задачу дать свое заключение по актуальным проблемам развития страны (статья 18). Этот орган не утверждает законы, играя вспомогательную роль в государственном управлении.

Участие женщин в деятельности парламента отразило те изменения, которые произошли в оманском обществе благодаря усилиям со стороны власти и лично правителя государства. Султан Кабус поощряет участие оманских женщин в политической и общественной жизни страны. 17 октября каждого года в Омане празднуется День оманской женщины.

Оманских женщин назначают на ответственные должности в государственных учреждениях, в том числе и в дипломатической сфере. С каждым годом увеличивается доля работающих женщин и их численность в общем составе экономически активного населения. Кроме того, женщины деятельно участвуют в бизнесе.

Тем не менее уровень политизации общества в Омане пока еще значительно отстает от соседних арабских стран. Парламент не является органом, в котором представлены партийно-политические силы. Их формирование – дело будущего. Выборные кампании в нижнюю палату парламента, которые осуществляются каждые три года, проходят спокойно, борьба между кандидатами ведется, главным образом, по региональному признаку.

Оман вступил на путь политической и социальной модернизации только после 1970 г., когда на престол взошел нынешний правитель страны – султан Кабус бин Саид.

Правитель султаната – Кабус бин Саид родился 18 ноября 1940 г. в Салале. Он получил начальное образование в Омане. Затем отец отправил его в Англию, где он два года обучался в частной школе в городке Бери-Сент-Эдмундс в графстве Суффолк и окончил ее в 1960 г. В том же году он поступил в Королевское военное училище в Сандхерсте, в котором учились многие известные политики и военачальники, в том числе и из стран Ближнего Востока. После окончания военного училища Кабус бин Саид принял решение служить в британской армии, чтобы в дальнейшем использовать полученный им опыт для создания современной оманской армии. Он выбрал для прохождения службы шотландский Камерунский полк, входивший в состав 11-й бригады, расквартированной в Германии. Этот полк участвовал в боях против повстанцев Дофара в Джебель Ахдар на стороне султана Омана.

Военная служба будущего султана продолжалась семь месяцев, в течение которых он командовал мотострелковым подразделением, прошел практику в штабах различного уровня, участвовал в маневрах. После окончания службы Кабус бин Саид вернулся в Великобританию. Его отец настоял на том, чтобы молодой человек совершил кругосветное путешествие для знакомства с миром. Кабус бин Саид посетил известные европейские столицы – Рим, Париж, Афины, а также города азиатских стран – Турции, Ирана, Индии, Пакистана и Японии. В Бомбее состоялась его встреча с дедом – Теймуром бин Фейсалом, который в 1932 г. отрекся от престола в пользу своего сына[10].

Закончилось путешествие будущего султана посещением США и Канады. После трехмесячного путешествия Кабус бин Саид целый год провел в Англии, в графстве Гемпшир, где изучал систему деятельности британских правительственных учреждений и муниципального самоуправления. В 1964 г., после шестилетнего отсутствия он вернулся в Оман. В Омане Кабус бин Саид продолжил свое образование, изучив историю своей страны и основы шариата.

После возвращения из-за границы Кабус бин Саид попал под фактический домашний арест[11]. Отец не позволял ему покидать дворец в Салале, принимать посетителей без его разрешения и заниматься какой-либо деятельностью. Он никак не участвовал в управлении страной и видел своего отца в лучшем случае раз в году[12].

В этих сложных условиях Кабус бин Саид готовил почву для свержения своего отца, рассчитывая при этом на англичан. Помогло ему и то, что 18 июня 1970 г. лейбористы проиграли на выборах в парламент, и правительство ушло в отставку. Пришедшее ему на смену правительство консерваторов дало понять будущему султану, что не будет препятствовать смене власти, так как ему нужен стабильный Оман и спокойная ситуация в Заливе в целом, чтобы планомерно осуществить вывод войск из этого региона.

23 июля 1970 г. султан Саид бин Теймур был отстранен от власти и на престол вступил его сын Кабус. 9 августа 1970 г. Султан Кабус обратился к своим согражданам с речью, в которой сказал: «Я обещаю вам всем, что моей непосредственной задачей будет скорейшее создание сильного современного правительства, чьей первой задачей станет упразднение ненужных ограничений, от которых вы, мой народ, страдаете сейчас, и обеспечить вам всем в ближайшее время более счастливое и гарантированное будущее»[13]. В своей речи новый правитель Омана подчеркнул, что он вынужден был сменить своего отца, который «был неспособен использовать для нужд своего народа недавно обретенное богатство (имелась в виду нефть – *Е.М.*). Вот почему я лично начал контролировать ситуацию в стране. Моя семья и мои вооруженные силы присягнули мне на верность. Бывший султан покинул султанат»[14].

Новый правитель страны начал с того, что изменил название и флаг государства. «Оман и Маскат», как ранее называлась страна, было заменено на «Оман». Новый флаг объединил в себе цвета Омана и Маската – красный и белый, соответственно, став трехцветным – бело-красно-зеленым. Зеленый цвет символизировал плодородие оманской земли[15].

Все ограничения на передвижения оманцев были сняты. Султан пригласил вернуться в страну земляков, которые ее когда-то покинули, и участвовать в созидании ее нового будущего. Многие из них откликнулись на этот призыв и вернулись в Оман.

Султан Кабус совершил поездку по стране, впервые посетив ее внутренние районы. Там он встречался с шейхами племен и другими авторитетными людьми, поддержка которых была ему необходима для проведения реформ. Многодневные поездки нового султана по различным провинциям стали традиционными. Они позволяли получить на местах информацию

о проблемах, с которыми сталкивались жители Омана, что помогало султану принимать верные решения.

Коренных изменений требовали все сферы государственного управления и социально-экономического развития. Оман не был связан регулярным сообщением с другими странами, в нем не существовало современной системы здравоохранения и образования, не было боеспособных вооруженных сил. Султан Кабус был решительно настроен на превращение отсталой, по сути дела, средневековой страны в современное государство.

Этот этап развития Омана был очень сложным, поскольку правитель султаната нуждался в формировании ранее никогда не существовавшей в стране системы государственного управления. В силу этого обстоятельства султан был вынужден объединить в своих руках многие государственные посты, что не всегда приносило положительные результаты. Так, он назначил себя министром финансов, не являясь человеком, компетентным в этих вопросах.

Султан взял на себя ответственность за оборону и обеспечение национальной безопасности. Для того чтобы координировать деятельность различных структур, связанных с этой сферой, в 1973 г. был создан Совет национальной безопасности, пост руководителя которого занял султан Кабус[16]. Членами Совета стали министр иностранных дел и заместитель министра обороны (министром обороны был сам султан). В 1975 г. губернатор Дофара также стал членом Совета национальной безопасности. Кроме того, в него входили: командующий оманской армией – британский генерал-майор, глава разведки, советник по вопросам безопасности, экономический советник и глава полиции (все они были подданными Великобритании)[17].

В султанате была создана дворцовая канцелярия, занимавшаяся протокольными вопросами: проведением заседаний правительства, публикацией их решений, подписанием декретов султаном и контролем за их реализацией, организацией контактов с министрами, разбором жалоб и предложений, рутинной работой правительства, назначениями государственных чиновников.

Султан Кабус стремился добиться от государственных служащих, чтобы в своей работе они использовали западные методы. Этот процесс был длительным, тем не менее правитель Омана последовательно проводил эту линию. Он подчер-

кивал, что «если они (государственные чиновники – *Е.М.*) работают честно, с чувством ответственности, не ради личных интересов… Но, если они сойдут с верного пути… то соответствующие законодательные меры будут предприняты против них, согласно принципам справедливости нашей власти»[18].

Для подготовки государственных чиновников нового типа был создан департамент гражданских служащих, который должен был заниматься формированием административных кадров с помощью экспертов ООН. Деятельность этого департамента была, однако, затруднена тем, что сама постановка вопроса о необходимости готовить квалифицированные кадры администраторов была новой для Омана. Как правило, государственными служащими становились благодаря своему происхождению или протекции.

В то же время в Омане был создан учебный Институт государственной администрации, который также готовил кадры для государственного аппарата. Кроме того, этот Институт осуществлял различные программы по переподготовке кадров и их профессиональному тренингу.

В 1975 г. в султанате была создана Законодательная канцелярия, задачей которой стало рассмотрение всех предлагаемых законов, международных соглашений и государственных контрактов, а также подготовка проектов султанских декретов. В 1994 г. эта канцелярия была заменена министерством законодательных вопросов.

По мере принятия новых законов и обретения опыта Совет министров постепенно превращался в активно действующий орган. Министры стали нести ответственность за деятельность своих министерств и самостоятельно принимать решения. Поэтому султан смог оставить посты министра обороны и министра иностранных дел.

Социальная сфера являлась центральной в деятельности правительства, а поэтому реформы в Омане были направлены прежде всего на подъем уровня жизни населения. Началось жилищное строительство для различной категории граждан: с высокими доходами, с ограниченными доходами и для бедняков. В предшествующий период истории Омана жилищного строительства для граждан государство не осуществляло. Если в стране и строились дома, то только для иностранных специалистов, занятых в нефтяной компании или вооруженных силах.

Реализация планов жилищного строительства осуществлялась как государственными, так и частными строительными компаниями. Сначала координация этой деятельности была возложена на министерство земли и муниципальных вопросов, но в конце 1984 г. было создано министерство жилищного строительства, которое взяло на себя ответственность за эти проблемы.

Кроме того, в рамках выполнения социальной программы началось строительство больниц и медицинских центров на всей территории страны. Ранее в Омане была только больница американской миссии и несколько небольших клиник. Правительство поставило задачу создать современную систему здравоохранения.

Не менее приоритетной была и задача по развитию системы образования. Главной трудностью была нехватка кадров преподавателей. Ее пытались решить, привлекая оманцев, которые эмигрировали и получили образование за рубежом. Кроме того, были приглашены преподаватели из арабских стран. Следующей задачей стало обеспечение всех детей школьного возраста возможностью посещать школы.

За сравнительно небольшой исторический срок в области образования были достигнуты впечатляющие успехи. Так, к 1975 г. доля грамотного населения в Омане возросла до 30%. В 1975 г. насчитывалось 214 школ, в которых обучались 56 тысяч учащихся, и в них работало 2 тыс. преподавателей. Расходы на образование с каждым годом увеличивались. Если в 1975 г. они составляли 1,8% бюджета, то в 1980 возросли до 4,1%, а в 1990 г. – до 6,9% и имели тенденцию к дальнейшему увеличению[19].

Вопрос о высшем образовании был поставлен султаном Кабусом в 1980 г., когда он заложил первый камень в строительство университета своего имени. Университет был построен в 1986 г. и тогда же были приняты первые студенты на пять факультетов: образования и исламского богословия, медицинский, инженерный, науки и сельского хозяйства. Факультет искусств возник в 1987 г., а в 1993 был открыт факультет торговли и экономики.

Реформы султана также включали в себя создание ранее не существовавшей в стране информационной системы. В 1970 г., через неделю после того, как султан вступил на престол, он издал декрет о создании первой радиостанции. Она не была

мощной, но для султана было принципиально важным, чтобы его выступления услышали оманцы по всей стране. Спустя несколько месяцев, в декабре 1970 г. открылась еще одна радиостанция. В 1972 г. начала вещать радиостанция на средних волнах. Ее радиовещание стало регулярным. Число радиостанций увеличивалось с каждым годом, и их мощность возрастала.

Телевидение появилось в Омане только в 1974 г. В 1975 г. телевизионная станция в Салале вышла в эфир провинции Дофар. С 1979 г. в Омане стали использовать спутники для нужд местного телевидения[20].

В 1986 г. декретом султана было создано Оманское агентство новостей (ОАН). В 1970 г. увидела свет первая оманская газета «Аль-Ватан», а с 1975 г. – газета на английском языке «Тайм оф Оман».

Таким образом, султан и сформированное им правительство смогли в короткий срок создать государственные структуры управления, наметить направления экономического развития и добиться определенных результатов в социальной сфере и сфере информации.

Огромной заслугой султана Кабуса стало развитие взвешенной и продуманной внешней политики.

Внешнеполитическая деятельность. Первыми странами, которые признали новую власть в Омане стали Великобритания, Саудовская Аравия и Кувейт. В октябре 1970 г. Оман посетил эмир Абу-Даби, будущий президент ОАЭ Зайед бин Султан Аль Нахайян. Однако установление контактов с другими арабскими странами оказалось долгим и сложным. Несмотря на то, что султан Кабус в начале 1971 г. направил специальные миссии в ряд арабских стран (Саудовскую Аравию, Кувейт, Иорданию, Ирак, Йемен, Ливан, Марокко, Алжир и Египет), в марте 1971 г. 55-я сессия Лиги арабских государств не удовлетворила просьбу Омана о приеме его в члены этой организации и перенесла рассмотрение этого вопроса на сентябрь того же года. Оман подвергся критике со стороны некоторых арабских государств за его тесные связи с Великобританией. Тем не менее 29 сентября 1971 г. Оман был принят в члены ЛАГ. 7 октября того же года Оман стал полноправным членом ООН.

В январе 1971 г. Оман вступил в первую международную организацию – Всемирный почтовый союз. Постепенно рас-

ширялось число стран, признавших Оман. Среди первых неарабских государств были Индия, Пакистан и Япония. В 1972 г. султанат вступил в Организацию Исламская Конференция (ОИК), подтвердив тем самым исламский характер своего государства.

В 1973 г. султанат стал членом Движения неприсоединения, как и большинство развивающихся стран в тот период.

Особое место во внешней политике Омана заняло укрепление отношений со своими соседями – государствами региона Персидского залива. Осенью 1976 г. на конференции этих государств, проходившей в Маскате, Оман выдвинул проект создания региональной организации, которая обеспечивала бы безопасность государств региона при опоре на совместные силы этих государств[21]. Помимо оманского, были выдвинуты еще два проекта – иранский и иракский. Саудовская Аравия, которая издавна соперничала с Ираном и Ираком в борьбе за лидерство в регионе Залива, выступила против всех трех проектов, и они не получили одобрения.

Оман поддержал проект Кувейта, обнародованный также в 1976 г., которым предусматривалось укрепление сотрудничества между шестью монархическими государствами Персидского залива. На базе этого проекта в мае 1981 г. был создан Совет сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ), членом которого стал и Султанат Оман.

В начальный период деятельности этой организации Оман придерживался весьма осторожной позиции, что можно объяснить его особыми историческими связями с Индией и Ираном. Кроме того, на многие важные международные проблемы его взгляд был отличен от позиций партнеров по Совету сотрудничества. Так, Оман не осудил заключение Египтом в 1979 г. Кэмп-Дэвидских соглашений и мирного договора между Египтом и Израилем и не прервал с Египтом дипломатических отношений. С точки зрения Омана, шаг Египта был шагом в сторону мира, который он готов был приветствовать.

Важным отличием характеризовалась позиция Омана в отношении того, какую роль должны играть США в обеспечении безопасности Залива. Этот вопрос возник, когда государства ССАГЗ стали обсуждать концепцию обеспечения региональной безопасности. Оман настаивал на тесном сотрудничестве с США и Великобританией. Султанат был единственной страной региона, заключившей в 1980 г. военный договор с США.

На основе этого договора американская сторона могла использовать военные объекты на оманской территории. Речь шла, в частности, о военно-воздушных базах в Сибе, Тамрите и на о. Масира, а также о пунктах военно-морского базирования в Маскате и Хасабаде. В результате Оман стал опорным пунктом военного присутствия США в регионе Персидского залива.

Война в Дофаре явилась серьезной угрозой национальной безопасности Омана. Поддержка дофарских повстанцев Советским Союзом и другими социалистическими странами, а также их союзниками в арабском мире, прежде всего НДРЙ, объясняла позицию Омана, направленную на сближение с США, поскольку султанат считал, что только США смогут противодействовать советской угрозе в регионе.

Помимо США, Оман сохранил дружественные отношения и с Великобританией, которая продолжала занимать прочные позиции в его вооруженных силах. Достаточно сказать, что вплоть до 1987 г. все командные должности в оманской армии занимали британские офицеры[22]. Кроме того, Великобритания оставалась главным поставщиком вооружения для Омана. Однако по мере развития ССАГЗ принцип опоры на собственные силы и необходимость максимально диверсифицировать военные связи получили одобрение всех участников объединения, в том числе и Омана. Оманское кредо по вопросу обеспечения безопасности Залива было следующим образом сформулировано министерством иностранных дел Омана: «Необходимо единство всех стран региона и их коллективные усилия, направленные на обеспечение региональной безопасности и стабильности. Страны региона должны опираться на диалог и взаимные интересы и работать над созданием обороны, опирающейся на собственные силы. В дополнение к этому страны региона должны осуществлять координацию, сотрудничество и коллективную оборону с союзными государствами»[23].

Изменения в оманской позиции произошли после урегулирования отношений с НДРЙ. Посредничество в урегулировании их отношений, напряженность которых дестабилизировала региональную ситуацию, стало первой совместной внешнеполитической акцией государств-членов ССАГЗ.

Нормализация отношений с Южным Йеменом привела к снижению помощи со стороны Советского Союза левым движениям, в том числе повстанцам Дофара, базировавшимся на территории НДРЙ. Это открыло дорогу для установления

в 1985 г. дипломатических отношений между Оманом и Советским Союзом.

В период, когда Ирак находился в режиме международных санкций (1991–2003 гг.), Оман начал развивать с ним контакты, прежде всего в области торговли. В марте 1998 г. Оман посетили две иракские делегации, что подтвердило готовность к возобновлению взаимных отношений. Однако в ходе этих визитов оманские официальные лица подчеркивали необходимость выполнения Ираком в полном объеме требований, содержавшихся в резолюциях Совета Безопасности ООН. Султан Кабус на встрече с представителями одной из иракских делегаций призвал Ирак «продолжить сотрудничество с инспекторами ООН для того, чтобы снизить напряжение в регионе и ускорить процесс снятия санкций»[24].

2 августа 1990 г. Ирак совершил агрессию против Кувейта. Оман, как и все члены ССАГЗ, осудил эту агрессию и поддержал Кувейт. Оманские вооруженные силы приняли участие в военной операции по освобождению Кувейта. Однако Оман в отличие от других государств-членов этой организации не разорвал дипломатических отношений с Ираком. Он исходил из того, что Ирак остается братской арабской страной, народ которой нуждается в поддержке соседних государств.

В последующий период Оман занимал также умеренную позицию в отношении Ирака. Он не был сторонником проведения военной операции по свержению режима Саддама Хусейна в марте 2003 г., но и не протестовал, когда 20 марта 2003 г. коалиционные силы во главе с США начали ее проведение. Нейтральная политика султаната в этот период позволила ему сохранить традиционный характер отношений со своими основными партнерами в арабском мире, а также с США и европейскими государствами. Оманское правительство поддержало политический процесс в Ираке, и его позиция, озвученная министерством иностранных дел страны, заключалась в том, что «все влиятельные общины в иракском обществе должны совместно прилагать усилия, направленные на достижение безопасности, и готовиться к восстановлению государственных институтов Ирака и иракской экономики»[25].

Оманская внешняя политика отличается миролюбием и стремлением установить добрососедские отношения со всеми соседями. Султанат поставил перед собой задачу демаркировать границы с соседними государствами, в первую очередь

с партнерами по ССАГЗ. В марте 1990 г. Оман подписал соглашение с Саудовской Аравией о демаркации границ. В ноябре 1992 г. в Эр-Рияде состоялась церемония подписания окончательного соглашения о пограничных картах. Копии карт были переданы на хранение в штаб-квартиру ЛАГ в Каире в ноябре 1995 г.

В июне 1995 г. Оман пошел и на окончательную демаркацию границ с Йеменом в соответствии с подписанным в 1992 г. двусторонним соглашением. В 1997 г. состоялась церемония передачи карт с обозначением границ между двумя странами в ЛАГ. Оман также выразил готовность принять компромиссное решение в урегулировании территориальных разногласий с эмиратом Шарджа, входящим в ОАЭ, для того, чтобы заключить соглашение о разграничении границ с этим государством. Связи с ОАЭ имели особое значение для Омана. Многие оманцы работают в ОАЭ, служат в армии этой федерации. Кроме того, между обеими странами существуют тесные экономические связи, основанные на взаимных интересах.

Султанат Оман стремился к стабилизации ситуации не только в регионе Персидского залива, но и Ближнего Востока в целом. Поэтому он активно участвовал в урегулировании ближневосточного конфликта. Так, в рамках Мадридской конференции, начавшей свою работу в октябре 1991 г., Оман принял участие в многосторонних переговорах, направленных на решение общих региональных проблем. Оманская позиция по сей день заключается в необходимости «достижения справедливого и всеобъемлющего урегулирования, которое принесет в регион стабильность и процветание, а также безопасность и доверие его народам». Оман также поддерживает «право палестинского народа строить свое собственное будущее на своей земле и создать свое собственное независимое государство»[26].

В январе 1996 г. представители Омана и Израиля подписали соглашение о взаимопонимании, на основе которого были открыты их торговые представительства в Маскате и Тель-Авиве соответственно, с тем чтобы развивать экономические, торговые и научные связи между обеими странами. Однако в декабре того же года Оман принял решение заморозить связи с Израилем до тех пор, пока израильское правительство не подтвердит свою готовность к продолжению мирного процесса[27].

Хотя отношения с арабскими странами, несомненно, занимают центральное место среди внешнеполитических приори-

тетов Омана, он, тем не менее, развивает отношения и с другими странами мира, в частности, с теми, которые были исторически связаны с Оманом. Одним из таких направлений стало участие Омана в деятельности Ассоциации государств Индийского океана, которая была оформлена в марте 1997 г. и целью которой было провозглашено расширение торговых связей между странами-участницами и привлечение новых инвестиций в их экономику. Оман вместе с Индией, Мавританией, Южной Африкой, Австралией, Сингапуром и Кенией два года готовил почву для объединения 14 стран региона в рамках этого объединения. Давние связи с Индией сыграли свою роль в том, что Оман принял решение развивать отношения со странами Южной и Юго-Восточной Азии, а также Африки, осознавая те экономические выгоды, которые он может извлечь из этого партнерства.

Отношения Омана с Россией пока не достигли высокого уровня. В мае 2004 г. прошли двусторонние переговоры, касающиеся вступления России в ВТО. Оман как член этой организации выразил готовность поддержать Россию[28]. В тот же период оманская делегация участвовала в работе Российско-арабского делового совета. В ходе ее переговоров с российской стороной было выражено взаимное намерение о создании двусторонней омано-российской комиссии в рамках Российско-арабского делового совета.

Султан Кабус следующим образом характеризует внешнюю политику своей страны: «Она строится на прочных основах, которые остаются неизменными: это деятельность, направленная на поддержание безопасности, мира и счастья всего человечества»[29]. Для Омана, который проводит постепенную модернизацию страны, его внешняя политика должна обеспечивать стабильность – главное условие для продолжения реформ.

Оманская историография рассматривает султана Кабуса бин Саида как реформатора, с приходом которого начался новый этап в истории страны. Заслуги этого правителя Омана, конечно же, не стоит умалять. Он начал этап постепенной модернизации, прежде всего выведя страну из длительного периода изоляции от внешнего мира. Тем не менее его политика придерживается преемственности по отношению к курсу своих предшественников на троне, поскольку султан Кабус бен Саид стремится сохранить единство общества, опираясь на его исторические традиции и национальные ценности.

[1] Ан-Низам аль-асасий ли ад-дауля (Основной закон государства). – Здесь и далее цит. по тексту, размещенному на сайте министерства информации султаната Оман – http://www.omanet.om/arabic/goverment/gov9.asp?cat=gov&subcat=gv3.
[2] *Peterson J.E.* Oman's Diverse Society: Northern Oman // The Middle East Journal. 2004, vol. 58, № 1, с. 32.
[3] *Hoffman V.J.* The Articulation of Ibadi Identity in Modern Oman and Zanzibar // The Muslim World. April 2004, vol. 94, № 2, с. 213.
[4] Oman 98/99. С. 66.
[5] *Исаев В.А.*, *Филоник А.О.* Султанат Оман. Очерк общественно-политического и социально-экономического развития. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, Институт востоковедения РАН, 2001. С. 47.
[6] Oman 98/99. Ibid. С. 30.
[7] Ibid. С. 36.
[8] Ibid. С. 38.
[9] Ibid.
[10] *Плеханов С.* Реформатор на троне. Султан Омана Кабус бин Саид. М.: Международные отношения, 2003. С. 112–122.
[11] Джон Таунсенд – автор книги «Оман. Созидание современного государства», с 1972 по 1975 гг. был экономическим советником в правительстве Омана.
[12] Ibid.
[13] *Плеханов С.* Указ. соч. С. 141.
[14] Там же.
[15] Oman 98/99. Sultanate of Oman. Ministry of Information. Muscat, 2000. С. 40.
[16] *Clements F.A.* Oman. The Reborn Land. Longman. – London and New York, 1980. С. 139.
[17] Ibid.
[18] The Speech of His Majesty of the occasion of the annual session of the Council of Oman in 2008. – Ministry of Foreign Affairs. Sultanate of Oman. – http://www.mofa.gov.om/mofanew/hmspeech.asp?title=112
[19] *Плеханов С.* Указ. соч. С. 219.
[20] Oman 98/99. С. 59–60.
[21] Аль-Фикр аль-истратиджий аль-арабий // Каир. 1981, № 2, с. 99–100.
[22] Asian Defence. July 1988. С. 11.
[23] Security in the Gulf Region. Sultanate of Oman. Ministry of Foreign Affairs. – http://www.mofa.gov.om/mofanew/index.asp?id=2.
[24] Аш-Шарк Аль-Аусат. 26.03.1998.

[25] The Iraqi Situation. Sultanate of Oman. Ministry of Foreign Affairs. – http://www.mofa.gov.om/mofanew/index.asp?id=2.
[26] Oman 98/99. С. 41.
[27] Ibid. С. 43.
[28] Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation. – http://www.In.mid.ru. 19.12.2004.
[29] Джалялят ас-султан яшмулу би риаятихи ас-самия аль-инъикад ас-санавий ли Маджлис Уман (Его Величество султан открывает ежегодную сессию Совета Омана). – http://www.omandaily.com/mainstories/main1.htm 17.11.2009.

Н.З.Мосаки

АФРИКАНСКАЯ ПОЛИТИКА ТУРЦИИ

В середине XX в. борьбу за Африку вели две сверхдержавы – США и СССР, для которых она была одним из объектов противостояния, развернувшегося по всему миру. Распад СССР и отказ постсоветской России от «глобальной миссии» объективно несколько снизили интерес к Африке в мире. Лишь с середины 90-х годов США вновь усилили внимание к континенту. С конца 90-х годов и Россия осознала необходимость присутствия в Африке. РФ активнее стала развивать экономическое сотрудничество с африканскими странами, особенно в освоении ресурсов.

В 90-х годах в Африку стал внедряться и Китай. Хотя и ранее, в эпоху биполярной системы, Пекин предпринимал попытки быть центром силы в регионе, но лишь в последние десятилетия КНР получила признание как важный фактор развития Африки. Внешняя политика Китая отличается осторожностью, а в международных отношениях Пекин больше уповает на экономическое сотрудничество, точнее – на проникновение китайского капитала и рост своего экспорта. Да и в целом Китай более сосредоточен на своём экономическом развитии. Тем не менее в последние годы именно благодаря своим экономическим интересам, которые, в частности, связаны с ресурсным обеспечением стремительно развивающейся отечественной экономики, Пекин начал осторожное, но активное и планомерное проникновение во многие регионы мира. В том числе, в Африку, Латинскую Америку и на Ближний Восток.

Будучи континентом, привлекательным для великих держав, Африка притягивает их своими богатыми ресурсами. В этом плане она интересна и для крупнейших развивающихся экономик таких стран, как Бразилия и Индия. В последние годы можно наблюдать активное проникновение в Африку еще одной страны – Турции.

Турция приняла участие в реализации проектов в Африке в 1998 г. в рамках программ Всемирного банка для Африки. В 2003 г., после прихода к власти Партии справедливости и развития (ПСР), Анкара, следуя своей «африканской стратегии», начала более активно проникать в страны южнее Сахары[1]. 2005-й год был объявлен в Турции годом Африки, хотя до конца 90-х годов она ограничивалась отношениями лишь со странами Северной Африки, в первую очередь с Ливией.

Эта страна вызывала особое внимание Турции. Дважды (в 1984 и 1988 гг.) ее посещал премьер-министр Т. Озал. Именно благодаря ему Ливия приобрела статус важнейшего экономического партнера Турции в Африке.

В середине 90-х годов визиты в Ливию нанесли премьер-министры Т. Чиллер (1994 г.) и Н. Эрбакан (1996 г.). В ноябре 2009 г. Триполи посетил глава правительства Турции Р.Т. Эрдоган, подписавший ряд соглашений. В частности, стороны договорились о введении безвизового режима, о поставках пресной воды в танкерах в Ливию из комплекса Манавгат (в провинции Анталья)[2], строительстве турецкими фирмами объектов на одном из крупнейших нефтяных месторождений Ливии – Феззан. Планируется создание совместного аграрного банка с капиталом в 1 млрд. долл.[3], который будет, в частности, способствовать инвестициям Ливии в сельское хозяйство Турции. В 90-е же годы Турция решила диверсифицировать свои связи в Африке. В 1997 г. по инициативе тогдашнего премьер-министра Н. Эрбакана из крупнейших мусульманских стран была сформирована «исламская восьмерка» (D-8, Developing-8). Из африканских стран в состав этого альянса вошла Нигерия[4]. В рамках подготовки создания D-8 были активизированы турецко-нигерийские контакты, а в октябре 1996 г. в Нигерии с визитом побывал Эрбакан.

С 80–90-х годов Турция начала закупать у африканских стран углеводороды, в том числе сжиженный природный газ. В 2002–2007 гг. импорт СПГ из Алжира составлял в среднем 3,6 млрд. куб. м, из Нигерии – 1,1 млрд. куб. м в год. Но доля импорта из этих двух африканских стран в совокупном газовом импорте Турции в последние годы неуклонно снижалась – с 28% в 2002 г. до 13% в 2007 г.[5], что обусловлено увеличением импорта из России, а также Ирана и Азербайджана.

Основы африканской политики Турции

Хотя Турцию, входящую в состав 20 крупнейших экономик мира, интересуют главным образом природные ресурсы Африки, она придает большое значение и другим направлениям. В частности, речь идет о продвижении экспорта различных турецких товаров, в первую очередь товаров широкого потребления, услуг, а также о переносе в Африку ряда производств.

Турецкие строительные компании, активно выполняющие подряды по всему миру, в последние годы стали играть заметную роль и в Африке. Доля африканских стран в подрядах турецких компаний за рубежом составляет ныне от одной пятой до четверти их общего объёма[6]. В 2009 г. 35% сооружений за рубежом турецкие подрядные компании возвели в Африке[7]. Следует отметить, что несмотря на финансовый кризис, объем рынка строительства в Африке вырос на 30%[8].

Турецкие подрядчики реализовали в Африке сотни проектов общей стоимостью 27 млрд. долл., в т.ч. в 2006–2008 гг. – на 13 млрд. долл.[9] Они строили автодороги, здания государственных ведомств, электрические станции, объекты промышленности, коммунального хозяйства и т.п. Бо́льшая часть из них пришлась на Ливию, где лишь в 2005–2008 гг. турецкие компании выполнили подрядные работы на 10 млрд. долл. Активно действовали они и в Алжире. В последнее время турецкие компании начали работать и в Нигерии, Кении, Сьерра-Леоне, Джибути, Гамбии, Гане, Эфиопии, Судане, Танзании, Египте, Габоне, Анголе в связи с тем, что в странах субсахарской Африки началось активное инфраструктурное строительство.

Торговля

Торговый оборот Турции с африканскими странами в последние годы рос стремительными темпами. В 1990–2008 гг. – в 8 раз (с 2,1 до 16,8 млрд. долл.)[10], несколько снизившись в 2009 и 2010 гг. – соответственно, до 15,9 и 15,7 млрд. Особенно быстрыми темпами внешнеторговый оборот стал увеличиваться с 2003 г., когда Ведомством внешней торговли Турции

была принята «Стратегия торговли и содействия инвестициям в Африке», предусматривающая формирование институциональной инфраструктуры в экономических отношениях с африканскими странами, создание механизмов сотрудничества и т.д.[11]

На этом фоне значительно вырос турецкий экспорт в Африку – с 0,75 млрд. долл. в 1990 г. до 10,2 млрд. в 2009 г. Особенно быстрыми темпами он начал увеличиваться с 2003 г. Опережающими темпами рос экспорт в страны Чёрной Африки. Если в Северную Африку он вырос за тот же период в 11,5 раз, то в страны остальной Африки – почти в 27 раз. Соответственно, доля Чёрной Африки в турецком экспорте увеличилась в 3,5 раза – с 0,8 до 2,7%.

Турция диверсифицирует рынки сбыта своих товаров и услуг, особенно после начала финансового кризиса и возникновения сложностей с экспортом в страны ЕС и США. В связи с этим она стала большее внимание придавать Африке, Азии, Восточной Европе, СНГ и даже Латинской Америке. Африканский рынок в период кризиса позволил выжить многим мелким и средним турецким фирмам. Глава Турецкой конфедерации предпринимателей и промышленников (TUSKON)[12] назвал торговлю с Африкой «эликсиром жизни» для турецких экспортёров[13]. Руководство Ведомства внешней торговли Турции считает Африку «идеальным рынком» для турецкого экспорта[14]. Например, глава Ассоциации производителей муки Центральной Анатолии отмечал, что 50-процентный рост экспорта муки (с 1,2 до 1,8 млн. т в 2008–2009 гг.) произошёл благодаря рынкам стран Южной Африки – Мадагаскара, Анголы, Судана[15].

Страны Африки, в которые турецкий экспорт в 2008 г. составил 100 и более млн. долл.

Страна	Годы								
	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Алжир	514	573	806	807	1 021	1 232	1 614	1 782	1 507
Египет	326	346	473	687	709	903	1 426	2 619	2 261
ЮАР	88	122	190	316	598	654	1 239	867	369
Ливия	165	255	337	384	489	643	1 074	1 798	1 934
Марокко	138	181	330	371	551	722	958	601	624
Тунис	121	220	256	295	325	530	778	647	714

...окончание таблицы

Нигерия	63	66	80	99	83	133	281	258	251
Судан	59	64	88	145	217	180	234	245	228
Кения	8	13	18	51	85	98	233	71	86
Ангола	11	14	22	27	45	48	182	152	110
Эфиопия	32	51	78	109	92	146	164	229	175
Либерия	2	20	47	48	10	100	159	171	67
Гана	23	37	32	32	33	84	100	73	96

Источник: Ведомство внешней торговли Турции.

Импорт Турции из Африки в 1990–2010 гг. увеличился в 5 раз – с 1,3 до 6,4 млрд. долл. Основной его объем приходится на Алжир (в 2010 г. – 2,3 млрд. долл.), ЮАР (1,1 млрд. долл.), Египет (0,9 млрд. долл.), Нигерию, Ливию, Марокко и Тунис. На Алжир и Нигерию, которые экспортируют в Турцию в основном сжиженный природный газ (СПГ), в 2010 г. пришлось 45% турецкого импорта из Африки.

Страны Африки, импорт из которых в Турцию в 2008 г. превысил 100 млн. долл.

Страна	Годы								
	2002	**2003**	**2004**	**2005**	**2006**	**2007**	**2008**	**2009**	**2010**
Алжир	1 126	1 082	1 256	1 695	1 865	2 108	3 262	2 028	2 275
ЮАР	211	336	1 007	1 260	1 793	2 172	1 502	1 103	1 103
Египет	118	189	255	267	393	680	943	641	926
Нигерия	182	223	194	234	380	494	522	605	603
Тунис	72	98	100	117	150	230	365	235	280
Марокко	68	77	106	143	174	198	361	235	397
Ливия	754	1 073	1 514	1 989	2 297	400	336	403	426
Кот-д'Ивуар	32	44	61	33	44	86	118	91	97

Источник: Ведомство внешней торговли Турции.

Доля Африки в турецком экспорте выросла в 1990–2010 гг. с 5,8 до 8,2%. Более высокие темпы роста экспорта привели к тому, что с 2008 г. положительное сальдо Турции в торговле превышает 1 млрд. долл. До этого Турция имела положительное сальдо в торговом обороте с Африкой лишь в 1998 г. (60 млн. долл.)

На состояние турецко-африканских торговых связей заметное влияние оказал мировой финансовый кризис, в результате которого общий спад экспорта на всех направлениях составил в 2009 г. 23%. Но доля Африки в турецком экспорте стала рекордной для Турции (10%). При этом турецкий экспорт в страны Северной Африки вырос на 27%, особенно в Египет и Ливию. Половину экспорта Турции в страны Северной Африки составляют машины, оборудование и транспортные средства (в 2008 г. – 26%), продукция металлургии (24%)[16].

Экспорт Турции в страны Северной Африки

Страна	**Объём экспорта в 2009 г.** (млн. долл.)	**Доля в экспорте Турции** (%)	**Изменение к 2008 г.** (%)
Египет	2 619	2,6	83,6
Ливия	1 798	1,8	67,0
Алжир	1 782	1,7	10,4
Тунис	647	0,6	-16,8
Марокко	601	0,6	-37,3

В другие страны Африки экспорт в 2009 г. снизился на 15%. Однако, несмотря на падение абсолютных его объемов на направлениях южнее Сахары, ее доля в объеме турецкого экспорта также выросла, достигнув в 2009 г. рекордного показателя – 2,7%. В 1996–2005 гг. этот показатель составлял от 0,7 до 1,5%, в 2006–2008 гг. – соответственно, 1,7, 1,8 и 2,4%.

Объем турецкого импорта из Африки в 2009 г. снизился на 27%. Особенно уменьшился импорт из стран Северной Африки – на 33% (до 3,5 млрд. долл.). Падение импорта из других стран Африки составило 14% (до 21,2 млн. долл.).

Рост абсолютных объёмов турецко-африканской торговли был связан в целом с низкими стартовыми показателями. Несмотря на подъём в последние годы товарооборота с Черной Африкой, бо́льшая часть торговли Турции со странами континента пока все же приходится именно на северную его часть, с которой Турция имеет давние отношения.

В целом имеется значительный потенциал увеличения торгового оборота с Африкой, совокупный импорт которой почти полностью (на 95%) состоит из промышленных товаров и составляет ежегодно около четверти триллионов долларов.

Турция проводит со странами Африки регулярные обмены визитами государственных деятелей экономических делегаций. Растет количество авиарейсов в африканские страны. Постоянно проводятся ярмарки и выставки турецких фирм и товаров. Создана Турецко-Африканская палата, в которой Турцию представляет Союз торговых палат и бирж Турции (TOBB), Африку – Союз африканских торговых, промышленных, сельскохозяйственных и профессиональных палат (Union of African Chambers of Commerce, Industry, Agriculture & Professions, UACCIAP).

Более чем с 40 странами согласована правовая база экономических связей, со многими из них Турция создала «совместные экономические комитеты». С рядом стран подписаны или готовятся соглашения о свободной торговле. Эти договорённости должны существенно увеличить объём торгового оборота Турции с континентом[17].

Визиты и переговоры на высшем уровне, регулярные обмены мнениями по вопросам международного сотрудничества привели к тому, что Турция в отдельных странах Африки стала рассматриваться как «голос Африки» на международной арене[18], а Африка обрела статус стратегического партнера на континенте[19].

Турецкие власти считают, что поскольку регион является для Турции новым рынком, турецкие предприниматели должны вести здесь активную политику. И бизнесмены энергично проникают в Африку, рынки которой отличаются из-за слабой конкуренции высокой нормой прибыли[20].

Активно развивается сотрудничество со странами Африки и на уровне турецких провинций. Тесно сотрудничают с африканскими странами традиционные центры экономической жизни Турции – Стамбул, мраморноморский и эгейский регионы, а также «анатолийские тигры» – провинции центральной и западной части Юго-Восточной Анатолии (Кайсери, Газиантеп и др.), ставшие в последние годы крупными экспортёрами. «Анатолийские тигры», представляющие новую, происламски настроенную буржуазию, являются опорой правящей ПСР и получают от руководства страны ощутимую поддержку. Они более активно, чем старая национальная буржуазия, действуют на нетрадиционных для турецких компаний рынках – в Африке, на Ближнем и Среднем Востоке и балканско-черноморском регионе.

Традиционная буржуазия была более ориентирована на европейский рынок.

Торгово-промышленные палаты провинций активно содействуют инвестициям турецких компаний в Африке. Благодаря их поддержке 12 семейных компаний Турции сделали вложения в таких странах Африки, как Эфиопия, Мозамбик и Судан, и сейчас созданные там предприятия существенно выросли и успешно работают[21].

Турецкие компании особо подчёркивают, что африканский рынок не является временной альтернативой другим рынкам, в частности, европейскому, находящемуся в кризисе, а представляет собой долгосрочный объект интереса и турецкого экспорта[22]. Они предлагают Африке продукцию, приближённую по качеству к европейским стандартам, однако по более низким ценам. И товары турецкого производства уже находят спрос.

Завоёвывает популярность в Африке продукция машиностроения Турции. Так, компания *Erkunt Tractor Industry* (входит в холдинг *Erkunt Group*) в последние годы расширила географию своего экспорта в основном за счёт стран Африки. Действуя на зарубежных рынках под брендом *ArmaTrac*, эта компания реализовала в 2009 г. продукцию в Судане, Марокко, Сенегале, Мавритании, Буркина Фасо, Мали, Гамбии, Гвинее. Вышла на африканский рынок, договорившись о ежегодном экспорте 3 тыс. грузовиков (“Turkar”) в Гану, и эскишехирская компания Hisarlar Group[23].

Турция становится окном в Африку и для продукции, совместно производимой с крупнейшими компаниями наиболее развитых стран. Так, в начале 2010 г. японская *Yamaha Motor Co.* подписала с турецкой *Ramzey* соглашение о производстве в 2010–2013 гг. 100 тыс. мотоциклов для экспорта в Африку, что позволит турецкой компании ежегодно дополнительно зарабатывать 30 млн. лир[24].

Турецкие «ворота» в Африку

В своей стратегии по отношению к Африке Турция выделяет определённые страны в качестве «хабов» для проникновения на континент. Как «ворота» в страны Северо-Восточной и Восточной Африки рассматриваются Эфиопия, Судан и Кения.

Торговый оборот с Эфиопией составил в 2009 г. 264 млн. долл. (в 2002 г. – 40 млн.). При этом турецкий экспорт достиг 229 млн. долл. В ближайшем будущем планируется увеличить объём торгового оборота до полумиллиарда долларов[25]. В этой стране ряд текстильных фабрик принадлежит турецким инвесторам. Обсуждается возможность строительства турецкими компаниями железной дороги. Эфиопия привлекает турецких бизнесменов низкими издержками производства (низкая стоимость рабочей силы, электроэнергии и аренды помещений) и предоставляет иностранным инвесторам значительные льготы[26].

К 2012 г. Турция планирует довести свой товарооборот с Суданом до 1 млрд. долл.[27] (в 2010 г. – 233 млн. долл., в т.ч. турецкий экспорт 228 млн. долл.). В Судане действуют около 80 турецких компаний и более 2 тыс. предпринимателей[28]. Объём турецких инвестиций составил 115 млн. долл.[29] Однако эксперты считают, что Судан обладает значительно бо́льшим потенциалом для турецких инвестиций. Существенную поддержку турецким инвесторам, вкладывающим средства в суданскую экономику, оказывает государственное экспортное кредитное агентство *Türk Eximbank*[30]. В 2009 г. 7 турецких компаний осуществили инвестиции в суданскую экономику[31]. По состоянию на конец 2007 г. турецкие подрядчики выполнили в Судане работы на 280 млн. долл.[32]

Большую роль в развитии двусторонних отношений был призван сыграть визит президента А. Гюля в Кению в феврале 2009 г., где он подписал десятки соглашений, касающихся торговли и экономики. Турция будет инвестировать в производство текстильной продукции, сельскохозяйственной техники, строительство, туризм, фармацевтику, импортировать из Кении различные продукты. В 2008 г. товарооборот Турции с Кенией составил 246 млн. долл., из которых 233 млн. пришлось на турецкий экспорт.

Мостом в Африку, а также на Ближний Восток и страны Персидского залива считается Египет, товарооборот с которым в 2008 г. составил 2,4 млрд. долл.[33], в 2009 г. – 3,3 млрд., а в 2012 г. планируется на уровне 10 млрд. долл. Турецкие инвестиции в Египет составили 2 млрд. долл.[34], в т.ч. в одном 2009 г. – 1,1 млрд. долл.[35] На 250 турецких фирмах в этой стране работают 50 тыс. чел.[36] Продукция, производимая этими компаниями, например текстиль, экспортируется и в третьи страны – в Африку, в США, в арабские государства[37].

На юг континента Турция прокладывает путь через ЮАР, с которой дипломатические отношения были установлены в 1991 г. Это крупнейший торговый партнер Турции в субсахарской Африке. Объём прямых турецких инвестиций в ЮАР составляет 100 млн. долл. В стране действуют десятки турецких компаний, равно как в Турции – южно-африканские.

В 2003–2008 гг. экспорт Турции в ЮАР вырос более чем в 10 раз – со 122 млн. до 1,24 млрд. долл. Турция экспортирует в ЮАР автомобили, тракторы, бумажную продукцию. Планируется подписание соглашения о свободной торговле между двумя странами[38].

На западе Африки Турция в качестве «ворот» рассматривает Сенегал и Нигерию. В 1996 г. экспорт Турции в Сенегал составлял лишь 5 млн. долл. В 2008 г. этот показатель возрос до 90 млн. При этом сенегальский экспорт в Турцию оценивался в 2008 г. всего в 2 млн. долл.

Нигерия является одним из крупнейших торговых партнёров Турции в субсахарской Африке. Объём двусторонней торговли превышает 0,5 млрд. долл. Кроме СПГ Турция вывозит из Нигерии фрукты, какао, кожу, химическую продукцию. Экспорт Турции в Нигерию состоит из продуктов питания, продукции металлургии, электроприборов и т.д. Турция планирует увеличить в ближайшее время экспорт в Нигерию до 1 млрд. долл.

Представляется, что Турция будет использовать для расширения объёмов своего экспорта в Африку также возможности создаваемых в настоящее время в различных странах континента свободных зон, в том числе находящихся вблизи крупнейших портов.

Деловые связи

Деловые контакты с Африкой осуществляются по многим направлениям. Турецкие представители особо подчёркивают, что не рассматривают Африку в качестве поставщика сырья и материалов (хотя основная часть импорта Турции из Африки – более 60% – как раз приходится на сырьё[39]), а также рынка сбыта товаров. Они утверждают, что заинтересованы в полномасштабном сотрудничестве со странами Африки, в том числе в области технологий, в создании новых производств,

в облегчении доступа африканских товаров на мировые рынки, в общем развитии континента. Турецкие руководители регулярно подчёркивают, что намерены строить отношения с африканскими странами на «справедливой и сбалансированной основе», учитывая, что ранее они сильно пострадали из-за политики некоторых стран, не учитывавших интересы Африки[40].

В настоящее время основная часть турецких вложений в африканскую экономику приходится на страны Северной Африки, в первую очередь Египет.

Десятки турецких компаний инвестировали в текстильную промышленность Египта, используя преимущества этой страны (низкий уровень оплаты труда, выгодная стоимость электроэнергии, доступ на американский рынок), они активно работают и в других отраслях. Крупнейшие холдинги и промышленные группы – SABANCI, HEDEF (фармацевтика), EVYAP (мыло, гели, шампуни), AKKOK (синтетика), TAHA (одежда) – энергично врастают в египетскую экономику. Одним из новых направлений экономического сотрудничества становится открытие в Египте турецких промышленных зон. Одну из них в октябре 2009 г. открыл недалеко от Каира президент Турции.

Объём прямых инвестиций в субсахарскую Африку существенно отстаёт от таковых же в Северную Африку, но в последние годы он увеличивается, составив в 2008 г. более 0,5 млрд. долл.[41] При этом инвестиции осуществляются не только в крупнейшие государства, имеющие с Турцией давние отношения, но и в такие страны, как Гвинея, Буркина Фасо, Бенин, ЦАР, Ангола, Малави, Мозамбик, Уганда, Мали, Гана и др. В 2006 г. в Африке насчитывались 73 турецких инвестора. К середине 2008 г. их было 150 в 23 странах[42]. В одной лишь Уганде работают 14 компаний в самых различных отраслях – от производства мебели до продуктов питания, – на которых занято около 1 тыс. местных жителей[43].

Африканские лидеры призывают турецкий бизнес активнее инвестировать в Африку[44]. Можно сказать, что среди африканских стран, где имеются огромные возможности в самых различных областях, уже разворачивается конкуренция за турецкие инвестиции. Так, например, президент Танзании убеждал инвесторов в привлекательности вложений во все отрасли – от электроэнергетики до туризма. И это не единственный случай.

Можно прогнозировать, что компании примут участие в инвестировании в различные отрасли экономики Танзании. Турецкий бизнес уже интересуется добычей полезных ископаемых, запасы которых здесь огромны (кроме угля и газа, это – золото, кобальт, уран, никель, железная руда и другие ресурсы). Турки будут инвестировать и в текстильную отрасль, поскольку в Танзании (как и в некоторых других странах Африки) выращивается значительное количество хлопка, но отсутствуют перерабатывающие мощности, а Турция, как известно, имеет развитую текстильную промышленность, предприятия которой в последние годы переносят своё производство за рубеж. Не случайно, в начале октября 2010 г. представители хлопковой отрасли Танзании, Уганды и Замбии посетили Эгейский союз экспортёров в Измире, убеждая инвестировать в Африку и не медлить с приходом на африканский рынок хлопка. Турецкие производители считают, что в связи с уменьшением экспорта хлопка из Пакистана и Индии из-за роста спроса на него в мире, альтернативой этим странам могут стать государства Африки[45].

Возможно, турецкие компании заинтересуются и огромным сельскохозяйственным потенциалом Танзании (из 46 млн. га сельскохозяйственных угодий в стране используется лишь 5 млн.)[46]. Большие возможности и у туристического сектора Танзании. Страна владеет уникальными парками и заповедниками, а также многочисленными морскими курортами на побережье Индийского океана. Она нуждается в строительстве отелей и крупных туристических комплексов, то есть как раз в том, в чём турецкий бизнес в последние два десятилетия совершил стремительный рывок, став одним из наиболее видных игроков на рынке мировой туриндустрии.

Деятельность турецких компаний в Африке весьма разнообразна и охватывает самые разные сферы. Так, в сентябре 2009 г. турецкая фирма *Emek Elektrik* выиграла в Нигерии тендер на сумму более 2 млн. долл. на выполнение работ по сооружению трансформаторов для государственной сетевой компании Нигерии. Турецкие компании рассчитывают получить в этой стране, испытывающей дефицит электроэнергии и осуществляющей большую программу реконструкции сетей и строительства электростанций, новые многомиллионные подряды, зная, что Нигерия выделила на сооружение новых электростанций совокупной мощностью 8 тыс. МВт 8 млрд. долл.

Планируется участие в жилищном строительстве Нигерии, которое предусматривает возведение 300 тыс. домов, в модернизации железных дорог.

Для турецких фирм экспорт капитала и инвестиций в Африку привлекателен не только в связи с низкими издержками местного производства. Немалую роль играет и наличие в некоторых африканских странах облегчённого доступа на рынки развитых стран. Так, отмечалось, что египетская продукция имеет упрощённый доступ на американский рынок. Танзания заключила торговые соглашения практически со всеми крупнейшими мировыми рынками – с США, Евросоюзом, Японией, Китаем, Австралией и Индией, которые предоставляют ей возможность экспортировать товары практически без ограничений (квот и пошлин), чем турецкие предприниматели и рассчитывают воспользоваться.

Большое значение для поддержания деловой активности придается средствам сообщения. Растёт количество авиарейсов между Турцией и странами Африки. По состоянию на середину 2009 г. еженедельно из Турции осуществлялось 90 авиаресов в крупные африканские города (Рабат, Алжир, Тунис, Каир, Хартум, Аддис-Абебу, Триполи, Лагос, Кейптаун, Йоханнесбург, Найроби, Дар-эс-Салам). После открытия в июне 2010 г. авиарейсов в Александрию (Египет) количество направлений в Африку, по которым летают «Турецкие авиалинии» (THY) составило 16 из 124 по всему миру[47]. В ближайшие годы планируется увеличить число авиарейсов по существующим направлениям, а также организовать рейсы в другие аэропорты Африки.

Кроме того, между Египтом и Турцией ожидается подписание соглашения о морском сообщении между портами Мерсин и Александрия. Это даст Турции ещё один, при этом экономный, путь доступа в Африку, а Египту – возможность вывоза товаров ещё и в страны Черноморского бассейна[48].

В отношениях Турции с африканскими странами создаётся серьёзная правовая база – подписываются соглашения, касающиеся различных торговых аспектов, об избежании двойного налогообложения, о взаимной защите инвестиций и т.п.

Появление в лице Турции нового важного игрока на африканском континенте приносит странам Африки дополнительные выгоды, кроме тех, которые обусловлены двусторон-

ними экономическими связями. Усиливается конкуренция на африканском континенте среди иностранных государств, а значит, увеличиваются возможности выбора для африканских стран и их успешного маневрирования. Особенно актуально это в отношении Китая, в последние годы ставшего своеобразным монополистом в экономических отношениях с Африкой. Внедрение китайских компаний и капитала в самые различные отрасли и секторы экономик африканских стран, а также экономическая помощь нередко сопровождаются разными дополнительными условиями (например, допуск китайских рабочих на местные рынки труда). Это время от времени вызывает раздражение местного населения, приводя порой к волнениям и антикитайским выступлениям. Китайцы активно скупают углеводородные и иные месторождения в Африке, становясь главными игроками на рынке природных богатств многих африканских стран, для которых именно ресурсы являются основным источником дохода. Африканские страны начинают тяготиться активностью Пекина. Поэтому, хотя экономические возможности Турции и несопоставимы с китайскими, они приветствуют выход Анкары на континент.

Гуманитарное содействие

Для достижения экономических выгод Анкара активно использует политические и гуманитарные рычаги. Увеличение политического влияния рассматривается ею как знак роста своей экономической мощи. К тому же Анкара для подъёма своего политического авторитета в мире активно ищет поддержку африканских стран, взамен предлагая экономические и политические дивиденды.

Турецкие власти регулярно заявляют о своём чувстве моральной ответственности за Африку. Крайне прагматичная Анкара регулярно повторяет, что в отношениях с Африкой ее интересует не только экономическое сотрудничество.

Поддержка африканских стран помогла Турции быть избранной в состав непостоянных членов Совета Безопасности ООН. Турецкие лидеры заявляют, что в ООН они будут продвигать интересы стран этого континента.

В настоящее время Турция имеет в Африке 17 посольств и более 20 консульств. В ближайшее время там планируется

открыть ещё 12 посольств[49]. В Турции же работают посольства 13 стран Африки, три из них открыты недавно. В предстоящие несколько лет их количество, скорее всего, будет удвоено.

Турция активно сотрудничает и с панафриканскими структурами. В апреле 2005 г. она получила статус наблюдателя в Африканском Союзе (АС). Турецкое посольство в Аддис-Абебе стало и представительством в Союзе. В январе 2008 г. АС объявил Турцию своим стратегическим партнёром (до этого подобный статус получили Китай, Индия, Япония). Страна сотрудничает и с континентальными и региональными африканскими экономическими структурами, в частности, участвует в проектах Африканского банка развития.

Турция прилагает серьезные усилия по поиску путей урегулирования ситуации в одной из самых проблемных стран мира – Сомали. В мае 2010 г. в Стамбуле под эгидой ООН и Турции состоялась конференция, посвященная ситуации в этой стране.

Турция участвует и в проектах международных организаций в Африке – Всемирного банка, Всемирной организации здравоохранения, Всемирной организации питания, Программы человеческих поселений ООН (UN HABITAT), Красного Креста.

Турецкие власти и бизнесмены оказывают странам Африки и гуманитарную помощь. При этом она не ограничивается только поставками продуктов питания, но включает значительную техническую поддержку, конкретные дела, улучшающие условия жизни населения во многих районах. В частности, в ряде стран турецкие фирмы пробурили колодцы, благодаря чему тысячи людей получили доступ к воде.

Благотворительные организации Турции и волонтеры проводят акции в пострадавших от конфликтов районах Африки. В начале марта 2010 г. турецкая ассоциация помощи *Kimse Yok Mu* распределяла в Дарфуре различные товары первой необходимости и продукты питания, а также школьные принадлежности[50]. Эта ассоциация построила здесь же дома для 800 семей[51], отремонтировала ряд зданий. Большое значение *Kimse Yok Mu* придаёт обучению жителей Дарфура сельскохозяйственным специальностям, считая, что это значительно более важно, чем раздача благотворительной помощи[52]. В этой провинции действовал турецкий полевой гос-

питаль. Там же строительной фирмой ALKE был развёрнут и мобильный госпиталь, имеющий различные специализированные отделения[53].

В Нигере весной 2010 г. турецкие благотворительные организации раздавали скот вдовам[54], в Мапуту в начале сентября 2010 г. более 1 тыс. семей получили гуманитарную помощь.

Турция оказывает африканским странам и значительную помощь в здравоохранении. Регулярно практикуются периодические командировки турецких врачей в Африку. Основная часть мероприятий осуществляется под эгидой TIKA (Турецкое агентство сотрудничества и развития) и при участии различных турецких общественных и благотворительных организаций. При этом значительную часть расходов берёт на себя турецкий бизнес – компании, которые действуют на африканском рынке, и бизнес-ассоциации, содействующие проникновению турецких предпринимателей в Африку. Гуманитарная помощь является адресной и многоаспектной, выражается в конкретных делах и при относительно небольших затратах достаточно эффективна.

В Нигерии и Гвинее-Бисау хирурги госпиталя Университета Гази проводили различные операции. Медицинское оборудование, использованное при этом, оставлялось на местах в качестве дара.

Схожая акция проводилась в феврале 2010 г. в Эфиопии. Была оказана помощь тысячам людей и роздано около 3 т лекарств[55]. Весной 2010 г. турецкая медицинская миссия работала в Уганде[56], в мае – в Мавритании[57], в июне – в Нигере[58], в июле – в Танзании[59]. Турецкие врачи проводили операции в Судане, Гане, Сенегале, Танзании, Уганде и других странах[60].

Одновременно турецкие медики проводят обучение местных врачей. Между африканскими больницами и турецкими университетскими госпиталями проводятся online-консультации. На медицинских факультетах в Турции обучаются студенты из африканских стран[61].

Чтобы облегчить контакты, Анкара переходит на безвизовый режим с рядом африканских государств. При этом визы отменяются не только для стран Северной Африки, с которыми Турция имеет большой товарооборот, но и для стран субсахарской Африки[62].

Если исторически Турция являлась объектом деятельности западных миссионеров, создавших здесь ряд известнейших учебных заведений, то в последние годы эта республика сама стала осуществлять планомерную экспансию в сфере образования.

Турецкие школы открыты в Найроби, Конго, Сенегале, Танзании, Нигерии, ЮАР, Судане и других государствах. За недолгий период (чуть более 10 лет) своего существования в странах Африки они успели стать крупными образовательными учреждениями и завоевали авторитет среди местной элиты. К настоящему моменту в Африке имеется более 40 турецких школ, в которых обучаются несколько тысяч детей.

Руководство Турции считает, что инвестиции в образование (имея в виду турецкие школы в Африке) являются наиболее эффективными[63], а выпускники турецких школ в Африке станут «послами доброй воли» Турции в африканских странах[64].

Тем более, что в турецких школах обучаются преимущественно дети элиты. Например, дочь президента Танзании, сын министра обороны, внук министра образования и др.[65] Турецкую школу закончили и дети президента Нигерии[66]. Естественно, обучение в этих школах детей правящей верхушки поднимает престиж турецких школ в этих государствах. Кроме того, турецкие школы в африканских странах популярны среди работающих там дипломатов и высококвалифицированных специалистов из других стран.

Турецкие школы в Африке, как правило, имеют хорошую материально-техническую базу, сильно отличаясь от местных учебных заведений. К тому же они лишены колониального духа и менталитета[67] и способствуют выявлению талантливой молодежи. Достаточно сказать, что за 12 лет ученики турецких школ в Нигерии завоевали 53 медали международных олимпиад. Отбор в школы происходит на основе конкурса, позволяющего принимать лучших учеников[68]. Хотя стоимость обучения в турецких школах по африканским меркам высока (200 долл. в месяц[69]), турки предоставляют большое количество льгот для перспективных представителей малоимущих слоев населения.

Турция ежегодно выделяет стипендии и гранты на обучение африканцев в своих пределах. Так, 250 танзанийцев по-

лучили дипломы турецких вузов. Даже из Мадагаскара, с которым ранее практически не имелось никаких связей, в Турции ныне учатся 23 студента[70]. При этом значительная часть африканцев обучается в Турции по инженерным специальностям, становясь дополнительным каналом усиления влияния турецкого бизнеса в Турции.

Успешный опыт функционирования турецких школ привел к созданию учебных заведений более высокого уровня. В декабре 2009 г. в столице Нигерии начал действовать турецкий университет. Он готовит специалистов не только из числа нигерийцев, но и граждан других африканских стран. Планируется открытие в 2011–2012 гг. и медицинского факультета[71] с госпиталем, который станет одним из крупнейших в регионе. Акцент сделан на подготовку кадров по естественно-научным и инженерным специальностям, в которых особенно нуждаются страны Африки, таким как математика, физика, химия, биология, электроэнергетика, информационные технологии и т.п.[72]

В целом вероятно, что в ближайшие несколько лет в Африке на базе многочисленных турецких колледжей будет создана сеть высших учебных заведений. Можно рассчитывать, что они внесут ощутимый вклад в систему университетского образования стран Африки, ныне находящегося на низком уровне и сталкивающегося с серьёзными проблемами[73]. Хорошие перспективы для турецких университетов в Африке обусловлены практически отсутствием конкурентов. За исключением ЮАР, иностранные вузы на континенте почти не действуют. При этом реализуемые в Африке программы зарубежных вузов сводятся в основном к бизнес-образованию либо к гуманитарному или нацелены на социологию[74].

Значительная часть деятельности преподавательских кадров носит миссионерский характер и ориентирована на формирование позитивного образа Турции и ислама турецкого образца в глазах африканцев. Преподаватели-турки активно участвуют в благотворительной деятельности, оказывают поддержку нуждающимся учащимся. Поэтому персонал турецких учебных заведений часто ассоциируется не только с обычными учителями, но и воспринимается как коллективный духовный наставник. Следует учесть и то обстоятельство, что в турецких школах за рубежом работают, как правило, учителя именно миссионерского склада, хорошо подготовленные идеологически.

Любая другая деятельность также имеет идеологический подтекст. В частности, этой цели служат Международные олимпиады по турецкому языку, которые ежегодно проводятся с 2003 г. Они также являются важным средством идеологической обработки учащегося контингента, формируя в нем симпатии к Турции как носительнице высокой духовной культуры[75].

Курдская проблема в турецко-африканских отношениях

Основные внешнеполитические проблемы Анкары исторически концентрировались вокруг курдской проблемы. Она воздействует на весь спектр деятельности турецкого государства – внутреннюю и внешнюю политику, социально-экономическое развитие и т.д. и имеет, по существу, непреходящее значение.

Страны Африки, по сути, не были связаны с решением курдской проблемы. Однако и здесь перед турецкой дипломатией возникали определённые сложности. В частности, курдский вопрос неоднократно поднимался ливийским лидером М. Каддафи, который регулярно делает заявления о праве курдов не просто на самоопределение, а именно на создание своего государства.

Так, в октябре 1996 г. во время визита тогдашнего премьер-министра Эрбакана в Ливию турки предложили ливийской стороне подписать совместное заявление с осуждением «террористической деятельности Партии рабочих Курдистана» (ПРК). Каддафи же заявил, что не считает борьбу курдов террористической, отметив, что курды должны иметь свое государство.

13 декабря 2007 г. во время визита в Париж Каддафи встретился с делегацией из Иракского Курдистана. На этой встрече он в очередной раз подчеркнул свое мнение о праве курдов на самоопределение, отметив, что: «…всегда был с курдским народом, никогда не меняя своей позиции. Из-за подобной поддержки всех четырёх частей Курдистана я часто подвергался критике со стороны Турции, Сирии и других государств. Но я говорил и повторяю, что курдский народ проживает на своей земле и имеет право на самоопределение»[76]. Кроме того, Каддафи регулярно высказывался в поддержку

главы ПРК Абдуллы Оджалана, отбывающего в Турции пожизненное заключение.

Однако отношение Ливии к курдскому вопросу на самоопределение не оттолкнуло от нее Турцию. Анкара в отношениях с Триполи действует сугубо прагматично, высоко оценивая роль ливийского рынка и понимая, что в случае ухода Турции ливийское руководство передаст подряды компаниям других стран. Поэтому Анкара предпочитает в последние годы просто не обсуждать с Ливией проблему «терроризма ПРК».

Симпатии по отношению к турецким курдам высказывали представители руководства ЮАР. В 1992 г. лидер АНК Нельсон Мандела из-за нарушения прав курдов в Турции отказался от премии мира имени Ататюрка. В середине 90-х годов власти ЮАР наложили эмбарго на поставки оружия в Турцию. Однако после захвата Абдуллы Оджалана в 1999 г. отношения между Турцией и ЮАР улучшились, и эмбарго было снято. Тем не менее в ЮАР многие симпатизируют курдам Турции и ПРК. Главу ПРК А.Оджалана представители элиты ЮАР нередко сравнивают с лидером Африканского национального конгресса Нельсоном Манделой[77], а борьбу курдов за свои права в Турции – с движением против апартеида[78].

Следует отметить, что в ЮАР проживают около 3,5 тыс. выходцев из Турции, включая нелегальных мигрантов, значительная часть которых – курды, покинувшие Турцию в 90-х годах по политическим причинам[79].

Как и в случае с Ливией, понимая важность торгово-экономических и иных отношений с ЮАР, а также отсутствие возможности влиять на эти государства, Турция не пытается поднимать курдскую проблему. Тем более, что ни Ливия, ни ЮАР не вмешиваются во внутренние дела Турции, а лишь декларируют свою позицию. Кроме того, некоторые нынешние турецкие политики сами заявляют о необходимости решения застарелой курдской проблемы, утверждая, что курс на насильственную ассимиляцию и уничтожение курдов оказался безуспешным и лишь привел к многочисленным жертвам.

* * *

В целом из сказанного следует, что многоаспектная стратегия Турции на африканском континенте приносит свои плоды. Турция становится активным игроком на африканском континенте, считая его важной торгово-экономической пло-

щадкой. Сталкиваясь с ожесточённой конкуренцией на других, традиционных для себя рынках, Турция рассматривает Африку как весьма перспективное направление своей экономической экспансии, она настолько уверенно чувствует себя в экономических связях с африканскими странами, что уже предлагает Соединённым Штатам своё содействие в их работе в Африке[80].

Турция проводит в отношении Африки комплексную политику, включающую торгово-экономические, политические, гуманитарные, образовательные и иные аспекты. При этом каждое из этих направлений также весьма разнообразно и многопланово. Экономическая экспансия Турции направлена не только на продвижение своих капиталов и товаров, но и на создание совместных предприятий и новых производств, внедрение в строительную сферу, электроэнергетику, в реализацию инжиниринговых и сельскохозяйственных проектов.

Турция сегодня представлена в Африке в крупном, среднем и мелком бизнесе. При этом средний и мелкий бизнес играет в целом не менее важную роль, чем крупные компании.

Наряду с активной инвестиционной деятельностью Турция активно продвигает свои идеологические ценности, используя собственный опыт и подражая практике других государств в этой сфере.

Возможно, что сочетание двух этих аспектов органично приведет Турцию к успеху и поможет ей добиться стратегической цели – стать не только супердержавой в своем ареале, но и выдвинуться в число государств, имеющих большие амбиции и претендующих на значительное место в мире.

---

[1] *Ibrahim Turkmen*. ‘Africa Strategy' hits the bull's-eye. // *Today’s Business*. A Special Supplement by *Today’s Zaman* for TUSKON’s 3rd Turkey-Africa foreign trade bridge. May 13–15, 2008.

[2] Гидрокомплекс Манавгат был сооружён несколько лет назад для продажи воды Израилю. Однако Турция и Израиль так и не смогли договориться о цене. Кроме того, немалую роль сыграло и ухудшение политических отношений между двумя странами.

[3] О визите Эрдогана в Ливию см.: Turkey, Libya start building partnership in Africa // *Today’s Zaman* (*TZ*), 26.11.2009; *Turkey, Libya to expand together into Africa* // *Hürriyet Daily News* (*HDN*), 25.11.2009.

[4] Кроме Нигерии и Турции в «исламскую восьмёрку» входят Бангладеш, Египет, Индонезия, Иран, Малайзия, Пакистан. В рамках организации происходят регулярные встречи представителей стран-участниц.

[5] Расчёты автора с использованием информации турецкой трубопроводной компании BOTAŞ.

[6] См., например, информацию на сайте МИД Турции: *AfricaToday* // http://africa.mfa.gov.tr/the-summit.en.mfa.

[7] *Selcan Hacaoğlu*. Turkey becomes global power in construction // *HDN*, 14.07.2010.

[8] *Turkey ranks second in international contractors list* // *Today's Zaman*, 28.08.2010.

[9] *Kayalar T.* Turkish Trade and Investment Promotion Strategy toward Africa // Harvard Africa Policy Journal. Vol. 5, 2008–2009, с. 88. Доступно также в электронном виде:
http://www.hksafricapolicyjournal.com/sites/default/files/kayalar.pdf.

[10] Здесь и далее источником данных по внешней торговле является сайт Ведомства внешней торговли Турции (www.dtm.gov.tr).

[11] Об этом см. статью бывшего главы Ведомства внешней торговли Турции Тунджера Каялара: *Kayalar T.* Op. cit. С. 85–88.

[12] TUSKON была создана в 2005 г. семью региональными федерациями бизнесменов Турции.

[13] *Turkey's trade with African countries on rise* // *TZ*, 25.11.2008.
См. также мнение Р. Мерала, что в период кризиса для многих мелких и средних компаний Африка стала «единственным спасителем»: *Africa as a savior for Turkish firms* //
http://www.hurriyet.com.tr/english/finance/10861936.asp.

[14] *Turkish-African trade gets boost from strategy* // *TZ*, 26.11.2008.

[15] *Turkish flour exports increase by half entering south of Africa* // *TZ*, 19.01.2010.

[16] *Foreign Trade Outlook, 2008*. / The Undersecretariat of the Prime Ministry for Foreign Trade. – Ankara. С. 30.

[17] Так, например, по мнению министра промышленности и торговли Нихата Эргюна, подписание соглашения о свободной торговле с Ливией увеличит торговый оборот в течение 5 лет (к 2015 г.) более чем в 5 раз. (*FTA with Libya essential to increase mutual trade ties* // *TZ*, 21.05.2010.)

[18] *Ibrahım Varlık*. Turkey is Africa's voice, says Gül // *TZ*, 16.03.2010.

[19] *Turkish president sees Africa as Turkey's strategic partner* // *TZ*, 14.03.2010.
Gül seeks cooperation in DR Congo and Cameroon visits // *TZ*, 15.03.2010.

[20] *'Turkish goods warmly welcomed in African markets' // Today's Zaman*, 15.05.2010.
[21] *Mustafa Edib Yılmaz*. Global economic crisis transforms Turkey's socio-economic fabric. // *TZ*, 18.07.2010.
[22] Об этом см., например, мнение председателя Турецко-Африканского делового совета, действующего при Совете по внешнеэкономическим отношениям (DEİK), Тамера Ташкина: *'Turkish goods warmly welcomed in African markets' // Today's Zaman*, 15.05.2010.
[23] *Turkish company to export trucks to Africa // HDN*, 08.10.2010.
[24] *Ramzey, Japon Yamaha'ya 100 bin motosiklet üretecek // Hürriyet*, 08.02.2010.
[25] *Kerim Balci*. Ethiopian ambassador: Ethiopia does not need political reform // *TZ*, 25.03.2008.
[26] *Abdulhamit Yıldız*. Ethiopia sees Turkey as strategically important partner // *TZ*, 08.10.2007.
[27] *Sudanese official praises Erdoğan for Davos walkout // TZ*, 05.02.2009.
[28] *Arif Bayraktar*. Sudan lifting visa requirements for Turkish citizens to boost trade // *TZ*, 21.10.2009.
По этой теме см. также, например: *Turkish workers become businessmen in Khartoum // HDN*, 08.04.2010.
[29] *Arif Bayraktar*. Sudan lifting visa requirements for Turkish citizens to boost trade // *TZ*, 21.10.2009.
[30] *Arif Bayraktar*. Sudan lifting visa requirements for Turkish citizens to boost trade // *TZ*, 21.10.2009.
[31] *Turkish investments abroad surpass $17 bln in 10 years // TZ*, 26.10.2010.
[32] *Turkey – Sudan Trade Volume To Exceed 1 Bln U.S.D., Tuzmen //* http://www.turkishpress.com/news.asp?id=166284, 03.12.2007.
[33] См., например: *Business talks likely to boost Egypt-Turkey trade // HDN*, 06.04.2010.
[34] *Cumali Onal, Zafer Ozcan*. Turkey, Egypt eye $10 billion in mutual trade in 3 years // *TZ*; 21.01.2010. *Visa requirement between Turkey and Egypt must be ended, Minister Ergün // TZ*, 19.01.2010.
[35] *Turkish investments in Egypt see $1.1 bln. // TZ*, 25.03.2010.
[36] *Cumali Onal, Zafer Ozcan*. Turkey, Egypt eye $10 billion in mutual trade in 3 years // *TZ*, 21.01.2010; *Visa requirement between Turkey and Egypt must be ended, Minister Ergün // TZ*, 19.01.2010.
[37] *Lale Kemal*. Egypt, Turkey to get closer via Mediterranean // *TZ*, 30.09.2010.

[38] *Turkey eager to do business in South Africa, Minister Çağlayan* // *TZ*, 21.01.2010.
[39] *Foreign Trade Outlook, 2008* / The Undersecretariat of the Prime Ministry for Foreign Trade. – Ankara. C. 49.
[40] См., например, заявление президента Турции А.Гюля по: *Turkey, Cameroon lift visa restrictions* // *HDN*, 17.03.2010.
[41] См. выступление министра иностранных дел Турции А.Бабаджана: Address by H.E. Ali Babacan, Minister of Foreign Affairs of Turkey to the group of African countries. New York, 24 July 2008. // http://africa.mfa.gov.tr/speech-by-h_e_-babaca-to-the-group-of-african-countries-at-the-un_-24-july-2008.en.mfa (сайт МИД Турции).
См. также: *AfricaToday*. // http://africa.mfa.gov.tr/the-summit.en.mfa.
[42] Подробнее см.: *Abdülhamit Yıldız* TUSKON opens third Turkey-Africa trade summit // *TZ*, 13.05.2008.
[43] *Ergin Hava*. Discovery of crude oil to draw investors to Uganda // *Today's Zaman*, 22.04.2010.
[44] В конце января 2010 г. Турцию посетил с 3-дневным визитом президент Мавритании генерал Мухаммед ульд Абдель Азиз, который призывал турецких бизнесменов вкладывать деньги в экономику Мавритании. (*Moritanya Cumhurbaşkanı Abdel Aziz: Türkiye'nin imkanlarından yararlanacağız* // *Zaman*, 23.01.2010.)
См. также, например: *Bülent Keneş*. 'Hakuna matata': Tanzania calls on Turkish companies and investors.// *TZ*, 29.10.2009.
Tanzanya: Kahve fabrikası kurmaya ve karpuz üretmeye bize buyurun // *Hürriyet*, 20.02.2010.
Bayram Kaya. President Kikwete urges Turkish firms to invest in Tanzania // *TZ*, 22.02.2010.
См. также о приглашении турецких компаний работать в Уганде, озвученном президентом этой страны Йовери Мусевени во время его визита в Турцию в начале мая 2010 г.: *Gül: Relations with Uganda a sign of Africa's importance* // *TZ*, 06.05.2010.
В июле 2010 г. в Стамбуле инвестировать в Замбию призывал турецкий бизнес президент этой страны Рупиа Банда. (*Ergin Hava. Mahir Zeynalov*. Zambia seeks flow of Turkish investments at TUSKON event // *TZ*, 15.07.2010.)
[45] *African delegation encourages Turkey to lease farmland on continent* // *HDN*, 04.10.2010.
[46] *Emrah Ülker*. Tanzanian president sees bright future for relations with Turkey // *TZ*, 16.02.2010.

См. также, например: *Another Turkish entrepreneur teaches agriculture in Africa // Today's Business*, May 13–15, 2008. С. 11.

[47] THY *begins direct flights to Egypt's Alexandria // TZ*, 22.06.2010.

[48] *Lale Kemal.* Egypt, Turkey to get closer via Mediterranean // *TZ*, 30.09.2010.

[49] См. по: *Turkey to intensify ties with Zambia // HDN*, 12.07.2010.

[50] *Kimse Yok Mu puts smile on faces in Darfur // TZ*, 05.03.2010.

[51] *Salih SARIKAYA*. Turkish aid association builds homes in Darfur // *TZ*, 03.08.2010.

[52] *Kimse Yok Mu puts smile on faces in Darfur // TZ*, 05.03.2010.

[53] *First Turkish-made mobile hospital opens in Darfur // Today's Zaman*, 07.03.2010.

Об операциях, проводимых турецкими врачами в Дарфуре, см. также, например: *ÇAĞLAR AVCI*. Sudanese girl overjoyed after Turkish doctors remove cataract // *TZ*, 27.03.2010.

[54] *Kadir Aydınşık*. Turkish philanthropists donate goats to Nigerien widows // *TZ*, 10.03.2010.

[55] *Hasan Demir*. Black Sea medical team heads to Ethiopia // *TZ*, 27.02.2010.

[56] *Mustafa Gün*. Turkish doctors treat 3,000 Ugandans // *TZ*, 30.04.2010.

[57] *Cihan Kaya*. Turkish doctors perform 200 cataract operations in Mauritania // *TZ*, 26.05.2010.

[58] *Ibrahim Varlık*. 34 Turkish physicians to donate medical services in Niger // *TZ*, 06.06.2010.

[59] *Turkish doctors provide medical services to Tanzania // TZ*, 26.07.2010. *Turkish doctors distribute 3,000 mosquito nets to Tanzanians // TZ,* 26.07.2010.

[60] См. по: *Mustafa Gün*. Turkish doctors treat 3,000 Ugandans // *TZ*, 30.04.2010.

[61] См., например: *Ali Gansev*. Haitian, Ethiopian medical students laud Turkish doctors // *TZ*, 16.03.2010.

[62] Так, в марте 2010 г. Турция подписала соглашение о безвизовом режиме с Камеруном: *Turkey, Cameroon lift visa restrictions // HDN*, 17.03.2010; *Turkey, Cameroon sign visa agreement, protocol // TZ*, 18.03.2009; *Turkish businessmen expect EU, North Africa and Gulf region to lift visas // TZ*, 04.07.2010.

[63] *Turkey, Cameroon sign visa agreement, protocol // TZ*, 18.03.2009.

[64] См. мнение президента Турции А.Гюля по: *Cameroonian students perform Turkish song for Gül // TZ*, 19.03.2010.

[65] *Tanzanya'da devletin zirvesinin tercihi Türk okulları oldu* // *Zaman*, 03.09.2009.
[66] *Türk kolejleri, Nijerya'ya 53 madalya kazandırdı* // *Zaman*, 02.03.2010.
[67] *Mustafa Ünal*. First Turkish president in Congo // *TZ*, 18.03.2010.
[68] *Türk kolejleri, Nijerya'ya 53 madalya kazandırdı* // *Zaman*, 02.03.2010.
[69] *Hasan Kanbolat*. A Turk in Madagascar (2) // *TZ*, 13.02.2010.
[70] Там же.
[71] См. сайт университета: http://www.ntnuniversity.net.
[72] *Türk kolejleri, Nijerya'ya 53 madalya kazandırdı* // *Zaman*, 02.03.2010.
[73] О системе высшего образовании в Африке см.: *Teferra, Damtew; Altbach, Philop G.* African Higher Education: Challenges for the 21st Century // *Higher Education*, 47 (January 2004), с. 21–50.
[74] Так, в Нигерии действует Нидерландская бизнес-школа (*Universiteit Nienrode*), а в Кении открыли свои представительства пакистанский *Aga Khan University* и американский *Alliant International University*. См.: *Altbach, Philip G.; Knight, Jane*. The Internationalization of Higher Education: Motivations and Realities // Journal of Studies in International Edication. Vol. 11, No. ¾, Fall/Winter 2007, с. 297–298 (290–305).
[75] См., например: *Hemra Köse, Yasemin Budak*. Student falls in love with Turkey during Turkish Language Olympiads // *TZ*, 10.06.2010.
[76] *Qedafî: Ez dibêjim bila kurd serbixwe bibin û partiyên kurdan daxwaza federaliyê dikin*. (Каддафи: я выступаю за независимость курдов, а курдские партии требуют федерализма.) // www.nefel.com, 14.12.2007 (курд. яз.).
[77] См., например, мнение адвоката Н.Манделы и судьи конституционного суда ЮАР Эсса Мусы (Essa Moosa):
Safiye Alagas, Omer Celik. 'Mandela'da, Ocalan'da halkının ozgurlugu icin mucadele etti' // *Gundem*, 07.04.2009; *Li Afrîkaya Başûr kampanyaya azadiya Ocalan* // *Azadiya Welat*, 23.03.2010.
KHRAG launch at the Cape Town Festival 2010. Address by KHRAG Chair – Essa Moosa. // www.khrag.org/index.html.
Н.Манделу и А.Оджалана нередко сравнивают и курдские политики. Так, например, депутат парламента Турции глава фракции Партии демократического общества А.Тюрк заявил об этом, выступая на праздновании Науроза в Диярбакыре (Турция) 21 марта 2009 г.
[78] См., например, мнение известного южноафриканского религиозного деятеля, лауреата Нобелевской премии мира (1984 г.) Десмонда Туту: *Desmond Tutu: Dive Dewleta Tirkiye Ber Bi Sivilbune Here*. (Турецкое правительство должно идти в сторону гражданственности.) www.rudaw.net,

04.02.2010 (курд. яз.). См. также, например, послание Д.Туту проходившей в начале 2010 г. конференции по курдской проблеме в Европарламенте, в котором он отмечал необходимость мирного решения курдской проблемы. См. по сайту телеканала Roj-TV:
http://roj.tv/news/117/ARTICLE/5820/2010-02-03.html; *Desmond Tutu peyama aştî da*. // www.aknews.com, 04.02.2010 (курд. яз.). См. также мнение Эсса Мусы: *Rahmî Yagmur. Enwer ÇÎFTÇÎ.* Moosa: Bê diyalog nabe // *Azadiya Welat*, 15.06.2010 (курд. яз.).

[79] *Hasan Kanbolat*. Being a Turk in South Africa // *TZ*, 16.02.2010.

[80] См. подобное предложение министра внешней торговли Турции Зафера Чаглаяна: *Çağlayan: Turkey's share in US imports should rise* // *TZ*, 19.07.2010.

Э.В.Павлуцкая

РОЛЬ АРМИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ МАРОККО

Создание независимого государства влечет за собой проблему национальной безопасности. Поэтому наличие собственной армии – это не только вопрос престижа, но и важный социально-политический фактор, который может оказать влияние на дальнейшее развитие страны. Ни один режим не может оставаться у власти, опираясь только на политическое влияние и административную систему. Управление обществом поддерживается наличием сил принуждения, что предопределяет их общественно-политическую роль.

По степени сплоченности, дисциплинированности и централизованности с армией не может сравниться ни одна политическая организация. Но это не только организованные, но и вооруженные силы. По сути это недемократический организм политической структуры.

Занимая из-за своей специфики особое положение среди государственных институтов, имея преимущества перед гражданскими структурами, армия может стать решающим фактором, влияющим на течение политической жизни.

Роль армии в различных странах далеко не одинакова. Если в Египте, Сирии, Ираке, Алжире, Ливии, Судане верхние ступени в государственном аппарате заняли офицеры, то в Марокко, Иордании, Ливане высшие слои бюрократической элиты принадлежали к традиционному господствующему классу, преимущественно к его аграрному крылу.

Авторитет марокканской монархии оказался достаточно силен, чтобы подчинить жизнь общества строгой иерархии, в которой армии надлежало занять особое место. Однако на первых порах у новой власти была лишь личная охрана – «черная гвардия».

К созданию вооруженных сил султан Мухаммед бен Юсеф приступил незамедлительно после обретения страной сувере-

нитета. По его замыслу, армия должна была осуществлять военные и полицейские функции (вместе со службой безопасности), личную охрану монарха и его двора наряду с султанской гвардией. Кроме того, ей отводились и социальные функции: предполагалось её участие в общественных работах, чтобы решать не только практические задачи, но и устанавливать тесные контакты с населением с точки зрения распространения политических идей власти.

В марте 1956 г. было создано Министерство национальной обороны.

25 июля султан бен Юсеф издал дахир об учреждении «Королевской марокканской армии», которая затем стала называться «Королевские вооружённые силы» (КВС). Были изданы законодательные акты об учреждении военной юстиции, королевской жандармерии, Высшего комитета национальной обороны. Позднее была создана Государственная инспекция королевской армии[1].

Пост Верховного главнокомандующего занял сам султан. Министром обороны он назначил своего близкого соратника Ахмеда Реда Гедиру, а начальником генерального штаба – принца Муляя Хасана, которому и поручил формирование вооруженных сил. Кроме армии, наследный принц контролировал и Министерство внутренних дел. Чтобы сделать и армию, и полицию надежной опорой, двор сосредоточил власть над ними в руках королевской семьи.

Поскольку основной задачей армии являлась охрана трона, дисциплина в ней должна была основываться на верности Богу, Родине и Королю (которым султан стал в 1957 г. под именем Мухаммеда V). Непосредственное подчинение КВС королю (с 1960 г. Хасану II) было узаконено Конституцией 1962 г.

В армии были запрещены коллективные обращения, публичные заявления, создание политических и профсоюзных организаций[2]. Тем самым король пытался поставить армию «вне политики», но охранительная функция как раз и обусловливала ее политическую роль.

Стремясь ограничить влияние общества на армию, монарх принял решение формировать ее не по найму, а по контракту. Ко времени независимости существовало два источника для ее пополнения: марокканские наемники из колониальных войск Франции и Испании и созданная в 1955 г. Армия освобождения, несколько напоминавшая доколониальную султанскую ар-

мию, основанную на феодальных и племенных общинах. Армия освобождения претендовала на привилегированную роль в составе КВС. Однако, желая иметь современную профессиональную армию, король предпочел набирать кадры из войск бывших метрополий.

Такой ускоренный способ формирования национальных армий из местных кадров военнослужащих, проходивших службу в колониальных армиях, был характерен для многих азиатских и африканских стран. Марокканские офицеры, вербуемые из среды «феодалов» – вождей племен и крупных землевладельцев и получившие образование в Сен Сире, участвовали вместе с французской армией в сражениях во Второй мировой войне, а также в колониальных экспедициях в Индокитае, Сирии, на Мадагаскаре и в других колониях, даже в Алжире до лета 1956 г.

Во время проведения операций по умиротворению населения колоний французские офицеры отмечали высокую боеспособность местных берберов, составлявших более половины всего марокканского населения. Берберы Рифской области, в основном из сельской местности, служили в испанской армии. Рифаем был Мухаммед Мумен Сахрауи, которому в 1970 г. Хасан II присвоил звание маршала. Будучи подполковником в армии Франции, Сахрауи немало способствовал первым успехам франкистских мятежников в войне против испанских республиканцев. Франко широко использовал марокканские воинские части против Испанской республики (1936–1939 гг.). Он даже объявил себя покровителем ислама. Ему удалось мобилизовать в свою армию до 100 тыс. марокканцев (в основном из племен Рифа и Джибелы, а также из французской зоны), что в значительной степени предопределило исход первого этапа гражданской войны. Взамен марокканцам, проживавшим в испанской зоне, был обещан статус автономии и политические свободы. Не получив обещанного, марокканские националисты осенью 1936 г. предложили Франции и республиканской Испании организовать восстание в тылу у Франко в обмен на предоставление Марокко автономии.

Во время Второй мировой войны на стороне союзников в Северной Африке сражались и магрибинцы. В боях за Тунис в составе французского корпуса воевали 30 тыс. местных солдат, в том числе и марокканцы. В августе 1944 г. на юге Франции находилось до 240 тыс. магрибинцев, которые приняли

участие в освобождении от фашистов Франции, Италии, Германии и Австрии. Процент марокканцев среди них был значительным, хотя большинство составляли алжирцы.

В колониальной армии служили местные офицеры, часть которых обучалась в военных училищах Франции и Испании, где они смогли приобщиться к некоторым постулатам «западной шкалы ценностей» и соответствующему образу мышления и поведения. Их отличали дисциплинированность и довольно высокий уровень политической сознательности. В частности, не было случаев дезертирства и перехода на сторону борцов за независимость. Более того, марокканцы, служившие в колониальных войсках, участвовали в боевых операциях против партизан. Такой тип офицерства воспроизводился и в процессе подготовки новых кадров в местных военных училищах и в военной академии в Мекнесе, при поступлении в которую предпочтение отдавалось берберам. Для них там же был открыт и специальный колледж. Солдат также рекрутировали преимущественно среди берберского населения. Это была сознательная политика предоставления преимуществ берберам из отдаленных и наиболее отсталых районов в противовес арабам, по большей части горожанам.

В день создания КВС 9 марта 1956 г., отмеченный праздничным салютом, по разным данным, 10–15 тыс. марокканцев, служивших в испанской армии, принесли присягу перед принцем Хасаном.

Серьезной проблемой при комплектовании вооруженных сил стала судьба марокканской части Армии освобождения (АО) Арабского Магриба, созданной в 1955 г. под объединенным командованием для руководства борьбой за освобождение Марокко и Алжира. В политическом отношении авторитетом для нее являлся Объединенный фронт освобождения Магриба (или Комитет освобождения Магриба), созданный в Каире Абд аль-Кримом – вождем Рифской республики в 20-е годы прошлого века при поддержке основателя самой влиятельной национальной партии Истикляль (во французской зоне) и лидера Партии национальных реформ Абд аль-Халика Торреса (в испанской зоне).

Основу ее составляли выходцы из берберских племен, которые находились в подчинении у каидов – вождей, занимавших офицерские должности. Многие из них ранее служили во французских и испанских армиях и имели необходимую во-

енную подготовку. В связи с родоплеменной организацией АО не имела регулярного характера. Военная власть в ней сочеталась с традиционной и политической. Кроме горцев, в армии сражались солдаты и офицеры, бежавшие из колониальной армии, и представители городского населения. На севере она насчитывала 15 тыс. чел., в южной части страны – 12 тыс.[3] Влияние АО распространялось на всю горную территорию Марокко – Риф, Средний и Высокий Атлас, то есть на наименее арабизированные берберские племена.

30 марта 1956 г. будущий король Мухаммед бен Юсеф принял группу военачальников АО и, воздав им должное за участие в освободительной борьбе, призвал их к повиновению. 27 марта 1957 г. северная часть АО заявила о верности правителю. Южная часть была окончательно разоружена только в 1960 г. в Тафрауте в результате операции под кодовым названием «Банник», начатой французскими войсками еще в 1958 г.

Жестом в сторону героев сопротивления явилось назначение некоторых лидеров АО губернаторами (М. Ахардан, А. Сенхадж, М. Мекнесса и Г. Лараки). Бывшие бойцы были назначены каидами, халифами, мукаддамами, были приняты в полицию. Стремясь поставить под свой контроль деятельность бывших участников сопротивления, 11 марта 1959 г. король Мухаммед V издал дахир об образовании Национального совета сопротивления. который возглавил премьер-министр. В его состав, помимо членов правительства, вошли только три деятеля сопротивления, назначенные премьер-министром по представлению Министерства внутренних дел. Совет занимался трудоустройством бывших участников борьбы за независимость. 11 июня 1959 г. в честь героев сопротивления были названы 79 бульваров, улиц и площадей Касабланки, ранее носивших имена французских генералов.

Однако лидеры АО, боясь потерять политическое влияние и имея в своем распоряжении более или менее организованные формирования, не спешили разоружаться. Это стало причиной волнений в контролируемых ими районах. Ожидая решения своей судьбы, бойцы АО были встревожены враждебным отношением вновь создаваемой армии. Как результат последовали вооруженные столкновения. В одной из таких стычек был убит один из лидеров АО Си Аббес, что послужило поводом для новых выступлений армии в районе Рифа, где он пользовался особым влиянием. Принц Хасан посетил районы

волнений, и ему удалось расквартировать некоторые части АО на юге страны, где тогда создались напряженные отношения с Испанией из-за Западной Сахары. Эти части составили основу Армии освобождения Сахары, насчитывавшую 3 тыс. чел. Таким образом Хасан совершил ловкий политический маневр, направив антиправительственные настроения партизан на борьбу против внешнего врага[4].

Волнения в берберских районах стали результатом не только притязаний на самостоятельность местных элит, но и выражением протеста против «невнимания властей» к проблемам берберов. Местное население было разочаровано в партии Истикляль, которая не оправдала его социально-политических ожиданий, не дала ему ни работы, ни постов в местной администрации: «Это партия, которая мешает нам жить так, как мы хотим» (то есть сохранять традиционный жизненный уклад), – заявил губернатор Тафилальта Ади у Бихи[5].

Самое крупное восстание берберов Рифа подавлялось под личным командованием Муляя Хасана и генерала-бербера Мухаммеда Уфкира. Туда был направлен карательный корпус численностью 15 тыс. чел. По некоторым данным, против повстанцев широко использовался напалм. После этих событий принц, ставший королем Хасаном II, за 38 лет своего правления ни разу не был в рифских провинциях.

Эти события показали, что у султана Мухаммеда бен Юсефа не было возможности в тот момент сразу решить судьбу АО. Формирования такого рода трудно было сразу растворить в национальных вооруженных силах. Все же позднее 6 тыс. бойцов АО были приняты на королевскую службу.

Пройдя в первые пять лет процесс создания, армия в конце концов была сформирована из трех основных групп: бывшие марокканские военнослужащие французской армии; бывшие сторонники султана, служившие в испанской армии; партизаны, пришедшие из Армии освобождения после её расформирования.

В дальнейшем принцип комлектации армии стал смешанным: по контракту и на основе воинской повинности. Пополнение происходило преимущественно за счет сельского населения. Военнообязанными считаются мужчины в возрасте 18–50 лет[6].

В 1957 г. численность марокканской армии составляла 30 тыс. чел., а к 1968 г. увеличилась до 54 тыс.[7]

В октябре 1963 г. между недавними союзниками по национально-освободительной борьбе – Алжиром и Марокко – вспыхнул пограничный конфликт, получивший название «война в песках». В наследство от колониализма этим странам достались нерешенные пограничные проблемы, связанные с отсутствием линии границы на огромном ее протяжении. Король хотел вернуться к границам Марокко до 1912 г., когда французские власти отрезали от него территорию площадью около 200 тыс. км в районе Тиндуфа, который оказался богат железорудными месторождениями.

Противостояние не переросло в полномасштабную войну благодаря «миролюбию» марокканского короля. Якобы он отказался от войны как некогда легального способа решения старых вопросов, остановив наступление в 31 км от г. Тиндуф. На деле он трезво оценил последствия войны при существующем соотношении сил и нарастающей социальной напряженности в стране (в том числе и в армии), закончившейся введением чрезвычайного положения в 1965–1970 гг. Король призвал Алжир к переговорам об установлении демилитаризованной зоны. В 1964 г. при содействии Организации африканского единства было достигнуто соглашение об урегулировании пограничного спора. Но Марокко так его и не ратифицировало. На протяжении 60-х годов прошлого века КВС неоднократно вступали в вооруженные столкновения с алжирскими войсками на границе.

В ликвидации конфликта Марокко помогали Франция и США (одновременно Франция наряду с Египтом и Кубой оказала помощь и Алжиру, еще не оправившемуся от национальной войны за освобождение). Франция передала Марокко более чем на 3 млн. долл. военной техники, а в 1964 г. её военная помощь королевству составила более 10 млн. долл. Есть сведения, что «сотни единиц боевой техники» в 1962 г. Марокко поставил Израиль.

Бывшая метрополия помогала королевству не только в техническом оснащении, но и в подготовке армейских кадров. Согласно договоренностям, Франция направила в Марокко 142 офицера и 603 унтер-офицера на должности инструкторов. Марокканцы были отправлены на учебу в военные учебные заведения Франции и Испании (Сен Сир и Толедское военное училище), пребывание в которых влияло на воззрения марокканского офицерского корпуса.

В самом Марокко был основан ряд военных школ, высшее военное училище в Мекнесе было преобразовано в Королевскую военную академию. Всего с мая 1956 г. по май 1957 г. в 18 учебных заведениях Франции, Испании и Марокко обучались 1580 марокканцев[8].

В Академию в Мекнесе с июня 1955 г. стали принимать абитуриентов, имеющих степень бакалавра. Это давало преимущества кандидатам из более образованных зажиточных городских слоев. Первый выпуск академии насчитывал 150 чел. Все курсанты (1960 чел.), принятые в 1955 г. в военные школы, пополнили средний слой офицерства.

Офицерский корпус АО практически не был допущен к командованию в КВС. Тщательно отобранные командиры АО были посланы на курсы переподготовки в Бен Слиман, но закончили их только 90 чел., а в вооруженные силы были приняты 28 чел.[9] Более того, выходцам из АО присваивались более низкие звания по сравнению с профессионально подготовленными офицерами из колониальной армии.

Формирование командного состава из таких разнородных слоев и групп осложнялось причинами не только профессионального, но и психологического характера. Офицеры из армии метрополии чувствовали себя военной элитой, что вызывало недовольство коллег, порождая конфликты. Во главе армии оказались офицеры, боровшиеся с освободительным движением, участники которого зачастую уже теперь в КВС становились их жертвами. Кроме того, большая часть офицерского корпуса, учитывая источники его формирования, была представлена берберами. Это породило соперничество за сферы влияния с офицерами-арабами.

На берберов, в противовес арабам, рассчитывая на их лояльность, как прежде колониальные власти, опирались и короли в стремлении укрепить марокканскую государственность. В результате, соперничая за власть с самой авторитетной в то время партией Истикляль, монархия сумела подорвать ее влияние над берберскими партийцами, создавшими с позволения властей свою партию Народное движение под руководством генерала М. Ахардана (бывшего капитана французской армии). Королевский двор постепенно предоставил берберам ведущую роль в своем окружении. В их руках оказалось не только правительство и верхушка армии, но также полиция и жандармерия.

Казалось, на первом этапе укрепления независимости удалось создать верный монарху институт вооруженных сил. Однако уже в 1960 г. осторожный король начал устранять тех, чья лояльность по отношению к трону, казалось, не вызывала сомнений. Часто это были молодые арабы, которые пошли в армию после получения страной независимости.

Берберы представляли собой серьезную силу благодаря армии, МВД и партии Народное движение, тесно связанной и с армией, и с МВД. Министерство внутренних дел, ставшее надежной опорой трона, ведало назначением губернаторов и каидов провинций и городов.

Полиция была сформирована в основном из бывших участников промонархического движения, среди которых оказывались как сторонники, так и противники партии Истикляль. Но в нее вступили и бывшие сотрудники спецслужб протектората, проявившие лояльность по отношению к трону. В задачу полиции входила не только охрана порядка, но и подавление антимонархических выступлений социальных низов, сочувствовавших левым силам. Наиболее привилегированной частью полиции являлась королевская жандармерия, которую комплектовали в основном из бывших военных, она была придана армии и находилась под командованием офицеров-берберов, послушных королю и наследному принцу.

Борьба за сферы влияния с арабами-фаси особенно характерна для офицеров армии. Берберы считали, что армия была и остается не только вооруженной силой, но и, при известных обстоятельствах, силой политической. Почти каждое берберское племя – не только политическая, но и военизированная часть партии Народное движение. Поэтому армия была тесно связана с партией, созданной с разрешения монарха.

Армия и полиция были лояльны к трону по крайней мере в течение 10 лет. Об этом свидетельствовал тот факт, что во время событий в Рифе в 1958 г. и мощных демонстраций в Касабланке в 1965 г. против учащихся, студентов и безработных были применены армия и полиция, направлены танки. Королевский двор и близкие к нему лица долгое время полагали, что у военных не было иного выхода, кроме служения монархии, так как из-за своего прошлого они были лишены поддержки политических партий.

С ростом численности армии, обновлением и омоложением офицерского корпуса в ней увеличилась прослойка лиц,

в том числе и арабов, принадлежавших к мелкой буржуазии города и зажиточному крестьянству. Эта прослойка националистически настроенного радикального мелкобуржуазного офицерства стала оказывать возрастающее влияние на внутреннюю жизнь вооруженных сил.

С возникновением военной интеллигенции формирование ее политических взглядов происходило под влиянием идеологической борьбы в марокканском обществе. В условиях социальной напряженности, связанной с медленным преодолением процесса деколонизации, и малоэффективных действий властей создавалась почва для вмешательства армии в политику.

Недовольные офицеры постепенно приходили к выводу о необходимости осуществления радикальных перемен в обществе при участии армии, которая успешно провела революционные преобразования в Египте и Ливии, в результате освободительной войны обеспечила приход к власти военных в соседнем Алжире.

Политика ослабления партий, которую проводил королевский двор, позволила армии стать единственной организованной силой, способной изменить курс национального развития. Народные волнения вызывали брожение внутри вооруженных сил и вылились, в частности, в неудавшуюся попытку мятежа молодых офицеров.

В декабре 1969 г. через три месяца после провозглашения Ливии республикой была раскрыта подпольная организация в ВВС – Движение свободных марокканских офицеров, ставившее целью свержение королевского режима («Заговор Рамадана»). Заговорщики вошли в контакт с командующим ВВС генералом Нмиши, но тот не только не поддержал заговор, но и раскрыл его властям. По некоторым данным, были расстреляны около 50 молодых офицеров. Этот заговор можно поставить в один ряд с «революциями полковников» в других арабских странах, недовольных системой и склонных к переменам.

Созданный в это время берберской интеллигенцией Берберский фронт во главе с А. Буккусом, М. Меззином и М. Уадесом, несмотря на преследования властей, сумел расширить свои ряды за счет сторонников в госаппарате и армии. Обстановка кризиса в стране, грозившая перерасти в революционный взрыв, вызывала обеспокоенность среди высших офицеров. Привилегированная офицерская прослойка опасалась за собственную судьбу и руководствовалась элементарным

чувством самосохранения. К 1969–1970 гг. многие из высокопоставленных сторонников короля были разочарованы его политикой и начали постепенно от него дистанцироваться. Их раздражало и слишком пренебрежительное отношение монарха к гражданской и военной элите. Однако политика кнута и пряника, проводимая королем, заставляла военную элиту до поры до времени мириться со своим положением.

Сомневаясь в преданности высших офицеров, монарх часто перемещал их по службе, мешая им врастать в обстановку на местах. В 1970 г. среди ветеранов АО были проведены аресты, которые встревожили бывших участников сопротивления. Вызывало беспокойство и то, что по конституции 1970 г. Хасан II приобрел неограниченную власть и сформировал подконтрольный парламент.

Тогда армия попыталась сыграть самостоятельную роль в политическом развитии страны. Именно офицеры из бывших колониальных войск намеревались взять власть в свои руки. Участников заговора возмущала процветавшая в стране коррупция, разложение власти и ее общественное лицо, дискредитированное нарушением норм религии и морали. Они были недовольны экономическим положением, неэффективным управлением страной, развалом гражданской элиты, падением нравов. Они видели все более распространявшееся общественное недовольство, нараставшую политизацию низших армейских чинов. Это привело, в конечном счете, к решению действовать прежде, чем более молодые и радикальные оппозиционеры захватят власть, устранят монархию и связанное с ней высшее офицерское руководство. Для властей участие в заговоре высших офицеров стало неожиданностью.

В ходе намеченного на май 1971 г. переворота предполагалось использовать некоторые подразделения, чтобы перехватить королевский кортеж по дороге из Феса в Аль-Хаджеб. Однако маршрут короля в самый последний момент был изменен. Тогда было решено захватить всю политическую элиту в загородной резиденции короля в Схирате (близ Рабата) во время приема в честь 42-летия короля в июле 1971 г. В это время восставшие должны были овладеть столицей.

Среди участников переворота преобладали выходцы из провинций Рифа и Среднего Атласа. Однако, несмотря на «берберскую окраску», заговор не был чисто берберским. Недовольство властью принимало всеобщий характер.

Руководителями путча стали бригадный генерал Медбух и полковник Абабу. Медбух был сыном каида родом из Рифа. Получив образование в военном коллеже Дар эль-Байда в Мекнесе, он успешно служил во французской армии. После 1956 г. был назначен губернатором провинции Уарзаззат, откуда впоследствии направил воинскую колонну против восставшего соратника, губернатора Ади у-Бихи, в соседнюю провинцию Тафилальт. Затем Медбух был назначен губернатором г. Рабата (вместо Ахардана), позднее стал адъютантом короля Мухаммеда V. В 1967 г. Медбух был назначен начальником королевского военного двора. Он стал ближайшим соратником Хасана II. Под его контролем находилась вся армия, он был в курсе самых важных политических дел короля.

Подполковник Мухсин Абабу, возглавивший штурмовую группу при нападении на летний дворец в Схирате, представлял поколение военнослужащих, которые выдвинулись после обретения независимости. Он был начальником школы унтер-офицеров в Ахермуму и личным другом принца Муляя Абдаллаха, брата Мухаммеда V. Абабу тоже был родом из Рифа. Он выражал интересы нового поколения офицеров, не имевших колониального прошлого или особых связей с монархией. Их целью являлось установление военного режима, аналогичного режиму во многих современных странах Азии и Африки. Служебной карьере многих участников заговора после 1957 г. способствовал Муляй Хасан, и поначалу они верно служили монарху.

Еще одним влиятельным заговорщиком был генерал Хамму, родственник официальной жены короля, происходившей из влиятельного племени заян в Среднем Атласе, которое было недовольно нравами в верхних эшелонах власти. Среди участников путча были генерал Бугрим, командующий военным округом Фес-Таза, М. Амхареш, начальник военной академии в Мекнесе и Хабиби, командующий военным округом Марракеша. В заговоре участвовали полковник Фетнери из королевской жандармерии, начальник военной школы в Кенитре полковник Бубери, майор Менузи. полковник Шелуати, ранее возглавлявший военный колледж Дар эль-Байда, а с 1965 г. губернатор провинции Уджда (Риф). Майор Мехти Гарбауи руководил группой королевских адъютантов.

Для нападения на дворец были привлечены 1,4 тыс. кадетов школы Ахермуму в возрасте 18–20 лет под командова-

нием Абабу. Они должны были принять участие в военных маневрах в г. Бен Слиман, поэтому им было выдано оружие. Маршрут передвижения курсантов пролегал из Мекнеса в Рабат, а затем по побережью через Касабланку в Бен Слиман, т.к. дворец Схират расположен у прибрежной дороги из Рабата в Касабланку.

Одновременно заговорщики захватили здание национального радио и, опережая события, объявили о создании республики. Египетская газета «Аль-Ахрам», еще не зная о разгроме путчистов, поместила 10 июля 1971 г. на первой странице пространную статью «Тиран мертв, диктатор исчез».

Однако заговор провалился, его руководители были расстреляны на месте. Королю удалось овладеть ситуацией. Часть высших офицеров (Бухали, Уфкир и др.) оказались верны монарху и взяли на себя руководство подавлением восстания. Но ни восставшие, ни верные трону офицеры не смогли привлечь на свою сторону части регулярной армии, которая заняла выжидательную позицию. Молчанием встретило попытку переворота и гражданское население.

Традиционное отношение восставших к монарху, повелителю правоверных, во многом помешало успеху заговора. Среди путчистов не было согласия по поводу дальнейшей судьбы режима: генералитет хотел только свержения Хасана II, полковник Абабу был сторонником республиканского правления.

На угрозу со стороны армии король реагировал с изощренной жестокостью, на которую были способны прежние марокканские султаны. Более 600 кадетов погибли в перестрелке, уцелевшие были осуждены чрезвычайным трибуналом на длительные сроки заключения, были расстреляны восставшие офицеры и генералы. Многие из них были очень популярны, и лишение их жизни породило ненависть к королю в военных кругах, а также в семьях и племенах, к которым принадлежали повстанцы. Недовольство в армии вызвали чистки офицерского корпуса, почти целиком были заменены младшие офицеры. Высшие командные посты были отданы офицерам-арабам. Однако берберы, сохранившие верность трону, продолжали занимать важные позиции как в армии, так и на гражданской службе.

Недовольство в армии обернулось новым заговором против монарха буквально через год. В августе 1972 г. высшее армейское руководство попыталось осуществить переворот

силами 22 пилотов эскадрильи самолетов Ф-5 с базы в Кенитре во главе с полковником Амокраном, их бывшим командиром, который затем стал заместителем полковника Хасана Лиусси, командующего ВВС Марокко. Кроме пилотов в путче участвовали около 20 тыс. военных.

Поднявшись с военной базы в Кенитре, истребители обстреляли королевский Боинг-727. Личный пилот короля Каббадж, который впоследствии стал командующим ВВС, смог посадить поврежденный самолет на аэродроме в Рабате. Самолет еще раз был обстрелян на земле, но королю удалось уцелеть.

В октябре 1972 г. 210 пилотов и военных, служивших на базе в Кенитре, были отданы под суд. 14 из них, в том числе Амокран и Куэра, были приговорены к высшей мере наказания. 172 человека были оправданы, остальные осуждены на различные сроки тюремного заключения (от 3 до 20 лет).

Выступая по телевидению после нормализации обстановки, король заявил, что заговорщики намеревались провозгласить республику. Но генерал Уфкир, самый доверенный человек короля (до 1961 г. министр МВД, затем министр обороны), стоявший во главе заговора, собирался стать диктатором-регентом при 9-летнем наследнике Сиди Мухаммеде. Согласно официальной версии, Уфкир покончил с собой.

Есть преположение, что за этим заговором стояли США, стремившиеся закрепиться в этой стране, имеющей важное геостратегическое положение, создав стабильную политическую власть с помощью армии. Известно, что часть летчиков проходила подготовку или в США, или под руководством американских инструкторов на базе в Кенитре.

Снова последовали чистки в армии. Король объявил о ликвидации постов министра обороны, начальника и помощника начальника генерального штаба. Были учреждена Администрация национальной обороны, подчиняющаяся непосредственно монарху. После покушения склады с боеприпасами были переведены в ведение королевской жандармерии, что сказалось на боеспособности армии.

Стремление армейской элиты повлиять на политический курс страны обернулось еще одним провалом. В январе 1977 г. в разгар неудач в западносахарской войне в автомобильной катастрофе погиб генерал А. Длими, ведавший секретной службой после гибели генерала Уфкира. Детали заговора ос-

тались неизвестными. До и после смерти Длими было арестовано множество офицеров, что свидетельствовало о дальнейшем нарастании недовольства в армейской среде. Среди высшего офицерства остался лишь один генерал[10]. Доверенным лицом короля стал новый «серый кардинал», министр внутренних дел Дрис Басри.

Следует отметить, что глава МВД до сих пор обладает более реальной властью, чем премьер-министр, его полномочия выходят за пределы своего ведомства. Дрис Басри 21 год чрезвычайно жесткими мерами обеспечивал внутреннюю стабильность в стране. Такой монополизм во власти вызывал не только недовольство населения, но и опасения нового короля Мухаммеда VI, который в 1999 г. отправил его в отставку.

События 60–70-х годов показали, что в Марокко не оказалось силы, способной противостоять трону. Лишь армия была потенциально пригодна для борьбы с режимом, но не была едина в своем отношении к нему, не имела прочных связей с политическими силами страны и четкой идеологической платформы. К тому же ни генералитет, ни офицерство, ни армия в целом не создали себе необходимого политического авторитета.

В какой-то мере недовольство в армии сдерживалось благодаря тому, что важное значение для формирования мировоззрения военнослужащих, среди которых было много неграмотных, отводилось укреплению у них религиозного сознания, воспитанию уважения к закону, правам и обязанностям, чувства справедливости. Насаждалось убеждение, что армия не является политической силой, а предназначена для защиты отечества. Военная дисциплина выводилась из дисциплины религиозной. Религиозное воспитание, преимущественно путем внушения, осуществлялось специальным и весьма разветвленным штатом армейских служителей культа. После покушений 70-х гг. марокканские власти вообще стали уделять особое внимание воспитанию верноподданнических настроений в офицерском корпусе. Одновременно по мере продвижения по службе увеличивалось число предоставляемых им льгот.

Стало больше внимания уделяться продвижению по службе в соответствии с заслугами и способностями офицеров. Были созданы благоприятные условия для занятия военных бизнесом. В ходе аграрной реформы с изъятием земель

у иностранных колонистов часть была распределена между военными.

Вместе с тем полиция стала постоянно следить за основными дорогами, ведущими в крупные города. В жандармерию регулярно поступала информация о передвижении воинских частей.

Тем не менее новый всплеск активности в армии наблюдался в 2002 г., когда отрывки из Коммюнике № I Комитета свободных офицеров КВС опубликовали алжирские, испанские и французские газеты, а парижский журнал «Жен Африк» опубликовал его полный текст. Марокканские офицеры требовали отставки семи генералов, уличенных в коррупции, освобождения офицеров, осмелившихся протестовать против коррупции в КВС, а также повышения жалованья военным. Однако поиски спецслужбами подпольной организации успеха не имели.

Положительным моментом для страны оказалось то, что наряду с разраставшимся оппозиционным движением попытки армии изменить характер власти подтолкнули монарха к социально-политическим изменениям в стране с опорой на партийно-политическую систему.

Консолидирующим общество фактором стала война за Западную Сахару с Фронтом ПОЛИСАРИО (1976–1991 гг.). Хасан II воспользовался войной, чтобы объединить поляризованные слои населения, пробудив в них националистические настроения, а армию занять делом по её прямому назначению. Однако затянувшаяся на 15 лет война стала одной из причин внутреннего кризиса в стране, где 40% бюджета тратилось на военные нужды.

Воссозданная на основе колониальной, марокканская армия не имела достаточного опыта антипартизанской борьбы, утратив недавний и недолгий опыт Армии освобождения. Да и у самой Франции, даже несмотря на многолетнюю войну в Алжире и других колониях, опыт антипартизанской войны был не так богат, как у величайшей колониальной империи – Великобритании. Алжир же, отвоевавший свободу в ожесточенной борьбе, направил своих военных советников для обучения партизанским методам борьбы немногочисленных отрядов Фронта ПОЛИСАРИО (15–20 тыс. чел.), ведшим войну ограниченными техническими средствами против превосходившей численно и лучше оснащенной марокканской армии.

Война для Марокко стала превращаться в негативное социальное явление, что порождало новые угрозы для правящего режима. Жалованье военным с начала 70-х годов выросло вдвое, но это не подняло их моральный дух. Свидетельством этому стало наиболее крупное поражение при Гельта-Земмуре. В марокканском гарнизоне,быстро сдавшем этот укрепленный район, изначально царили пораженческие настроения.

С начала конфликта в Западной Сахаре находились 45–80 тыс. марокканских военных (10 из 11 имеющихся полков)[11]. Была проведена быстрая модернизация армии и приобретены новейшие вооружение, самолеты и корабли. Грандиозным сооружением стала защитная стена вокруг оккупированных двух третей территории Западной Сахары с современными средствами наблюдения и контроля (электронное оборудование, радары и т.п.). Это дало возможность отслеживать передвижения противника на расстоянии 60 км, обеспечить экономическое развитие оккупированных территорий и держать под контролем боевые части, большинство которых было «заперто» за стеной. После окончания войны в Сахаре армия по сути приобрела характер оборонительной силы.

В связи с войной значительно выросла численность армии. Если в 1973 г. вооруженные силы составляли 65 тыс. чел., то в 1982 г. – 141 тыс. чел.[12] К верхушке марокканского общества (1,1–1,2 тыс. чел.) в 80-е годы относились 120–150 высших офицеров[13].

Сведения о численности марокканской армии, задействованной в конфликте, достаточно противоречивы: по одним данным, на начало 80-х годов прошлого века это 80–100 тыс., по другим, – 150–223 тыс. чел. Кроме того, с помощью иностранных инструкторов 10 тыс. военнослужащих были подготовлены для борьбы с сахарскими партизанами. В конце XX в. 120 тыс. чел. из 200-тысячной армии занимались охраной оккупированной территории и обеспечивали контроль за ее населением, а 25–30 тыс. чел. дислоцировались на алжирской границе[14]. Этот контингент был полностью подконтролен власти.

Призывной возраст был поднят сначала до 19 лет. С 2007 г. в армию стали призывать с 20 лет, а срок службы сократился с 18 до 12 месяцев. Женщины могут служить в армии с 20 до 27 лет.

В настоящее время армия насчитывает 200 тыс. чел. (больше только в Алжире. Монархия продолжает рассматривать армию в качестве угрозы трону. Офицеры по-прежнему не допускаются до принятия политических решений, ограниченным является их участие в дебатах по вопросам военной стратегии. На генеральских должностях часто находятся полковники. Проблемами армии остаются бюрократизация, коррупция, низкий уровень образования. По свидетельству американского посла в Марокко Т. Райли, даже курсанты в академии дают взятки, чтобы получить после выпуска высокодоходные должности. Власти, озабоченные ростом влияния исламистской идеологии среди солдат, запретили несанкционированную деятельность мечетей, активизировали работу служб военной контрразведки.

Продолжая свой курс, еще в 1985 г. король Хасан II назначил наследного принца Мухаммеда координатором дел генерального штаба КВС. В 1994 г. ему было присвоено звание бригадного генерала. С началом его правления в 1999 г. в окружении Мухаммеда VI появился ряд высших армейских офицеров, но уже нового поколения, воспитанного в западном духе. Монарх стал опираться не столько на МВД, хотя на этот пост он назначил доверенного человека, сколько на вооруженные силы. Возросла роль военной бюрократии, встроенной в существующий режим и служащей ему. Более того, по мнению ряда наблюдателей, при Мухаммеде VI реальную власть стала осуществлять группа высокопоставленных военных, что стало зримым свидетельством перемен в армии и позволило расширить опору власти, устранив крен в пользу партийно-политической системы, создав новый баланс сил. Однако новый глава МВД Ахмед Мидауи по-прежнему является «премьер-министром № 2», обладая более реальной властью, чем глава правительства.

Управление армией осуществляется через Администрацию национальной обороны, Генеральную инспекцию и Генеральный штаб. Глава генеральной инспекции стал высшим должностным лицом в вооруженных силах. Согласно действующим законам, вооруженные силы и их главнокомандующий находятся вне зоны критики. Любая попытка прессы освещать положение в армии рассматривается как подрыв её боеспособности с соответствующими санкциями.

В 2007 г. в вооруженных силах насчитывалось 196 тыс. чел. (по другим данным, – 193 тыс.). Комплектование армии

по-прежнему смешанное: на контрактной основе и по призыву (100 тыс. чел.). Резерв составляет 150–156 тыс. При формировании КВС по-прежнему учитывается арабо-берберский состав населения. Берберов назначают на высшие командные посты по принципу преданности трону.

Мобилизацонные ресурсы составляют 8,8 (7,7) млн. чел. при населении 33 млн. 757 тыс. чел. В помощь КВС могут быть задействованы вспомогательные (территориальные) войска (30 тыс. чел.), а также подразделения и формирования гражданской обороны, в мирное время подчиняющиеся МВД[15]. После принятия Семейного кодекса в 2004 г. на военную службу стали принимать и женщин. Некоторая часть марокканских иммигрантов из Западной Европы также проходит военную службу на родине.

В военно-административном отношении территория страны подразделяется на Северную военную зону, войска которой подчиняются непосредственно Генеральному штабу в Рабате, и Южную военную зону со штабом в г. Агадир, включающую территорию к югу от линии Агадир-Тата, в том числе и три западносахарские провинции. В Западной Сахаре находится наиболее боеспособная часть армии в составе Южной военной зоны.

В соответствии с действующим законодательством Верховным главнокомандующим и начальником Генерального штаба по-прежнему является король.

Обеспечение внутреннего порядка в населенных пунктах осуществляется Генеральным директоратом национальной безопасности. Известно, что армия привлекалась к разгону демонстраций и акций гражданского неповиновения в 1981 г. в Касабланке и в 1990 г. в Фесе.

Военизированные подразделения насчитывают 50 тыс. чел. Элитными формированиями являются военная жандармерия (по разным данным, 15–30 тыс. чел.), состоящая из территориальных подразделений, мобильных сил, авиационных групп, дивизиона катеров береговой охраны. Вспомогательные – 20 тыс. чел.

Для охраны короля и участия в церемониальных мероприятиях предназначена королевская гвардия (2 тыс. чел.), состоящая из отдельного батальона, кавалерийского и военного эскадронов. Командующий гвардии подчинен лично королю. Создание специальных военных частей, не подчиняю-

щихся военному командованию, стало средством ослабления зависимости от армии.

На вооружении КВС состоит техника главным образом западноевропейского производства, которую поставляли США, Великобритания, Франция, Испания. Согласно данным SIPRI (Международного исследовательского института мира в Стокгольме), в 1978–1980 гг. Марокко занимало 11-е место среди двадцати наиболее крупных импортеров вооружений в третьем мире (Ливия на 2-м месте, Алжир – на 12-м). Италия, США, Франция и Испания либо выделяли помощь на покупку оружия, либо продавали его по демпинговым ценам. Косвенно об этом свидетельствует то, что, имея одну из самых многочисленных армий на африканском континенте, в период с 1980 по 1987 гг. Марокко израсходовало на закупки вооружения за рубежом всего 1,8 млрд. долл.[16]

При острой нехватке финансовых средств для развития недостаточно окрепшей экономики военные расходы стали тяжелым бременем для страны. Подсчитано, что расходы в размере 6% ВВП на военные цели в развивающихся странах замедляют темпы их экономического роста на 1,6–2%[17]. Доля же этих расходов в ВВП Марокко росла постоянно: 1956 г. – 1,7%; 1977 г. – 7%; 1978 г. – 6,6% (на начало военных действий)[18]. Особенно резко военные расходы возросли со времени западносахарского конфликта. В 1975 г. на нужды безопасности было выделено 35% бюджетных средств, в 1978 г. – 27%, в 1980 г. – 40% или 4,2 млрд. дирхамов[19]. Дополнительные средства на военные цели выделялись по бюджету капиталовложений, а также по статье «специальные расходы», которые не включались в опубликованный бюджет.

По неофициальным данным, военные действия обходились Марокко ежегодно в 2 млн. долл. В целом к 1981 г. страна потратила на них свыше 6 млрд. долл.[20] При этом следует отметить, что часть расходов взяла на себя Саудовская Аравия. Военный контроль оккупированных территорий оценивается в 1,5 млн. долл. ежегодно. Как писала газета «Аль Баян», в Африке и на Среднем Востоке на содержание одного солдата в год расходовалось в 13 раз больше средств, чем годовой доход на душу населения[21]. Однако такие расходы в случае Марокко оказались экономически оправданными, поскольку обеспечивали интенсивную эксплуатацию природных богатств Западной Сахары.

По прогнозу, оборонный бюджет имеет выраженную тенденцию к увеличению в течение ближайших 5 лет. В частности, в 2009 г. он должен был вдвое превысить бюджет прошлого года и составить 34,56 млрд. дирхамов (3,11 млрд. евро), или 16% всех государственных расходов[22].

Война в Западной Сахаре была использована западными державами для укрепления своих экономических и стратегических позиций в Марокко. Особенно преуспели в этом США. Начало отношений с США восходит к периоду Второй мировой войны, когда в 1943 г. марокканский султан встретился с Рузвельтом на Касабланкской конференции союзников. Проамериканские настроения у султана возникли в надежде на содействие в скором получении страной независимости. Это привело к тому, что, по некоторым данным, в период с 1954 по 1963 год на территории Марокко на одной из трех баз ВВС США (Бен-Герир, Нуассер, Сиди Слиман), где базировались американские стратегические бомбардировщики, находилось атомное оружие.

С середины 70-х годов правящие круги США стремились вовлечь страну в сферу своей международной политики, усилив позиции американского капитала и оказывая стране экономическую помощь. При этом большая часть такой помощи предоставлялась в виде кредитов на военные расходы: в 1975 г. 14 млн. из 23,5 млн. долл., в 1976 г. 30 млн. из 36,7 млн. долл.[23]

В планах Вашингтона Марокко отводилась роль нового плацдарма для вмешательства в дела не только на Ближнем Востоке, но и в Африке. Американцев привлекало стратегически важное географическое положение Марокко как перекрестка «современного мира», контролирующего вместе с Испанией (и Великобританией) вход в Средиземное море, поскольку США зависят от морских коммуникаций, проходящих между Гибралтарским проливом и Суэцким каналом. По ним в случае необходимости осуществляется переброска ВМС из Атлантики в Индийский океан и Персидский залив. После сближения с Марокко США получили промежуточную базу в глобальной цепи Испания-Тунис-Египет-Сомали-Оман-Саудовская Аравия.

Говоря о важности для американской администрации включения Марокко в стратегическую концепцию безопасности Персидского залива, помощник государственного секре-

таря по вопросам планирования П. Вулфовитц в речи 25 апреля 1982 г. на американо-марокканском совещании в Фесе четко определил функцию Марокко как стратегического моста между Атлантикой и Средиземноморьем, поскольку «отныне США рассматривают все Средиземное море как часть стратегической зоны, необходимой для доступа к Ближнему Востоку»[24]. Потребность в контроле над Ближним Востоком (и Северной Африкой) становится все более актуальной на фоне трудностей, которые испытывает Америка в сохранении своего военного присутствия в Центральной Азии, а также в важнейших нефтегазоносных районах мира.

Заинтересованные в сохранении в Марокко дружественного режима – прозападного, антиалжирского, антиливийского – США стремились усилить зависимость Марокко, особенно в военной области, используя его экономические и финансовые трудности. Но эти отношения между двумя странами стали укрепляться не сразу. В 1975 г. Вашингтон взял на себя посредническую роль в вопросе о Западной Сахаре между Рабатом и Мадридом, что стало причиной разногласий между США и Марокко. Американцы в течение некоторого времени даже перестали осуществлять военные поставки марокканской армии, уже проводившей операции против Фронта ПОЛИСАРИО.

Укрепление военного сотрудничества произошло в результате участия марокканского контингента в подавлении мятежей в провинции Шаба (Заир). В ноябре 1978 г. состоялся официальный визит Хасана II в США. В 1981–1982 гг. начался новый этап военных связей с США, решающую роль в котором для Марокко сыграл западносахарский конфликт. В 1982 г. была создана мароккано-американская военная комиссия, которую предполагалось собирать на ежегодные сессии.

Марокко увеличило закупки оружия в США на сумму с 30 до 50 млн. долл. Помощь США в области подготовки кадров выросла в стоимостном выражении с 1,1 до 1,6 млн. долл. ежегодно. В соответствии с американо-марокканским военно-стратегическим соглашением от 28 мая 1982 г. США получили право использовать в течение последующих лет две марокканские военно-воздушные базы для транзитного сообщения на случай возникновения чрезвычайной ситуации в Персидском заливе. Эти базы были модернизированы с помощью США, ассигновавших на эти цели от 30 до 50 млн. долл.[25], и оснащены всем необходимым оборудованием, в том числе

пунктами электронного наблюдения, передающими информацию в Вашингтон через спутник. С подобного рода станций, расположенных в крайних точках африканского континента, как признал помощник госсекретаря США Ч. Крокер, велось наблюдение и за советскими военно-морскими силами.

По сообщению палестинского еженедельника «Аль-Хадаф», США приступили к складированию в Марокко крупных запасов оружия, в том числе и запрещенного международными конвенциями.

Если в 1950–1969 гг. военная помощь США Марокко оценивалась в 28,3 млн. долл., то в 1969 г. – в 1,3 млрд. долл.[26] В 1984–1988 гг. Вашингтон вел с Рабатом переговоры о переводе американских военных баз из Испании в Марокко. Практическая реализация подобных замыслов означала бы возобновление американского военного присутствия на марокканской территории после длительного перерыва. Только активные выступления марокканской оппозиции, в том числе и исламских группировок, помешали реализации этих замыслов.

Тем не менее на территории Марокко появились новые американские военные объекты. Помимо пяти крупнейших военных аэродромов, США построили казармы, стратегические дороги, арсеналы, подземные бензохранилища, огромные склады, электростанции, мастерские. Были проложены нефтепроводы из морских портов на американские военные базы. Аэродромы предназначались для приема бомбардировщиков дальнего действия и других самолетов. В Порт-Лиотэ была оборудована база подводных лодок и гидросамолетов.

В военной сфере две страны реализовывали к началу XXI в. несколько программ сотрудничества. Это, в частности, подготовка кадров в рамках американской военной программы обучения военных специалистов, передача военной техники и снаряжения, проведение совместных военных учений на территории королевства, которые дают возможность КВС приобрести боевой опыт с использованием новейших технологий, а также участие в строительстве базы в Бен-Слимане.

Стали традиционными совместные маневры «Африканский лев». В марте 2005 г. в провинции Тан-Тан «общевойсковые подразделения военно-медицинских учреждений двух стран» отработали планирование и проведение гуманитарных операций по ликвидации последствий стихийных бедствий.

Кроме того, по свидетельству чиновника НАТО А. Коэна, Марокко – это «настоящий локомотив» военного сотрудничества между странами региона и НАТО. «Марокко играет важную роль в обеспечении безопасности западного мира и, в частности, Европы. Это основная причина, по которой НАТО заинтересовано в Марокко и развивает с ним привилегированные отношения»[27]. Поэтому Марокко и США останутся традиционными партнёрами в сфере военного и военно-технического сотудничества на ближайшие годы. Его целями будут:

– продолжение или, по мере возможности, наращивание военного обмена и масштабов военных учений, объемов передачи военных технологий и опыта;
– налаживание на базе совместных тактических учений стратегического диалога на «высоком уровне», для чего Марокко предложено направить военную миссию в штаб-квартиру американских вооруженных сил в Европе;
– развитие диалога между НАТО и шестёркой стран Средиземноморья, в том числе и Марокко[28].

США заинтересованы в стабильном Марокко. Поэтому любое нарушение безопасности королевства будет иметь серьзные последствия для американских стратегических интересов по всей Европе, Северной Африке и на Ближнем Востоке.

Марокко связано рядом двусторонних соглашений о военном сотрудничестве с другими странами НАТО (Германия, Бельгия, Франция). Взаимодействие со странами НАТО строится на базе совместного военного планирования, в том числе и в рамках «Средиземноморской инициативы» 1994 г. с Марокко, Мавританией, Египтом, Израилем, Иорданией, Тунисом, а с 2000 г. и с Алжиром. С участием этих стран была разработана программа по борьбе с терроризмом, но за 14 лет она получила довольно ограниченное развитие.

Марокко подписало ряд соглашений о сотрудничестве в военной области с основными странами блока НАТО. С Францией Марокко связано двусторонней конвенцией о европейской обороне, детали которой держатся в секрете. За последнее время расширилась практика проведения совместных с подразделениями ВВС США, Франции, Бельгии и Испании учебно-боевых мероприятий. В соответствии с соглашением о совместной обороне ежегодно, начиная с 1984 г., проводят-

ся марокканo-испанские учения «Атлас». Их целью является отработка совместных действий по обороне Гибралтара, затем они распространяются на некоторые районы Марокко и Испании.

Развитие ВМС осуществляется путем совершенствования и увеличения корабельного состава за счет поставок из США и Франции. Франция и Испания тоже являются крупными поставщиками военной техники для Марокко. Кроме того, совместно с западноевропейскими фирмами ведутся работы по созданию сети радиолокационных и радиопеленгаторных станций, узлов связи, центра сбора и обработки информации на северном побережье Марокко.

Одной из задач марокканской армии является участие в гуманитарных операциях по поддержанию мира под эгидой ООН. В миротворческих операциях марокканский военный контингент начал принимать участие с самого начала создания КВС. В 1960 г. он вошел в состав сил ООН, направленных в Конго для отражения бельгийской агрессии. Марокко выделило свыше 3 тыс. солдат в 15-тысячный корпус. Однако как только стало ясно, что «миротворцы», вместо помощи Лумумбе начали вершить расправу над патриотами, Мухаммед V отозвал своих солдат.

Впоследствии более близкие отношения среди африканских стран у Марокко, всегда подчеркивавшего свое африканское происхождение, сложились именно с прозападным Заиром, где в 70-е годы возникли сепаратистские движения в южной провинции Шаба. В 1977 и 1978 гг. марокканские войска оказали помощь Мобуту в вытеснении ангольских партизан вместе с французскими и бельгийскими соединениями. Эти события наряду с западносахарским конфликтом повлияли на охлаждение отношений Марокко с африканскими странами.

Помимо участия в военных операциях, марокканские военные исполняли роль личной охраны ряда африканских руководителей. В 1977 г. в Марокко проходили военную подготовку наемники Боба Динара («пса войны»), направленные затем в Бенин для свержения президента М. Кереку.

Марокканские соединения принимали участие и в войнах на Ближнем Востоке. В арабо-израильской войне 1973 г. марокканская бронетанковая дивизия сражалась на стороне сирийских войск, обороняя Голанские высоты вместе с другими

арабскими войсками. По свидетельству очевидцев, марокканцы продемонстрировали высокие боевые качества и выучку по сравнению с подразделениями Сирии и Ирака. Они отличались строгой исполнительской дисциплиной: офицеры «командовали» преимущественно жестами и обращались только к сержантам, приказания которых выполнялись безукоризненно[29].

Во время кризиса в Персидском заливе Марокко стало участником антисаддамовской коалиции. Хасан II одним из первых осудил вторжение С. Хусейна в Кувейт. Еще в 1990 г. Марокко направило в Саудовскую Аравию 12 тыс. солдат, которых монарх назвал «символическим контингентом», считая его задачу оборонительной. При этом Хасан II, полагая, что некоторые претензии Ирака к Кувейту обоснованы, утверждал: «Наше сердце с Ираком, хотя наш разум и против него». Поэтому король предпочел участию в военных действиях мирную инициативу. Марокко было единственной арабской страной, взявшей на себя гуманитарную миссию по спасению жертв войны. В Ирак был направлен санитарный отряд. В январе 1990 г. Марокко предоставило в распоряжение комиссариата ООН по делам беженцев самолет.

Участие в военных действиях не поддержала значительная часть общества, в том числе и офицерство, считавшее, что только иракский диктатор с его антиамериканской и антиизраильской позицией является надеждой мусульманского мира и способен эффективно противостоять Западу. Усиление влияния исламистов в обществе сказалось и на армии, что проявилось в ходе войны в Заливе. Направленная в Саудовскую Аравию элитная парашютно-десантная бригада из-за недоверия к ней была выведена с передовой и направлена на охрану объектов нефтедобычи.

Опытный политик, обладавший незаурядными личностными качествами, Хасан II был способен быстро оценить ситуацию, избрать нужную линию поведения. Поскольку идея монархической власти оказалась глубоко внедренной в массовое сознание, ему удавалось (и его преемнику Мухаммеду VI до сих пор удается) выступать в роли регулятора общественно-политической жизни в стране. Сочетание благоприятных факторов во внутренней и внешней политике помогло успешно консолидировать марокканское общество.

Стоящая у власти элита сумела не только удержать его под контролем, но в целях самосохранения начать модерни-

зационные процессы как в политике, так и в экономике при сохранении существующей системообразующей политической конструкции.

Армии не удалось установить военную диктатуру, сыграть самостоятельную политическую роль, стать альтернативой гражданскому правлению. Сказалась политическая неопытность офицерского корпуса, не имевшего четко выраженной программы выхода из затянувшегося внутреннего кризиса.

За более чем полувековую историю монархия создала одну из самых многочисленных и профессионально подготовленных кадровых армий, по крайней мере, на Африканском континенте. Эта армия стала замкнутым корпоративным институтом, достаточно лояльным власти, которая использует его не только как инструмент войны, но и как гаранта политического порядка и стабильности.

[1] La Grande Encyclopedie du Maroc. Les institutions politiques, administratives, juridiques. Vol. 1. 1986, с. 214.
[2] Там же, с. 215.
[3] Ментешашвили З.А. Социальное развитие независимого Марокко. Традиции и современность. – М., 1988, с. 209.
[4] Расницын В.Г. Марокко на рубеже двух веков (1956–1960 гг.). – М., 1983, с. 102.
[5] Diouri M. Realites marocaines. – Milan, 1987, с. 161.
[6] La Grande Encyclopedie du Maroc..., с. 217.
[7] Расницын В.Г. Марокко на рубеже двух веков.... с. 102.
[8] Там же.
[9] Там же, с. 101.
[10] News Week, W., 04.09.1984.
[11] Europe Archiv, Bonn, 10.08.1983.
[12] La Grande Encyclopedie du Maroc... с. 223.
[13] Там же.
[14] Ментешашвили З.А. Берберы в общественно-политической жизни Марокко (50–70-е годы XX в.). – М., 1985, с. 116.
[15] Зарубежное военное обозрение. – М., 2007, № 7, с. 91; http://www.iimes.ru/rus/stat/2006/14.04.06.htm
[16] http://www.iimes.ru/rus/stat/2006/14.04.06.htm
[17] Азия и Африка сегодня. – М., 1984. № 10, с. 4.
[18] Africa Confindentiel. L., 2.01.1980.
[19] Middle East Economic Digest. – 1980, № 25, с. 4; Jeune Afrique. – P., 1981, № 1044, с. 7.

[20] Al Bayane, Casablanca, 10.02.1981.
[21] Сергеев М.С. История Марокко. XX век. – М., 2001, с. 242.
[22] Зарубежное военное обозрение. 2008, № 7. с. 94.
[23] Там же.
[24] Международный ежегодник. Политика и экономика. – М., 1977, с. 72.
[25] Europa Archiv, 10.07.1983, № 15, с. 456.
[26] Croford Young. Ideology and Developpement in Africa. New Haven and London [1982], с. 273.
[27] Сергеев М.С. История Марокко, с. 250.
[28] Там же.
[29] Ближний Восток: командировка на войну. Советские военные в Египте. – М., 2009, с. 68.

А.Б.Подцероб

РОССИЯ – АРАБСКИЙ МИР: ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ (1992–2011 гг.)

Отношения нашей страны с государствами Ближнего Востока и Магриба начали в последнее время приобретать «второе дыхание». «Стратегия России, – констатируют наблюдатели, – очевидна: это – все более плотное сближение с арабскими странами. Свидетельством тому являются состоявшиеся в последние годы официальные визиты в Объединенные Арабские Эмираты, Катар, Иорданию, Марокко, Алжир, Египет и к Палестинской администрации»[1]. Вместе с тем стало утвердившимся мнением, что торгово-экономические связи России с государствами региона не соответствуют уровню установившихся между ними политических отношений. Отличительной чертой этих контактов остается пока преобладание деклараций о намерениях над реализацией реальных проектов.

Действительно, сейчас трудно даже представить себе возможность сооружения Россией таких крупных объектов, как высотные плотины на Ниле и Евфрате, металлургические комбинаты в Хелуане и Эль-Хаджаре или верфь в Александрии. Общий объем российских капиталовложений на Ближнем Востоке и в Северной Африке на данный момент незначителен. Так, инвестиции российских компаний в египетскую экономику составляют всего 45 млн. долл., в то время как капиталовложения американских корпораций оцениваются в 6 млрд. долл.[2] В арабских странах РФ не рассматривают и в качестве крупного перспективного инвестора. Симптоматично, что, например, в Египте, где стремятся привлечь иностранных вкладчиков к осуществлению масштабных планов развития инфраструктуры на средиземноморском побережье, строительства туристических объектов на Красном море, добычи природного газа и нефти, речь о подключении к ним России даже не идет: как пояснил 17 июня 2010 г. представитель Главного департамента по инвестициям АРЕ, Каир, меняя курс в сфере капиталовло-

жений, намерен сосредоточить усилия на расширении сотрудничества со странами Азии. С другой стороны, государства Ближнего Востока начинают проявлять все больший интерес не просто к заграничным инвестициям, а к получению современных технологий и «ноу-хау». В частности, Алжир, по словам премьер-министра Ахмеда Уяхьи, намерен выделить на эти цели в ближайшие пять лет 250 млрд. долл. бюджетных средств. Россия, изрядно подрастерявшая за последние 20 лет свой не только промышленный, но и научный потенциал, не может рассматриваться и в этом отношении в качестве перспективного партнера.

Приоритетное развитие в РФ преимущественно нефтегазовой отрасли неизбежно привело к тому, что основной сферой ее экономического сотрудничества с арабскими государствами стала ***энергетика***. «ЛУКойл» заключил с *Саудовской Аравией* соглашение сроком на 40 лет о разработке месторождений газа на севере Руб эль-Хали. Рассматривается возможность проведения этой компанией геологоразведки, а также обустройства нефте- и газопромыслов в КСА. «Роснефть» вложила 630 млн. долл. в совместный с компанией «Аль-Хиляль» проект бурения газовых скважин в Шардже в *Объединенных Арабских Эмиратах.* Ожидается, что добыча на месторождении, запасы которого составляют 70 млрд. куб. м газа и 16 млн. т газового конденсата, начнется в 2013 г.[3]. Российскими компаниями выигран контракт на сооружение нефтеперерабатывающего завода в Фуджейре.

В феврале 2007 г в ходе визита в *Катар* президента В.В.Путина «ЛУКойлом» и «Катар Петролеум» был подписан Меморандум о взаимопонимании. В ноябре 2010 г. во время переговоров в Москве эмира Хамада рассматривалась возможность реализации совместных проектов в нефтегазовом секторе, и компания «Газпром ЭП Интернэшнл» получила приглашение принять участие в соответствующем тендере. Россия и *Оман* совместно с Казахстаном и рядом транснациональных корпораций вошли в Каспийский трубопроводный консорциум, инвестиции в который Оманского правительства в конце 90-х годов составили 100 млн. долл.[4] «ЛУКойлом» достигнута договоренность о строительстве нефте- и газопровода в *Иордании*. «Стройтрансгаз» подписал контракты на сооружение в *Сирии* завода по сжижению газа (на сумму 200 млн. долл.) и газопровода (на сумму 160 млн. долл.).[5] В октябре 2010 г. в ходе пере-

говоров в Бейруте руководителя Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии, сопредседателя российско-ливанской МПК Г.Элькина обсуждался вопрос о строительстве трубопровода, по которому в *Ливан* поступал бы российский газ, а также о прокладке газопровода с севера на юг этой страны. Кроме того, была достигнута договоренность рассматривать в качестве перспективных направлений двустороннего сотрудничества переработку нефти и геологоразведку на ливанском морском шельфе. «ЛУКойл» совместно с «ЭНИ» и «Интэрнэшенел Файнэнс Компани» ведет разведку и разработку нефти и газа в Западной пустыне в *Египте,* в то время как «НОВАТЕК» планирует начать разведку и добычу углеводородов в районе Эль-Ариша. «Газпром» проявляет интерес к налаживанию сотрудничества с *Марокко.*

Особенно успешно развивается сотрудничество в данной области с Ливией и Алжиром.

В *ВСНЛАД* функционирует германо-российское совместное предприятие «Винтерсхолл Холдинг», добывающее 5 млн. т нефти в год, 49% акций в котором принадлежит «Газпрому»[6]. Эта компания получила, кроме того, три блока нефтяных месторождений, где она начнет осуществлять разведку и добычу нефти, а также договорилась с ливийской «Национальной нефтяной корпорацией» об учреждении совместного предприятия, которое «будет работать по всем направлениям нефтяной отрасли», включая модернизацию и строительство новых нефтяных мощностей[7]. «Татнефти» и «Татнефтегеофизике» выданы лицензии на геологоразведку четырех блоков общей площадью 18 тыс. кв. км под Гадамесом и Сиртом[8]. «Газпром» получил вместе с итальянской «ЭНИ» принципиальное согласие ливийской стороны на строительство газопровода из СНЛАД в Южную Европу. Наконец, компания «Синтез», созданная «Синтезнефтегазом» и «Негус-газом», начала переговоры с ливийцами о сейсмобурении, разведке и добыче углеводородов. Реализация заключенных с ливийцами контрактов была, однако, заморожена в связи с начавшейся в Джамахирии в феврале 2011 г. гражданской войной.

В *Алжире* «Стройтрансгаз» в 2003 г. завершил строительство нефтепровода протяженностью 400 км и в 2005 г. заключил контракт на 226 млн. долл. на сооружение трубопровода длиной 270 км для доставки газа на теплоэлектростанцию в Шершеле, сооружение которого было завершено в 2007.[9]

В настоящее время эта компания осуществляет реконструкцию трубопровода Улед Джеляль – Скикда протяженностью 250 км[10]. «Стройтрансгазом» был, кроме того, заключен в январе 2009 г. контракт на геологоразведку на сумму 35 млн. долл[11]. «Газпром» совместно с алжирской компанией «СОНАТРАК» реализует четыре проекта в сфере разведки и добычи углеводородов[12]. «Роснефть» и «Стройгаз» проводят разведку на нефть в Сахаре на площади 6,5 тыс. кв. км и уже начали разработку одного из открытых месторождений[13]. Деятельность российских компаний на данном направлении получает содействие государства. Как сообщил журналистам 7 октября 2010 г. заместитель председателя правления ТНК-ВР М.Барский, председателем Правительства РФ В.В.Путиным было направлено послание А.Уяхье в поддержку намерения этой компании приобрести в АНДР три газовых блока. В последующем данный вопрос обсуждался, по его словам, в ходе переговоров в Алжире в октябре 2010 г. президентов Д.А.Медведева и А.А.Бутефлики.

Крупным успехом «ЛУКойла» стало возвращение в *Ирак.* В 1997 г. эта компания заключила с иракским Министерством нефти и газа соглашение о разработке месторождения нефти Западная Курна-2, доказанные запасы которого составляют 2 млрд. баррелей. Его реализация была, однако, отложена в связи с действовавшими тогда в отношении Ирака международными санкциями, а после свержения президента Саддама Хусейна новые иракские власти это соглашение расторгли. Тем не менее руководство «ЛУКойла» не отказалось от попыток вернуться в Ирак. Для этого оно постаралось создать в отношениях с иракцами атмосферу, наиболее благоприятствующую возобновлению экономических связей. В 2004 г. компания «ЛУКойл» подписала с иракским Министерством нефти Меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве, в соответствии с которым она поставила в Ирак строительную технику и автомобили скорой помощи. В учебных центрах и на предприятиях компании прошли стажировку несколько сотен иракских нефтяников. Специалисты «ЛУКойла» осуществляли обработку сейсмических данных и оценку нефтегазовых пластов, разрабатывали технологические схемы и конструировали геологические модели нескольких иракских месторождений.

К усилиям по нормализации обстановки в отношениях с Ираком подключились и государственные структуры. В феврале 2008 г. министр финансов РФ А.Кудрин объявил о списа-

нии Россией 65% государственного долга (т.е. 12 млрд. долл.) в обмен на предоставление возможности осуществлять инвестиции в иракскую экономику. Активное участие в этих усилиях приняло российское Министерство иностранных дел. «Мы, – подчеркивал министр иностранных дел России С.В.Лавров, – работаем с иракским руководством, чтобы достигнутые ранее договоренности, тем более подписанные контракты уважались»[14]. В 2008 г. Багдад посетили заместитель мининдел РФ А.В.Салтанов и президент «ЛУКойла» В.Аликперов. А.В.Салтанов передал премьер-министру Ирака Нур ад-Дину аль-Малики послание В.В.Путина, в котором подтверждалась готовность к развитию взаимовыгодных отношений с Ираком[15]. В результате была достигнута договоренность о создании иракцами совместной с «ЛУКойлом» рабочей группы по актуализации контракта на Западную Курну и об участии «ЛУКойл Оверсиз» в будущих тендерах по новым проектам. В сентябре 2009 г. в Багдаде находился министр энергетики России Н.Шматько, в ходе бесед которого с Н.Д.аль-Малики шла речь о строительстве российскими компаниями двух газопроводов, а также модернизации электростанций Юсефийя и Дибис[16]. Созданию климата, благоприятствующего восстановлению экономического сотрудничества с Ираком, способствовала и эволюция политических подходов Москвы к происходящему в этой стране.

Избранная тактика принесла ожидаемые результаты. 12 декабря 2009 г. министр нефти Ирака Хусейн аш-Шахристани объявил, что «ЛУКойл» выиграл контракт на разработку месторождения Западная Курна-2, которое будет осваиваться этой компанией совместно с ее партнером «Статойл». Компании предложили выплачивать за каждый добытый баррель 1,15 долл. Предполагаемые объемы добычи составят 1,8 млн. баррелей в сутки. «ЛУКойл» и «Статойл» победили в тендере консорциум «Петронас», в который входят британская «Бритиш Петролеум», «Китайская национальная нефтяная корпорация» и французская «Тоталь».

Проникновение российских компаний в нефтяной сектор арабских стран представляется с экономической точки зрения обоснованным, учитывая, что трудноизвлекаемые запасы нефти составляют в России 70%, а 93% новых месторождений являются нерентабельными, и их освоение потребует не менее 10 лет, а также значительных капиталовложений[17]. В Западной Сибири, где в настоящее время добывается 60% нефти, себе-

стоимость получения одной тонны составляет 30 долл., в Восточной Сибири – 80 долл., а в Арктике достигнет 500–700 долл.[18]. В сложившейся ситуации добыча российскими компаниями углеводородов на Ближнем Востоке и в Северной Африке является более рентабельной, чем их разработка в РФ, и к тому же формирует предпосылки к сокращению добычи нефти в России, запасы которой не являются столь уж значительными.

Все более важным направлением российско-арабского сотрудничества становится координация действий с ведущими производителями энергетического сырья с тем, чтобы избежать хаотичной конкуренции на международных рынках, которая не отвечала бы интересам ни поставщиков, ни потребителей углеводородов. С учетом этого представляется обоснованным получение Россией статуса наблюдателя при *Организации стран-экспортеров нефти (ОПЕК),* что дало российским представителям возможность участвовать в конференциях министров нефти и энергетики этой организации. В то же время такой формат взаимодействия представляется оптимальным, и РФ вряд ли имеет смысл идти на вступление в ОПЕК.

Россия, являющаяся наряду с Катаром, Ираном, Нигерией и Алжиром одним из крупнейших производителей газа, участвует в проводящихся с 2008 г. ежегодных *форумах стран-экспортеров газа (ФСЭГ).* В Москве придают важное значение деятельности этой группы. В сделанном 3 ноября 2010 г. пресс-службой Кремля заявлении подчеркивалось «большое значение становления ФСЭГ в качестве эффективной международной организации, которая призвана обеспечить защиту прав и интересов производителей и потребителей, придать большую транспарентность и стабильность мировому рынку энергоресурсов». Вместе с тем следовало бы, вероятно, более смело продвигаться к созданию газового картеля и сформированию в последующем полноценной организации стран-поставщиков газа. Необходимость безотлагательного осуществления подобных шагов диктуется, в частности, тем, что арабские страны все более уверенно выходят со своим газом на мировые рынки, прежде всего на европейский. В свою очередь Евросоюз реализует стратегию поиска альтернативных российскому источников углеводородного сырья, активизируя, в частности, в этих целях отношения с АНДР, что обусловливает важность для РФ сотрудничества с алжирской стороной

на газовых рынках Европы. С другой стороны, падение спроса на газ в странах-потребителях в период экономических кризисов также порождает необходимость более тесной координации действий. Еще одним фактором, который нельзя не учитывать, является набирающая обороты тенденция получения газа из нетрадиционных источников на основе современных технологий. В частности, в 2009 г. Соединенные Штаты добыли из горных сланцев 593,4 млрд. куб. м. газа, оттеснив Россию как его производителя с первого места в мире[19]. С другой стороны – так же, как и в области нефтедобычи, – в сфере производства газа жизненно важно подключать к координации действий на газовом рынке страны-потребители с тем, чтобы избежать резких колебаний цен и возникновения хаоса, что не отвечало бы интересам ни экспортеров, ни импортеров энергетического сырья. С учетом всего этого симптоматично включение в совместное заявление, принятое 7 октября 2010 г. по итогам визита в Алжир Д.А. Медведева, положения о том, что «принимая во внимание проблемы энергетической безопасности и ситуацию на мировом рынке энергоресурсов, стороны выражают стремление укреплять диалог на регулярной основе для координации своей деятельности в сфере энергетики с учетом необходимости защищать интересы каждой из сторон и принимать во внимание интересы других участников энергетического рынка – производителей, потребителей и стран транзита углеводородов».

Стремление российской стороны к налаживанию и расширению взаимодействия в нефтегазовой области встречает все большее понимание в арабских странах. «Если раньше, – отмечает в этой связи политолог Е.Супонина, – новые партнеры рассматривали друг друга как конкурентов, то теперь они полны решимости сотрудничать»[20].

Подписанное в марте 2008 г. в ходе пребывания в Москве президента Х. Мубарака соглашение о сотрудничестве в ***ядерной области*** открыло для России возможность участия в тендере на сооружение в *Египте* атомной электростанции в Ад-Дабаа в 150 км от Александрии (ориентировочная стоимость строительства реактора мощностью 600 МВт – 1,5–1,8 млрд. долл.)[21]. Для закрепления своих позиций Государственной корпорацией по атомной энергии «Росатом» в июле 2010 г. был организован в Каире двухнедельный семинар для ознакомления египетских экспертов с российскими технологиями строительства АЭС, а

также сформированы четыре рабочие группы по вопросам добычи топлива, топливного цикла и подготовки кадров. В 2010 г. египетская сторона обратилась к России с просьбой о модернизации экспериментального реактора в Аншасе мощностью 2 мгвт, котрый был поставлен Советским Союзом в 1958 г. Соглашение о сотрудничестве в области атомной энергии заключено также с *Алжиром,* однако на практике оно пока не реализуется (работающие в АНДР ядерные реакторы поставлены Китаем и Аргентиной). Предполагается, что оно будет заменено новым соглашением, текст которого в настоящее время согласовывается. Аналогичное соглашение было подписано с *Бахрейном.* «Росатом» участвует в тендере на строительство атомной электростанции в *Иордании*, а в июне 2010 г. в ходе IV заседания Российско-марокканской межправительственной комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству была достигнута договоренность об участии «Росатома» в тендере на строительство энергетического блока АЭС в *Марокко.* В сентябре 2010 г. между «Росатомом» и Национальной корпорацией по атомной энергии *Кувейта* был подписан меморандум о сотрудничестве в области использования ядерной энергии в мирных целях. Российская сторона заявила о готовности оказывать кувейтцам содействие в исследованиях, разработке национального законодательства, создании органов надзора. Вместе с тем о сооружении в Кувейте атомной электростанции речь пока не идет. Рассматриваются возможности налаживания взаимодействия в сфере ядерной энергетики с *Саудовской Аравией, ОАЭ, Катаром.* Несмотря на сооружение в свое время СССР исследовательского реактора в Таджуре в *Ливии,* длительное обсуждение сторонами вопроса о советском содействии в строительстве АЭС, а затем и заключение Россией соглашения о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях, практических шагов в этом направлении так и не было сделано. В конечном счете, ливийцы обратились к французам, и в октябре 2010 г. были начаты переговоры о сооружении ими в ВСНЛАД атомной электростанции. В отличие от фирм Франции, Китая, Канады, Бразилии «Росатом» почему-то не проявил интереса к планам строительства АЭС в *Тунисе.* В целом же РФ пока занимает относительно маргинальное положение в области ядерной энергетики в арабском мире, несмотря даже на то, что данная сфера остается одной из немногих, в которых наша страна сохраняет конкурентоспособность.

Начинается возвращение России в сферу ***гидроэлектроэнергетики.*** В частности, одна из российских компаний выиграла тендер на реконструкцию ГЭС в *Марокко.* Рассматривается также возможность участия в тендере на строительство в этой стране новой гидроэлектростанции «Росатома», начавшего проявлять интерес к этой новой для него сфере деятельности[22].

«Российскими железными дорогами» начата в соответствии с подписанным в 2008 г. и полностью оплачиваемым ливийской стороной контрактом прокладка в *Ливии* ***железнодорожного пути*** между Сиртом и Бенгази протяженностью 550 км при стоимости контракта 2,2 млрд. евро[23]. В реализации проекта задействовано 3 тыс. российских специалистов. В начале июня 2010 г. российские железнодорожники открыли в Рас Лануфе рельсосварочное предприятие. Гражданская война в ВСНЛАД привела к «замораживанию» этого проекта и к эвакуации из Джамахирии российских специалистов. «РЖД» выиграли, кроме того, тендер на строительство железных дорог в *Алжире,* однако реализация конкретных проектов в этой стране пока не начата. Интерес к привлечению России к строительству железных дорог проявляет также *Ливан*.

Предприятие «Автобан» занимается строительством ***шоссе*** в *Тунисе.*

Возобновляется сотрудничество в ***гидротехнической области.*** «Росгидростроем» заключен контракт на сооружение канала в Мусаффе в *ОАЭ*. Заинтересованность в участии РФ в реализации проектов в сфере водной энергетики, водоснабжения и гидростроительства проявляет *Ливан.* В 90-е – начале 2000-х годов продолжалось начавшееся в советские времена сотрудничество в гидротехнической области с *Тунисом.* При содействии российских специалистов было, в частности, завершено сооружение крупнейшего в стране гидрокомплекса Сиди аль-Барак. В последующем, однако, из-за неповоротливости российских компаний и беспорядочной конкуренции между ними отношения в этой сфере оказались практически свернуты, часть российских специалистов вернулась в Россию, в то время как другие остались работать в Тунисе по индивидуальным контрактам.

После длительного перерыва появились признаки возрождения в России интереса к арабским ***фосфоритам.*** Свидетельством тому стала выраженная ее делегацией в июне 2010 г. на IV заседании Российско-алжирской межправительственной

комиссии по торговому и научно-техническому сотрудничеству готовность участвовать в тендерах, связанных с разработкой в *Алжире* фосфорного месторождения и строительством завода по производству фосфата и азота. Наращивание сотрудничества на данном направлении имело бы важное значение для РФ, чье сельское хозяйство испытывает нужду в фосфатах.

Что касается производства ***стройматериалов***, то российские организации оказывают техническое содействие в развитии *цементной* промышленности *Омана.*

Российская сторона вновь начала проявлять интерес к сотрудничеству в области ***рыболовства.*** 3 июля 2010 г. с *Марокко* было заключено соглашение об условиях промысла в атлантической части марокканской экономической зоны, предусматривающее постоянное пребывание там 10 российских крупнотоннажных рыболовных судов.

Качественно новый элемент в двусторонние отношения России с арабскими странами вносит подписанное в апреле 2007 г. соглашение с *Египтом* о создании в районе Александрии ***российской промышленной зоны,*** где предполагается наладить производство оборудования для электростанций, нефтегазовой промышленности, авиамашиностроения. Ожидалось, что российские предприятия инвестируют в эти проекты в течение 5 лет 200 млн. долл.[24]. Вопросы, связанные с учреждением промышленной зоны, обсуждались в ходе переговоров в ноябре 2007 г. специального представителя Президента РФ Е.М.Примакова с министром промышленности и торговли АРЕ Мухаммедом Рашидом. Однако в последующем реально было сделано мало. Тем не менее желание создать такую зону было подтверждено на проходившем в Москве 2–3 июня 2009 г. VII заседании Совместной российско-египетской комиссии по торговому, экономическому и научно-техническому сотрудничеству, которой этот проект был заявлен как входящий в число «амбициозных количественных и качественных целей сотрудничества»[25].

Активизации российско-арабских торгово-экономических отношений могло бы способствовать создание ***зон свободной торговли*** (ЗСТ)***.*** Непростые переговоры на сей счет велись с 2007 г. с *Египтом*, к концу 2009 г. текст соглашения был, наконец, подготовлен, но его подписанию помешало создание 1 января 2010 г. Таможенного союза между Россией, Белоруссией и Казахстаном, потребовавшее внесения корректив в проект договора. Рассматривается также возможность образова-

ния ЗСТ с *Сирией*. Реализация этой идеи также затянулась в связи с образованием российско-белорусско-казахстанского Таможенного союза. Тем не менее с повестки дня данный вопрос не снят, о чем свидетельствует высказанный президентом Башаром Асадом в ходе встречи в июле 2010 г. с премьер-министром Белоруссии С.Сикорским интерес к созданию такой зоны совместно с этими тремя республиками[26].

Постепенно «набирает обороты» процесс создания ***совместных компаний.*** Так, только в *ОАЭ* действует 300 российско-эмиратских СП[27]. В соответствии с согласованной между Россией и *Бахрейном* «Дорожной картой» основных направлений развития двусторонних отношений рассматриваются перспективы открытия совместных предприятий на территориях двух стран. Краснодарская компания «Тагаз» предложила *Алжиру* создать СП по сборке нефтегазового оборудования.

В 80-е годы в Советском Союзе возлагали немалые надежды на арабские ***инвестиции*** в экономику страны. Объем их оказался, однако, крайне низок: по состоянию на октябрь 1989 г. было создано 17 небольших совместных предприятий, в которые Кувейт, Ливан, ОАЭ, Сирия, Иордания, Оман и Саудовская Аравия вложили 7,6 млн. руб.[28].

Что касается нынешней ситуации в данной сфере, то она выглядит парадоксальной. Направляя вырученные от продажи энергетического сырья средства не в свою экономику, а в американские и западноевропейские банки, Россия одновременно проявляет интерес к привлечению капиталов из стран Ближнего Востока и Северной Африки. Однако объемы арабских инвестиций остаются незначительными. Так, *Кувейтом* вложено в российскую экономику всего 27 млн. долл.

Исключением стали, правда, *ОАЭ* – одна из дубайских компаний решила инвестировать 11 млрд. долл. в строительство зданий в Домодедово[29]. Кроме того, эмиратская компания «Глифтенер» заключила с «Проминвестом» соглашение о капиталовложениях в российское народное хозяйство в размере 500 млн. долл.[30]. Еще одна эмиратская компания «Лемнако» выиграла контракт на управление нефтяным портом в Новороссийске, в соответствии с которым она должна контролировать погрузку и разгрузку судов, а также осуществить ремонт нефтепровода. В 2009 г. Дубайская международная портовая компания («Мавани Дубай аль-алямийя») приобрела 25% российской дальневосточной компании морского транспорта[31]. Ин-

терес к капиталовложениям начинают, похоже, проявлять и другие арабские страны. На состоявшемся в июне 2010 г. заседании Российско-саудовской межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству рассматривался вопрос о строительстве в РФ инвесторами из *КСА* завода по производству энергетического оборудования. Изучаются возможности саудовских капиталовложений в российское сельское хозяйство и в недвижимость. Достигнута договоренность с *Катаром* об инвестировании 500 млн. долл. в реализацию проекта «Урал промышленный – Урал полярный». Катарцы высказывают заинтересованность в финансировании строительства завода по сжижению газа на Ямале, а также в разработке месторождений золота и нефти.

Особо следует отметить участие в 90-х годах *египетской* компании «Сирокко Эйрспейс Интэрнэшенел» в производстве самолетов Ту-204. В соответствии с договоренностью, достигнутой ею с «Авиастаром», компания финансировала производство авиалайнеров, при том понимании, что они будут сданы в лизинг египтянам. В интервью, которое после прибытия в Каир первого Ту-204 дал президент «Сирокко Эйрспейс» Ибрагим Кямиль (и на котором присутствовал автор статьи), египетский предприниматель подчеркнул, что в свое время СССР пришел на помощь Объединенной Арабской Республике в трудные для нее времена и что теперь, когда трудные времена настали для России, он посчитал своим долгом помочь россиянам. Египетская финансовая поддержка египтян сыграла немалую роль в налаживании производства Ту-204 в условиях, когда российская авиастроительная промышленность переживала глубокий кризис.

Вместе с тем, оценивая ситуацию в целом, приходится признать, что существенному наращиванию арабских капиталовложений в российскую экономику продолжают препятствовать, с одной стороны, коррумпированность государственного аппарата России, а с другой, – засилье бюрократической буржуазии, занявшей господствующие позиции в народном хозяйстве страны и препятствующей его нормальному функционированию. Свою роль играют и недостаточная защищенность законом иностранных инвестиций, а также слабость информационного обмена между арабскими инвесторами и российскими партнерами.

Весьма важным направлением двустороннего сотрудничества может стать сфера высоких технологий. Пока в этом на-

правлении сделаны лишь первые шаги. Так, данный вопрос обсуждался в ходе переговоров с делегацией *Катара* в Москве в ноябре 2010 г., а также во время пребывания в *Марокко* в октябре 2010 г. заместителя министра юстиции РФ В.Лихачева. Интерес к сотрудничеству в области нанотехнологий начинает проявлять *Саудовская Аравия.* Что касается российских технологий, то перспективы их выхода на рынки стран Персидского залива мог создать «кремниевый проект», предусматривавший сооружение в *Омане* предприятия по производству металлического кремния для полупроводниковой промышленности. Однако его реализация затянулась.

Несмотря на продолжающийся рост ***товарооборота*** России с арабскими странами, его объем остается незначительным. В 2007 г. он составил всего 7 млрд. долл. (для сравнения можно указать, что объем торговли с одной лишь Турцией превысил в 2009 г. 37 млрд. долл.)[32]. Основными партнерами РФ являются Египет, Марокко, Алжир, ОАЭ. Вместе с тем товарооборот даже с этими странами достаточно скромен. Так, объем торговли *АРЕ* с Россией составляет 2 млрд. долл., в то время как с Соединенными Штатами – 7,5 млрд. долл.[33]. Хотя товарооборот с *Марокко* также достиг 2 млрд. долл., доля РФ во внешней торговле этой страны не превышает 4%[34]. Основными предметами российского экспорта остаются металл, древесина, продовольствие.

К настоящему времени Россия стала одним из основных поставщиков *пшеницы* в *Египет,* превращающийся в крупнейшего импортера этого продукта. На долю РФ приходилось около половины из 5–5,5 млн. т ежегодно закупаемой этой страной пшеницы. Проблемы создавало, правда, низкое качество части поставляемой из РФ продукции: в 2009 г. египтянами было возвращено российским компаниям 116 тыс. т пшеницы, в июне 2010 г. такая же судьба постигла еще 3 тыс. т зерна, содержащего «большое количество живых насекомых» (оказалось, что это – пшеница 4-го сорта, вполне, впрочем, пригодная по российским внутренним стандартам для употребления в продовольственных целях). Значение для АРЕ закупок в России высветило введение российской стороной летом 2010 г. в связи с засухой временного запрета на экспорт пшеницы. Египтяне оказались вынуждены импортировать ее из Франции по цене 300–400 долл. за тонну, в то время как цена российской пшеницы составляла 230–300 долл. за тонну[35]. Египетскому правительству пришлось в результате запланировать на 2010 г.

дополнительные расходы на сумму от 400 до 700 млн. долл.[36]. Поставки небольших количеств российской пшеницы осуществлялись также в *Марокко*: в 2009 г. этой стране было продано 65 тыс. т.

Машины и оборудование занимают в российском экспорте в арабские страны незначительное место. Так, их доля в поставках из России в страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива составила в 2005 г. всего 5%[37]. Тем не менее в 2005–2007 гг. Камский автомобильный завод экспортировал в *Кувейт* 900 грузовых автомобилей. В 2005 г. КАМАЗ выиграл тендер на продажу кувейтцам дорожной техники, поставки которой должны покрыть 50% потребностей в ней этой страны. В 90-е годы начался экспорт автомашин «Жигули» в *Оман.* В настоящее время рассматриваются возможности продажи авиалайнеров *Сирии,* а также 40 небольших (вместимостью 20–40 пассажиров) самолетов Ан-40 *Алжиру.* «Тагаз» пытается пробиться на алжирский рынок газового оборудования. В свою очередь АНДР проявляет интерес к закупке тяговых модулей вагонов ТМВ-1, тракторов РТ-М-160 и дорожно-строительной техники. В ноябре 2010 г. принадлежащая И.Кямилю *египетская* компания «Каиро Авиэйшен» начала совместно с российской корпорацией «Гражданские самолеты» продвигать на ближневосточные рынки Ан-148.

В целом же наращиванию товарооборота с арабскими государствами препятствует идентичность структуры экспорта (поставки нефти и газа) и привязка импорта к странам-потребителям углеводородов. Дополнительные сложности для продвижения российских товаров на рынки стран Магриба создаст сформирование зоны свободной торговли между Тунисом, Марокко и Алжиром, с одной стороны, и Европейским союзом, с другой.

В последнее десятилетие было прекращено регулярное ***авиасообщение*** со странами Северо-западной Африки, что в какой-то мере осложняет поддержание с ними деловых контактов. В то же время в летний период российскими авиакомпаниями осуществляются для перевозки туристов чартерные рейсы в Тунис и Марокко.

В отличие от 50–70-х годов, когда СССР выделял ***кредиты*** на реализацию экономических проектов в арабском мире, в конце 80-х – начале 90-х годов теперь уже государства Залива начали предоставлять займы нашей стране. Первым шагом на этом пути стало подписание в 1988 г. соглашения о выдаче

Объединенными Арабскими Эмиратами среднесрочного кредита Внешэкономбанку на 50 млн. долл.[38]. После завершения кувейтского кризиса *Саудовская Аравия, Кувейт и ОАЭ* предоставили Советскому Союзу льготный заем на сумму 2 млрд. долл. (что было, впрочем, обусловлено не экономическими, а политическими соображениями, став своего рода «платой» за позицию, занятую Москвой в связи с оккупацией Ираком Кувейта)[39]. В 1991 г. *эмиратское* руководство выразило готовность выделить 500 млн. долл. под конкретные инвестиционные проекты[40]. Осенью 1992 г. российская сторона выдвинула в этой связи предложение о создании совместной инвестиционной компании, однако практической реализации данное предложение не получило из-за нежелания ОАЭ вкладывать средства в Россию в условиях развала ее экономики и политической нестабильности.

Сделаны первые шаги к налаживанию сотрудничества между ***финансовыми структурами.*** В частности, в ноябре 2010 г. между «Внешторгбанком» и компанией «*Катар* Холдинг» был подписан Меморандум о взаимопонимании. Рассматриваются возможности взаимодействия в банковской сфере с *Ливаном*.

Наращиванию торгово-экономических отношений призван способствовать созданный в 2003 г. ***Российско-арабский деловой совет,*** в рамках которого действует 11 двусторонних деловых советов[41]. Им были выдвинуты такие нацеленные на перспективу инициативы, как, например, учреждение совместного инвестиционного фонда и банка. В 2008 и 2010 гг. им были организованы в Москве выставки «Арабия-экспо». В последней из них приняло участие около 250 государственных и частных компаний из 12 арабских стран и столько же русских фирм[42]. Практическая отдача от выставки оказалась, однако, незначительной: между российскими и арабскими компаниями не было заключено ни одного контракта. Кроме того, в 2009 г. под эгидой РАДС в рамках Санкт-Петербургского международного экономического форума прошли заседания секции «Бизнес диалог Россия-арабский мир», а в Джидде был проведен бизнес форум «Россия и Саудовская Аравия: новые перспективы торговли и экономического сотрудничества». К недостаткам деятельности Совета относится декларативность, когда принятые решения остаются на бумаге. В частности, в Москве так и не были созданы российско-арабский дом и совместные биржевые площадки[43]. Не удалось также наладить, несмотря

на все усилия РАДС, широкий обмен информацией между российскими и арабскими предпринимателями.

Весьма важно, что двустороннему сотрудничеству стала в последние годы оказываться активная ***политико-дипломатическая поддержка.*** Этим проблемам уделяется значительное внимание в ходе переговоров на высшем и высоком уровне, президент и председатель правительства России направляют соответствующие послания главам государств и премьер-министрам арабских стран. Входит в практику проведение деловых форумов «на полях» визитов российского президента на Ближний Восток и в Магриб. К наращиванию торгово-экономических связей стало более активно подключаться и Министерство иностранных дел РФ.

* * *

Несмотря на имеющиеся трудности, существуют реальные возможности укрепления российско-арабских торгово-экономических отношений. Предпосылки к этому создает, в том числе, как наметившийся выход России из экономического кризиса, так и быстрый рост экономик Алжира, Египта, Ливии, Марокко, Туниса, вошедших в число восьми наиболее динамично развивающихся стран Африки. Их компании начинают превращаться в мощных игроков глобальной экономики.

Перспективными направлениями российско-арабского сотрудничества могли бы, как представляется, стать такие сферы, как:

– нефтепереработка, производство оборудования для нефтехимической промышленности, обеспечение безопасности нефтегазового оборудования;
– банки и инвестиции;
– область высоких технологий, включая информационные;
– освоение космоса;
– атомная, солнечная и ветровая энергетика, энергосбережение;
– авиа- и машиностроение, электротехническая промышленность;
– переработка горных пород, геологоразведка, включая зондирование Земли из космоса;
– плотины, водоснабжение, ирригация, очистка водохранилищ;
– опреснение морской воды, в т. ч. с применением новейших российских технологий, основанных на ядерной энергии;
– железнодорожный транспорт;
– переработка нефтяных и токсичных отходов;
– строительство.

Росту инвестиций способствовало бы создание совместных межправительственных и государственно-частных фондов, которые занимались бы привлечением частного капитала и поиском возможностей для капиталовложений как в России и в государствах Ближнего Востока и Северной Африки, так и в третьих странах.

Перспективным направлением могло бы стать взаимодействие в области продовольственного обеспечения с использованием российских земель и технологий и арабских инвестиций, что обеспечило бы импортирующие продовольствие страны Ближнего Востока и Северной Африки гарантированными поставками, не подпадающими под действие возможных российских запретов на экспорт сельскохозяйственной продукции. Здесь может, видимо, представлять интерес опыт Украины, которая в 2010 г. начала переговоры с Катаром о предоставлении ему сельхозугодий для производства зерновых. По словам главы катарской Национальной программы по продовольственной безопасности Махандра Шаха, предполагается, что инвестиции в этот проект составят 100 млн. долл. Похоже, что российская сторона намерена идти по тому же пути. Во всяком случае, вопрос о сотрудничестве в области сельского хозяйства рассматривался во время переговоров в Москве с катарской делегацией в ноябре 2010 г.

Стоит, видимо, как можно шире применять опыт руководителей РЖД, договорившихся с ливийцами, что 70% оборудования, техники, металлоизделий для железной дороги Сирт-Бенгази будет закупаться в России, что позволяет загружать работой российские предприятия[44]. При сооружении российскими компаниями различных промышленных объектов, включая энергетические, было бы полезно обзаводиться на долевой основе собственностью, что дало бы возможность более гибко осваивать зарубежные рынки и к тому же повысило бы устойчивость нашего экономического присутствия, обеспечило бы двустороннему сотрудничеству долгосрочный характер. Было бы целесообразно более смело идти на создание совместных предприятий с арабскими компаниями, в том числе и для работы на третьи страны, включая государства ЕС, ассоциация с которым государств Магриба способна облегчить продвижение на европейские рынки продукции, произведенной такими СП. Перспективным направлением выглядит и учреждение совместных компаний (наподобие уже

действующей в сфере выставочного бизнеса эмиратско-российской «Эрэбиен-Рашен»).

Представляется настоятельно необходимым оказывать более широкую правительственную поддержку проектам сотрудничества. Подобная практика широко применяется западными державами, а также Китаем. В 2000–2006 гг. Евросоюз выделил странам Южного Средиземноморья 5,4 млрд. евро в рамках Средиземноморской программы помощи развитию (МЕДА), а Европейский инвестиционный банк предоставил им в 2000–2007 гг. на реализацию различных проектов 6,4 млрд. евро[45]. Поддержка своих производителей осуществляется странами ЕС и на национальном уровне. В 2003–2004 гг. Департамент экспортных кредитов Великобритании выдал английским компаниям 2,9 млрд. ф. ст. гарантий на экспортные займы, треть из которых пришлась на арабские государства – Саудовскую Аравию, Алжир, Египет, Марокко, Тунис, Катар, ОАЭ[46]. Программы поддержки национальных производителей осуществляют Соединенные Штаты в контексте инициативы Расширенного Ближнего Востока и Северной Африки и Япония в рамках Японско-арабского диалога. Объем обязательств Экспортно-импортного банка США по поддержке деятельности американских компаний в арабских странах достиг в 2004 г. 1,7 млрд. долл. (не считая 500 млн. долл., выделенных на обеспечение экспорта в Ирак)[47]. В свою очередь китайские экспортеры получают государственные дотации в размере 25% от тендерной стоимости контракта, что позволяет им продвигать на рынок товары по более выгодным ценам, а также участвовать в рассчитанных на долгосрочную перспективу проектах[48].

Российские же производители вынуждены действовать на свой страх и риск. В этой ситуации удивляться стоит не тому, что ими мало сделано, а тому, что им вообще удается что-то сделать. Настоятельно необходимо создать специальный государственный механизм, который обеспечивал бы внедрение отечественного бизнеса на Ближний Восток и в Северную Африку (как и в другие развивающиеся регионы), предоставлял гарантии экспортных кредитов и содействовал выделению «связанных кредитов», предназначенных для закупки в России машин и оборудования, а также оказывал информационную поддержку российским структурам. Такого рода механизмы существуют в виде агентств развития во многих западных странах. В СССР схожую роль играл Государственный комитет

по внешним экономическим связям, который был затем, в ходе проводимых реформ не адаптирован к новым реалиям, а просто-напросто бездумно упразднен. На Западе же подобные механизмы продолжают действовать. В частности, в США эту роль играет Агентство международного развития и сотрудничества, работающее под руководством государственного секретаря. Стоит, видимо, присмотреться к таким широко и успешно применяемым западными державами схемам сотрудничества, как «технологии в обмен на нефть», «безопасность в обмен на нефть», «продовольствие в обмен на деловые контакты».

Важно не упускать из виду, что сооружение в арабских странах различных промышленных и инфраструктурных объектов сформирует условия для продвижения на их рынки российских машин и оборудования. Содействовать возвращению России на рынки этого региона может и то, что производственный потенциал этих государств в немалой степени был создан за счет поставок советской техники, а подготовка кадров также осуществлялась с помощью СССР и была ориентирована на использование советского оборудования.

Немаловажное значение могло бы иметь повышение эффективности межправительственных комиссий (МПК). Такие комиссии образованы с Алжиром, Египтом, Ираком, Ливаном, Ливией, Марокко, ОАЭ, Саудовской Аравией, Сирией, Тунисом. Однако по большей части они (за исключением МПК с АРЕ и САР) не собираются годами и даже десятилетиями, не имеют заместителей председателей российской части или ответственных секретарей, а их заседания носят ритуальный характер. Вместе с тем комиссии могли бы сыграть важную роль, взяв на себя контроль за выполнением достигнутых, но зачастую остающихся на бумаге договоренностей (для чего их следует, естественно, наделить соответствующими полномочиями).

Стоило бы, видимо, подумать о возврате при государственной поддержке к практике клиринговых расчетов, что позволило бы в какой-то мере компенсировать низкую конкурентоспособность отечественной продукции и содействовать наращиванию объемов ее производства.

Возможно, следовало бы вернуться к практике оказания на двусторонней основе льготной и безвозмездной помощи развивающимся (в том числе и арабским) странам, которая в последние годы существования СССР составляла всего 0,3–0,5% валового национального продукта и не ложилась, следо-

вательно, непосильным бременем на экономику страны (сейчас такая помощь предоставляется в основном через международные организации, что смазывает для нас политический эффект от ее выделения)[49]. При этом важно не забывать, что предоставленные в виде помощи средства не оказываются «выброшенными на ветер», поскольку создают благоприятный политический и морально-психологический фон для наращивания торгово-экономического сотрудничества.

Несмотря на относительно небольшие объемы торговли и экономических связей с государствами Ближнего Востока и Магриба, на будущее российско-арабского сотрудничества можно, пожалуй, смотреть с оптимизмом. Основания для этого дает как заметный рост и в РФ, и в арабском мире интереса к наращиванию торгово-экономических отношений, так и высокий уровень политического взаимодействия между Россией и странами арабского мира.

---

[1] Relations économiques entre les pays arabes et la Russie, 26.10.2008 – à: http://www.avocats.fr.space/chems-eddin.hafiz/content/relations-economiques-entre-.

[2] Российско-арабское партнерство в экономическом измерении, 17.04.2008 – на: http://halal.islamat.ru/news/2008-04-17-347; Слово (Лиссабон), 16.02.2008.

[3] *Ат-Табаш Хейсам.* Аль-Истисмар аль-аджнаби фи-ль-Имарат // Анбаа Муску, аль-адад 10/1, 2010.

[4] *Исаев В.А., Филоник А.О.* Султанат Оман. – М., 2001, с. 218.

[5] Russia's strategic and economic alignment with the Arab states // Globalia Magazine, 26.09.2008 – at: http://www.khilafa.com/index.php/news-watch/europe/65-europe/3804-russias-strategic.

[6] *Корендясов Е.Н.* Потенциал российско-африканского сотрудничества // Россия – Африка: международное сотрудничество по установлению демократического мирового правопорядка. Вып. 17. – М., 2010, с. 19.

[7] http://www.pravaya.ru/news/15701; http://vintages.web2doc.com/pages/rossiya_prostila_livii_4_5_milliarda_dollarov.

[8] *Корендясов Е.Н.* Потенциал российско-африканского сотрудничества // Россия – Африка… Вып. 17, с. 22.

[9] Там же, с. 20.

[10] Обзор прессы. Алжир. Нефть, газ, уголь, 07.12.2007 // Polpred.com – на: http://polpred.com/?ns=id=87765&PHPSESSID=pmbeda7gk46ct1i710m81k4f3

[11] *Корендясов Е.Н.* Потенциал российско-африканского сотрудничества // Россия – Африка… Вып. 17, с. 20.
[12] Там же, с. 18–19.
[13] Там же, с. 22.
[14] Возвращение. Западная Курна-2: Дубль «два» // Евразия, май 2008, с. 66.
[15] Там же.
[16] http://fr.rian.ru/business/20090909/123038026.html
[17] Нефть России, 2009, № 1, с. 24; 2009, № 7, с. 76–77; *Корендясов Е.Н.* Потенциал российско-африканского сотрудничества // Россия – Африка… Вып. 17, с. 13.
[18] Нефть России, 2009, № 6, с. 25.
[19] *Супонина Е.* Русия.. Ауда иля-ль-брагматийя фи-ль-аляка маа-ль-араб // Анбаа Муску, аль-адад 11/1, 2010.
[20] Нафс аль-масдар.
[21] Russia challenges US in the Islamic World – at: http://eldib.wordpress.com/2008/04/01/russia-challenges-us-in-the-islamic-word/.
[22] См.: «Росатом» будет участвовать в тендере на строительство АЭС в Марокко. // ADVIS.ru – на: http://www.advis.ru/cgi-bin/new.pl?8E09BAB7-1E4A-014E-B4A9-89B32E8EC4E2
[23] http://www.pravaya.ru/news/15701.
[24] Российско-арабское партнерство в экономическом измерении…
[25] *Касаев Э.О.* Российско-египетское экономическое сотрудничество…
[26] Сирию интересует таможенный союз, 28.07.2010 // Оружие России – на: http://arms-expo.ru/050049054050124049055048054051.html
[27] Истисмарат имаратийя джадида фи Русия. // Анбаа Муску, аль-адад 11/1, 2010.
[28] Vestnik, 19.02.1990, c. 52.
[29] Истисмарат имаратийя джадида фи Русия. // Анбаа Муску, аль-адад 11/1, 2010.
[30] Нафс аль-масдар.
[31] *Идрус И.* Русия тафтах маджалят аусаа амама истисмарат арабийя // Анбаа Муску, аль-адад 12/1, 2010.
[32] Российско-арабский деловой совет. Результаты совместной работы 2008–2010. – М., 2010, с. 1.
[33] Итоги визита Президента Египта в Москву – на: http://www.govoritmoskva.ru/politic/080328183500.html; Слово, 16.02.2008.
[34] Relations économiques entre les pays arabes et la Russie…

[35] Аль-Ахрам, 09.08.2010; Аль-Масри аль-яум, 11.08.2010.
[36] Аль-Ахрам, 09.08.2010.
[37] Relations économiques entre les pays arabes et la Russie…
[38] *Егорин А.З., Исаев В.А.* Объединенные Арабские Эмираты. – М., 1997, с. 160.
[39] *Мелкумян Е.С.* ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах. – М., 1999, с. 114.
[40] *Егорин А.З., Исаев В.А.* Объединенные Арабские Эмираты, с. 160.
[41] Российско-арабский деловой совет…, с. 6–9.
[42] *Grigoriev A.* Arabia expo…
[43] Российско-арабский деловой совет…, с. 16.
[44] http://www.pravaya.ru/news/15701.
[45] *Айдрус И.А.* Экономическое взаимодействие России и арабского мира: факторы, проблемы, перспективы // Арабские исследования. Междисциплинарные исследования Арабского Востока. – М., 2009, с. 177.
[46] *Люкманов А.Р.* Роль государства в развитии российско-арабского экономического сотрудничества / Институт Ближнего Востока – на: http://www.russarabbc.ru/ru/analitica/analitica/2006001261444-6813.html
[47] *Айдрус И.А.* Экономическое взаимодействие России и арабского мира... // Арабские исследования…, с. 177.
[48] Там же, с. 178.
[49] *Сопин А.* Выбор партнера // Азия и Африка сегодня, 1994, № 6, с. 31.

М.Б.Пойкер

ВЛИЯНИЕ ПРЯМЫХ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ НА РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ ИЗРАИЛЯ

Международное движение капиталов протекает в различных формах. Весьма эффективными являются прямые иностранные инвестиции (ПИИ), то есть зарубежные капиталовложения, которые предусматривают установление долговременных отношений между партнерами. ПИИ имеют положительный эффект как для страны-донора, так и для страны-реципиента. С одной стороны, они предусматривают возможность управленческого контроля инвестора над предприятием инвестирования, позволяют инвестору проводить свою производственную линию, во многом соответствующую его собственным интересам. С другой стороны, приток прямых иностранных капиталовложений оказывает положительное влияние на экономику страны их приложения. В частности, ПИИ повышают уровень экономической активности, создают дополнительную конкуренцию, которая побуждает местных производителей повышать уровень своего производства. ПИИ стимулируют торговлю, повышают занятость населения, приводят к росту ВВП страны.

Тема иностранного инвестирования приобретает еще большее значение в контексте глобализации, важнейшего явления, которое влияет на мирохозяйственные связи и процессы, и воздействие которой испытывают, хотя и в различной степени, все государства, пытаясь ответить на ее вызовы. Главным движущим стимулом и инструментом глобализации стали именно ПИИ. Торговля ввозимыми товарами заменяется их производством в районе реализации. Сети ТНК опутывают весь мир, особенно развитые страны. Производство любого товара, вне зависимости от брэнда, носит международный характер.

Прямые иностранные инвестиции оказывают существенное влияние на экономику страны-реципиента. Однако характер этого воздействия зависит от специфических особенностей каждой конкретной страны.

Израиль стремится закрепить за собой репутацию одного из наиболее привлекательных мест для иностранных инвесторов, предлагая комплексную схему вложения средств, сочетающую государственные дотации, гарантированные кредиты и налоговые льготы. Государственная программа поддержки инвестиций, свободный доступ к ведущим мировым рынкам и бурное экономическое развитие региона, несомненно, привлекали бы в Израиль зарубежных инвесторов, если бы не сохраняющееся ощущение нестабильности и риск оказаться случайной жертвой очередного террористического акта[1].

Ни одна страна не может быть конкурентоспособной во всех сферах деятельности одновременно. Поэтому важно направлять ПИИ в те отрасли, которые имеют наилучшие сбытовые перспективы, но рыночная доля которых мала из-за избытка импортных товаров. Обычно значимость отрасли определяется, исходя из таких критериев, как доля в валовой добавленной стоимости, доля в занятости, доля на отечественном рынке, потенциал роста на внутреннем и на мировом рынке. Исходя из этих параметров в Израиле в конце 80-х – начале 90-х годов была разработана долгосрочная макроэкономическая стратегия. Основными ее аспектами стали:

– сокращение тарифов и устранение нетарифных внешнеторговых барьеров;
– устранение контроля над иностранной валютой с целью стимулирования свободного притока капитала;
– осуществление структурных изменений в интересах создания более конкурентоспособной экономики и сокращения доли государства в предпринимательской деятельности;
– применение международных стандартов экономического менеджмента (имеются в виду принципы, разработанные международными организациями, в частности, МВФ).

Одним из главных действий в этой сфере стало усовершенствование фискального режима с целью сокращения государственного долга и достижения ценовой стабильности путем усиления независимости центрального банка. Реализация указанных пунктов способствовала улучшению инвестиционного климата. В результате, Израиль получил возможность финансировать инвестиции не только из местных накоплений, но и из внешних источников.

Одним из важнейших инструментов осуществления указанной стратегии, стала приватизация[2]. Государство стало ус-

тупать частным финансовым институтам свою роль посредника между сберегательными институтами и заемщиками капиталов. Началось постепенное сокращение обязательной доли сосредоточенных в банках и различных кассах социального страхования сбережений, вкладываемой в облигации государственного займа. Была облегчена процедура выпуска акций и облигаций частными компаниями, сняты запреты на размещение этих ценных бумаг на фондовой бирже практически для всех фирм. Кроме того, с целью усиления конкуренции на рынке ссудного капитала были отменены запреты на заемные операции за рубежом, а компании, зарегистрированные на Тель-Авивской фондовой бирже (TASE), получили право на размещение своих ценных бумаг через биржи других стран[3].

Продажа государственных компаний привела к перестройке экономической структуры Израиля, к перераспределению экономических сил и рычагов влияния. На протяжении почти полувека центры экономического влияния были сосредоточены в руках государства и профсоюзов. Теперь же экономика оказалась под контролем примерно двадцати групп. “Экономическая власть” на протяжении 90-х годов перешла от крупных банков, концернов “*Кур*”, I.D.B. и “*Кляль*” к ряду конкурирующих между собой инвестиционно-промышленных кланов, таких как Арисон-Данкнер, Бронфман-Кольбер, Фишман, Офер-Вертхайм[4].

В 2000 г. Банк Израиля начал публиковать доклады по инвестиционной позиции Израиля (ИПИ), в которых представлены данные по иностранным активам и пассивам страны. Данные находятся в полном соответствии со стандартами МВФ. По этим стандартам долги страны четко не представлены по инвестиционной позиции, а сгруппированы по трем направлениям: ссуды держателей акций, включенные в прямое инвестирование; облигации, включенные в портфельное инвестирование; кредиты и счета, включенные в прочие инвестиции. Но из-за важности ситуации с долгом Банк Израиля решил включать эту графу в доклад по ИПИ. Такое решение Центробанка было встречено положительно центробанками других стран, а также некоторыми специалистами из МВФ[5].

Барьеры, мешавшие доступу иностранных фирм на израильский рынок, в принципе были устранены, но некоторые отрасли остались монополизированными, изолированными от иностранной конкуренции или хорошо контролируемыми государственными компаниями.

Ситуация дает возможность выделить следующие принципы работы механизма государственного регулирования притока ПИИ в Израиль:

– налогово-бюджетная политика направлена на сокращение вмешательства государства в экономику страны;
– наблюдаются активные процессы приватизации с привлечением иностранных инвесторов, в том числе в таких областях, как телекоммуникации, нефтяная и химическая промышленность, морские перевозки, авиаперевозки, электроснабжение и банковский сектор. Приватизации госмонополий в Израиле предшествует привлечение на соответствующий рынок новых компаний (нередко иностранных) для создания конкурентной среды;
– годовой темп инфляции в Израиле был снижен с 444,9% в 1984 г. до 0% в 2000 г. Целевой уровень инфляции в 2010 г. составляет 2,2%, что удовлетворяет установленному диапазону колебаний инфляции между 1 и 3%[6];
– вслед за снижением инфляции Банк Израиля постепенно снижает процентную ставку (13,5% – в июле 1999 г., 0,5% – исторический минимум – в сентябре 2009 г., 1,5% – в апреле 2010 г.)[7];
– курс национальной валюты, нового израильского шекеля, определяется в соответствии с системой управляемого плавания. В течение 90-х годов Банк Израиля следовал стратегии невмешательства в процессы на валютном рынке; но из-за мирового финансового кризиса, ему пришлось вмешаться в свободное плавание курса шекеля. В виду сильного укрепления шекеля к евро и, особенно к доллару, банк проводил крупные интервенции на валютном рынке с целью понизить стоимость шекеля и восстановить прибыльности израильского экспорта. Золотовалютный резерв был увеличен почти в два раза, достигнув 60 млрд. долл.;
– за последние 20 лет экспорт был основным катализатором экономического роста Израиля. Торговая политика страны основывается на идее свободной торговли как средстве увеличения конкуренции на внутреннем рынке, улучшения распределения ресурсов и стимулирования эффективности производства;
– Израиль является членом ВТО и участником Соглашения о правительственных поставках. Он имеет соглашения о свободной торговле с США, ЕС, странами, входящими в Европейскую ассоциацию свободной торговли (ЕАСТ), Канадой, Мексикой, Польшей, Турцией, Чехией, Словакией, Венгрией и

Словенией. С некоторыми странами, не являющимися членами ВТО, Израиль подписал соглашения о статусе наиболее благоприятствуемой нации, в том числе с Россией, Узбекистаном, Молдовой, Украиной, Казахстаном, Китаем, Хорватией. Соглашение о статусе предпочтительной нации подписано с Иорданией;

– в конце 90-х годов значительно увеличился объем израильских инвестиций за рубеж. В 90-е годы Израиль установил дипломатические и торговые отношения со странами СНГ, Восточной Европы, Юго-Восточной Азии, Китаем, Индией, Иорданией. Эти страны являются новыми рынками для израильских инвесторов. Кроме того, в этот период были подписаны соглашения о поддержке и защите иностранных инвестиций с рядом стран, в том числе Албанией, Аргентиной, Болгарией, Чехией, Эстонией, Грузией, Германией, Венгрией, Индией, Казахстаном, Латвией, Литвой, Молдовой, Польшей, Румынией, Словенией, Турцией, Туркменистаном, Украиной и Узбекистаном. С некоторыми странами такой договор был подписан, но он до сих пор остается не ратифицированным, к ним относятся Армения, Беларусь, Китай, Хорватия, Эль Сальвадор, Южная Корея, Перу, Словакия, Таиланд, Уругвай и Заир[8].

Приток ПИИ, по большей части направленный в высокотехнологичные отрасли промышленности, и без того растущие быстрыми темпами, способствовал резкому росту конкурентоспособности на международном рынке и увеличению объема выпускаемой продукции. Экспорт высокотехнологичной продукции за последние 20 лет вырос в несколько раз, составив значительную часть счета текущих операций Израиля и внеся свою лепту в борьбу с хроническим дефицитом торгового баланса.

Крупные ассигнования на науку, наличие значительного контингента лиц с высшим образованием в сочетании с государственным стимулированием научно-технического прогресса стали основой форсированного наращивания научно-технического потенциала.

Большое значение для функционирования инвестиционного бизнеса имеет межгосударственное сотрудничество. Активные внешние связи рассматриваются в Израиле как одно из важных направлений национальной научно-технической политики, предусматривающей привлечение иностранных инвести-

ций, прогрессивных технологий, передовых методов управления в сферу науки, техники, производства. Важно отметить, что закон о поощрении промышленных исследований и разработок разрешает, но не поощряет трансферт как израильских «ноу-хау», так и прав на промышленное их использование за рубеж. Международные связи Израиля в сфере науки и техники отличаются масштабностью, разнообразием форм и методов, динамизмом. Они осуществляются на всех уровнях – от личных контактов между отдельными учеными и специалистами до реализации программ и проектов в рамках межгосударственного двустороннего и многостороннего сотрудничества.

По классификации ВГУ Израиля существует четыре основных модели научно-технического сотрудничества:

1. Двусторонние фонды по промышленным НИОКР. Фонд создается посредством соглашения между Израилем и зарубежной страной, по которому обе стороны обязаны финансировать фонд в течение установленного периода времени. Фонд стимулирует развитие совместных промышленных НИОКР между двумя компаниями, представляющими свои страны. Фонд покрывает 50% расходов на НИОКР, а также занимается под-

бором соответствующих пар партнеров. В рамках такого варианта сотрудничества созданы совместные фонды с США (BARD, BIRDF), Канадой (CIIRDF), Великобританией (BRITECH), Германией (GIF), Сингапуром (SURD), Кореей (KORIL). В отчете, опубликованном в начале 2006 года консалтинговой компанией "Trendlines", показано, что в Израиле количество двусторонних исследовательских фондов в сфере НИОКР увеличилось в период 2004–2005 годов на 35%.

2. Участие в европейской рамочной программе. Страны ЕС создали программу сотрудничества в области промышленных НИОКР, возобновляемую каждые четыре года. Израильские компании и исследовательские институты также могут подавать проекты НИОКР в соответствии с требованиями программы. Эта программа позволяет израильтянам сотрудничать с основными исследовательскими центрами Европы. Израиль начал присоединятся к европейским рамочным программам, начиная с четвертой. Он считает успешным свое участие в многосторонней 5-й рамочной программе международного научного сотрудничества (FP5) ЕС, по которой его компании получили от ЕС в 1999 г. на развитие исследований и разработок 47 млн. евро.

Участвуя в научных разработках 6-й программы ЕС, Израиль особенных успехов добился в области информационных технологий, космических исследований и биотехнологий. Его вклад в осуществление программы составил 220 млн. евро, еще большая сумма возвращена Израилю Европейской комиссией. ЕС уже стал крупнейшим зарубежным спонсором научных исследований в Израиле. Бюджет 7-й программы научно-технического развития FP7 увеличивается примерно на 40% по сравнению с FP6, сама программа будет действовать до 2013 г. ЕС в настоящий момент является вторым по значимости источником финансирования научных исследований и разработок после Израильского научного фонда.

FP7 – одна из крупнейших европейских научных программ, ее бюджет превышает 50 млрд. евро. Ее рамки позволяют финансировать совместные исследования в таких стратегически важных областях, как медицина, энергетика, транспорт, информационные технологии, нанотехнологии.

3. Eureka Initiative – межправительственное объединение, поддерживающее европейские инновации и ежегодно вкладывающее в эту сферу 1,5 млрд. ф. ст. Eureka – это система,

объединяющая 31 европейскую страну с целью содействия развитию взаимоотношений между промышленными и исследовательскими институтами. Основной ее задачей является улучшение конкурентоспособности европейской промышленности на международном рынке путем развития технологически новых продуктов с большим рыночным потенциалом. В отличие от рамочной программы сами сотрудничающие партнеры определяют суть проекта. Вместо финансовых грантов, участники этой программы получают «решение об одобрении», которое способствует более успешному поиску финансовых средств. Для поддержки Eureka выбрала 300 компаний, 40 из них – израильские[9].

4. Соглашения о параллельном финансировании. Такой тип соглашений подписан Израилем с рядом зарубежных стран. Они дают возможность израильским предприятиям вести НИОКР совместно с иностранными компаниями. В отличие от двусторонних фондов, финансирование такого рода, проектов каждая сторона получает из своего аналога – Ведомства главного ученого Израиля. За исполнением этих соглашений следит Израильский промышленный центр по НИОКР (MATIMOP). Такие соглашения были заключены Израилем с Францией, Испанией, Португалией, Голландией, Австрией, Бельгией, Сингапуром.

Стоит отметить, что научно-техническое сотрудничество Израиля с другими странами не ограничивается перечисленными четырьмя формами. Учитывая выгодность и перспективность научно-производственного сотрудничества с Израилем, свыше 200 иностранных компаний участвуют в настоящее время в финансировании исследований и разработок в этой стране. В целом по данным MATIMOP в Израиль ежемесячно поступают из разных стран в среднем 150 заявок с предложениями о сотрудничестве с его научно-исследовательскими организациями и предприятиями.

Государство берет на себя основное бремя финансирования науки и техники: около 70% всех ассигнований поступает из госбюджета. Занятым в инновационном бизнесе промышленным компаниям предоставляется статус "одобренных предприятий", то есть статус наибольшего благоприятствования. Такие фирмы освобождаются от подоходного налога, ставка налога на доходы корпораций снижается с 45 до 18% нераспределенной прибыли, норма амортизационных отчислений

удваивается, различного рода платежи, связанные с регистрацией компании, откладываются на 5 лет, импортируемое предприятием оборудование и строительные материалы освобождаются от таможенных пошлин и налога на покупку. Кроме того, за счет государственных субсидий и кредитов финансируется до 90% вложений в основной капитал, на льготных условиях сдаются в аренду производственные сооружения, выделяются средства на подготовку персонала.

Гранты на НИОКР в Израиле получают все – от мелких старт-апов до подразделений крупнейших межнациональных корпораций. Условия очень льготные: в случае успеха проекта выплата 3% с продаж, но производство продукции должно быть в Израиле и продавать интеллектуальную собственность, полученную в результате проекта, нельзя.

На научные исследования Израиль тратит примерно 4,8% ВВП. Это самая высокая доля затрат на науку в мире, в США затраты на науку не превышают 3%. Темпы роста вложений в исследовательские работы в Израиле намного превосходили темпы роста ВВП: последний за 1996–2002 гг. вырос всего на 29%, тогда как расходы на научно-технические разработки увеличились на 126%. За последние 15 лет расходы на научно-исследовательские работы в Израиле возросли на 164% и достигли в 2006 г. почти 8 млрд. долл. Для сравнения можно привести аналогичные показатели в странах Европы за тот же период. Например, Финляндия в 1996–2002 гг. демонстрировала более высокие темпы роста ВВП, и за этот период он вырос на 36%, однако расходы на НИОКР за это же время выросли на 85%. В Ирландии темпы роста ВВП составили 64%, а расходы на ВВП выросли на 40%[10].

В соответствии с рейтингом конкурентоспособности мировых экономик известной швейцарской бизнес-школы IMD за 2006 г. Израиль больше других развитых стран тратит (по отношению к ВВП) на НИОКР. Больше многих развитых стран Израиль расходует на образование – в этом рейтинге он занимает третье место. Однако, если выразить затраты на образование в абсолютных значениях, то Израиль по их уровню оказывается в конце списка. На третьем месте в мире он также по развитию информационных технологий, на четвертом – по числу квалифицированных трудовых ресурсов, на шестом – по открытости экономики на международном рынке, на седьмом – по числу нобелевских лауреатов на душу населения. Израиль

находится на втором месте в мире по эффективности научно-технических разработок (на первом месте – США). Третье место в мире Израиль занимает по уровню и результатам работы научно-исследовательских институтов. По числу патентов Израиль также впереди: второе место по патентам в области физики, третье – в области молекулярной биологии и четвертое – по химии.

Привлечение иностранных инвестиций играет двоякую роль в национальной экономике. С одной стороны, они дают толчок национальной экономике, связанный с увеличением технологических и производственных возможностей государства, со снижением проблемы безработицы в стране. Доля совместных предприятий в выпуске всей израильской промышленности и в валовой добавочной стоимости, составляет 12,7 и 12,5% соответственно, а доля занятых на них от занятых в промышленности составляет 6,8%[11]. С другой стороны, иностранные инвестиции препятствуют развитию национальной экономики в глобальной перспективе. Это связано с тем, что основную часть дохода от таких инвестиций, разумеется, получают иностранные инвесторы (будь то частные лица или же целые государства). Решается проблема безработицы, однако нанятые сотрудники работают в интересах, прежде всего, иностранных инвесторов, а не собственного государства; внедряются различные технологические разработки, однако их использование также, прежде всего, связано с получением прибыли иностранным инвестором, а не государством, на территории которого функционирует производство, и т.п.

Поэтому для успешного функционирования национальной экономики необходимо соблюдение разумного баланса между ввозом и вывозом капитала (в различных его формах), чтобы международное экономическое сотрудничество было взаимовыгодным и не превращалось в экономическую экспансию одного государства в другое.

Сторонники увеличения зарубежных инвестиций указывают на то, что обмен между инвестиционными потоками выгоден и стране, куда приходят инвестиции, и стране, откуда они поступают. Противники же ПИИ отмечают, что международные конгломераты все больше и больше забирают экономическую власть над слабыми и неразвитыми экономиками и, тем самым, вытесняют и подавляют здоровую конкуренцию на местных рынках.

Для малых и средних предприятий ПИИ – это возможность более активно участвовать в международном бизнесе. Во-первых, ясно, что более двух третей ПИИ составляют приобретения машин, оборудования, зданий. Во-вторых, большинство ПИИ поступает от крупных международных корпораций и конгломератов. Но, в связи с развитием Интернета, возрастающая роль технологий, уменьшение ограничений, связанных с ПИИ на рынках многих стран, и падение стоимости международной связи означают, что в будущем более важную роль станут играть новые, нетрадиционные формы инвестиций. Правительства разных стран, особенно наиболее индустриально развитых, внимательно отслеживают ПИИ, потому что потоки инвестиций из страны и в страну оказывают серьезное влияние на развитие их собственной экономики.

За последнее десятилетие многократно выросло количество чисто технологических компаний, только начинающих свою деятельность, так называемых старт-апов, а это, вместе с возрастанием роли и использования Интернета, подстегнуло изменения и в способах иностранных инвестиций. Многие из высокотехнологичных старт-апов – это крохотные компании, которые выросли из исследовательских лабораторий, из проектов, реализуемых часто в основных университетах страны и иногда при прямой государственной поддержке, в виде грантов. В отличие от традиционных производителей, многие из таких компаний не нуждаются в крупной производственной базе, им не нужны склады для товаров. Другой фактор, который следует учитывать, – это то, что основным продуктом таких компаний является интеллектуальная собственность, к примеру, на разработанную программу, технологию или процесс. Поэтому размещаться такая компания может практически где угодно, а вложения капитала в такую компанию не связаны с огромными затратами на оборудование, помещения и машины.

Во многих случаях именно крупные компании инвестируют в маленькие, высокотехнологичные фирмы. Но есть и разница по сравнению с прошлым: крупные компании не всегда целиком скупают эти маленькие компании. Этому есть несколько причин, но самой важной является следующая: слишком велик риск, связанный с «продвинутой» технологией и «завязанным» на нее проектом.

У высокотехнологичных венчуров, как правило, очень долгий инкубационный период. Это означает, что на разработку

такого продукта требуется большое количество времени. В случае с программами и другими интеллектуальными продуктами это означает также, что продукт постоянно видоизменяется, причем порой даже до своего проникновения на рынок. Это делает процесс инвестирования еще более сложным.

Как показывает анализ, венчурное инвестирование превратилось со временем в эффективный инструмент регулирования рынка высоких технологий, который в течение определенного периода развивался хаотично, переживая подъемы и кризисные состояния. Создание венчурных фондов в определенной мере обеспечило стабильность в инновационной сфере, а современные рынки хай-тека обрели несколько большую предсказуемость и устойчивость к кризисным проявлениям.

Сегодня в Израиле работают более 80 венчурных фондов. Капитал, который им удалось собрать на данный момент, равен 10 млрд. долл. Фонды сумели проинвестировать более тысячи израильских старт-ап компаний. Основными отраслями инвестиций венчурных фондов являются телекоммуникации, программное обеспечение, информационные технологии, полупроводники, безопасность, биотехнологии.

Около половины напрямую работающих с Израилем венчурных фондов представляют международных инвесторов; большая часть инвестиций, непосредственно привлеченных израильскими фирмами высоких технологий, поступила из иностранных источников. Иностранные венчурные инвестиции в Израиль осуществляются в основном через институциональных инвесторов, таких как Morgan Stanley, Goldman Sachs, Chase Manhattan.

Согласно исследованию известной аудиторской компанией Ernst & Young, Израиль занял в I квартале 2006 г. третье место в мире по размерам инвестиций рисковых фондов (после Калифорнии и Новой Англии).

Общий объем рисковых инвестиций в Израиле в I квартале 2006 г. составил 497 млн. долл. – на 30% выше, чем в I квартале 2005 г., и средства были инвестированы в 62 компании. Инвестиции в прикладные исследования выросли на 50% и составили 237 млн. долл., инвестиции в исследования в области здравоохранения – на 31% и составили 157 млн. долл. Особенно выделялись семь компаний, занятых биофармацевтикой, объемы их финансирования оказались самыми впечатляющими.

Многие специалисты полагают, что венчурное инвестирование в израильские высокие технологии остается одним из потенциально наиболее прибыльных способов вложения денег, несмотря на то, что сейчас возвратность вложенных средств ниже, чем в период бума высоких технологий 1998–2000 гг. Сказываются отрицательные ожидания, которые имеют место после кризиса начала 2000-х. Однако следует отметить, что и в годы серьезного кризиса мирового рынка высоких технологий были веские причины вкладывать деньги в израильские венчурные фонды. Во-первых, в такой период компании сильно недооценены, что давало возможность за меньшие деньги приобрести больше активов. Во-вторых, спад сделал вложения в компании, а особенно в израильские предприятия сектора высоких технологий, более эффективными, так как в отсутствие прежних размеров финансирования компаниям пришлось сосредоточиться на более экономном использовании получаемых средств.

Также, важнейшим результатом влияния ПИИ на экономику Израиля можно считать развитие фондового рынка. Этот последний – один из ключевых институтов рыночной экономики. Вопреки распространенной точке зрения, современный развитый фондовый рынок немыслим без регулирования, и в первую очередь, – без регулирования порядка и характера раскрытия информации и борьбы с инсайдерской торговлей.

Ни в одной экономике мира фондовый рынок не является основным источником денег для инвестиций. Даже в США, где он наиболее развит. Это не удивительно – внешнее финансирование стоит дороже внутреннего из-за проблем ассиметричной информации, поэтому компании обращаются за внешними ресурсами лишь тогда, когда не хватает собственных. Кроме того, если компания выпускает акции, а не облигации, то рынок воспринимает это как отрицательный сигнал о перспективах ее развития. Если владельцы компании готовы расстаться с частью прибыли, значит, они считают, что она будет не очень высокой. С одной стороны, выпуск акций в большей степени, чем выпуск облигаций размывает стимулы контролирующего собственника к максимизации прибыли. Поэтому рынок соответствующим образом дисконтирует цену приобретения акции; акционерное финансирование, как правило, обходится дороже заемного. По сути, акции выпускают только те компании, у которых есть дол-

ги, или те, кому трудно получить заем, например, компании с нематериальными активами.

С другой стороны, если для экономики в целом рынок акций не так важен в инвестиционном плане, то для компаний молодых, производящих новые услуги и идеи, он служит единственным источником финансирования. Существуют целые отрасли экономики, в том числе и самые высокотехнологичные, основанные на акционерном финансировании. У многих таких компаний нет ни собственных средств, ни материальных активов, которые можно было бы использовать в качестве залога для получения кредита. Для них даже дорогой акционерный капитал – единственная возможность роста. Таким образом, TASE – один из немногих фондовых рынков, который играет значительную роль в развитие экономики своей страны, ориентированной на высокотехнологичную промышленность и диверсификацию экономики.

Конечно, только созданные высокотехнологические компании не сразу попадают на фондовую биржу. Сначала они получают финансирование от венчурных капиталистов, отдавая им пакеты акций и некоторые права контроля. Однако такое финансирование возможно только тогда, когда у венчурных фондов существует возможность “выхода” из капитала компании – путем продажи акций инвесторам на ликвидном и эффективном фондовом рынке, каковыми и являются TASE и NASDAQ.

Проблемы ассиметричной информации и коллективных действий огромного числа акционеров современной корпорации, многочисленные конфликты интересов в деятельности менеджмента, аудиторов, инвестиционных аналитиков, рейтинговых агентств и т.д. требуют соответствующих действий финансовых регуляторов. Именно благодаря развитию привлекательности инвестирования для иностранных инвесторов были созданы как эти финансовые регуляторы, так и законы, предписывающие полное раскрытие всей важной информации при выпуске ценных бумаг.

Как было сказано выше, израильские компании котируются не только на “родном” фондовом рынке, но и на зарубежных. На 16 октября 2009 г. количество зарегистрированных израильских компаний в списке NASDAQ составило 125, а их общий капитал превысил 50 млрд. долл. С 20 ноября 2006 г. NASDAQ начал публиковать индекс израильских компаний. Он публикуется в двух вариантах: ISRQ – индекс, отражающий ситуацию

с акциями без дивидендов, и ISRX – индекс, включающий дивиденды. Таким образом, на сегодня Израиль является одним из двух государств, чьи компании получили право на отдельный список в рамках NASDAQ. Ранее, в 2000 г. в отдельный список были выделены компании Канады.

Израиль занял 19-е место в списке самых процветающих стран мира 2008 г. Согласно рейтинга Legatum Prosperity Index, по экономической конкурентоспособности Израиль занял 8-е место, по качеству условий для проживания – 21-е[12].

По рейтингу Международного экономического форума, Израиль занимает 27 место (рис. 1), потеряв четыре позиции по сравнению с прошлым годом. Это ухудшение в основном связано с продолжающимся снижением качества системы образования (с 15 места в 2006 г. до 65 места в 2009 г.), которое также было отражено в PISA, оценке ОЭСР, в 2006 году.

Рис. 1. Рейтинг конкурентоспособности отдельных стран[13]

Как слабые места, можно рассматривать неустойчивость валюты (47) и умеренно высокий риск объявления дефолта (30), которые компенсированы высоким уровнем устойчивости банковской системы (11). Открытость серьезной финансовой информации (15) банками Израиля в противовес своим ближневосточным коллегам. Развитие банковской системы (26) и рынка ценных бумаг (15) являются самыми высокими финансовыми достижениями Израиля.

Принимая во внимание положительные результаты размещения ПИИ, израильское правительство проводит постепенную либерализацию инвестиционного законодательства страны. Эта мера направлена, прежде всего, на увеличение прямых иностранных капиталовложений в страну. Вполне возможно, что уже в обозримой перспективе будут разработаны и приняты законодательные акты, способствующие улучшению налогового климата, повышению надежности и защищенности финансовых вкладов в разработку высоких технологий, поощрению деловой и финансовой инициативы. Это тем более ожидаемо потому, что в мае 2010 г. Израиль стал 32-м по счету государством, входящим в состав Организации экономического сотрудничества и развития (OECD) – международной экономической организации развитых стран, признающей принципы представительной демократии и свободной рыночной экономики.

Вступление в организацию "развитых стран" будет способствовать улучшению кредитного рейтинга Израиля и, как результат, снизит процент на финансирование, выплачиваемый правительством и частными компаниями за рубежом. Самое же главное состоит в том, что вступление в OECD может привести к улучшению его экономического имиджа и к росту иностранных инвестиций в экономику.

[1] Наумова И.В. Иностранные инвестиции в Израиль в 90-е годы. Востоковедный сборник". Выпуск 4. М., ИИИиБВ, 2002, с. 368

[2] Israel Ministry of Finance. International Affairs Department. Israel's Economic Overview, Jerusalem, 2009.

[3] Федорченко А.В. Торговля фондовыми ценностями на Ближнем Востоке, Обозреватель, № 10–12, 2000.

[4] Дубинский А. Экономика Израиля: 1992–2002 гг., статья на сайте www.il4u.org.il.

[5] Ozer B. Close-up on Israel's Investment Position (IIP).//BOI Bank of Israel № 2, «Ayalon», Jerusalem, January 2001, p.25.

[6] Доклад об инфляции Банка Израиля за февраль-март 2010.

[7] Кокушкина И.В., Пукшанский Л.В. Израиль в системе международных инвестиционных отношений. Вестник СПбГУ. Сер. 5. 2003. Вып. 3 (№ 21).

[8] http://www1.cbs.gov.il/reader Statistical Abstract of Israel 2009-No.60 рассчитано по таблице 16.9.

[9] Этингер Й. Экономика Израиля на фоне финансового кризиса. http://www.evrey.com/sitep/object/arkhiv.php3?menu=586

[10] Федорченко А.В., Марьясис ДА. Научно-технический комплекс России и Израиля: возможности взаимодействия. Аналитические доклады выпуск 7 (12) М. Научно совет по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России, 2006. с. 21.
[11] http://www1.cbs.gov.il/reader Statistical Abstract of Israel 2009-No.60 рассчитано по таблицам 18.11, 14.2.
[12] http://www.capitalinfo.co.il/index.php?option=com_content&task=view&id=1330&Itemid=156
[13] World Economic Forum. The Global Competitiveness Report 2009–2010.

Л.Н.Руденко

ЧЕРНАЯ И ЦВЕТНАЯ МЕТАЛЛУРГИЯ АРАБСКИХ СТРАН: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Арабский Восток переживает этап подъема, который тесно связан с такими явлениями, как мощная урбанизация, заметная корректировка производственной сферы, сопровождаемая наращиванием инфраструктуры, капитального и жилищного строительства, усилением индустриального компонента. Конечно, мировой финансовый кризис и протестные движения в ряде стран в той или иной степени сказались или еще скажутся на темпах развития этих процессов, но не привели к их свертыванию. Тем не менее, потребление стройматериалов, в частности, стали стало менее устойчивым, но не в таких размерах, чтобы обрушить спрос. Поэтому кризис не смог изменить динамику развития металлургической отрасли в арабском мире в худшую сторону. И таким образом здесь продолжился начавшийся в предшествовавший период процесс, когда страны Ближнего Востока и Северной Африки, стремясь уменьшить зависимость от импорта стальной продукции, а также диверсифицировать экономику и промышленное производство, усиленно развивали собственную металлургическую базу. В настоящее время черная металлургия региона представлена как крупными (по местным масштабам), так и небольшими передельными предприятиями, работающими на импортном сырье. Однако региональная сталелитейная промышленность пока не в состоянии по объему производства и номенклатуре обеспечить внутренние потребности в стальной продукции.

Основными потребителями черных металлов в этих странах выступают промышленное и гражданское строительство, нефтяная и газовая промышленность. Импортируют эту продукцию как государственные организации, так и частные фирмы. нередко закупки осуществляются через международные торги.

Главными поставщиками черных металлов в регион являются страны Западной Европы и Япония. СССР до распада поставлял в отдельные страны сравнительно крупные партии черных металлов в основном в кредит для объектов, сооружавшихся при советском содействии. Россия постепенно возобновила поставки в значительно меньших объемах в Египет, Саудовскую Аравию, Алжир и другие арабские страны. Но в современных условиях существуют вполне благоприятные потенциальные возможности для расширения российского экспорта на Арабский Восток различных видов проката, изделий дальнейшего передела, труб, проволоки, особенно строительных металлоконструкций. Тем не менее наполнение рынка региона пока протекает без особого участия со стороны России.

Наиболее крупными производителями чугуна и стали среди арабских государств являются Египет и Саудовская Аравия. Далее следуют Марокко, Алжир, Бахрейн, Сирия, Кувейт, ОАЭ, Иордания.

Несмотря на глобальный кризис, рынок стали **Египта** до последних политических неурядиц в стране оставался стабильным, поскольку устойчивое развитие национальной строительной отрасли, и прежде всего, жилищного строительства, обеспечивало высокий спрос на сортовой прокат.

АРЕ постепенно продвигаясь, ныне вышла на 27-е место в мире по объему производства. Наиболее значимые сталелитейные предприятия Египта являются следующие:

Наименование предприятия	**Мощность**	**Продукция**
Al Ezz DekHeilla	2,9 млн. т в год	сортовой и листовой прокат
Beshay Steel	2 млн. т в год	арматурная сталь и катанка
Al Ezz Steel Rebars	1 млн. т в год	сортовой прокат
Al Ezz Flat Steel	1 млн. т в год	листовой прокат
Egyptian Iron & Steel Co	1 млн. т в год	сортовой и листовой прокат
Kandil Steel	1 млн. т в год	сортовой и листовой прокат

...окончание таблицы

Al Ezz Rolling Mills	400 тыс. т в год	сортовой прокат
National Port Said Steel	400 тыс. т в год	сортовой прокат
Kouta Steel Group	360 тыс. т в год	сортовой прокат
Misr National Steel Co (Attal)	360 тыс. т в год	сортовой прокат
Delta Steel Mill	85 тыс. т в год	проволока

Общие производственные мощности сталелитейных предприятий Египта составляют 5,5 млн. т сортового и 2,7 млн. т плоского проката в год. При этом компания Ezz Steel имеет долю рынка примерно равную 62,4%, далее следуют Beshay – 12,5%, Misr National Steel (ранее –Al Attal Steel) – 5,5%. В производстве листового проката ведущее место занимает компания Ez Steel, доля которой равна 57%, и Egyptian Iron and Steel Company с долей рынка примерно 23% (1).

Несмотря на значительные успехи Египта в развитии черной металлургии, страна продолжает ввозить стальную продукцию. На импорт приходится около 1/5 египетского рынка стального проката. Основные поставщики представлены Германией, Францией, США, Италией и Японией. Высокий спрос на сортовой прокат в Египте в 2009 г. привел к росту импортных поставок также из Турции, Греции и с Украины (2, 2.12.1995; 25.05.2000; 20.10.2009).

Египет является нетто-импортером сырья для черной металлургии, в частности, железной руды. Национальное производство может обеспечить лишь 53% по сравнению с необходимыми 73%. Кроме того, не удовлетворены потребности страны в стальном ломе и стальной заготовке. Рост внутреннего спроса формирует повышение цен на сырье, увеличивая расходы на импорт и снижая конкурентоспособность национальных производителей.

До начала 80-х годов прошлого века **Саудовская Аравия** практически полностью зависела от импорта черных металлов и изделий из них. В результате политики диверсификации экономики, королевство в последние десятилетия превратилось в сравнительно крупного производителя черных металлов.

Производство стали возросло с 794,4 тыс. т в 1984 г. до 3,4 млн. т в 2002 г (2, 2.12.1995; 11.06.2002).

Металлургическая промышленность Саудовской Аравии представлена следующими крупными предприятиями: Saudi Iron & Steel Co. (в саудовских деловых кругах называется условно Hadeed) основана в 1979 г. с участием DEG (Германия), которой принадлежит 5% капитала. Металлургический комбинат введен в эксплуатацию в 1983 г. в г. Джубейль. В 1991–1992 г. мощности комбината были увеличены до 2 млн. т стали в год, а по производству проката (арматурная сталь и катанка) – до 1,3 млн. т в год. Продукция предприятия в основном предназначена для внутреннего потребления.

Далее следует филиал компании Hadeed – Jeddah Steel Rolling Mill Co. (Sulb) мощностью 317 тыс. т стального проката в год (арматурная сталь, катанка), производимого из заготовок, поставляемых Hadeed.

Кроме того функционируют завод по производству стального провода в г. Джубейль мощностью около 50 тыс. т в год; трубный завод для нефтяной и газовой промышленности из импортного стального проката в г. Аль-Хобар мощностью около 180 тыс. т в год и компания Al-Tuwaiaqi Group, которая во второй половине 2000-х годов ввела в действие первое в регионе предприятие по выпуску бесшовных труб близ г. Даммам мощностью 2 млн. т в год. Завод оснащен современным оборудованием и выпускает трубы диаметром до 600 мм, которые поступают на рынок Саудовской Аравии, частично продукция поступает в страны Ближнего и Среднего Востока.

Собственное производство черных металлов в королевстве не в состоянии удовлетворить внутренние потребности страны как по объему, так и по номенклатуре. Примерно 40% спроса на эти товары страна покрывает за счет импорта – в основном из Японии, Западной Европы и США (3).

Производство черных металлов в **Алжире** сосредоточено на двух предприятиях государственной компании Societe Nationale de Siderurgie (SNS), основанной в 1964 г. Первый из этих заводов, сталеплавильные мощности которого составляют 30 тыс. т в год, был построен в г. Оран во второй половине 60-х годов, а второй – мощностью 500 тыс.т стали в год – в 1972 г. в районе Аль-Хаджар, близ г. Аннаба. В дальнейшем производственные мощности второго предприятия неодно-

кратно расширялись и были доведены до 1,9 млн. т чугуна, 1,4 млн. т – стали, 540 тыс. т – арматуры, 10 тыс. т легких балок, 400 тыс. т – горячекатанной полосы, 120 тыс. т – холоднокатанной полосы, 210 тыс. т – рифленого листа, 80 тыс. т – оцинкованного листа, 100 тыс. т – сварных труб, 96 тыс. т – бесшовных труб, 30 тыс. т – сетки (2,2.12.1995; 4).

Помимо этих двух заводов, имеющих сталеплавильное производство, изделия из черных металлов в Алжире выпускаются на предприятиях в Регайе, Гарадае, Вади-Асме, Сиге, Ат-Таньи, Батне и Арзеве.

Следует отметить, что располагая довольно большими по масштабам БВСА мощностями по выпуску черных металлов, компания SNS не в состоянии стабильно обеспечить их полную загрузку. Так, в 90-е – начале 2000-х годов выплавка стали в Алжире колебалась в пределах от 820 тыс. т до 1100 тыс. т (4). В результате, чтобы удовлетворить внутренний рынок черных металлов, Алжир вынужден их импортировать. В 90–2000-е годы ввоз в среднем составлял 1400–1500 тыс. т в год. Основными поставщиками черных металлов в страну являются страны ЕС и Япония.

В **Марокко** в 90-е годы в г. Надор был пущен в эксплуатацию металлургический комбинат, строительство которого осуществляла созданная в 1974 г. марокканская государственная компания Societe Nationale de Siderurgie. Мощность этого предприятия составляет 950 тыс. т чугуна, 1 млн. т стали и 940 тыс. т проката. В номенклатуру выпускаемой продукции входят передельный чугун, заготовки и катанка из углеродистой и высокоуглеродистой стали, арматурная сталь и сортовой прокат.

Одновременно продолжается импорт отдельных видов черных металлов и изделий из них. Основными поставщиками являются страны ЕС, но и российские фирмы также поставляют металлопродукцию в эту страну (2, 2.12.1995; 4).

Черная металлургия в **Объединенных Арабских Эмиратах** до последнего времени была развита достаточно слабо. В ОАЭ (Дубай) практически действовал один мини-завод частной фирмы Ahli Steel Co., который построен в середине 1970-х годов и выплавлял до 40 тыс. т в год. Его основная продукция – конструкционная сталь (2, 2.12.1995).

В 2010 г. холдинг «Металлоинвест» (Россия) ввел в эксплуатацию металлургический завод Hamriyah Steel, который дал первую партию стальной арматуры в марте того же года.

К концу 2010 г. предприятие вышло на полную мощность в 1 млн. т арматуры в год.

Ключевой целью строительства комбината в ОАЭ было обеспечение выхода российского холдинга на рынок Ближнего Востока и создание условий для расширения и диверсификации деятельности в этом регионе. В состав холдинга «Металлоинвест» входят предприятия горнодобывающей и металлургической отраслей РФ, в том числе ОАО «Михайловский ГОК», ОАО «Лебединский ГОК», ОАО «Оскольский электрометаллургический комбинат», ОАО «Уральская сталь» (2, 16.03.2010), и это обстоятельство можно рассматривать как гарантию успеха этого российского проекта, который имеет шанс на развитие. Тем более, что ныне потребление продукции черной металлургии в ОАЭ превышает 2 млн. т в год. Поэтому очевидно, что в ближайшем будущем Эмираты будут по-прежнему импортировать черные металлы и изделия из них (4).

Бахрейн в последние пять лет вложил крупные средства в развитие сталелитейной промышленности. В апреле 2010 г. в здесь был введен в строй завод по производству железорудных окатышей, а также предприятие по производству 100 тыс. т нержавеющей стали в год (5).

Производство стали в **Кувейте** в 90–2000-е годы составляло 120 тыс. т. Кроме того, имеются два трубных завода, выпускающих сварные трубы, в том числе спиральношовные и трубы большого диаметра, а также другую продукцию. Эти предприятия с годовой мощностью 200 тыс. т принадлежат частной компании Kuwait Metal Pipe Industries.

Внутреннее производство удовлетворяет потребности Кувейта в черных металлах и изделиях из них примерно на 25%. Поэтому страна остается нетто-импортером указанных товаров (4).

Производителем черных металлов в **Сирии** является General Iron and Steel Co. (Gecosteel), которая с 1971 г. эксплуатирует на заводе в г. Хаме две 25-тонные электропечи, работающие на ломе, и сортовой стан производительностью 120 тыс. т проката в год. Кроме того, компания Gecosteel в 1977 г. ввела в действие мощности по производству 200 тыс. т сварных труб в год. Выплавка стали в Сирии в 90-е годы находилась на уровне 70 тыс. т в год (4).

Недостаточно высокий уровень развития черной металлургии обусловливает зависимость страны от импорта металлопродукции в сравнительно значительных объемах. Основными

поставщиками черных металлов являются компании Турции, стран ЕС, а также бывшего СССР.

В **Иордании** действуют три небольших металлургических предприятия. Построенный в 1973 г. трубопрокатный завод фирмы Jordan Pipes Manufacturing Co. располагает собственной сталеплавильной базой и производит до 30 тыс. т продольно-сварных и оцинкованных труб в год. Мини-завод фирмы Jordan Iron & Steel Co. Ltd. мощностью 75 тыс. т проката в год выплавляет электросталь, производит арматурную сталь и круглый прокат. Сходную продукцию выпускает предприятие, основанное в 1979 г. компанией National Steel Industry Co. мощностью 120 тыс. т проката в год (2, 2.12.1995).

Потребление продукции черной металлургии в Иордании оценивается в 700–800 тыс. т. в год. Но прогнозируется рост производственных мощностей по выпуску отдельных видов проката свыше 450 тыс. т в год. Тем не менее, это позволяет сделать вывод о том, что в перспективе Иордания останется импортером металлопродукции. Основные поставщики – Япония и страны ЕС (6).

Развитие **цветной металлургии** в арабских странах в последние три десятилетия в основном ограничивалось созданием и расширением предприятий по производству алюминия. Производители этого металла – Бахрейн, Дубай (ОАЭ) и Египет – в указанный период заметно увеличили мощности своих заводов.

Бахрейн в 1971 г. первым в регионе реализовал проект по строительству крупного алюминиевого завода. Сейчас это предприятие – Aluminium Bahrain (Alba) производит 870 тыс. т алюминия в год. Планируется в обозримом будущем увеличить его мощность до 1,2 млн. т в год (3).

На базе компании Alba в стране создана успешно функционирующая промышленность по обработке алюминия, которая включает прокатные станы, завод по штамповке и прессованию и другие виды предприятий. Так, компания Bahrain Aluminium Extrusion (Balexco) во второй половине 90-х годов осуществила проект трехкратного роста производства – до 21 тыс. т в год. Другая крупная фирма – Gulf Aluminium Rolling Mills (Garmco) в указанный период удвоила мощности до 120 тыс. т. Кроме того в конце 90-х годов на Бахрейне вступил в строй завод сплавов мощностью 20 тыс. т в год, строительство которого осуществлено компанией Bahrain Alloys Manufacturing при содействии иностранных фирм (7).

Алюминиевая промышленность Бахрейна излишки сверх объема, необходимого для удовлетворения внутренних потребностей, экспортирует в другие страны ССАГПЗ. В эту региональную организацию, помимо Бахрейна, входят Саудовская Аравия, Кувейт, ОАЭ, Оман и Катар.

Второй крупный производитель алюминия в Персидском заливе – **Дубай** – в течение 90–2000-х годов удвоил мощности. Компания Dubai Aluminium (Dubal) во второй половине истекшего десятилетия завершила строительство седьмой линии электролизеров по производству первичного алюминия на заводе в Дубае. В результате мощности завода возросли на 100 тыс. т в год – до 861 тыс. т в год, и предприятие стало крупным продуцентом первичного алюминия (2, 21.10.2006). Компания намерена поставлять его в страны с растущей экономикой, где высокими темпами повышается спрос на алюминий со стороны строительных фирм и предприятий обрабатывающей промышленности. Dubal экспортирует свою продукцию в Сирию, Ливан и Иорданию.

В **Египте** программа модернизации и расширения алюминиевого комплекса в Наг Хаммади была выполнена к началу 2000-х годов. Это позволило Aluminium Company of Egypt (Egyptalum) увеличить мощности комплекса со 180 до 250 тыс. т в год (3).

Прокатный завод, построенный Clecit (Франция), введен в строй в 1995 г. Его годовая мощность достигает 60 тыс. т (2, 2.12.1995).

За 40-летний период, прошедший с начала выпуска продукции компанией Alba, исчезли сомнения относительно жизнеспособности арабской алюминиевой промышленности. Успешное развитие этой отрасли базируется не только на наличии дешевых источников энергии. Эффективность Alba, как и Dubal, достигается, по мнению представителей этих компаний, за счет поддержки со стороны государства, высокого качества продукции и обслуживания потребителей, уровня развития инфраструктуры, а также выгодного географического положения.

В то же время стремление арабских продуцентов алюминия укрепить свои позиции на мировом рынке сталкивается с острой конкуренцией. В связи с этим данные экспертизы по алюминию Организации стран Персидского залива по промышленному консультированию утверждают, что для того, чтобы увеличить свою долю в мировом экспорте, промышлен-

ность региона должна быть обеспечена долгосрочными поставками основных компонентов технологического процесса – энергией и глиноземом. Что касается глинозема, то, согласно оценке экспертов, предприятия стран залива тратят более 500 млн. долл. в год на импорт этого сырья из Индии и Австралии (6).

До последнего времени металлургическая промышленность БВСА концентрировалась на производстве черных металлов и алюминия, а также изделий из них. Однако это положение в конце 2000-х годов начало меняться. Так, компания Ducab (ОАЭ) в 2008 г. ввела в строй в Абу-Даби завод по производству медного бруса (copper rod) мощностью 120 тыс. т в год. Эта продукция используется для производства строительного провода, электрического средне- и высоковольтного кабеля, а также троса для нефтегазовой промышленности (8).

Около 60% выпуска медного бруса Ducab направляет на производство собственного кабеля, остальная часть продается другим поставщикам как в странах Персидского залива, так и за пределами этого региона.

Относительно перспектив черной и цветной металлургии БВСА можно утверждать, что в последние два года заметно активизировалась разработка планов развития и совершенствования металлургической базы региона. Ожидается, что в течение 2011 г. здесь будут проведены тендеры по проектам в рассматриваемой сфере общей стоимостью более 50 млрд. долл. (5)

Крупнейший производитель стали не только в **Египте**, но и во всем арабском мире – компания Ezz Steel планирует реализацию двух инвестиционных проектов на дочернем предприятии по выпуску листового проката Al Ezz Flat Steel Company. На этом производстве будут использованы технологии прямого восстановления как и на предприятии Al Ezz Dekheila for Steel в Александрии. Общая сумма затрат должна составить 400 млн. долл., мощность производства – около 1,8 млн. т в год. Ввод в строй предприятия запланирован на второе полугодие 2011 г.(2,20.10.2009).

Предполагается также ряд других проектов. Так, Управлением промышленного развития (Industrial Development Authority) в 2008 г. утверждены четыре проекта развития внутреннего рынка стального проката. Один из них уже осуществляется компанией Suez Steel Co. Ataka и предусматривает инвестирование в размере около 550 млн. долл. и производство – 2 млн. т в год (2, 20.10.2009).

Некоторые национальные и международные компании получили разрешение на строительство новых предприятий черной металлургии в Египте, но конкретные сроки начала строительства не определены. Концерн Arcelor Mittal имеет разрешение на строительство двух предприятий производительностью 1,6 млн. т и 1,4 млн. т металлопродукции в год (2, 20.10.2009).

В **Омане** планируется строительство компанией Shadid Iron and Steel предприятия мощностью 1,5 млн. т в год, а в **Саудовской Аравии** намечено сооружение Jizan Steel Plant с предполагаемым объемом производства также 1,5 млн. т в год. Кроме того, **бахрейнская** United Steel Company (Sulb) в апреле 2010 г. подписала контракт на строительство Hidd Steel Mill производительностью 2,5 млн. т металлоизделий в год. Этот проект уже активно реализуется базирующейся в Бахрейне United Steel Holding Company (Foulath) совместно с японской Yamoto Kogyo Company (5).

Предполагается, что наибольший объем инвестиций в регионе БВСА в обозримом будущем привлекут проекты в области производства алюминия, в частности, строительство алюминиевого комплекса, осуществляемое в Рас аз-Зуре (Саудовской Аравия) компанией Saudi Arabian Mining (Maaden) совместно с американской Alcoa и представляющее собой крупнейший промышленный проект королевства стоимостью 10,8 млрд. долл. Центральным объектом этого комплекса станет завод по выплавке алюминия мощностью 740 тыс. т в год. Кроме того, в его состав входит предприятие по производству глинозема (1,8 млн. т в год) и прокатный стан производительностью до 460 тыс. т продукции в год. Планируется также создание предприятия по добыче бокситов в Аль-Байфа мощностью 4 млн. т в год (5). Другие крупные алюминиевые проекты связанны с расширением мощностей заводов Alba (Бахрейн), Sohar Aluminium (Оман) и Emal (Абу-Даби) (5).

Помимо алюминия, в арабских странах в последние годы заметно вырос спрос на один из самых дорогостоящих промышленных металлов – медь. Мировая цена на этот металл в середине 2010 г. находилась на уровне 6650 долл. за тонну, в 2011 г. прогнозируется ее рост до 7500 долл. Для сравнения, одна тонна стали стоила в 2010 г. 757 долл., а алюминия – 2000 долл. (8, 23–29. 07.2010). Учитывая высокую цену меди и рост ее потребления в странах БВСА, видимо, назрела необходимость строительства в регионе завода по выплавке этого металла.

Вместе с тем выплавка меди – это весьма энергоемкое производство, требующее крупных первоначальных инвестиций. Поэтому с целью минимизации части инвестиционных рисков саудовская National Industrialisation Company (Tasnee) планирует построить в г. Янбу промышленный комбинат по выплавке не только меди, но и цинка и свинца. Каждый вид металла будет выпускаться вначале в объеме 100 тыс. т в год, а затем годовое производство может быть расширено до 200 тыс. т. Рассматривается также возможность строительства предприятий по обработке этих металлов после возведения плавильного комбината. В случае принятия окончательного решения о реализации проекта, сооружение завода может начаться в конце 2011 г., а пуск в эксплуатацию – во второй половине 2013 г. (8, 23–29.07.2010).

Важно отметить, что на Арабском Востоке наблюдается высокий спрос не только на медь, но и на изделия из нее, в частности, медные трубы, которые широко используются в системах кондиционирования воздуха, а также в жилищном и промышленном строительстве. Согласно данным MEED Projects, только в странах ССАГПЗ в настоящее время осуществляются или планируются жилищные и промышленные проекты общей стоимостью около 630 млрд. долл., для реализации которых требуется примерно 15–20 тыс. медных труб в год. Потребности в этой продукции всех стран БВСА оцениваются специалистами в области цветных металлов в 35 тыс. т в год. В то же время в регионе пока нет ни одного предприятия по выпуску медных труб. Исходя из этого, ряд компаний Саудовской Аравии, Катара и ОАЭ заявили о своих планах реализовать необходимый проект, чтобы удовлетворить потребности строительной индустрии региона (8, 23–29.07.2010).

Из анализа ситуации в металлургической промышленности арабских стран следует, что эта отрасль промышленности в последние три десятилетия в ряде из них получила заметное развитие. Однако с точки зрения объема и номенклатуры выпускаемой продукции она не в состоянии удовлетворить растущий внутренний спрос. Поэтому государства БВСА вынуждены ежегодно расходовать внушительные финансовые ресурсы на импорт металлопродукции, а также сырья для ее производства в этом регионе.

Как отмечается в статье, правительства ряда арабских стран (Египет, Саудовская Аравия, Бахрейн, ОАЭ и другие),

стремясь уменьшить зависимость от ввоза черных и цветных металлов и изделий из них, в последние годы наметили крупные проекты в области развития металлургической базы. Однако в свете последних политических событий на Арабском Востоке реализация некоторых из этих планов в обозримом будущем вызывает большие сомнения. Дело в том, что их осуществление будет во многом зависеть от привлечения иностранных инвестиций в рассматриваемые сектора экономики. В условиях политического кризиса (Ливия, Йемен) и сохраняющейся нестабильности в ряде арабских стран (Марокко, Бахрейн, Алжир, Иордания) иностранные инвесторы могут занять выжидательную позицию. Кроме того, в сложившейся ситуации нельзя исключать снижения производства на имеющихся металлургических предприятиях из-за сокращения капиталовложений, уменьшения спроса со стороны других отраслей экономики, и прежде всего строительства, а также перебоев в поставках сырья и необходимого оборудования, от которых черная и цветная металлургия региона зависит в значительной степени.

Что касается мирового рынка черных и цветных металлов, то не исключено, что импорт этой продукции в арабские страны, охваченные политическими беспорядками, может существенно сократится, а в некоторые из них даже приостановится полностью.

Как показывает анализ, основными поставщиками металлопродукции в регион в последние два десятилетия были страны ЕС, Япония и США. Россия же, согласно оценке, вывозит ежегодно в арабские страны черные и цветные металла и изделия из них на сумму в размере 1,5–1,6 млрд. долл. В современных политических обстоятельствах государства-экспортеры могут понести определенные финансовые потери из-за сокращения поставок в рассматриваемую группу стран. Более того, есть основания прогнозировать, что, если политическая нестабильность на Ближнем Востоке и в Северной Африке затянется на длительный срок, то на мировом рынке черных и цветных металлов и изделий их них может начаться новый виток обострения конкуренции, поскольку компании-поставщики будут пытаться восполнить сократившиеся объемы экспорта этих товаров в арабские страны за счет других потребителей. В то же время у Евросоюза, США, а также России и других государств-экспортеров могут появиться дополнитель-

ные возможности для поставок металлопродукции в отдельные страны региона, поскольку вполне вероятно сокращение импорта этих товаров из Японии, пострадавшей от разрушительного землетрясения и цунами в марте 2011 г.

1. Global Investment House. 2009.
2. Бюллетень иностранной коммерческой информации (БИКИ). М.
3. Middle East Economic Review 2010. London.
4. Статистика черной металлургии. Международный институт чугуна и стали (МИЧС). 1995–2010.
5. MEED Yearbook 2011. London.
6. Metal Bulletin. L., 2009, 2010.
7. «Цветные металлы», № 9, 1996. М.
8. Middle East Economic Digest (MEED). London.

В.И.Сажин

НЕКОТОРЫЕ ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИРАНА ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ МАХМУДЕ АХМАДИНЕЖАДЕ

Современные зарубежные политологи-специалисты по Ирану (например, Фарида Фахри и Саида Лотфиан)* отмечают «стратегическое одиночество» Ирана в современном мире. Откуда проистекает это одиночество? Думаю, это результат деятельности исламистских, причем самых радикальных, сил, которые ныне стоят у руля власти в ИРИ и осуществляют соответствующую внутреннюю и внешнюю политику. Под исламистскими силами следует понимать отнюдь не только клерикалов, представителей шиитского духовенства, но, быть может, в первую очередь, – нынешнюю иранскую властную элиту, куда входят сторонники президента Ахмадинежада: и высшее чиновничество, и шиитские муллы, и бизнесмены, и директора и руководители крупнейших компаний, но, прежде всего, – действующие и бывшие сотрудники Корпуса стражей исламской революции (КСИР) – этого своеобразного военно-политического и религиозно-идеологического органа иранских силовиков. Ныне КСИР курирует основные отрасли экономики, ВПК, финансовые потоки. Причем эта довольно представительная и разношерстная группировка разделяет (искренне или из конъюнктурных соображений – это другой вопрос) самые радикальные положения учения покойного аятоллы Хомейни – лидера исламской революции и основателя Исламской Республики Иран.

Кроме них на политическом поле играют и другие политики. Схематично это – консерваторы – прагматики, которых олицетворяет бывший президент, а ныне видный политический

---

* Фарида Фархи – независимый ученый, профессор Гавайского университета (США), г-жа Саида Лотфиан – профессор Тегеранского университета.

деятель аятолла Али Акбар Хашеми Рафсанджани, а также реформаторы-либералы, лидерами которых являются аятолла Мохаммад Хатами, аятолла Мехди Кярруби и бывший премьер-министр Мир-Хоссейн Мусави,. Каждая из этих групп очень аморфна, очень подвижна и включает в себя, минимум, по три фракции – радикалов, умеренных и либералов. Причем, каждая из этих уже девяти фракций имеет свое представление о внешней политике.

Но хомейнизм для них был и остается общей основой. А различия заключаются в том, как, с помощью каких инструментов наилучшим образом осуществить главную задачу превращение Ирана в сверхдержаву.

Несомненно, правящая группировка радикалов контролирует ситуацию как во внутренней, так и во внешней политике. Консерваторы-прагматики и реформаторы-либералы – это, несомненно, маргиналы. Но, когда этого требуют обстоятельства, из общего идеологического котла вытаскиваются иногда идеи прагматиков, иногда либералов, а с идеями вместе и их апологеты. Причем, в зависимости от конкретно исторического периода.

Так было, когда после ирано-иракской войны и смерти аятоллы Хомейни для спасения иранской экономики и, соответственно, режима потребовались прагматики-бизнесмены, которых возглавил президент Рафсанджани, затем для продолжения реформ и вывода страны из мировой самоизоляции потребовался реформист-либерал с идеей «диалога цивилизаций». Им стал президент Хатами.

Но потом консерваторы поняли, что игры с либералами и прагматиками могут увести Иран от хомейнизма с вытекающими отсюда последствиями, в том числе и на мировой арене. Поэтому был сделан крутой поворот в сторону, как теперь говорят, неоконсерватизма, а точнее – радикального хомейнизма.

С приходом в 2005 г. к президентской власти нынешнего ее главы Махмуда Ахмадинежада политика этой страны, в том числе и внешняя, радикализировалась.

Возникает вопрос: почему именно в настоящее время у клерикальных иранских консерваторов, которые реально управляли и управляют страной уже 31 год, появилась необходимость радикализировать политику и одновременно вернуться к пропагандистской риторике первых лет исламской революции?

Ответ – стремление не допустить эволюции исламской революции в сторону от хомейнизма.

В этом президент Ахмадинежад чувствует поддержку мощных структур внутри страны, которые и сделали на него ставку. Это, прежде всего, как было отмечено выше, радикальные группировки духовенства, исламские фонды, КСИР и подчиненные ему Силы сопротивления «Басидж».

К слову сказать, за пять лет своего президентства Ахмадинежад под знаменем хомейнизма вел свою собственную игру. С одной стороны, иранский президент инициировал усиление агитационно-пропагандистского и религиозно-идеологического давления на иранцев в духе первых лет исламской революции, с другой, – осуществлял ползучую контрреволюцию, чреватую захватом реальной власти силовыми структурами. Ахмадинежад проводил политику постепенного устранения старых революционеров – клерикалов – и замены их на молодых, беспринципных псевдореволюционеров, не получивших в свое время финансово-экономических привилегий от революции и ныне стремившихся наверстать упущенное.

Все новые выдвиженцы Ахмадинежада в большей своей части – выходцы или сотрудники КСИР. Недаром выходец из Корпуса Махмуд Ахмадинежад недавно продемонстрировал, что он и его группировка делает все возможное, чтобы сконцентрировать в своих руках как можно больше властных рычагов, в том числе и во внешнеполитической сфере. Так, президент Ахмадинежад без консультаций с МИДом назначил на должности специальных представителей президента пять своих людей: спецпредставителей по Афганистану, Ближнему Востоку, Азии, Африке, Латинской Америке. Президент Ирана и его команда в последнее время фактически проводят свою собственную внешнюю политику, не согласуя ее с парламентом и министерством иностранных дел страны, за что даже подверглись критике со стороны в целом их сторонника – духовного лидера Ирана аятоллы Али Хаменеи.

Сегодня, обретшая финансовую и сравнительно значимую экономическую мощь, правящая элита в лице президента пришла к выводу, что настало время заявить о себе как о мировом военно-политическом и идеологическом центре, как о супердержаве региона.

В этой связи представляет интерес разработанный в 2005 г. в Иране программный документ под названием «Двадцатилетняя

перспектива». В документе указывается, что через двадцать лет (то есть к 2020 г.) Иран должен стать развитой страной и занять первое место в регионе по экономическому, научному и культурному развитию. Кроме того, в документе говорится, что «Иран станет вдохновителем исламского мира и цивилизационнообразующим государством с революционной и иранской идентичностью, реализующим конструктивное и эффективное взаимодействие в международных отношениях». Таким образом, документ свидетельствует о том, что в исламском Иране резко активизировалось практическое осуществление главной задачи клерикального хомейнистского режима – создание под эгидой Ирана «мировой исламской общины – уммы». Это положение, суть которого официально закреплена в статье 11 Конституции ИРИ, имеет долговременный характер.

Здесь просматриваются три уровня долгосрочных целей внешней политики Ирана, на реализацию которых ныне направляются основные усилия руководства страны.

Первый уровень целей связан с превращением Ирана в общемусульманский центр силы. Однако это без утверждения Ирана в качестве общерегионального центра силы в зоне Ближнего и Среднего Востока не имеет реального смысла.

Второй уровень как раз и предполагает превращение исламского Ирана в региональный центр силы. Для этого иранское руководство стремится к достижению идеологического, политического, экономического и собственно военного лидерства в регионе.

Третий уровень целей расположен на «национальной территории», то есть приоритеты политики сосредоточены на решении внутрииранских задач, в частности, на консервации власти в руках военной и финансово-экономической группировки, которую сегодня условно можно назвать – «духовный лидер аятолла Хаменеи – президент Ахмадинежад». Кроме того, на обеспечении военно-политической, идеологической стабильности государства, создании независимой экономики с развитой промышленностью, в том числе военной, строительстве мощных вооруженных сил.

Вновь и вновь возникает вопрос – почему современный Иран так стремится к гегемонии? По всей вероятности, это результат воздействия нескольких основополагающих факторов, которые подогревают амбиции Тегерана.

Первое. Геополитический фактор. Исламская Республика Иран действительно объективно играет одну из доминирующих

ролей в важнейшем регионе планеты – Западной Азии, куда входят Ближний и Средний Восток, Кавказ, зона Каспийского моря, Центральная Азия.

Второе. Военно-политический фактор. Сегодня Исламская Республика Иран окружена если не врагами, то, во всяком случае, недругами или даже потенциальными противниками. Вспомним термин «strategical loneliness».

Третье, быть может, главное. Национально-психологический фактор. Нынешняя Исламская Республика Иран – наследница древнейшей мировой цивилизации, великой Персидской империи, покорившей половину античного мира. В духовном, религиозном плане Иран в течение почти шести последних веков являлся центром мирового шиизма. Под влиянием этих основных исторических факторов в течение многих столетий формировался менталитет гордых и бескомпромиссных иранцев-шиитов, отстаивающих свои интересы в противостоянии с многочисленными неприятелями, счет которым к настоящему времени значительно возрос. В настоящее время персидская национальная психология, представляющая собой сплав великодержавного имперского национализма и шиитской избранности, стала политическим фактором. Именно здесь, кажется, и скрыта главная причина амбициозности и «ядерного упрямства» Тегерана.

Во всех иранских заявлениях по ядерной проблеме между строк читается вопрос: почему другим, например Израилю, Индии или Пакистану, можно то, что запрещено нам? Почему у них есть атомные бомбы, а у нас нет? Это, безусловно, если так можно сказать, национально-психологические комплексы. Это уязвленное национальное самолюбие. В частности, любые попытки ограничить ядерную программу ИРИ вызывают неадекватную враждебность, замешанную на национализме. Как отмечают политологи, «ядерная программа и национальная идентичность в сознании иранских лидеров слились в единое целое. Все это, конечно, комплексы. Но комплексы, которые воздействуют на политику, причем не только внутреннюю, но и внешнюю. Эти комплексы являются движущей силой сложной игры, ведущейся Ираном на международной арене с целью формирования научно-технической и технологической базы для создания условий производства ядерного оружия, как основного фактора доминирования в регионе Ближнего Востока и во всем мусульманском мире.

Парадокс заключается в том, что исламские революционеры, свергнувшие шаха и разрушившие все монархические институты, ныне осуществляют именно шахскую мечту, превращая Иран в супердержаву региона, в центр «великой цивилизации», о чем в свое время писал шах Мохаммад Реза Пехлеви в амбициозной книге «К великой цивилизации». (Правда, сегодня говорят об исламской цивилизации, но не в этом суть). Сегодня Исламская Республика Иран усилиями последователей аятоллы Хомейни плавно превращается в персидско-шиитскую империю. Она весомо заявляет о себе не только в региональном, но и в мировом масштабе. Еще в 2006 г. тогдашний главнокомандующий КСИР дивизионный генерал Яхья Рахим-Сафави потребовал от США и европейских стран признать Иран «великой региональной державой».

Сам президент Ахмадинежад, находясь в сентябре в Нью-Йорке на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, сделал программное заявление, которое, с одной стороны, демонстрирует саму суть идеологии и военно-политической доктрины нынешнего руководства Ирана, с другой, несомненно, является реальным фактором, оказывающим влияние на внутреннюю, внешнюю и военную, и ядерную политику «группировки Ахмадинежада». Причем, вне зависимости от того, насколько близка эта президентская сентенция к абсурду. Выступая перед иранцами, поживающими в США, президент Ахмадинежад сказал, что на мировой арене на сегодня существуют лишь две державы, способные влиять на происходящее, – США и Иран. Однако США оказались неспособными решить такие задачи глобального значения, как Ирак и Афганистан, тогда как Иран завоевывает признание в мире.

Доказательством этому служит и нынешняя ситуация с переговорами в формате Иран – «шестерка» (пять постоянных членов Совбеза ООН плюс Германия). Ахмадинежад отказался обсуждать ядерную программу ИРИ (ради чего, собственно, и затеваются эти переговоры) и предложить подискутировать по глобальным проблемам безопасности, экономики, ситуации в регионе, об Израиле и так далее… Это явно заявка на участие наряду с мировыми державами на управление миром.

Сегодня Тегеран играет уже по правилам неоконсервативной радикальной группировки Ахмадинежада. Благодаря ей, ныне в Иране идет интересный процесс, который очень условно и кратко можно охарактеризовать как постепенное форми-

рование крайне идеологизированного и жесткого исламского государства, но без активной политической роли широких слоев духовенства. Под руководством президента Ахмадинежада и под знаменем хомейнизма иранский правящий режим превращается в военную диктатуру. Правда, добавим, – не армейскую, а диктатуру Корпуса стражей исламской революции. Трудно сейчас утверждать однозначно, что может больше угрожать региональной и мировой безопасности – ортодоксальный хомейнистский режим во главе с аятоллами или прикрывающаяся идеологией хомейнизма власть, олицетворяющая диктатуру всемогущего КСИР.

Теперь несколько слов о том, какой Иран выгоден России? Об этом в настоящее время много говорят в экспертном сообществе.

Прямо скажем, нынешние российские и иранские интересы не имеют достаточно прочной основы, чтобы на ней заложить здание стратегического союза, о чем еще год назад речь шла (до резолюций МАГАТЭ и Совбеза ООН). Хотя, безусловно, в России прекрасно понимают значение и вес 72-миллионного Ирана и делают все, чтобы на принципиальной основе нераспространения ядерного оружия не разрушить то позитивное, что существует в российско-иранских отношениях. Представляется логичным определить необходимый уровень этих отношений как «настороженное партнерство».

Но не все зависит от Москвы. Провокационные действия в ядерной сфере иранских властей, во главе с духовным лидером аятоллой Хаменеи и президентом Ахмадинежадом не дают возможность сегодня говорить даже об этом.

Но кто в этом виноват? Как иногда сегодня шутят специалисты в Москве, у Израиля, который больше всех ратует за ужесточение международного воздействия на Тегеран, появился главный «союзник» – иранский президент Махмуд Ахмадинежад, который делает все, чтобы у России не осталось другого выбора, кроме поддержки санкций.

Сторонники стратегического союза Тегерана и Москвы предполагают, что главной целью антиядерной кампании против Ирана является смена теократической власти в стране на прозападный режим. Что касается опасности «прозападного Ирана», то здесь можно вспомнить режим шаха Пехлеви и его отношения с СССР. Кстати, вот как Советский Союз был охарактеризован еще в 1964 г. будущим отцом исламской револю-

ции в Иране и основателем исламской республики аятоллой Хомейни: «Америка хуже Британии, Британия хуже Америки, а Советский Союз хуже их обоих».

Шах Пехлеви подобного никогда не говорил. Более того, в 60-годы прошлого века, оставаясь верным союзником США, шах вместе с советским руководством предпринял шаги по развитию двусторонних связей. С советским участием в шахском Иране было сооружено более 60 крупных объектов. Было налажено и военное сотрудничество в области подготовки военных кадров и поставок военной техники в Иран.

Поэтому постановка вопроса, какой Иран опаснее для России, выглядит странной. Россия не будет пугаться любых режимов в Иране. По большому счету никакой Иран России не опасен, «даже с гипотетическим ядерным оружием». Россия готова работать с любым режимом, с теократическим или секуляристским. Она на практике признает традиционные, религиозные, культурные особенности страны и, в конечном итоге, выбор иранского народа. И настаивает на признании этой страной международных законов, договоров, документов и правил.

Но есть интересы, которые выходят за рамки двусторонних отношений любых стран. Это обеспечение региональной и международной безопасности. Речь идет о внешней и военной политике страны и о том насколько эта политика отвечает требованиям международной безопасности.

Г.И.Смирнова

ДИВЕРСИФИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ ЭНЕРГИИ НА АРАБСКОМ ВОТОКЕ

В настоящее время ядерная энергия наряду с гидроэлектроэнергией представляет собой важнейший источник безуглеродной энергии. Мировое сообщество проявляет озабоченность в связи с изменением климата и глобальным потеплением. Увеличивается вероятность того, что выбросы парниковых газов станут объектом жесткого регулирования. Основой энергетики пока еще является в основном органическое топливо, природный газ и уголь. Но стоимость вырабатываемого на газовых электростанциях электричества зависит от цен на природный газ, которые не являются стабильными и в последнее время существенно выросли. Цены на уголь, напротив, невысоки, но при его сжигании выделяется больше всего углекислого газа (CO_2), загрязняющего атмосферу. За счет гидроэлектроэнергии обеспечивается чуть больше одной шестой всемирного потребления и чуть меньше – за счет ядерной энергии[1].

В последнее время и правительства многих стран и поставщики электроэнергии задумываются о строительстве новых АЭС. Не являются исключением и страны Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки.

В Северной Африке наиболее решительные шаги по созданию условий для развития атомной энергетики предпринимают Египет и Тунис. В Египте имеется сырьевая база для этого направления в энергетике в виде крупных залежей урановой руды на Синайском полуострове и на побережье Красного моря, а также определенный потенциал – два экспериментальных ядерных реактора (один из них мощностью 2 МВт был построен СССР еще в 1958 г., другой был закуплен у Аргентины в 1958 г., мощностью 22 МВт). В марте 2008 г. в ходе визита президента Египта Х. Мубарака в Москву было подписано соглашение о сотрудничестве в области использования атомной

энергии в мирных целях. Этот документ дал право российским компаниям участвовать в будущих тендерах на строительство атомных электростанций в Египте. В 2009 г. Россия получила от Египта официальное приглашение принять участие в тендере на строительство первой на египетской территории АЭС. Египет намерен построить четыре атомные электростанции к 2025 г. Первую из них мощностью 1000 МВт намечено соорудить к 2016 г. в районе г. Ад-Дабаа на средиземноморском побережье, в 150 км западнее г. Александрии[2].

Египет также обратился к американской компании «Bechtel Power» с просьбой спроектировать строительство атомной электростанции стоимостью 1,8 млрд. долл. Китай и Франция также намерены принять участие в проектировании, сооружении, эксплуатации и подготовке местных кадров для объектов атомной энергетики. Президент Х. Мубарак назвал развитие атомной энергетики одним из условий обеспечения национальной безопасности Египта. Он считает, что страна должна диверсифицировать источники энергоснабжения, чтобы полнее удовлетворять возрастающий спрос со стороны развивающейся промышленности и быстро растущего населения, а сбереженные углеводороды экспортировать[3].

Для участия в конкурсе на строительство АЭС в Египте один из крупнейших подрядчиков в области проектирования, поставок оборудования и строительства на Ближнем Востоке и в Африке «Arab Contractors», а также «Arascom Construction Industries» создадут совместное предприятие. Это, по словам главного исполнительного директора «Arab Constructor», позволит объединить ресурсы, опыт и «ноу-хау» обеих компаний, создать консорциум для участия в конкурсе, а также получить прибыль от стремления стран региона развивать атомную энергетику[4].

В апреле 2008 г. Тунис подписал соглашение с Францией на сумму 80 млн. евро о строительстве атомной электростанции мощностью 900 МВт. Это позволит Тунису удовлетворить 20% потребностей в электроэнергии.

Алжир также разрабатывает программу использования ядерной энергии в мирных целях. В стране уже имеются два ядерных реактора, а также сырье в виде залежей урановой руды. Правительство Алжира в 2009 г. объявило о намерении строить при содействии иностранных фирм по одной АЭС каждые пять лет, при этом первую из них предполагается завер-

шить к 2020 г. В 1996 г. Алжир подписал соглашение с МАГАТЭ о всеобъемлющих гарантиях, позволяющих проводить внезапные проверки национальных ядерных объектов.

Переговоры с Ливией начались в 2007 г. после встречи Н. Саркози и М. Каддафи. Было заключено соглашение о сооружении в Ливии установки по опреснению морской воды с помощью ядерного реактора. Ливия и Канада достигли договоренности о развитии сотрудничества в области мирного использования атомной энергии. В ходе официального визита ливийского лидера в Москву в 2008 г. министр иностранных дел Абдельрахман Калган заявил, что Россия дала согласие участвовать в проекте по использованию атомной энергии в мирных целях. Российская компания «Росатом» намерена участвовать в тендере на строительство энергоблока атомной электростанции в Марокко.

Главными претендентами на осуществление проектов в области атомной энергетики в Северной Африке помимо российского «Росатома» являются компания «Areva», «GDF Suez» и «Electricité de France» (EDF) и другие.

Нефтедобывающие страны Персидского залива также стремятся получить доступ к технологиям строительства ядерных реакторов. По мнению руководства этих стран, это поможет им сохранить невозобновляемые запасы углеводородов и существенно сократить выбросы углерода в атмосферу. Шесть стран – членов ССАГПЗ впервые заявили о намерении рассмотреть вопрос об использовании ядерной энергии в мирных целях в декабре 2006 г. Президент Франции – активный сторонник развития атомной энергетики на Ближнем Востоке и в Северной Африке – дал согласие предоставить странам, входящим в ССАГПЗ, доступ к современным технологиям.

В феврале 2007 г. шесть стран выразили желание разработать региональную программу развития атомной энергетики и опреснения морской воды с помощью ядерных установок в сотрудничестве с МАГАТЭ. Одной из целей программы является обеспечение энергетической безопасности и уменьшение зависимости от своих собственных ресурсов углеводородов при производстве электроэнергии. В настоящее время страны ССАГПЗ имеют мощность электростанций в 80 ГВт, а также объединенную электросеть. По оценкам экспертов, учитывая рост спроса на электроэнергию на 10% в год и на пресную воду – на 8% к 2015 г. потребуется ввод дополнительных мощностей

в 60 ГВт[5]. Поэтому страны ССАГПЗ стремятся заключить с ведущими мировыми державами соглашения о содействии в строительстве атомных электростанций. Наиболее активные действия в этом направлении предпринимают ОАЭ. Здесь завершается начавшийся в 2008 г. трехлетний этап подготовки к созданию атомной энергетики. Созданы соответствующие органы, например, Организация по реализации программы развития атомной энергии – «Nuclear Energy Programme Implementation Organization» (NEPIO). Подготовлен также проект о создании полностью независимого Федерального агентства по ядерному регулированию – «Federal Authority Nuclear Regulation» (FANR). В 2009 г. девять международных компаний обсуждали вопрос о сооружении ядерных реакторов с соответствующими организациями ОАЭ. В число этих компаний входят «Westinghouse», принадлежащая японской «Toshiba», совместная американо-японская «GE-Hitachi», крупная французская компания «Areva», специализирующаяся в области сооружения реакторов, в которых для охлаждения и замедления нейтронов используется обычная «легкая вода», «CDF Suez», французская «Total», а также американская «C_2HM Hill». Последняя назначена Атомной корпорацией – «Nuclear Energy Corporation» (NEC) руководить проектированием, строительством и управлением объектов атомной энергетики. На начальном этапе финансирование проектов будет осуществлять государство. Затем иностранным инвесторам будет предложено создавать совместные предприятия для строительства и эксплуатации объектов, причем государству должно принадлежать не менее 60% акций. Создание атомной энергетики в ОАЭ будет происходить под контролем МАГАТЭ через созданные под ее эгидой местные управляющие органы[6].

ОАЭ достигли договоренностей о сотрудничестве в создании атомной энергетики с Францией, Великобританией, Японией и Южной Кореей. В соответствии с подписанным в декабре 2009 г. контрактом между ОАЭ и Республикой Корея корейский консорциум в составе нескольких компаний во главе с корпорацией КЕРСО намерен спроектировать и построить в ОАЭ четыре атомные электростанции мощностью 1400 МВт каждая. Общая стоимость строительства оценивается в 20 млрд. долл. Предполагается, что первая АЭС начнет давать электроэнергию в 2017 г., последующие три – в 2020 г. Для обслуживания атомных электростанций потребуется 2300 специалистов, и

на начальном этапе они будут привлекаться из-за рубежа[7]. Соглашение с США было одобрено еще прежним президентом Дж. Бушем за пять дней до того, как он покинул свой пост. Затем оно должно было быть ратифицировано в Конгрессе США. На встрече с бывшим госсекретарем К. Райз министр иностранных дел Абдулла Бин Зейд заверил, что ОАЭ не имеет намерения развивать технологии, которые могут привести к созданию ядерного оружия, а также дал согласие внести 10 млн. долл. на создание Международного банка ядерного топлива подконтрольного МАГАТЭ (JAEA). Новая администрация Б. Обамы поддержала соглашение и стремится провести его через Конгресс, где растет оппозиция по отношению к ядерной программе Ирана и усиливаются опасения по поводу распространения ядерного оружия на Ближнем Востоке.

Остальные страны ССАГПЗ также стремятся к созданию атомной энергетики. В ходе визита президента Н. Саркози в Эр-Рияд и Доху велись переговоры о содействии французских компаний развитию данного направления энергетики. В феврале 2009 г. Н. Саркози обсуждал аналогичные вопросы с руководством Кувейта и Омана. В апреле 2010 г. король Саудовской Аравии Абдалла бен Абдель Азиз издал указ о создании научного центра для исследований в области атомной энергетики и использования возобновляемых источников энергии.

Иордания также намерена развивать атомную энергетику, чтобы сократить свои расходы на импорт нефти и газа. В сентябре 2010 г. в Аммане состоялось подписание соглашения между Иорданией и Японией о сотрудничестве в области атомной энергетики. Данное соглашение о сотрудничестве является обязательным условием для того, чтобы Япония могла провести оценку предложения франко-японского консорциума в составе компаний «Mitsubishi» и «Areva» о поставке ядерного реактора АТМЕА1. Кроме того соглашение открывает возможности для получения лицензий, если технология АТМЕА1 будет выбрана для внедрения на первом блоке АЭС мощностью 1000 МВт. Помимо технологий Иордания заинтересована в изучении опыта Японии в строительстве и эксплуатации атомных реакторов в сейсмически опасных зонах. Иордания стремится получить реакторы с высоким уровнем безопасности, основывающиеся на установках «поколения М». Соглашение с Японией, помимо строительства и эксплуатации АЭС, предусматривает разведку и разработку месторождений урана.

В мае 2009 г. Иордания также подписала соглашение с Россией о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии, которое заложило необходимую правовую базу для взаимодействия. 19 января 2011 г. в ходе официального визита в Иорданию Президента РФ Д. Медведева обсуждался вопрос о расширении сотрудничества в этой сфере.

В арабской прессе фигурировали сообщения о заключении соглашения между Францией и Иорданией, по которому французская сторона построит ядерный экспериментальный реактор, а взамен получит доступ к добыче и переработке урановых залежей, запасы которых в Иордании оцениваются в 80 тыс. т[8]. В добыче урана заинтересованы французская «Areva» и совместная англо-австралийская «Рио-Тинто». Соглашения о сотрудничестве в сфере атомной энергетики планировалось подписать также с Китаем, Канадой, Южной Кореей, Аргентиной и некоторыми другими странами.

Растущий интерес стран Арабского Востока к использованию ядерной энергии в мирных целях связан прежде всего с их стремлением диверсифицировать источники получения электроэнергии в постнефтяную эру, а для некоторых из них – сократить импорт нефти и природного газа, цены на которые постоянно растут. Кроме того, эти страны намерены использовать ядерную энергию для опреснения морской воды. Они заинтересованы также в получении современных технологий в области атомной энергетики, чтобы использовать их и в других сферах хозяйства, в науке, здравоохранении и пр.

Получение доступа к таким технологиям рассматривается руководством некоторых арабских стран и как возможное средство для обеспечения национальной безопасности. В связи с этим возникает вопрос о возможности создания ими собственных мощностей по обогащению урана, что потенциально ведет к созданию ядерного оружия. Но многие страны, например, Саудовская Аравия, обязались использовать только официальные международные рынки ядерного топлива и не приобретать технологии, связанные с производством ядерного оружия. В то же время, как полагают некоторые эксперты, в случае создания Ираном ядерного оружия Саудовская Аравия может пойти на адекватный ответ[9]. Разработки по созданию атомной энергетики Сирии неоднократно вызывали подозрения со стороны Израиля, а также стран Запада. В ходе израильского налета в сентябре 2007 г. был разрушен объект

в Дайр-аз-Зуаре. Все это усиливает напряженность на Ближнем Востоке. В то же время осуществление программ создания атомной энергетики в этом регионе находится под контролем МАГАТЭ, а некоторые из них, например Алжир, подписали Договор о нераспространении ядерного оружия. Еще одной проблемой является захоронение отходов. Пока ни в одной стране мира не существует надежной системы долговременного хранения отработанного ядерного топлива и других радиоактивных отходов, позволяющих предотвратить утечку радиоактивных веществ. Поэтому арабским странам, осуществляющим проекты атомной энергетики, необходимы хорошо продуманные программы по работе с радиоактивными отходами, организация надежного их захоронения.

Возникает вопрос, почему западные страны, прежде всего Франция, США, Англия, Япония и др., несмотря на определенные риски, идут на оказание содействия рассматриваемым странам в строительстве атомных станций? Все объясняется увеличением потребностей в электроэнергии в самих развитых странах. По некоторым оценка, глобальное потребление электроэнергии к 2050 г. увеличится на 160%. Развитые мировые державы надеются получать электроэнергию, вырабатываемую построенными с их помощью АЭС. Так, создаваемая ныне объединенная энергосистема стран Магриба будет соединена с энергосетью европейских стран – Испании, Италии и других с помощью трансконтинентальных ЛЭП.

Большое внимание в странах Ближнего Востока и Северной Африки уделяется также использованию возобновляемых источников энергии (ВИЭ): солнечной, ветровой, биологического топлива и т.д. Страны Магриба намерены начать при содействии ЕС использование энергии солнца для получения электроэнергии как для обеспечения внутренних потребностей, так и на экспорт. План по развитию «солнечной» энергетики был озвучен в Мюнхене компанией «Desertec Foundation», основанной иорданским принцем Хассаном бин Талалем и германской стороной. Проекты в этой сфере намерен осуществлять консорциум из 12 европейских компаний под руководством «Munich Re», финансирование берет на себя «Deutsche Bank», инженерно-техническое обеспечение – «Siemens» и его швейцарский филиал ABB. В консорциум входят также немецкие компании, специализирующиеся в области коммунального хозяйства, – E.ON и RWE, алжирская «Cevital» и испанская «Aben-

goa», чья дочерняя фирма «Abenor» уже работает над проектами по использованию солнечной энергии в Алжире, Марокко и Египте.

План использования солнечной энергии появился спустя почти год после образования по инициативе президента Франции Н. Саркози Союза для Средиземноморья. Его целью является преобразование солнечной энергии, которая в избытке присутствует в странах Северной Африки и в пустынях некоторых арабских стран, с помощью европейских технологий в электричество. Предусматривается использовать концентрированную солнечную энергию, полученную от отражающих поверхностей, соединенных с гигантскими турбинами, а также обычные фотогальванические (PV) технологии, основанные на солнечных панелях.

Компания «Desertec» за счет использования концентрированной солнечной энергии, получаемой с помощью зеркальных установок, предполагает в течение следующих 40 лет довести мощность установок до 550 ГВт. Причем эти установки планируется расположить на обширной территории: в северной части пустыни Сахара, на Ближнем и Среднем Востоке – от Турции через Саудовскую Аравию в Египет и в страны Северной Африки. Компания надеется завершить первую стадию работ через 6–7 лет. Электроэнергия по электросети, включающей высоковольтные, подводные и прочие кабели, будет передаваться в Европу. Представитель компании «Desertec» заявил, что использование всего 0,3% территории Сахары и пустынь Ближнего Востока для альтернативной энергетики способно удовлетворить потребности континентальной Европы в электроэнергии. Как показали исследования, проводимые компанией «Desertec», количество солнечной энергии, поступающей на территорию всех пустынь всего за шесть часов, эквивалентно общему количеству энергии, потребляемой человечеством за год. Как заявил эксперт по Северной Африке университета в Кэмбридже Георг Жоффе (George Joffe), «для Европы было бы безумием не воспользоваться близостью к такому источнику солнечной энергии»[10].

Специалисты компании «Desertec» отдают себе отчет в том, что изменение климата, природные катастрофы могут привести к определенным потерям, и что осуществление таких грандиозных проектов связано с определенным риском. Однако выгода, по их мнению, превысит потери. Страны Европы

планируют к 2050 г. сократить выбросы парниковых газов на 80%. Многие развивающиеся страны уже через 20 лет смогут снабжать себя электроэнергией, вырабатываемой за счет использования солнечной энергии. При этом польза для их экономик превзойдет прибыль, получаемую от экспорта энергоносителей в страны Европы. При этом предполагается создание большого количества новых рабочих мест (строительство установок, использующих альтернативные источники энергии, производство оборудования, запчастей, обслуживание и управление).

Однако, как отмечает автор статьи об использовании солнечной энергии в странах Магриба, Стефен Вильямс (Stephen Williams), представители компании «Desertec» слишком оптимистичны в отношении огромной экономической выгоды, которую получат страны Магриба от этого пионерного проекта. Около 80% электроэнергии, вырабатываемой за счет использования солнечной энергии, будет потребляться самим регионом Северной Африки[11].

По мнению специалистов из компании «Desertec», осуществление указанных проектов поможет решить и другую весьма актуальную для региона проблему – нехватку пресной воды, которая обострится в следующем десятилетии. Уже сейчас существует конфликт по поводу прав на нильскую воду между Египтом и странами субсахарского региона Африки. Распределение вод Евфрата является предметом спора между Турцией, Сирией и Ираком. Специалисты «Desertec» предлагают использовать пар сверхвысокой температуры, полученный за счет концентрации солнечных лучей, для опреснения морской воды.

Какие же страны участвуют в этом дорогостоящем проекте? Правительство Марокко уже определило место для установки зеркал севернее пустыни, где достаточно воды для очистки зеркал и охлаждения турбин. Марокко удовлетворяет до 96% своих потребностей в энергоносителях за счет импорта, а субсидии на топливо, выплачиваемые наиболее бедным слоям населения, ложатся тяжелым бременем на госбюджет. Кроме того, Марокко рассчитывает получить прибыль от экспорта электроэнергии в страны Африки, расположенные южнее Сахары. Государственная компания «Office National de l'Electricite» (ONE) скорее всего утратит монополию на производство электроэнергии, поскольку марокканские банки, а также частные нацио-

нальные и иностранные инвесторы готовы вкладывать капиталы в проекты по использованию возобновляемых источников электроэнергии. Местным предпринимателям разрешено основывать предприятия по использованию ВИЭ для выработки электроэнергии и подключаться к единой национальной электросети, принадлежащей ONE. В рамках программы экспорта электроэнергии в другие страны Африки компания ONE размещает фотогальванические установки в Сенегале с целью оказания содействия в электрификации сельских районов.

В Алжире, занимающем большую часть пустыни Сахара, частная компания «Cevital» ведет переговоры с «Desertec». Алжирское правительство настаивает на участии в проекте иностранных компаний в партнерстве с местными, полагая, что это обеспечит последним доступ к западным технологиям.

Египет, получающий более 80% электроэнергии за счет переработки каменного угля, также надеется удовлетворять свои потребности за счет использования возобновляемых источников энергии. Создано Национальное агентство по использованию возобновляемых источников энергии – «National Renewable Energy Authority» (NREA), для управления этими проектами, включая проект по использованию ветровой энергии в Зарафане, который является одним из крупнейших в мире. Мощность установок должна была составить 550 МВт уже к 2010 г. В 2009 г. мощности ветровых установок Египта составляли 400 МВт. К 2020 г. их предполагается довести до 7200 МВт. Однако многие эксперты полагают, что Египту необходимо удвоить мощность электростанций в течение десяти лет, чтобы удовлетворить спрос на электроэнергию со стороны быстро растущего городского населения. Для того, чтобы увеличить производство электроэнергии за счет использования ВИЭ, Египет выделяет 8 тыс. кв. км для создания ветровых ферм с помощью США, Японии, Германии, Дании и Испании. Предполагается построить эти объекты на шельфе или на побережье Красного моря. Например, установки на площади 200 кв. км южнее Зарафана будет иметь мощность в 720 МВт. Ряд ветровых установок на площади 1300 кв. км предполагается построить с помощью частных инвесторов. Вдобавок египетское правительство выделило три участка общей площадью 7,5 тыс. кв. км вдоль р. Нил в провинции Верхний Египет для строительства ветровых ферм. При этом NREA намерено освоить лишь

третью часть этой территории, остальная предназначена для независимых компаний.

Тем не менее Зарафан, расположенный в 100 км к югу от Каира, на побережье Красного моря между Суэцем и Хургадой, остается главным проектом среди использующих альтернативные источники энергии. Мощность ветровых ферм в этом районе может достигнуть 20 тыс. МВт. Египетские и датские специалисты, проводившие исследования, определили, что скорость ветра здесь достигает 9 м в секунду, и условия для выработки электроэнергии здесь одни из лучших в мире. Сооружение фермы на участке 150 кв. км началось в 2001 г. Первая фаза предусматривала установку 50 ветровых турбин мощностью 600 КВт каждая. К концу 2008 г. действовали 422 турбины общей мощностью 310 МВт. Вырабатываемая электроэнергия поступает в общую национальную сеть через трансформаторную станцию в Айн Сукна (Ain Sukna) и линию передач напряжением 220 кВ. В соответствии с прогнозируемым увеличением производства электроэнергии датское Агентство по развитию – «Данида» намерено построить вторую трансформаторную станцию. Считается, что проект принесет большую пользу местной экономике. Почти все сопутствующие работы были выполнены местными компаниями (строительство дорог, фундаментов для турбин, прокладка кабеля и т.д.). Местные компании взяли на себя 25% общих расходов. Египетские компании сотрудничают с международными фирмами, занимающимися поставками оборудования для проектов. Например, египетская компания «El Sewedy» приобрела 30% капитала испанского производителя ветровых турбин «MTorres» и планирует построить в Египте первый завод по производству турбин. Эксплуатация турбин, учитывая сложные природные и климатические условия (например, высокие температуры, песчаные бури и пр.) является сложным делом.

Стремясь увеличить приток инвестиций в строительство ветровых ферм, египетское правительство отменило субсидии на нефть и газ, а также разрешило приватизацию производства и распределения электроэнергии. Оно также сократило импортные тарифы на оборудование (например, ветровых турбин). Государственным компаниям разрешалось закупать электроэнергию у независимых производителей. Планируемое доведение мощностей ветровых ферм до 7200 МВт позволит к 2020 г. сократить выбросы парниковых газов до 17 млн. т дву-

оксида углерода и удовлетворить около 12% потребностей в электроэнергии (сейчас обеспечиваемых Асуанской ГЭС).

В Египте в 2012 г. планировалось начать строительство крупной электростанции, использующей энергию солнца вблизи Асуанской плотины. Всемирный Банк выделил Египту кредит в размере 220 млн. долл. на развитие альтернативной энергетики. По оценкам экспертов, чтобы удовлетворить свои потребности, Египту к 2020 г. будет необходимо довести мощность солнечных электростанций до 1 ГВт и ветровых – до 7,2 ГВт[12].

Арабские страны и страны Средиземноморья начали переговоры с Европейским Союзом о создании так называемого «Зеленого энергетического рынка». Речь идет о сооружении в этом регионе обширной сети объектов альтернативной энергетики, прежде всего солнечной и ветровой, а также строительства линий электропередач через Средиземное море для подсоединения к европейским электросетям. Министр иностранных дел ЕС Б. Ферреро Уилднер заявил, что Брюссель поддерживает постепенную интеграцию энергетических рынков Персидского залива и Магриба и будет содействовать сотрудничеству между энергетическими организациями в странах Средиземноморья, а также основанию центра по использованию возобновляемых источников энергии в Каире.

Катар уже заключил соглашение с ЕС относительно инвестирования 220 млн. долл. в развитие технологий, способствующих снижению выбросов углерода.

Технологический университет Короля Абдаллы в Саудовской Аравии (KAUST) представил ученым из Стэнфордского университета в США грант в 25 млн. долл. для создания научно-исследовательского центра, который должен заниматься проблемой использования солнечной энергии. Соглашения о содействии в области развития альтернативной энергетики заключены с инвесторами из Италии, Англии, США и Нидерландов.

При содействии компании IBM в Саудовской Аравии начато строительство установок для опреснения морской воды, которые будут работать за счет энергии солнца (совместный проект IBM и KAUST). Строительство намечено осуществлять в три этапа. На первом этапе планируется построить завод в г. Хафджи, работающий на солнечных батареях, мощностью 30 тыс. куб. м питьевой воды в сутки, что достаточно для удовлетворения потребностей 100 тыс. человек. На втором этапе

будет построен завод мощностью 300 тыс. куб. м в сутки и на третьем появятся еще несколько опреснительных установок в различных частях страны. Компания IBM специально для этих объектов разработала особенно эффективные фотоэлементы и новые материалы для мембран, фильтрующих морскую воду. Ввод в действие этих установок позволит значительно сократить расходы на водоснабжение.

Иордания также намерена использовать солнечную энергию, чтобы удовлетворить внутренние потребности и экспортировать электроэнергию. В настоящее время королевство импортирует около 90% потребляемой электроэнергии, расходуя на это до 20% ВВП. Король Иордании во время официального визита осенью 2009 г. в Италию присутствовал на церемонии переговоров с компанией «Maan Development C°» (MDC), которая согласилась построить самую большую в мире солнечную фотогальваническую электростанцию на юге страны. Проект стоимостью около 400 млн. долл. намерен осуществлять консорциум, в который входят две иорданские фирмы – «Kawar Energy» и «1st International for Investment and Trade», а также «Solar Ventures of Italy»[13].

В Марокко разработан проект сооружения целой системы солнечных установок мощностью 2 тыс. МВт на территории общей площадью в 10 тыс. га в пяти районах. Проект стоимостью в 9 млрд. дол. предполагается завершить в 2020 г. за счет привлечения иностранных и национальных частных инвестиций. Марокко не имеет собственных запасов углеводородов, и этот проект позволит ежегодно экономить 1 млн. т нефти на сумму в 500 млн. долл. и будет обеспечивать до 40% потребностей страны в электроэнергии. При этом ежегодные выбросы углекислого газа в атмосферу сократятся на 3,7 млн. т.

В Марокко уже построена ветровая ферма, состоящая из 165 ветровых турбин мощностью 140 МВт. Стоимость строительства составила 250 млн. евро, из которых 80 млн. предоставил Европейский центробанк, 150 млн. – немецкие и испанские банки. Этот проект является частью марокканской программы развития альтернативной энергетики. Согласно программе, доля возобновляемых источников энергии в общем объеме производимой в стране электроэнергии составит 42%. Общие затраты на осуществление программы оцениваются в 3 млрд. долл.

В проекте развития в районе Средиземноморья альтернативной энергетики участвует и Тунис, который заключил соглашения с Германией, Италией, Японией. К 2017 г. он намерен довести долю возобновляемых источников энергии в общем энергетическом балансе до 5%.

Итак, несмотря на высокую степень риска для инвестиций из-за природных условий (песчаные бури, значительный перепад дневных и ночных температур в пустынных областях и т.д.), а также политической нестабильности в регионе (о чем свидетельствуют события в январе 2011 г. в Тунисе и Египте), крупнейшие западные компании и ТНК намерены осуществлять здесь проекты по развитию атомной и альтернативной энергетики. Основная цель осуществления этих проектов, на наш взгляд, помимо удовлетворения внутренних нужд, заключается прежде всего в поставках электроэнергии, вырабатываемой этими объектами, в европейские страны, прежде всего – в страны, входящие в ЕС. По расчетам экспертов крупнейшего в мире страхового концерна «Munich Re», выступившего с идеей так называемого «Средиземноморского солнечного плана» (Mediterranean Solar Plan), только солнечные электростанции после их завершения должны будут поставлять в страны Европы около 15% необходимой им электроэнергии. Одновременно преследуется цель уменьшить зависимость от поставок природного газа для ТЭС из России. Европейские страны опасаются повторения кризиса, возникшего в результате прекращения Украиной транспортировки газа в Европу на рубеже 2008–2009 г. Другой немаловажный аспект – добиться сокращения выброса европейскими странами углекислого газа в атмосферу. Недаром на обсуждении проекта создания сети солнечных электростанций в пустыне Сахара присутствовали представители «Greenpeace» и WWF (Всемирного фонда защиты дикой природы), которые одобрили это начинание.

Следует отметить, что ТНК, крупные западные компании, особенно Германии, чрезвычайно заинтересованы в осуществлении этих дорогостоящих проектов, в частности разработанных компанией «Desertec Foundation». Это позволит им получить выгодные заказы и доступ к огромным финансовым ресурсам. Только на сооружение установок, использующих солнечную энергию, предполагается израсходовать 570 млрд. долл.[14] Однако в европейских странах высказываются и критические

замечания в отношении этих проектов. Так, глава немецкого энергетического агентства ДЕНА Штефан Колер считает, что новая схема окажется слишком уязвимой для обеспечения энергетической безопасности Европы, особенно в той ее части, которая касается передачи электроэнергии в страны Европы (в частности, через Средиземное море). «Централизованные линии снабжения могут быть легко и быстро прерваны. Возникает вопрос следует ли нам дополнять высокую зависимость от поставок природного газа и нефти (из стран Ближнего Востока и Северной Африки. – *Г. С.*) еще и зависимостью от поставок электроэнергии», – подчеркнул Ш. Колер. К тому же, считают некоторые эксперты, нельзя с уверенностью предугадать реакцию местного населения на столь масштабные проекты иностранных компаний на территории их государств. Нельзя исключить и такой ситуации, когда солнечные электростанции и ЛЭП, а также обслуживающие их на начальных этапах функционирования, в основном иностранные специалисты, окажутся заложниками политической нестабильности, объектами нападения вооруженных группировок. Например, компания «Shevron», осуществлявшая строительство нефтепровода в Судане, была вынуждена уйти из-за гражданской войны между Севером и Югом. «Захват объектов в рассматриваемом регионе может явиться удобным средством шантажа как местных правителей, так и европейских правительств, – отмечает российский обозреватель С. Латышев[15].

Следует остановиться и еще на одном, чисто экологическом аспекте этих проектов. Проект под названием «Sahara Solar Breeder Project» предусматривает превращение территории пустыни Сахара как бы в крупнейшую в мире солнечную электростанцию, состоящую из сотен тысяч солнечных панелей, протянувшихся на сотни километров. Ученые подсчитали, что даже при современном уровне развития технологий установка фотогальванических солнечных модулей протяженностью в 500 км сможет аккумулировать 100 ГВт электроэнергии. Предполагается, что такая солнечная электростанция сможет к 2050 г. обеспечить электроэнергией половину населения планеты Земля по доступным ценам. Однако неизвестно, как такой грандиозный проект повлияет на атмосферные потоки, на экологию региона в целом. Известно, что пустыни играют определенную роль в экосистеме

не только данного региона, но и всей планеты. Можно привести аналогию с Россией, когда масштабное осушение болот привело к распространению пожаров на торфяниках.

Сооружаемые на территории Ближнего Востока и Северной Африки ветровые установки потребуют большого количества воды для охлаждения турбин. Поскольку в данном регионе проблема водоснабжения является чрезвычайно острой, часть вырабатываемой с помощью атомных и возобновляемых источников энергии, будет необходимо направить на опреснение морской воды (стоимость такой воды при современных технологиях опреснения пока довольно высока по сравнению с установками, работающими на ископаемом топливе). Таким образом сооружение атомных электростанций и объектов, использующих возобновляемые источники энергии, затрагивает много проблем экономического, экологического и политического характера и требует увеличения инвестиций (как государственных, так и частных) в научно-технический сектор энергетики, а также на подготовку высококвалифицированных национальных кадров.

С другой стороны, переход на возобновляемые источники энергии позволит диверсифицировать энергетику, развить новые отрасли промышленности и создать дополнительные рабочие места, уменьшить вредное влияние на окружающую среду. В связи с глобальными проблемами человечества – потеплением климата, угрозой биосферного – экологического кризиса на планете Земля, исчерпанием ископаемых ресурсов, неизбежен переход на альтернативные методы получения энергии.

Непрерывно растущая зависимость от исчерпаемых ресурсов порождает глобальные экологические проблемы и, как следствие, неизбежные социальные потрясения. Как отмечает видный немецкий экономист и социолог Герман Шеер, «Ископаемый (фоссильный) характер ресурсов мировой экономики и прогнозируемое им разрушение жизненных основ существования человечества делают неотложной всеобщую переориентацию на солнечные источники энергии: не только для того, чтобы дополнить тепловую (а с ней и атомную) энергетику, но и чтобы полностью заменить ее. Ископаемым энергоносителям мировая экономика обязана своим развитием, но сейчас это ведет ее к гибели»[16]. Г. Шеер делает упор на использование энергии солнца, но необходимо

развивать и другие возобновляемые источники энергии – ветровые турбины, биологическое топливо и т.п.

В заключение следует сказать, что наряду с использованием новых экологически чистых источников энергии необходимо увеличить финансирование инновационных разработок в области энергетики с целью повышения эффективности существующих технологий, а также разработки новых. Американский ученый-физик Мартин Хофферт из Нью-Йоркского университета отмечает: «Если мы не начнем создавать инфраструктуру для революционного изменения энергетической системы, то безнадежно опоздаем»[17]. В конце XXI в. в качестве источников энергии могут быть использованы термоядерные реакторы, генетически модифицированные микроорганизмы, производящие кислород, высотные ветровые и орбитальные станции, а также приливные и волновые генераторы. В перспективе по мере совершенствования технологий возможно создание всепланетной сверхпроводниковой электросети. Но все это – в далеком будущем, хотя в наше время технологии обновляются несколько раз в течение жизни одного поколения. А пока для уменьшения выбросов углекислого газа в атмосферу и предотвращения глобального потепления климата требуется развивать атомную и альтернативную энергетику, и планы по сооружению таких объектов на Ближнем Востоке и в Северной Африке вписываются в общую стратегию модернизации данного региона.

[1] В мире науки, № 1, 2007, с. 46.
[2] Билан В. Н. Перспективы развития атомной энергетики в арабских странах. http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/22-07a.htm
[3] The Middle East, February 2009, p. 23.
[4] http://www.atomic-energy.ru/news/2011/01/18/17704
[5] Nuclear energy gains ground in Arab States – The Middle East, June 2009, p. 44.
[6] Ibid.
[7] Российское атомное сообщество. http://www.atomic-energy.ru/node/10234
[8] Саруханян С. Ядерная программа и политическое развитие Иордании. http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/22-07-10a.htm
[9] http://badnews.org.ru/news/araby-i-atom/2010-10-11-3931
[10] The Middle East, December 2009, p. 32.
[11] Ibid.

[12] http://crowneplasharm.com/page.php?id=419
[13] Ibid., p. 33.
[14] Ibid., p. 31.
[15] Латышев С. Африка как ничейные ресурсы. Франкфурт-на-Майне. По материалам http://www.warandpeace.ru/
[16] Герман Шеер. Восход солнца в мировой экономике. Стратегия экологической модернизации. М., 2002, с. 10–11.
[17] Уэйт Гиббс. Энергетика будущего // В мире науки, № 1, 2007, с. 76–77.

А.О.Филоник, А.Хайдар

АРАБСКИЙ МИР В ПОТОКЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: СОЗИДАТЕЛЬНОСТЬ КАК АЛЬТЕРНАТИВА СОЗЕРЦАТЕЛЬНОСТИ

К концу первого десятилетия XXI в. арабский мир вошел в весьма неоднозначный период в развитии, обусловленный для многих стран региона большим количеством проблем, из которых складывается их действительность. Она представляет собой синтез ситуаций, с одной стороны, унаследованных от прошлых эпох и прочно связанных с нынешним этапом изменений в системе организации и функционирования мировых производительных сил, а с другой, созданных новыми процессами, развивающимися в недрах мирохозяйственных связей, вписанных в рамки глобализации. В совокупности эти обстоятельства крайне неоднозначно сказываются на социальном, политическом и экономическом «здоровье» развивающихся стран, в том числе и арабских.

Арабский мир на протяжении многих десятилетий сталкивался с разнообразными вызовами, которые требовал мобилизации колоссальных усилий для их преодоления. Однако потенциал большинства арабских государств был недостаточен для того, чтобы устранить препятствия, удерживающие их в рамках отсталости, и расчистить стартовую площадку для рывка вперед. Неравномерность в распределении материально-технических и природных ресурсов в арабском мире порождает разнотемповость его развития и расширяет разрывы между капиталоизбыточными и капиталодефицитными странами, дистанция между которыми неуклонно нарастает в силу большой разницы в ресурсных возможностях и создаваемых на их основе потенциалах. Причем дифференциация на межарабском пространстве усиливается именно в силу того факта, что составляющие его страны не пытаются создавать единого целого, а продолжают являть собою некоего рода аморфную географическую общность с крупным элементом политической

неопределенности. Ведь в ней чрезвычайно сильны претенциозность правящих режимов, противоречия между страновыми элитами, расхождения в политических кругах во взглядах и позициях по актуальным вопросам.

Эти субъективные моменты, переплетаясь с объективной реальностью, создают сложную мозаику взаимодействий с большим негативным зарядом, мешающим арабским странам найти общий язык даже по коренным вопросам, включая межарабские политические отношения, экономическое сотрудничество, совместные проекты. Это не следует понимать так, что решения по проблемам абсолютно во всех случаях буксуют, но в ином случае результаты общих действий могли бы быть более продуктивными и значащими для арабского универсума. В итоге это приводит к тому, что в арабских государствах господствуют не столько центростремительные силы, сколько центробежные, что не способствует их выступлению в мировом сообществе в качестве устойчивой региональной группировки, способной сплоченно продвигаться в русле глобализации, а не копировать западные модели финансовой стабилизации и структурных реформ, прибегая к ним как к панацее. Ведь и в этом случае быстрый успех (если он вообще возможен) не гарантирован, хотя промежуточные результаты могут выглядеть утешительными.

Глобализация, став универсальным фактором современного развития, как следует из опыта хотя бы последнего десятилетия, вносит дополнительные оттенки в положение стран Арабского Востока, создавая разные векторы взаимодействия между ними и внешней средой. Но в целом небольшое разнообразие вариантов поведения создает обстановку, при которой арабские страны имеют ограниченные возможности для маневра. Подобная скованность в немалой степени усиливается еще и тем, что арабские страны часто вынуждены действовать в условиях жесткого выбора и временного прессинга. Это обстоятельство, возникающее как результат крайнего обострения дефицита государственных бюджетов и платежных балансов без перспективы их устранения собственными силами, толкает арабские правительства на действия, которые представляются наиболее обнадеживающими при длительных экономических неудачах.

В качестве наиболее благоприятного в последнее десятилетие утвердился вариант примыкания к крупным глобальным

экономическим группировкам в попытках добиться улучшения своего положения в рамках уже устоявшихся объединений, доказавших свою эффективность (правда, в других технологических и экономических условиях). При этом так или иначе игнорируются отдаленные результаты такого сотрудничества вне рамок межарабского единения, что в немалой степени связано с сужением национального выбора при принятии экономических и политических решений и с необходимостью ограничивать социальные притязания населения, активно протестующего против попыток ухудшить условия существования.

Отсутствие подвижек в процессах, связанных с созданием арабского общего рынка, в свете активной интернационализации хозяйственной жизни выглядит крайне несовременно. И эта тема продолжает привлекать внимание экспертов в разных концах арабского мира, поскольку они считают, что сложение усилий в рамках региональной структуры могло бы помочь арабам добиться большего выигрыша как политического, так и экономического плана. В качестве важнейшей мотивации выступает выдвигаемая большой группой арабских исследователей мысль о том, что достижение естественной политической и экономической солидарности определяется зрелостью стремления противостоять внутренним и внешним вызовам. При этом вполне осознается, что подобная задача отягощена серьезными условиями, которые прямо и непосредственно связаны с необходимостью модернизации арабской действительности, без чего укрепление жизнеспособности арабских государств становится фикцией. Сторонники такого образа действий сами признают, что подход к решению этой задаче может найтись только при достижении консенсуса по нескольким пунктам. «Во-первых, потребуется справедливое распределение ресурсов внутри самих арабских стран и между ними и, во-вторых, – внедрение информационных технологий и наукоемких средств производства по всему полю хозяйственной деятельности». В качестве еще одного момента они же отмечают, что идея укрепления оборонительного потенциала арабского мира остается важной составляющей региональной безопасности и даже имеет растущее значение в складывающихся обстоятельствах, а добиться сдвигов в этой области можно только при исполнении указанных требований. (1)

Можно считать, что последние признаются совершенно необходимыми для выполнения этой стратегической задачи,

под которую сверстана некая программа действий. Она требует, по словам сторонников арабского единства, сложения усилий и установления согласия между самыми разными силами и движениями в самом арабском мире в рамках «системной философии» политического общения. Эта последняя должна включать достижение понимания между «всеми арабами, разными политическими течениями, религиозными движениями и строиться на концепции всеобщего осознания потребностей арабского общества как такового, что достигается за счет аккумулирования исторического опыта арабов и возможности использования его составляющих в интересах каждой конкретной страны». (2)

Если рассматривать выдвинутые соображения с точки зрения реальности их исполнения, то у самих апологетов идеи возникают сомнения относительно практического воплощения лозунговых призывов в реальных действиях на этом поприще. Выше говорилось об объективных причинах, разделяющих арабский мир, и эти причины сохраняют свою действенность и на грядущий отрезок времени, превращая выполнение поставленных задач в дело, не имеющее отчетливых перспектив. Особенно это видно в свете того, что внутри самого арабского мира, в межарабских отношениях, имеются почти неодолимые препятствия для достижения гармоничного развития. В частности, можно упомянуть неравномерное распределение производительных сил внутри стран, что выливается в сохранение колоссальных различий между городом и деревней, противоречий между трудом и капиталом, вызывает неудовлетворительное функционирование внутреннего рынка, сохраняет несопоставимость жизни в пустынных и обжитых районах. Подобные диспропорции сопровождаются слабым развитием межарабских экономических и торговых связей, в основе чего лежат общий для многих и в ряде случаев заметный упадок материального производства в национальных государствах и общая для многих сфер жизнедеятельности отсталость.

Такая ситуация в ряде трудов арабских исследователей квалифицируется как «ущербное», или «застревающее» развитие, вообще как некое системное явление, плохо поддающееся коррекции. Одно это уже позволяет судить о состоянии экономического потенциала арабских стран и их социальной обустроенности, определяемых также и термином «несостоявшееся развитие». Подобное единообразие терминов служит выра-

жением признания того факта, что за истекшие десятилетия после получения независимости арабские страны не смогли настолько отмобилизовать свои возможности, чтобы эффективно использовать их для преодоления отсталости и периферийного состояния.

Однако дело не только в этом. Уместно говорить о том, что они в большой своей части и не обладали достаточными ресурсами и средствами, чтобы обеспечить рывок, способный гармонизировать их развитие. Открытость внешнему миру, достигнутая за счет не индустриального производства, а сервисизации экономик и заимствования решений, основанных на информационно-инновационных технологиях, разработанных за пределами арабского мира, оказалась достижимой только при опоре на внутренние накопления от экспорта энергоресурсов, но и это не для всех арабских нефтеэкспортеров.

Другими словами, использование последнего варианта для большинства арабских стран протекало с гораздо меньшей эффективностью в силу упоминавшихся больших разрывов в показателях ресурсного, финансового и интеллектуального обеспечения процессов развития. К тому же и сами пути развития были неоднозначными, и каждое государство выживало сообразно своим возможностям и представлениям об оптимальных способах движения к прогрессу. В данном случае можно лишь предполагать, что успехи Арабского Востока могли бы быть в целом большими за истекшие десятилетия, если бы их наращивание не сдерживалось рядом серьезных обстоятельств. Это могли быть опыты с заимствованием социалистических методов ведения хозяйства и преобладание идеологических догм над реальной экономикой, или попытки авторитарного управления социально-экономическими процессами, или некритичное использование методов капиталистического хозяйствования в условиях дефицита реальных предпосылок для закрепления форм, свойственных более высоким по уровню развития производительным силам. То есть, влияние извне неоднозначно, и поиск путей прогресса для арабского мира сопряжен с потерями и обретениями, результат суммирования которых для каждого отдельного субъекта выраженно индивидуален. Примером этому может служить хотя бы мировой финансовый кризис, который затронул, в том числе, и арабский мир, но неоднозначно отразился на показателях роста в его государствах. В любом случае потери их оказались меньшими

там, где имелись менее открытые отношения с товарными и финансовыми мировыми рынками.

Такой опыт, несомненно, обретается под воздействием внешних факторов, которые распространяли и распространяют и поныне свое влияние на события, формирующие ситуацию на экономической и социальной сцене арабского мира. Очевидно, что арабские страны не пребывают в изоляции от процессов глобального характера. Более того, они становятся прямыми объектами их влияния. Сложность же состоит в том, что они в ответ на посылы извне действуют реактивно, не имея инструментов, которые могли бы эффективно предотвратить избыточное давление внешних обстоятельств и парировать вызовы.

В дополнение к сказанному явно следует указать на то, что сохраняется жесткое влияние арабо-израильского конфликта. Хотя часть арабских государств сгладила свое отношение к Израилю, это не означает, что проблема решена или найдено универсальное средство для урегулирования, устраивающее всех участников. Остаются страны, которые продолжают скептически рассматривать ситуацию и находятся в состоянии тревожного ожидания, вынужденные в связи с этим расходовать немалые средства для поддержания обороноспособности. В результате сокращается расходная часть их бюджетов развития, поскольку средства отвлекаются от производительного использования и ограничиваются возможности экономического роста.

Несомненно также и то, что иностранный капитал по-прежнему заинтересован в ресурсах арабского мира и в других его возможностях, эксплуатация которых усиливается по мере продвижения процессов глобализации в арабские пределы. Преимуществом в этом процессе пользуется тот, кто имеет больше отправных возможностей и кто в массовом порядке опосредует арабские энергетические ресурсы. В ходе их использования иностранные корпорации стали мощным инструментом получения прибыли, перераспределяя доходы таким образом, что арабские государства, выигрывая в одном (нефтедолларах), проигрывают в другом (сокращая их применение в целях развития, индустриализации, повышения технического уровня других зон арабского мира и т.п.). Это видно на примере нефтедобывающих стран Персидского залива, которые предпочитают вывозить нефтяные ресурсы, а не вкладывать

излишки доходов в развитие родственных арабских стран. Между тем, такая практика могла бы иметь в перспективе смысл уже хотя бы в свете того, что арабские страны испытывают, например, дефицит продовольствия при наличии неиспользуемых национальных резервов пригодных для культурного производства угодий и имеют общую хрупкую экосферу, нарушение оболочки которой в одной части арабского мира может отразиться на состоянии ее в других. Эти обстоятельства создают мощную систему взаимных интересов, которые легче удовлетворяются именно при сложении природных и инвестиционных ресурсов, чего не наблюдается в арабском мире.

Конечно, нефтеэкспортеры оказывают большую помощь по каналам межарабских и национальных фондов и организаций, но объем прямых вливаний в арабскую экономику как таковую мог бы быть значительно большим, и это могло бы служить созидательным целям всего арабского мира. Вывоз же углеводородов за рубеж представляется, как минимум, для части арабских наблюдателей гораздо менее продуктивным, чем использование внутри его самого. Они ссылаются на тот факт, что, если бы в свое время Великобритания вывозила 90% своего угля за границу, то едва ли она была бы в состоянии осуществить промышленный переворот, выдвинувший ее в свое время в авангард мирового развития. (3)

Между тем арабские государства по многим параметрам зависят от цен на нефть, а также от ситуаций, связанных с этим показателем в самих нефтепроизводителях Персидского залива. Особенно хорошо это видно из того факта, что объемы помощи от арабских нефтеэкспортеров резко снижаются каждый раз, как происходит откат цен на нефтяных рынках. И как раз в такие периоды начинается массовый отток арабских трудовых мигрантов в эти страны к себе на родину, прерывая приток нефтедолларов в собственные экономики именно в тот момент, когда он становится наиболее необходим.

Другими словами, из-за нестабильности мировых сырьевых рынков и дефицита внутренних возможностей для социального и экономического возрождения арабские страны остаются крайне уязвимыми для любых сбоев в развитии мирового хозяйства. Единственным средством для устранения или, по крайней мере, ослабления воздействия таких ситуаций на их хозяйственное положение могло бы стать последовательное накопление условий для устойчивого развития. Приверженность

этому курсу в глазах арабской экспертизы остается, по существу, единственным рецептом для поддержания их жизнеспособности в текущих обстоятельствах и выживания в неблагоприятных условиях, создаваемых угрозами типа нехватки энергетического сырья, водного голода, перенаселенности, ухудшающейся экологии и т.п. Между тем, практика показывает, что предпосылки к более уверенному росту складываются преимущественно на отдельных направлениях и не образуют полнокровных тенденций на всем поле арабского экономического развития, без чего прорывы в технологиях, переход к более высоким формам организации и управления производством по-прежнему остаются недостижимой целью.

Изыскивая пути для противодействия таким тенденциям, арабская экспертиза настаивает на том, чтобы создать многоотраслевую экономику, опирающуюся на современную промышленную базу и продвинутые технологии. Основанная на этом стратегия должна привести арабские государства к успеху, который связан с разрывом порочного круга отсталости и созданием трамплина для реального подъема. Рядом арабских аналитиков в этом немалое значение придается такому моменту, как укрепление военно-промышленного сектора в экономике. Такая мера должна не только способствовать укреплению обороноспособности, но и создать дополнительный фактор роста за счет усиления основных и сопутствующих производств, участвующих в этой специфической отрасли хозяйственной деятельности.

Основной расчет строится, видимо, на том, что военное производство способно вбирать достижения научно-технической мысли, конструкторских разработок и транслировать их в сферу «гражданской» промышленности с задачей подтянуть ее к передовым образцам. Однако такой подход, возможно, базирующийся на одном подражании успешным зарубежным моделям функционирования экономик с крупной военной составляющей, скорее всего, (применительно к арабским возможностям) окажется малопродуктивным, если не более. Ведь и кооперация разных производств на военной основе, и собственно процесс «военизации» промышленности в условиях хронических бюджетных дефицитов, малых размеров национальных экономик и иных, не менее весомых, факторов едва ли может серьезно рассматриваться как реальное и действенное средство обеспечения экономического взлета.

Даже если предположить, что речь идет о невысказанной идее создания «военного атома» как части военно-промышленного потенциала на базе ядерных технологий посредством обращения к проектам атомной энергетики, то этот путь сопряжен с еще большими трудностями, преодоление которых малореально в условиях категорического неприятия такого хода событий со стороны мирового сообщества.

Тем не менее, хотя бы умозрительно, военно-промышленный аспект имеет определенную привлекательность в глазах арабских теоретиков, поскольку рассматривается как системный фактор, требующий новых технологий, знаний и умений, способных в перспективе содействовать общему подъему экономического строительства.

Если же говорить о ретроспективных принципах развития арабской экономики, то, видимо, следует указать на то, что они в основном преследовали защитительные цели, имели своего рода протекционистский характер. Однако политика импортзамещения, на которой концентрировалось главное внимание, едва ли повсеместно оправдала себя как безусловное средство выведения экономики на новую прямую. Это, конечно, не отрицает наличия успешных примеров, но и они не абсолютны, поскольку экспортная продукция рано или поздно сталкивается с конкуренцией на внешних рынках. Опора на эту стратегию не вполне удовлетворяла потребностям расширения базы производства и привлечения современных технологий, способных привести к перевороту в производстве. Но даже если подобное в единичных отраслях случалось, то эффект, как правило, не бывал слишком длительным. Тем более, при такой результативности действий не приходится говорить об упрочении военной составляющей промышленности. Даже в Египте, Сирии и Ираке военный потенциал строился не на собственных источниках, а на импорте вооружений, а национальное участие ограничивалось финансированием этих сделок. (4)

Некоторые арабские исследователи проблемы настаивают на том, что подобные стратегии развития не могут сообщить весомый импульс для перехода в более высокое качество ни для одной арабской страны. Ориентация на политику открытых дверей и встраивание в отдельные ниши производственных связей международных монополий как антипод прежней закрытости, в принципе, может иметь положительный характер. Но связанные только с этим меры могут оказаться также недоста-

точно эффективными для экономического возрождения без структурных изменений и обеспечения условий для повышения внутренней гибкости и адаптивности арабских экономик. Условия для этого были выстроены в странах ЮВА, добившихся поступления инвестиций и технологий, давших им большую возможность для маневра. В связи с этим необходимо, как это отмечает один из арабских аналитиков, «интерпретировать политику открытых дверей применительно к внутренним условиям национальной экономики в ее взаимодействии с внутренним состоянием хозяйственной среды и окружающим миром». (5) Иначе говоря, нужна органичная увязка между общими подходами к стимулированию экономического роста и содержанием ведущих к нему стратегий, без которой можно получить противоположные результаты и дополнительные проблемы.

В связи с этим в арабском мире постоянно дискутируются вопросы, имеющие отношение к макроэкономической адаптации в рамках либеральных преобразований под контролем ведущих международных организаций. Связанные с этим процессы неоднозначно трактуются в работах разных авторов, представляющих разные же течения экономической мысли и идеологических представлений. Для целого ряда их имеет значение то, что инициатива МВФ и Всемирного банка как инструмент большой политики основывается на принципах, разработанных в 1989 г. американским экономистом Дж. Уильямсоном. Эти принципы были использованы первоначально как способ выправления ситуации в странах Латинской Америки, но впоследствии обрели более объемные черты и стали средством проведения наступательной политики Запада на экономические, информационные и культурные позиции иных государств, особенно расположенных в развивающейся части мира, в виде программы финансовой стабилизации и структурных реформ. Элементами ее служат приватизация, дерегулирование рынков, либерализация внешней торговли, приток прямых иностранных инвестиций и процентных ставок, пересмотр практики государственных расходов и некоторые другие меры, способствующие развитию конкуренции и укреплению частной собственности. (6)

Эти темы воспринимаются в сознании арабских авторов в качестве серьезного фактора экономической, социальной и политической модернизации и как таковые прочно увязаны с процессами глобализации Не все они однозначно трактуют

ее содержание и в основном группируются вокруг двух точек зрения. Одна представлена, например, Исмаилом Сабри Абделлой, который рассматривает глобализацию с позиций ее всеобъемлющей, универсальной и «инвазивной» сущности, а другая – Фалихом Абдель Джабером, который воспринимает ее как чисто экономическое явление, предполагающее в итоге утрату госконтроля над страновой экономикой в интересах слияния ее с экономикой глобальной. (7)

По существу, эти точки зрения имеют между собой различия, относящиеся к оценке масштабности явления глобализации, и трактуют ее с расширительных или более узких позиций. Этим определяется характер отношения авторов к процессу и их ценностные ориентации, проистекающие из результатов анализа ими того, что уже принесла глобализация развивающимся государствам. Фактически, речь может идти о том, как понимается глобализация и глобализм в арабской экспертной среде, в целом критически относящейся к целям и задачам последнего и одинаково негативно оценивающей содержание и последствия его для развивающегося мира. Тем более, что глобализация как универсальное явление едва ли когда-либо будет нейтральным по своей сути для развивающейся части человечества, поскольку новые экономические отношения, приникающие в его национальную ткань, должны разъедать ее, видоизменять и приспосабливать к неким мировым стандартам, чуждым развивающимся народам в силу их особой специфичности как с точки зрения их истории и характера развития, так и с точки зрения социокультурной, экономической и многих других, которые определяются их колониальным прошлым, зависимостью, отсталостью и т.п. Они «теряются» под внешним напором и не имеют существенных инструментов, чтобы корректировать поток нововведений, которые отнюдь не способствуют сохранению их самобытности и в то же время вхождению в «цивилизованное» сообщество в своем национальном обличье.

Насильственная универсализация, подстраивание под одномерные стандарты целых народов не может не вызвать с их стороны неприятия и активного протеста, обретающего разные формы.

По существу, противодействие этим явлениям в развивающихся странах ведется преимущественно со стороны традиционных институтов, которые прибегают к средствам, вызы-

вающим неприятие на Западе. Современные же возможности в виде организаций гражданского общества, отстаивающих права человека, демократические свободы, либеральные ценности и рациональный подход к действительности, только еще формируются. Они имеют незрелые формы и взгляды на проблемы, ради преодоления которых должны действовать, видят свои задачи в сугубо утилитарном свете и не обладают соответствующей тактикой действий, которая подменяется стихийными акциями, где эмоциональный компонент преобладает над объективными обстоятельствами и смешивается со взглядами, обращенными не столько в будущее, сколько в прошлое.

Развивающемуся миру противостоят промышленно развитые государства с их наднациональными, международными структурами, обладающими огромными материальными возможностями и колоссальным влиянием и являющимися проводниками идей глобализации. В подобных условиях общение с той частью мира, которая представлена его промышленным полюсом, в высшей степени затруднено для тех субъектов международных экономических отношений, которые стоят на более низкой ступени развития и не обладают существенным производственным потенциалом или природными ресурсами, которые позволяют найти благоприятную нишу на мировых товарном или сырьевом рынках.

Не случайно, сирийский экономист Джаляль Садык аль-Азам углубляет и конкретизирует понимание арабскими экспертами того, что происходит на Арабском Востоке в последние несколько десятилетий под влиянием базовых тенденций мирового развития. Он дает более широкое и рельефное определение понятию глобализации, отмечая, что «вступление капиталистического способа производства в середине прошлого века в фазу перехода от глобального характера сферы обращения, распределения, рыночных отношений и торговли к глобализации собственно воспроизводственных систем стало эрой мощного вступления всего человечества в пределы глубоко преобразующегося капитализма в условиях всеобщего контроля ведущих государств над этим процессом в рамках мировой системы неэквивалентного обмена». (8)

Отсюда можно сделать заключение, что и арабские народы, и государства не смогут остаться в стороне от этого процесса и вынуждены будут адаптироваться к нему с учетом того места и того веса, какими они обладали в системе междуна-

родного разделения труда к тому моменту, когда глобализация обрела зримые очертания. Поэтому, рассматривая перспективы арабских стран на этом пути, прежде всего, следует исходить из того, что большинство их продолжает олицетворять собою мучительное развитие, которое предполагает медленное движение вперед, отягощенное не только прошлым (несмотря на реформы, преобразования и имевшие место на этой основе социальные, политические и хозяйственные сдвиги), но и настоящим, которое во многих случаях вяло развивается по сценариям, запрограммированным ушедшими эпохами. В ходе их оказался «переработанным» и фабрично-заводской капитализм в его западном варианте, и непролетарский социализм, и социалистическая ориентация и арабский социализм, которые создавали этапы в развитии конкретных стран, но в итоге не перерастали в явно новое качество, гарантирующее высокую степень жизнеспособности адептам заимствованных технологий развития.

Поэтому в результате преобладания авторитарного мышления, некорректно выбранных ориентиров развития и следования образцам, которые не давали возможности для высвобождения или формирования собственно арабских воспроизводственных систем и стратегий роста, Арабский Восток и сегодня являет собою разрозненное сообщество, которое в массе своей только выживает в мире глобализма и в обозримой перспективе едва ли сможет обрести позиции за пределами нефтяного поля.

Но даже и те арабские государства, которые благодаря своим нефтяным ресурсам имеют лучшее положение по сравнению с другими, лишенными подобного источника благополучия, не могут быть спокойными за свое будущее, поскольку во многом являются лишь отражением благополучия, демонстрируемого центрами мировой индустрии. Ведь понятно, что источником его являются не столько сырьевые материалы, сколько технологии, эффективность труда и характер использования собственности.

Между тем и в экономике малых аравийских государств наличествуют серьезные структурные диспропорции, что вызывает общую неуверенность относительно того, как начатый процесс диверсификации отраслевой структуры и источников пополнения бюджетов, реформирования хозяйственных организмов и социальных отношений в местных обществах может

соотноситься с вызовами современности и отразиться на будущем монархий.

Современный мир живет в эпоху ускоряющихся процессов развития, которые не обходят и другие страны, в том числе нефтеэкспортирующие, слывущие капиталоизбыточными. И они подвержены колебаниям, размашисто задаваемым извне и явно усиливающимся в ходе решения задач развития, последствия которых могут выходить за пределы сложившегося порядка вещей в общественно-политическом устройстве монархий и их экономическом укладе. Осознаваемая опасность не вписаться в амплитуду экономических и социальных колебаний вынуждает правящие элиты инициировать программы дозированных реформ и демонстрировать меры, призванные создавать впечатление поступательности движения к общественному прогрессу, не расшатывая консерватизм местных институтов. Таковы, например действия в области расширения гражданского диалога, борьбы с коррупцией, допущения критики власти и т.п.

Но, по некоторым наблюдениям, даже «особое положение аравийских монархий едва ли сможет служить панацеей от экономических противоречий и столкновения интересов аравийских адептов глобализации и ее западных инициаторов». (9) И ныне они существуют с оглядкой на Запад, возможно, даже большей, чем их антиподы в арабском мире, поскольку их встроенность в мировую экономику несопоставима с ролью в ней менее обеспеченных арабских соседей. И на обозримую перспективу ситуация едва ли коренным образом изменится. Другими словами, сохраняется своего рода зависимость от западного мира, если не финансовая, то технологическая и политическая, во всяком случае. Однако признание ее, а тем более анонсирование, не в интересах правящих элит. Они, как отмечалось, активизируют деятельность на внутренней арене, используя преимущественно собственные возможности для корректировки ситуации в обществе в целях поддержания своей жизнеспособности, хотя прикрытие со стороны западных союзников и партнеров остается важным для них с точки зрения обеспечения безопасности и противодействия вызовам экстремистских сил.

Потенциально неспокойная ситуация в арабских странах Залива в политико-экономическом плане перекликается с тем, что происходит и в странах среднего уровня развития, а тем более в бедных, хотя схожесть процессов может быть только

внешней в силу просто материальных причин. В любом случае, у них значительно больше шансов «откатиться еще дальше по пути маргинализации и обнищания, несмотря на призывы всех последних мировых форумов, посвященных борьбе с бедностью» и даже помощь, поступающую от арабских нефтепроизводителей. Известным примером этому может служить еще не окончившийся мировой финансовый кризис, который, с одной стороны, не столь сильно затронул средние арабские страны (при том, что темпы роста ВВП в некоторых из них снизились значительно), а с другой, лишил их притока валютных поступлений по каналам помощи и трансфертов от трудовых мигрантов. В совокупности это привело к замедлению динамики развития и заставило правительства усиливать непопулярные меры, связанные с ростом цен на продукты первой необходимости – от продовольствия до мазута.

Тем не менее, следует отметить, что руководство государств этой категории осознает необходимость перемен в политической и хозяйственной жизни, без которых разрыв по уровням развития как внутри арабского пространства, так и особенно в сравнении с промышленно продвинутыми странами, может только нарастать. А это умеряет надежды на более или менее равноценное партнерство с ними, а то и вообще может закрыть перспективы на внешнее сотрудничество в наиболее желательных сферах. Понимая это, государства региона стремятся следовать в русле мировых тенденций, принимая меры для поощрения частного сектора, либерализации торговли, создания конкурентной среды, повышая привлекательность продукции национальной промышленности и т.п.

В этом ряду особо следует отметить их акцент на развитии инфраструктуры как весьма действенном средстве модернизации экономики в условиях усиления роли коммуникаций в ходе интернационализации хозяйственных связей и превращения их (коммуникаций) в неотъемлемый материально-технический компонент глобализации.

Другим направлением являются попытки увеличить удельный вес в ВВП обрабатывающей промышленности, хотя реструктуризация национального производства за счет диверсификации ее отраслей и обеспечения конкурентоспособности ее продукции предстает как трудно выполнимая задача. Но такой подход – весомое свидетельство соответствия экономической политики потребностям модернизации.

В рамках поддерживающих ее программ растущее внимание уделяется проблемам защиты окружающей среды, природоохранной деятельности и экологическому обеспечению процессов развития. Реализуются крупные государственные проекты обустройства территорий и зон под размещение производственных и многих иных объектов – от промышленных до рекреационных. Намечающийся в связи с этим переход в указанной группе стран от локального к фронтальному размещению производительных сил преследует разные цели. Но главным образом способствует включению в интенсивный оборот не только отдаленных регионов как таковых, но и их ресурсов в интересах расширения внутреннего рынка, интенсификации внутрирегиональных сообщений и закрепления ряда арабских стран в статусе значимых транзитных центров.

Однако следует, видимо, отметить, что разворот арабских стран в направлении современных тенденций экономического роста, обеспечивающих повышение их веса в системе международного разделения труда, осуществляется недостаточно быстро и обладает большой инерционностью. Планы подъема национальных экономик рассчитаны на пять, десять и более лет. А это составляет в условиях стремительно меняющейся обстановки очень большие периоды, в ходе которых могут возникать потребности в непредсказуемых корректировках, имеющих затратный характер, в обременительных для недостаточно сбалансированных бюджетов расходах.

Преодоление узких мест связано со многими серьезными проблемами, решение которых откладывается или сдерживается обстоятельствами, характерными для всего развивающегося сообщества. Во всяком случае, большинство арабских аналитиков сходится во мнении относительно того, что арабский мир остается наиболее уязвимым по трем направлениям. Это, во-первых, то, что он еще не подвергся достаточной индустриализации и продолжает по многим показателям зависеть от экспорта сырья. Во-вторых, не способен полностью использовать собственный интеллектуальный потенциал и теряет его в ходе массовой эмиграции умов даже в развитые страны Европы, а также США и Канады (что свидетельствует о международном спросе на кадры из арабского мира). В-третьих, это вывоз капитала в Европу, Японию, США и другие развитые государства с более предсказуемым инвестиционным климатом, поскольку на своей территории не находит ниш для применения.

Все это происходит на фоне того, что сами арабские государства представляют собой, как отмечалось, «раздробленное единство», в рамках которого нет прочного взаимодействия, основанного на регулярных и разветвленных торгово-экономических и внешнеполитических отношениях. В итоге это ведет к дальнейшему разведению арабских стран по национальным квартирам, к консервации их закрытости в отношениях между собой, к ослаблению арабской нации как таковой (если этот термин применим к арабскому миру). Отсюда берет начало непропорциональность в развитии разных частей арабского мира, закрепившаяся и непрекращающаяся дифференциация в рядах арабских государств, потуги примкнуть к инонациональным экономическим группировкам вместо объединения усилий ради собственного благоденствия.

В определенной мере примером экономической неустойчивости может служить Сирия, в которой находят отражение практически все значимые явления и тенденции, в той или степени свойственные большинству государств региона. Здесь имеются заметные изъяны в структуре и организации производства, промышленная база в качественном отношении в ряде случаев отстает даже от усредненных образцов, отмечается низкая производительность труда, преобладает экспорт сырьевых групп. С 1998 г. сирийская экономика переживает застой. С начала века в стране предпринимаются усилия, чтобы преодолеть вялость развития, увеличивая госрасходы на создание разветвленной инфраструктуры в интересах частного сектора и поощряя его тем самым к более интенсивному инвестированию в экономику. С 1998 г. по 2005 г. госрасходы на эти цели начали расти и к 2009 г. увеличились с 237 млрд. сир. ф. до 685 млрд., из которых 410 млрд. ассигновывались на текущие расходы, а на инвестиционные проекты выделялись 275 млрд. (10) Частные капиталовложения к середине прошлого десятилетия поднялись до 83 млрд. ф. с 62 млрд. Заметные сдвиги в активности государства и предпринимательского капитала не сразу сказались на темпах роста ВВП, которые не превышали 3,6%. Только к 2008 г. этот показатель достиг 5,2%, однако начавшийся мировой финансовый кризис низвел его до 3% (11).

В этих условиях возвращение к докризисным показателям и преодоление этой планки трактуется как важная задача национального значения, реализации которой, как хотелось бы Сирии, должны способствовать действия, связанные с уста-

новлением партнерских отношений с ЕС или с дискутируемой в научных кругах, но ныне нереализуемой, перспективой вступления страны в ВТО. Однако эти процессы не обладают динамикой, достаточной для того, чтобы соответствовать действительным запросам экономики и обеспечивать выведение хозяйственного потенциала на уровень современных требований хотя бы в отдельных нишах. Между тем, оживление движения даже на локальных направлениях могло бы стать исходным пунктом для сжатия экономических совокупностей, на базе которых ныне созревают застойные явления общего плана. Именно здесь возникают узловые противоречия, сдерживающие переход воспроизводственных механизмов страны в фазу более качественного функционирования и создание на национальной почве атрибутов современного экономического роста.

Арабская экспертиза с пессимизмом констатирует, что прорыв из замкнутого круга, который включает не только Сирию, но и подавляющее большинство арабских стран, ныне представляется весьма проблематичным. А это обстоятельство высвечивает кажущийся бесспорным факт, что и перспективы преодоления барьеров, возведенных под влиянием внутренних и внешних условий исторического, экономического и социального порядка, не столько расширяются, сколько сужаются под воздействием глобальных процессов. Тем более, что этому способствует также состояние нынешнего мирового универсума, в поле которого страны региона совершают свое движение по разным кривым, заданным сложными подвижками на мировом экономическом пространстве, и не успевают приспособиться к быстро меняющимся фундаментальным реалиям.

Во всяком случае, арабские аналитики в своей массе отмечают, что принятие решений по экономическим и политическим вопросам в арабском мире в растущей мере тем или иным способом опосредуется транснациональными корпорациями и крупными промышленными державами. Равно и его ресурсы, и энергетические возможности довольно интенсивно превращаются из объекта сугубо национального суверенитета в некую интернационализирующуюся субстанцию. Вообще, в рамках мирового тренда на либерализацию хозяйственной жизни роль национального государства, особенно развивающегося, заметно умаляется и все более формируется под давлением внешних факторов, под которые вынужденно под-

страивается местная практика. Этот процесс накладывает отпечаток на многие базовые аспекты жизнедеятельности отстающих государств. Они подталкиваются на действия и решения, теоретически обоснованные, но несущие в себе вызов устоявшимся системам хозяйствования и противоречащие коренным интересам населения, которое не успевает подстраиваться под новые тенденции и процессы и видит в них угрозу существованию.

В свете этого любые сбои в работе воспроизводственных механизмов, негативная динамика макроэкономических показателей, нарушения в функционирования институтов внутреннего рынка в развивающихся, а тем самым и в арабских странах, вызывают скрытое недовольство и усиливают протестный потенциал. Этого более всего опасаются правящие режимы, чье политическое благополучие находится в прямой зависимости от экономического положения дел в каждом конкретном государстве. Поэтому поддержание хотя бы относительного равновесия между составляющими жизнеобеспечения в огромной группе стран является объектом пристального внимания правящих сил. Имея, как правило, ограниченные ресурсы, они стремятся удерживаться хотя бы на грани балансирования в регулировании проблем, так или иначе соотносящихся с состоянием национальной финансовой сферы, с инвестиционной политикой, характером занятости, с социальным прогрессом и т.п. Это заставляет элиты усиленно маневрировать, обращаться к внешним источникам накопления, идти на политические уступки внешним силам и т.п., что в крайних случаях способно поставить вопрос о подрыве суверенитета.

На этом фоне арабские экономисты не видят скорого выхода из создавшегося положения, во всяком случае, он представляется им в виде некоей отдаленной перспективы с неясными контурами. Распространенное мнение в экспертных кругах гласит, что развивающиеся страны, а вместе с ними и арабский регион, с экономической и политической точек зрения по-прежнему будут оставаться объектом самого пристального внимания со стороны международных монополий и индустриальных держав. Такой вариант предопределен мощно развернувшимися глобальными процессами, алгоритм которых задается из одного центра и преследует исключительно цель обеспечения интересов «золотого миллиарда», присоединение к которому выступает как недостижимая мечта для подавляющего числа стран, балансирующих между нищетой и бедно-

стью и неспособных в условиях экономической, технологической и иных форм отсталости построить для себя лучшее будущее. Увлекаемые в потоке глобализации, подталкиваемые к либеральным реформам, развивающиеся страны никак не могут преодолеть зависимость от мировых центров капитализма, выставляя свой сырьевой экспорт против потоков удорожаемых заемных средств.

В этих реалиях кроются истоки алармистских настроений в арабском обществе, где благоприятные возможности развития ситуации, похоже, даже не рассматриваются. Наиболее вероятным является сценарий, по которому экономическая, социальная, экологическая перегрузки могут в некий момент взорвать любое из звеньев в цепи слаборазвитых субъектов мирового развития. Таким звеном не обязательно может стать арабская страна. Но то, что некоторые из них недалеко отстоят по главным экономическим и социальным показателям от им подобных в других неблагополучных регионах (и сделали новые шаги к критической точке даже за первое десятилетие нового века), остается, по мнению арабских экспертов, непреложным фактом, несущим в себе большой разрушительный потенциал. И действительно, нынешняя обстановка складывается не в пользу большей части арабских стран.

Об этом, в частности, свидетельствуют и массовые беспорядки, возникшие в начале текущего года как протест населения против экономической и социальной политики даже в такой относительно благополучной стране как Тунис, не говоря уже об Алжире, в котором давно зреют мощные противоречия. Эти события насторожили правящие режимы в других концах арабского мира, где ситуация складывается не лучшим образом, несмотря на попытки подстегнуть экономический рост. Ведь за последние два-три десятилетия либеральные реформы (даже если они с той или иной степенью последовательности проводятся) не изменили дискретности развития арабских экономик, где фазы неуверенного подъема регулярно сменяются периодами застоя и отката с завоеванных позиций по причине плохой «излечимости» бюджетных, платежных, финансовых балансов, неустойчивость которых подрывает жизнеспособность арабских хозяйственных систем.

В свете сказанного альтернативой драматичному ходу событий, вызревающему в недрах текущих процессов современности, возможно, может стать только соответствующая реак-

ция каждой отдельно взятой арабской страны, воплощенная в коллективные действия в составе регионального блока, создание которого необходимо для защиты и продвижения экономических и политических интересов арабского мира. Чем быстрее курс на достижение этой цели станет стратегической линией поведения арабских правительств на межарабской арене и на мировом пространстве, тем больше шансов будет у арабских народов упрочить экономическую самостоятельность и добиться подобающего места в системе современных международных отношений.

Однако такая перспектива за десятилетия не получила существенного воплощения в действиях, которые могли бы охватывать весь или большую часть Арабского Востока. Созерцательность и выжидание, а скорее затягивание давно осознанных в других регионах мер для обеспечения совместного выживания, оказывается все еще сильнее созидательности, которая только проглядывается в отдельных малоуспешных попытках мобилизации совместных сил для более эффективного подключения к мировым процессам на основе собственных моделей, гармонично соединяющих либеральные идеи с принципами госрегулирования.

На этом фоне тревога интеллектуалов за будущее своего региона растет, она выражена в соответствующих формулировках и фиксируется в повестках дня межарабских и международных форумов, в которых принимают участие представители государств и деловых кругов арабского мира. Однако одна артикуляция опасений по поводу его экономического и политического будущего явно недостаточна для выправления складывающейся ситуации, хотя само по себе осознание неотложных нужд уже может считаться шагом к переосмыслению обстановки.

Выявление причин, обозначение слабых мест, приведение доводов – существенный этап на пути поиска истины, и арабские страны уже длительное время проходят через констатацию фактов и фиксацию промахов, каждый раз испытывая серьезный дефицит политической воли, необходимой для изменения вектора развития.

Скудость выбора и низкая результативность развития, десятилетиями накапливающиеся проблемы без уверенности их преодоления создают мощнейшие поля напряженности – политической и социальной – в недрах арабских обществ. Успехи в них всегда временны и относительны, практическая отдача

растворяется в массах, нестабильность существования превращается в образ жизни, что угнетает целые пласты населения и настраивает их на радикализм.

События весны 2011 г. показали, что ситуация в арабском мире уязвима с многих направлений. Но главные противоречия сконцентрированы вокруг дефицита ресурсов, злоупотреблений власти и затягивания процессов развития. Это, с одной стороны. А с другой, эти противоречия обостряются в ходе разнообразных направляемых извне акций. Среди них и неприкрытое подталкивание Западом к гражданскому неповиновению, и силовая ориентация арабского мира на демократические ценности, и посулы лучшей жизни под покровительством корпоративного капитала промышленно развитых государств.

Массовый протест позволяет высвободить энергию масс, многолюдные демонстрации создают видимость преодоления созерцательности и генерируют образ перехода к созидательности народных действий. Однако эти последние частью спонтанны, частью перехвачены инициаторами других настроений, частью выдыхаются сами по себе. Как результат, народные движения не достигают выдвинутых целей, и пока арабская действительность не демонстрирует утешительных для народного гнева последствий.

Отталкиваясь от практики вызревания и преодоления кризисов и противоречий в арабском мире, очевидно, можно сделать вывод о том, что на его пространствах не хватает не только политической воли, но и своего рода политической креативности. Между тем, видимо, и для элит, и для народа пришло время отойти от устоявшихся клише и ординарных подходов к действительности и проявить неформальное отношение к этапу, который в условиях глобализации с ее мощным технологическим прогрессом и небывалым ускорением политических, мировоззренческих и социальных процессов вполне может оказаться судьбоносным для будущего всего Арабского Востока, а не только отдельных стран.

1. Кырм, Жорж. Мин ат-табийя иля-ль-истикляль // «Аль-Арабий», № 623, окт. 2010, с. 26.
2. Там же.
3. Там же, с. 27.
4. Канаан, Тахир. Аль-имканат аль-актисадийя аль-арабийя // «Аль-мустакбаль аль-арабий» № 252, февр. 2002, с. 96.

5. Там же, с. 97.
6. Хакими, Бу Хифс. Аль-ауляма: аль-индимадж ас-сариа ва-ль-манафиа-ль-махдуда: халят ад-дуваль ан намия // «Улюм инсанийя» 14.11.2006.
7. Абделла, Исмаил Сабри. Аль-каукаба ар-раасмалийя аль-алямийя фи мархалятин ма баада-ль-имбирьялийя // «Ат-Тарик» № 34, июль-август 1997, с. 28.
8. Аль-Азам, Джаляль Садык. Ма хийя аль-ауляма. Муназзама ат-тарбия ва-с-сакафа ва-ль-улуюм, б.м. 2000, с. 18.
9. Филоник А.О. Глобализация и выбор арабских нефтеэкспортеров // «Российское востоковедение в память о М.С. Капице». М. 2001, с. 614.
10. Аль-маджмуа аль-иктисадийя ли ам 2004. Дамаск 2004, с. 565.
11. Economic Development and Prospects. The World Bank, October 3, 2009.

А.О.Филоник, М.Занбуа

СИРИЯ: ОТ ИСПРАВИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ К СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОМУ РЫНКУ

Арабские станы остро ощущают потребность найти эффективные средства, которые позволили бы им адаптироваться к усложняющимся реалиям современного мира, функционирование которого во многом основывается на интеграционных процессах, интернационализации хозяйственной деятельности, использовании новейших технологических достижений в разных сферах деятельности. Не следует считать, что Арабский Восток тем или иным образом не вписан в процессы, которые охватывают не только страновой, но и региональный и более высокий уровень. Однако вполне уместно говорить о том, что большинство арабских стран соотносится с общими тенденциями развития лишь частично, активно проявляя себя преимущественно на отдельных направлениях, что выстраивает весьма фрагментированную картину их участия в международном разделении труда.

Исключением из этой характерной ситуации представляется деятельность нефтеэкспортирующих государств, в массе своей успешно участвующих в мирохозяйственных связях и выполняющих важную функцию оптового поставщика энергоресурсов в экономику развитых и развивающихся стран. Это обеспечивает им твердое место в системе глобальных экономических отношений и гарантирует поступательность и стабильность развития.

Для большинства же других арабских государств, в том числе и производителей нефти, масштабы благосостояния традиционных поставщиков минерального сырья из района Персидского залива остаются недоступными в силу множественности причин. Чтобы приблизиться к «идеалу», они должны предпринять значительные усилия и добиться заметного обновления производительных сил, выстроить более отвечающую современным требованиям базу материально-техниче-

ского производства и усовершенствовать работу воспроизводственных механизмов. Чтобы, в свою очередь, добиться значимых сдвигов в этих областях, им необходимо провести серию структурных реформ, улучшить макроэкономические показатели, обеспечить переход к рыночной экономике, обязательно учитывающей особенности ведения хозяйственной деятельности в специфический условиях Арабского Востока.

Его страны отличаются серьезными расхождениями в параметрах развития. Реформенные процессы здесь протекают неравномерно, отличаются по интенсивности и охвату хозяйствующих субъектов. Они зависят от многих факторов, даже простое сведение которых к общему знаменателю представляется нелегким делом с противоречивыми результатами.

На этом фоне реформы в области экономики, относящиеся к 80–90-м годам (за исключением Туниса, Египта, Иордани, но с оговорками), не привели к особо обнадеживающим показателям роста. В истекшем десятилетии рост далеко не во всех странах имел восходящий характер. По причине падения цен на нефть и в результате мирового финансового кризиса большая часть стран региона столкнулась с рецессией, а в более сложных случаях и с кризисной ситуацией в макроэкономике. И это с учетом того, что к концу прошлого века регион БВСА в целом стал зоной самого низкого в мире уровня экономического роста (2, с. 3).

Именно в свете возникшего отставания не только от мировых индустриальных центров, но и от ряда государств Востока и Юга, более других продвинувшихся в своем классе по пути структурных преобразований и внешнеэкономической открытости, проблема адаптации арабского мира к структурным изменениям мирового масштаба приобрела особенную актуальность в последнее время. Речь главным образом идет о ненефтяных арабских странах, вынужденных существовать в условиях хронической нехватки внутренних накоплений, которые к тому же нестабильны по своему характеру.

Причин такому положению вещей много, и они во многом же определяются внутренними – природными, ресурсными, хозяйственными, психологическими и иными факторами. Но в целом, как кажется, угроза задержаться на периферии мирового развития кроется уже не только в сложившейся ситуации. Появляются новые вызовы и возникают факторы, которые могут оказаться решающими в деле преодоления жестких про-

блем, угрожающих ближайшему будущему арабского мира. Они резко обострились в начале 2011 г. и привели к широким народным волнениям, в основе которых лежит мощный социальный протест. Он обусловлен объективными обстоятельствами, связанными с большим разрывом между относительно улучшившимися макроэкономическими показателями роста при их выраженной нестабильности и реалиями социальной политики. Эта последняя не выдержала испытания демографическим «дивидендом» – т.е. взрывным расширением рабочей силы, избыток которой выплеснулся на рынок в виде «постследа» длительного периода повышенных темпов естественного прироста населения. Негативное для правящих режимов влияние оказал и последовательно повышавшийся образовательный ценз молодежных групп общества, что сильно затруднило их трудоустройства и привело к формированию политически активной и незанятой силы, обладающей мощным взрывным потенциалом. Непропорционально большая доля госбюрократии, экономические злоупотребления власти, коррупция, бедность и другие моменты из этого ряда только ухудшили ситуацию и вызвали взрывное протестное движение. Оно быстро набрало критическую массу в условиях социально-политический застоя, низкой дееспособности госаппарата, широкого общественного недовольства образом правления.

Этот процесс выявил давно назревшую необходимость немедленной модернизации арабского общества с целью обеспечения баланса в развитии его экономической и социально-политической составляющих, повышения жизнеспособности производящих и общественных структур в ходе реформ, способствующих активизации рыночных преобразований, росту эффективности занятости и устройству демократических институтов.

Попытки модернизировать экономическую и социальную составляющую развития Арабского Востока имеют длительную историю. Связанные с этим события заметно ускорились после обретения странами Арабского Востока политической независимости, последствием чего стали реформирование экономического пространства, слом прежних отношений собственности и создание новых систем социальных связей. На более поздних этапах возникла необходимость в коррекции экономических и социальных мер в связи с нараставшей отсталостью на фоне колоссальных изменений в способах функционирования

мировой экономики, ее перехода к инновационным производительным силам, к индустрии, основанной на новейших технологиях и широком использовании достижений технического прогресса в качестве важнейшего ресурса экономического роста.

Почти хрестоматийным примером поиска путей преодоления острых экономических проблем может служить Сирия. В ней находят отражение практически все значимые явления и тенденции, в той или иной степени свойственные большинству капиталодефицитных государств региона. Здесь имеются заметные изъяны в структуре и организации производства, промышленная база в качественном отношении в ряде случаев отстает даже от усредненных образцов, отмечается невысокая производительность труда, преобладает экспорт сырьевых групп (57%) (5, с. 271).

Такая ситуация создает серьезную мотивацию к тому, чтобы добиваться экономического подъема всеми доступными способами. Сирия, конечно, не находится в арьергарде арабского движения к модернизации, особенно необходимой в условиях дискретности развития, неустойчивости роста, зависимости от внешних ресурсов и многих других моментов, которые негативно влияют на жизнеспособность страны. Тем не менее, она действует на этом направлении в соответствии со своими представлениями о выживании в обстановке нового глобального экономического порядка. Во всяком случае, Сирия предпочитает не обращаться прямо к опыту, предлагаемому МВФ и Всемирным банком. Она придерживается тактики мелких шагов, длительной подготовки к реформам, обходных мер при сравнительно приемлемом уровне социальной «безопасности» в стремлении не навредить поспешными преобразованиями в экономике и избежать шоковой терапии, которая может оказаться губительной для режима и благосостояния масс.

Однако затягивание реформ сверх меры не может длиться бесконечно долго. Некоторая разрядка ситуации была достигнута в стране в 90-е годы за счет маневра макроэкономическими средствами, которые, правда, с натяжкой можно признать реформами, но они принесли определенное облегчение, хотя не привели к ускорению роста дохода на душу населения. На фоне достижений Туниса, Египта, отчасти Иордании в области макроэкономической перестройки Сирии, как и ряду других стран региона, еще предстоит приложить для этого серьезные усилия (2, сс. 6,7).

В 2000 г. с приходом нового президента была объявлена программа реформ, которые должны были заметно отразиться на экономической жизни и создать новые стимулы для роста. С начала нового века предпринимаются попытки превозмочь спад в развитии путем концентрации инвестиций на возведении, которая будет обслуживать и частный сектор, поощряя его к более интенсивному участию в подъеме экономики. Уже к середине прошедшего десятилетия госрасходы на эти цели возросли в 1,8 раза, а на инвестиционные проекты – в 1,7 раза. Частные капиталовложения увеличились в 1,4 раза. Заметные сдвиги в активности и государства и, по масштабам Сирии, предпринимательского капитала привели к тому, что темпы роста ВВП в 2007 г. достигли 6,5% (6, № 368, 11. 2008, с. 14).

Однако процесс внедрения некоторых новшеств в экономическое развитие (например, рост частных инвестиций) пока не приносит ощутимых результатов, что продолжает поддерживать напряженность в обществе. Вкупе с другими обстоятельствами общественное недовольство вылилось весной 2011 г. в серию массовых демонстраций под лозунгами протеста против правительства, которые одновременно содержали ряд экономических и политических требований.

Возможно, это бурление в сирийском обществе означает завершение эпохи выжидательных действий и приведет к необходимости существенно подстегнуть экономический курс и строить его на более эффективных принципах. Ведь применение отдельных инструментов макроэкономической политики в предшествовавший период, в общем, не дало особого эффекта. Во всяком случае, это не отразилось на внешнем долге, который, по некоторым данным, достигал 130% валового национального продукта (величину этого показателя следует коррелировать в зависимости от размера задолженности перед СССР) (2, с. 8). В целом же большой долг – типичное для Арабского Востока явление, если бы не исключения в виде Египта и Марокко, долги которых были реструктурированы в силу их поддержки действиям сил коалиции в Ираке.

Очевидно, что при таких величинах внешнего долга Сирии предстоит предпринять масштабные меры, чтобы уменьшить его объем. Частично напряженность в этом отношении в 90-е годы снималась некоторыми улучшениями в балансе текущих счетов, однако только подобными операциями удерживать си-

туацию в приемлемом состоянии длительное время представляется маловероятным.

Структурные реформы как средство коррекции экономических показателей стран арабского мира рассматриваются в аналитических документах в качестве меры длительного действия. В целом регион трактуется как относительно успешный в этом отношении и уступающий только экономикам Азии. Но далеко не все государства добились увеличения глубины финансового сектора, упорядочения и снижения «веса» валютного курса, сокращения бюджетного дефицита, расширения возможностей частного кредитования через банковскую систему и другие институты. Среди таких государств Сирия занимает одно из последних мест (2, с. 8). Ее успехи в том, что касается повышения эффективности финансового сектора в продвижении частнохозяйственной инициативы (происхождение и качество кредитов, процент их поступления по каналам частных банковских учреждений и т.и.), подвергаются сомнению, и рейтинг Сирии с точки зрения участия банковской системы в процессах приватизации и либерализации экономики, стоит невысоко.

Важная составляющая экономического прогресса и движения к рынку – человеческий капитал, основные характеристики которого на Арабском Востоке за 80–90-е годы были заметно улучшены. Среди наиболее продвинутых в этом отношении стран и количественных параметров самого явления Сирия занимает третье место после Туниса и Алжира. Большую роль в этом сыграли сдвиги, которые произошли во всех видах образования – от среднего школьного до высшего – по глубине и охвату контингентов учащихся. По некоторым показателям качества Сирия вместе с Иорданией и Египтом превышают средний уровень по региону. Но в целом даже в этих условиях по общим характеристикам рабочей силы они отстают от азиатских и латиноамериканских государств. Это может означать, что на указанном участке еще многое предстоит сделать, чтобы приблизить местный уровень к более высоким стандартам, утвердившимся в «классе» более продвинутых развивающихся стран (2, с. 9).

Состояние базовой инфраструктуры является еще одним весомым фактором создания консолидированной и устойчивой экономики в зоне БВСА. Между тем производственная и транспортная инфраструктура, которая связывает воедино внутрен-

ний рынок в арабских странах, а также обеспечивает коммуникации и связь внутри и за пределами региона, не удовлетворяет полностью растущим потребностям экономики и является уязвимым звеном в системе производительных сил стан среднего уровня развития, представляющих большую часть Арабского Востока. На этом фоне Сирия также, наравне с Тунисом и, в меньшей степени, с Марокко, занимает более выгодные позиции и выделяется по сравнению с соседями в том, что касается, например, автодорожной транспортной системы или строительного комплекса, который сопоставим со странами Латинской Америки, но уступает возможностям азиатского региона (2, с. 10). С точки зрения железнодорожных путей сообщения, Сирия даже имеет определенный резерв мощностей, который позволит ей развиваться на этом направлении еще достаточно длительное время, не прибегая к серьезным инвестициям с целью расширения путевого и станционного хозяйства.

Это, безусловно, – вдохновляющий момент для сирийской стороны. Но в руководстве отдают отчет в том, что национальная инфраструктура, призванная содействовать разрастанию частного бизнеса и иностранного предпринимательства, которые могли бы привести к структурным сдвигам в ВВП и вывести на ведущее место обрабатывающую промышленность, еще не является в достаточной степени зрелой и нуждается в совершенствовании форм и методов ее расширения и укрепления.

По показателям же телефонной связи только Сирия и Иордания из числа арабских стран в 90-е годы смогли заложить наиболее массивный фундамент под современные коммуникации, элементная база которой активно наращивается в течение первого десятилетия нового века.

В принципе, достижения Сирии на ведущих участках хозяйственного строительства создают достаточно внятные предпосылки для ее экономического и социального развития на ближайшие годы в рамках принятой стратегии социально ориентированного рынка. Его концепция последовательно проводится в жизнь, хотя не позволяет добиться существенного рывка в экономике и нуждается в коррекции стратегии роста. Возможно, в этом смысле окажется полезным переход от практики импортзамещения к экспорториентированному курсу, который создает основу для диверсификации экономики, работает

на повышение конкурентоспособности национальной промышленной продукции, положительно влияет на объем и сбалансированность внешней торговли и вообще обеспечивает большее соответствие воспроизводственной системы требованиям модели экономической либерализации.

Это тем более важно потому, что Сирия, несмотря на положительные изменения ряда экономических показателей, все же может оказаться перед необходимостью подправить вектор развития, а возможно, даже поменять его. Причем, наибольшим изменениям может подвергнуться его политическая составляющая, что особенно вероятно в свете народных волнений, которые могут побудить режим к более решительным шагам во внутриполитической сфере. А это на определенном этапе сможет повлечь и подвижки на экономическом пространстве страны. Тем более, что здесь давно уже ведутся дискуссии по поводу перехода к рынку и приватизации активов, которые находятся в государственной собственности. Однако активные обсуждения в средствах массовой информации не привели к особым практические результатам. По-прежнему проблема реформирования госсектора и передачи госсобственности в частные руки остается по большому счету нерешаемой. В стране существуют опасения по поводу изменения форм собственности, тем более в массовом порядке. Приватизация страшит обширные низшие и средние слои населения тем, что концентрация активов в руках немногих и появление новых собственников подстегнет коррупционные процессы, в ходе которых еще более объемные средства окажутся выведенными из под контроля государства. В глазах народа эффективность мер по приватизации подорвана не только политикой государства, но и сведениями о сходных процессах в России и в странах бывшего соцлагеря, которые в свое время послужили Сирии образцом для подражания в годы масштабных национализаций основных средств производства после прихода к власти партии Баас.

По некоторым оценкам, численность тех, кто опасается приватизации, составляет до 80% населения (3, № 7, март 2005, с. 36). Такая большая цифра объясняется тем, что в сохранении госсобственности заинтересованы крупные контингенты граждан, рассматривающих ее как социальный якорь, удерживающий малоимущие категории наплаву. Действительно, по сию пору в Сирии существует централизованная плано-

вая экономика и проводится курс на социальную защиту населения в рамках имеющихся скромных возможностей. Значительная его часть реально зависит от положения дел в госсекторе и, соответственно, от усилий государства в указанных областях, несмотря на невысокую эффективность входящих в его состав предприятий. Они служат, как известно, своего рода прибежищем для разного рода посредников и спекулянтов, а также источником малодоходной занятости для крупных контингентов населения. Отсюда и ситуация, при которой госсобственность не только не рождает живых инициатив в экономике, но и создает мало мотиваций для продуктивного труда и во многом поддерживает псевдозанятость, при которой работники вынуждены восполнять свою рабочую силу за счет сторонних приработков.

Однако приведенную выше цифру (если только она не относится исключительно к занятым в городах) можно оспорить уже хотя бы тем, что аграрный сектор, например, не имеет в своем составе госхозяйств и сохраняется как пространство, на котором господствует частная хозяйственная деятельность. Кроме того, в городах существует мелкое производство, которое управляется частными лицами. И привычка полагаться только на государство с точки зрения воспроизводства своей рабочей силы едва ли может быть свойственна столь большей части населения, как о том свидетельствует цитируемый источник. К тому же не указывается, какое именно население имеется ввиду – совокупное или самодеятельное, что имеет значение для оценки масштабности явления. В связи с этим все-таки сомнительно, чтобы подавляющая часть населения была настроена против приватизации, если тем более она будет проводиться в интересах расширения слоя экономически дееспособных мелких и средних товаропроизводителей, готовых пополнить ряды предпринимательского класса и увеличить производительность частного капитала.

Общая тенденция мирового развития, региональная практика и потребности дальнейшего экономического роста так или иначе подталкивают режим к переоценке экономической стратегии. Без этого Сирии будет все труднее противостоять давлению внутренних и внешних факторов, которые сдерживают ее движение в будущее. Во всяком случае, имеются все основания считать, что перед ней будут воздвигаться препятствия со стороны государственных и частных финансовых институтов

и агентств из промышленно развитых стран, которые ведают вопросами оказания помощи и содействия в развитии. Они выдвигают свои условия предоставления кредитов и займов, из которых наиболее жестким является переход к свободному рынку и отказ государства от вмешательства в экономику. В авангарде этого движения находятся МВФ и Всемирный банк. Они настаивают на неукоснительном выполнении подобных требований в вопросах, которые имеют определяющее значение для судеб развивающихся государств. Это – проведение структурных реформ странами- реципиентами помощи, реструктурирование задолженности и многие другие темы, от которых зависят жизнедеятельность воспроизводственных механизмов и жизнеспособность политических систем, в том числе и в арабских странах. Особенно подобных Сирии, которая десятилетиями является объектом недоброжелательного внимания со стороны США, оказывающих давление на правящий режим с помощью санкций и использующих любые другие средства ущемления этой страны в попытках принудить ее отказаться от своих принципов в экономике и подходов к решению ближневосточного конфликта.

Сотрудничество Сирии с ЕС, а также с членами экономических организаций Средиземноморского и Черноморского бассейнов и с участниками соглашения о зоне свободной торговли между США и Ближним Востоком также обусловлено, и не только экономическими требованиями. Оно несет в себе политическую нагрузку, которая должна служить побудительным мотивом для движения Сирии в означенном направлении, если она хочет взаимодействовать с европейским рынком и пользоваться благоприятным режимом в отношениях с другими партнерами.

Внутренним мотивом для либерализации частнохозяйственной деятельности и высвобождения места для рыночных сил могут служить два непреходящих момента, характерных для сирийской экономики на протяжении длительного периода. Это, во-первых, тот факт, что финансовая ситуация внутри страны остается хронически напряженной, и для преодоления ее на каком-то этапе необходимо будет прибегнуть к мобилизации ресурсов из частных источников при слабой доступности внешнего кредитования. Во-вторых, государственные экономические органы испытывают трудности с точки зрения поддержания эффективности воспроизводственных и управленческих

механизмов и не располагают в достаточной степени возможностями, чтобы служить источником распространения прогрессивных идей, касающихся ведения современной хозяйственной деятельности и необходимых для обеспечения приемлемой прибыльности предприятий.

Возможно, в свете этого в Сирии напрасно опасаются приватизации, которая совершенно необязательно должна носить повальный характер. По крайней мере, на первых порах разгосударствление может затронуть только те госпредприятия, которые имеют самостоятельный юридический статус и собственные бюджеты и получают доход от участия в распределении товаров и услуг. (3, № 7, март 2005, с. 36). Они действуют как коммерческие учреждения и в силу этого являются почти готовыми объектами для передачи в частную собственность, при опоре на которую в этом случае можно было бы обеспечить большую капитализацию активов.

Возможно, одного этого решения могло бы оказаться достаточно, чтобы сделать его основой выхода из сложного положения и проверить на практике корректность перехода к расширению рыночной сферы. Правда, этот подход противоречит стратегии сирийского руководства, которое оберегает госсектор от размывания и поощряет частное предпринимательство только в тех сегментах, в которых оно не может конкурировать с государством.

Очевидно, однако, что такая возможность может сохраняться только до определенных пределов, и в итоге правящий режим будет вынужден перейти к иной практике, и достаточно резко, что может нарушить плавность движения к рынку, разрушив уже упоминавшуюся тактику малых шагов его освоения. Видимо, подобный вариант развития учитывается, и поэтому власть пытается максимально накопить инерцию движения в надежде, что «накат» позволит избежать революционных шагов, которые могут придти на смену длительно откладываемой кардинальной перестройки сложившихся форм собственности.

Между тем, в стране продолжают муссироваться вопросы, связанные с определением способов оптимизации процессов развития. Финансовый кризис 2008 г. дополнительно подстегнул дискуссии, в которых в основном сталкиваются две точки зрения. Одна вращается вокруг того, что кризис может больно ударить по Сирии в связи с тем, что она поддерживает торговые и экономические связи с внешними рынками. Другая сво-

дится к тому, что кризис не окажет значительного влияния на экономику, поскольку отношения с США практически отсутствую, сирийский фунт не связан с долларом, фондовая биржа неактивна, и это является гарантией выживания страны в ухудшившихся условиях.

Двойственность подходов определяется тем, что местным аналитикам, стоящим на разных идейных позициях, трудно дать однозначную оценку процессам, которые развиваются в экономическом и социальном теле страны. Они как бы распадаются на отдельные очаги, которым свойственны значительные расхождения по качеству и темпам развития. В результате, на практике нарушается равномерность движения, что создает своего рода турбулентность, мешающую достижению единообразия в тенденциях роста и выполнению стратегической задачи перехода на рельсы устойчивого развития

Действительно, в период до начала мирового финансового кризиса экономика развивалась за счет сектора услуг, доля которого в ВВП составила 30,2%, затем следовали сельское хозяйство – 22,7%, добывающая – 12,9% и обрабатывающая – 7,6% промышленность. Практически эти пропорции изменяются медленно и на коротких отрезках времени измеряются небольшими величинами. Между тем, нужны кардинальные сдвиги, чтобы изменить ситуацию. Во всяком случае, доля обрабатывающей промышленности остается на прежнем уровне, но значительно ниже отметки в 20%, с которой, собственно, начинается стимулирование деятельности в других отраслях, обеспечивается прирост добавленной стоимости, активизация занятости, приток валюты за счет увеличения экспорта (6, № 368, 11. 2008, с. 14).

В Сирии нет уверенности в том, что колебания показателей производства могут быть исправлены за счет передачи инициативы частному сектору. Поэтому в соответствующих кругах еще господствует нерыночное мнение относительно возможностей корректировки ситуации. Местные экономисты-государственники не видят выхода в сокращении государственного вмешательства в экономику. Они исходят из того, что этот резерв еще не использован до конца. Например, бюджетные «расклады» 2009 г. показали, что на инвестирование выделялись 28% ВВП, в то время как в странах со сходными условиями этот показатель достигает 35%. При этом ими подчеркивается, что капиталовложения должны привлекаться за счет

текущих расходов государства, поскольку в сложившихся условиях, когда частный сектор склонен к сворачиванию инвестиционной деятельности в производстве, создается особый спрос именно на госинвестиции. Продуктивность вмешательства государства на тот момент в процесс накопления капитала и в обращение капитальных средств должна была, с одной стороны, стать мерилом его способности оптимизировать потоки из обоих источников и компенсировать общее снижение доходов с 249 млрд. ф. до 90 млрд. (в том числе и за счет падения поступлений от нефти), а с другой, – не допустить нового сокращения рабочих мест, которых к 2010 г. было достаточно для поглощения не более 25% новых рабочих рук (6, № 368, 11. 2008, с. 15).

Тем не менее, де-факто как бы признается, что без помощи частных накоплений ситуацию в стране «разрулить» сложно. Поэтому с самого начала 90-х годов власть поступательно движется по пути совершенствования условий для иностранных и национальных инвестиций в разные сферы экономики. Этот процесс получил ускорение к концу первого десятилетия нового века, что ознаменовалось упрощением процедур, связанных с привлечением инвестиций, открытием обещающих сфер для предпринимательского капитала и т.п. шагов.

Акцент делается на органично присущие Сирии сравнительные достоинства, проистекающие из ее выгодного географического положения, наличия запасов природных ресурсов и удобных путей сообщения. Дополнительными факторами являются и некоторые другие обстоятельства в виде дешевой и достаточно обученной рабочей силы, низких капитальных расходов на производство, определенных преференций для производителей, невысокой инфляции, стабильности национальной валюты с 1990 г., не особо обременительной внешней задолженности, относительно развитой инфраструктуры, наличия свободных и промышленных зон в Адре, Хисье, Шейх ан-Наджаре и других моментов.

Тем не менее, для Сирии этап формирования благоприятной среды для привлечения прямых иностранных инвестиций отнюдь не завершен, и процесс адаптации страны к требованиям зарубежных инвесторов далеко не закончен.

Внешние инвесторы не во всех пунктах доверяют заверениям властей относительно преимуществ, предоставляемых иностранному капиталу. В частности, утверждения о политиче-

ской стабильности и безопасности для немалого их числа остаются достаточно сомнительными, учитывая положение Сирии в центре неурегулированного арабо-израильского конфликта, сложных отношений с Ливаном, американских санкций и других обстоятельств. В равной мере недостаточно убедительными могут быть и заверения государства об открытости сирийской хозяйственной системы для мировой экономики, а также приверженность идее «социального рынка», за которой просматривается наследие эпохи социалистической ориентации – фактора, который и ранее настораживал не только западных, но и арабских инвесторов. Все же в отдельных моментах сложившиеся за пределами Сирии представления о ней могут диктоваться инерционностью восприятия этой страны, действительно имеющей длительный опыт экспериментирования с государственным вмешательством в экономику и централизованным регулированием работы воспроизводственных механизмов.

Тем не менее, предпринятые шаги приносят видимый эффект. Во всяком случае, если судить по десятикомпонентному индексу «легкости ведения бизнеса» Всемирного банка, рассчитываемого для 181 страны, можно видеть, что Сирии только за один год удалось переместиться со 140 места в 2008 г (для 178 стран) на 137 в 2009 г. Этот сдвиг может обрести большую осязаемость, если проследить динамику показателя по отдельным позициям, которые раскрывают бизнес-ситуацию в Сирию в лучшем свете. Например по таким признакам, как открытие бизнеса (124 позиция), трансграничная торговля (111 позиция), защита инвесторов (113 позиция), наем рабочей силы (122 позиция) регистрация собственности (71 позиция), оплата налогов (99 позиция) получение лицензии (132 позиция) и ликвидация бизнеса (84 позиция) Сирия в определенном смысле может быть поставлена в один ряд с такими наиболее продвинутыми в смысле либеральных реформ государствами, как Египет и Иордания, которые в ряде случаев вполне сопоставимы с Сирией и в отдельных моментах могут даже несколько уступать ей. По существу только по такому индикатору, как исполнение контрактов (174 позиция) и доступ к кредиту (178 позиция) Сирия заметно проигрывает своим «визави» по региону (4, с. 21).

И все же сирийские показатели из приведенного ряда не могут в полной мере считаться успешными. Их сопоставление

с данными по Иордании и Египту возможно в качестве иллюстрации, но не свидетельства существенного прогресса, поскольку и два указанных государства не могут быть образчиками сугубо рыночного поведения, хотя и прошли более долгий путь по пути структурных реформ в сравнении с Сирией.

Если бы эти показатели были единственным критерием оценки рыночных достижений, то тогда можно было бы сделать вывод о том, что даже с помощью лимитированных реформ в экономической сфере при сохранении значительных элементов государственного регулирования в условиях активизации рыночной и деловой активности можно добиваться некоего осязаемого эффекта. Однако, чтобы сделать картину выражаемой этими данными сути явлений более четкой, следует принимать в расчет реальную практику хозяйственных отношений, утвердившихся в сирийской экономической жизни. Ведь достижение удовлетворительных показателей по одним позициям может нивелироваться отставанием по другим. В частности же, можно констатировать, что доступ к кредиту в Сирии, как отмечалось, заметно ограничен, и это лимитирует возможности развития частного предпринимательства, которое вынуждено прибегать к внебанковским заимствованиям или опираться на собственные ресурсы, чего бывает недостаточно для полноценного ведения, а тем более, развития дела. Или обязательства по контрактам, которые не соблюдаются в полной мере по разным причинам, в том числе и из-за низкой эффективности вмешательства судов в разрешение хозяйственных конфликтов, что подрывает доверие между рыночными фигурантами (особенно в случаях, не решаемых с помощью традиционных норм) и создает атмосферу неустойчивости рыночных связей. Между тем, побуждение экономических агентов к выполнению контрактных обязательств именно через судебное вмешательство остается важным средством поддержания здоровья хозяйственной сферы в любой устоявшейся системе в отличие от арабской практики, где имеющиеся институты не в полной мере готовы обслуживать капиталистические отношения и содействовать преодолению аморфности конкурентной среды.

Открытость внешнему рынку на Арабском Востоке улучшилась в целом по региону, но остается все еще на невысоком уровне, в среднем равном 30% ВВП в сравнении с показателями по Азии, равными 45–70%. В этом отношении ситуация

в Сирии отмечается как значительно уступающая другим государствам региона, составляя 10% в 90-е годы прошлого века в силу трудностей, связанных с уходом от этатизированной экономики к рыночно ориентированной (2, с. 9). По этой причине страна должна сделать еще очень многое, чтобы улучшить свою торговую политику и преодолеть инерцию прошлого.

В целом же можно сделать предварительный вывод о том, что процесс либерализации экономики, выраженный в показателях легкости ведения бизнеса, в Сирии хотя и обладает определенной последовательностью, тем не менее развивается неравномерно, допуская весьма существенные отклонения от осевых условий, гарантирующих беспрепятственное становление капиталистического предпринимательства. В то же время регистрируемая в этой сфере динамика едва ли может рассматриваться как выходящая за рамки некоего общего контекста реформ и структурной перестройки экономических отношений, который сложился в арабских странах.

Отмеченные же подвижки Сирии в сторону большей открытости внешнему рынку были реализованы в немалой степени благодаря более критичному подходу к регулированию законодательной сферы, административной и технологической среды. Конечно, указанные подвижки не столь фундаментальны, чтобы на них строить далеко идущие выводы, но они показывают тенденцию, в соответствии с которой сирийское руководство выстраивает свою экономическую политику. А эта тенденция заключается, в конечном итоге, видимо, в том, чтобы неспешно выстраивать собственную схему движения к реформам. Их задача – подвести страну к текущим параметрам реформенного арабского поля, которые постепенно становятся нормой в практике обновления воспроизводственных механизмов арабских государств, обращены к повышению удельного веса обрабатывающей отраслей, к экспорториентированной экономике и к повышению конкурентоспособности национальной продукции.

В большой группе арабских стран отмечается постепенный рост рыночных отношений, открытость мировому рынку также увеличивается, а экспортный сектор ориентируется на пополнение доходов государства и лучше вписан в систему торгово-экономических связей с заграницей. Сирия находится с этой точки зрения на удалении от соседей, располагающих примерно таким же промышленным и аграрным потенциалом.

Экономическая эффективность национального производства довольно четко демонстрируется данными о конкурентоспособности товаров и услуг, предлагаемых национальными производителями в арабском мире. Арабский институт в Кувейте в 2009 г. провел соответствующее исследование по вопросу среди 24 арабских государств. Обследование проходило по 11 параметрам, в числе которых условия хозяйственной деятельности, состояние инфраструктуры, степень вмешательства государства, человеческий капитал, привлекательность для инвестиций и т.п. и включало период с 2003 г. по 2009 г. в динамике по этапам 2003–2009 и 2005–2009 гг.

В результате оказалось, что по конкурентоспособности Сирия заняла 21-е место в иерархии обследованных стран, получив положительную оценку за первый период (6 положительных позиций из 11) и отрицательную за ухудшение показателей с 6 до 3 во втором периоде. В отчете Всемирного экономического форума 2009 г. о состоянии мировой конкурентоспособности 128 государств по 14 параметрам положение Сирии выглядит несколько лучшим, хотя отмечается большая неровность показателей. Они далеко отстоят от ведущих стран по качественному составу местных импортеров и соотношению прибыли к дефициту (94 и 95 место), качеству дорог и инфраструктуры (88 и 77 место), но занимает места почти в середине (от 54 до 43) списка по таким позициям как количественный состав местных экспортеров, гибкость расценок оплаты труда, защита прав миноритариев, время, необходимое для начала бизнеса, оформление прав на имущество, расходы на сельскохозяйственные работы и т.п. (4, с. 22)

Расхождения между показателями велики, но объяснимы объективными обстоятельствами. Сирийская сторона работает над улучшением условий экономического роста, что проявляется в той или иной степени в состоянии инвестиционного климата, зависящего во многом от общих показателей макроэкономической динамики. В Сирии отмечаются относительно устойчивые тенденции роста ВВП, низкий уровень инфляции, приемлемое состояние балансов внешней и внутренней торговли, стабильность золотовалютных резервов. Эти явления сопровождались отказом от однозначной привязки национальной валюты к доллару, устойчивостью курса обменных операций и т.п.

Как отмечалось, Сирия не торопится проводить резкие структурные реформы. Переход к свободному рынку затягива-

ется. В этом просматривается стремление отсрочить крупные преобразования, которые неминуемо расшатают сложившиеся пропорции в отношениях между государством и экономическими институтам и структурами. А в условиях сложной обстановки вокруг страны, слабости базы внутренних сбережений и нестабильности внешних источников накопления слишком смелые шаги могут привести к глубоким нарушениям в макроэкономическим равновесии.

Понятно, какую, и при этом немалую, роль в подобного рода соображениях играют опасения отпустить экономику настолько, чтобы она утратила управляемость и вышла из-под контроля власти. Именно поэтому реформы осуществляются исподволь и принимают затяжную форму. На постепенность шагов толкают и другие причины. В частности, принимаются в расчет такие ограничители расширения частнохозяйственной инициативы, как крайне осторожная природа национального капитала, работающего в основном с короткими деньгами, в целом низкая степень его социальной ответственности, общая неуверенность в обществе относительно его способности беспристрастно участвовать в распределении экономической выгоды.

Поиск оптимальных соотношений между государственным вмешательством и свободой частного предпринимательства имеет довольно длительную историю. Во всяком случае, первые шаги в этом направлении относятся к 1970 г., когда Х. Асад ввел в оборот такое понятие как исправительное движение. Его задача заключалась в том, чтобы скорректировать положение частного сектора в координатах огосударствленной экономики и установить более четкие пределы его деятельности, предоставив ему некоторые послабления. Действительно, частное предпринимательство получило гарантированное право на развитие, но сфера действия сектора в индустриальной нише был жестко очерчена, хотя на практике его представители активно пользовались возможностями, которые регулярно возникали в процессе взаимодействиями с предприятиями госсектра. При этом значительная часть имевших свой бизнес мелких и средних товаропроизводителей работала на второстепенных направлениях хозяйственной деятельности или поставляла услуги на внутреннем рынке. Крупная торговая буржуазия предпочитала оперировать в сфере снабжения, заниматься поставками для зарубежных контрагентов, участвовать

в экспортно-импортных операциях, в спекуляциях и в сделках с недвижимостью, т.е. в нишах с быстрым оборотом значительного капитала, требовавшего неформальной поддержки со стороны управленческих структур государства.

Приход к власти Б. Асада в 2000 г. связывался в стране с новыми подходами к развитию общественных процессов и собственно сирийской экономики, которой предстояло функционировать в активно глобализирующейся среде и искать свое место на региональном и мировом рынке. В свете этого вопросы интеграции в мировое хозяйство, повышения эффективности экономических инструментов, модернизации действующих институтов и коррекции устоявшихся норм в экономической и социальной политики приобрели особое значение в новых конкретно-исторических условиях. Но неготовность власти к введению открытого рынка и высвобождению частной инициативы на широком фронте стала серьезным препятствием для перехода на современные стандарты ведения хозяйственной деятельности. На фоне других Сирия выглядела гораздо более консервативной и неуступчивой в отстаивании своих взглядов на экономическую политику. Это расширяло разрыв даже между нею и арабскими государствами такого же уровня развития, которые вырвались вперед с точки зрения сокращения доли государства в экономике, развития экспорториентированных отраслей, поиска ниш в высококонкурентных сегментах внешнего рынка.

Связанные с этим процессы обретали все более наглядную форму, и в свете их нарастающей динамики сирийское руководство активизировало, по сравнению с предшествующим периодом, деятельность, имеющую отношение к либерализации экономики. В значительной своей части этот курс сосредоточивается вокруг организационно-технической деятельности в виде разного рода форумов и представительных встреч на разных уровнях. Цель этих мероприятий состоит в том, чтобы «создать благоприятную обстановку для обсуждения проблем, имеющих значение для всех аспектов современного развития, а также мобилизовать общественную поддержку реформе законодательной базы, которая должна опираться на новые принципы, обновленные юридические нормы и институты, необходимые для проведения соответствующих действий» (4, с. 23). Такая формулировка звучит, конечно, несколько уклончиво, но и в таком виде она отражает новые реалии, которые требуют

конкретных шагов в экономической политике и переводе ее в практическую плоскость.

Во исполнение подобной «дорожной карты» в Сирии развернулась кампания, охватившая практически десятилетний период, в ходе которого было принято около тридцати законов и декретов, регулирующих разные стороны внутренней и внешне-экономической деятельности. Среди них были своего рода этапные, которые затрагивали существенные стороны управления экономическими процессами и создавали реальные условия для деятельности иностранного и национального капитала в различных отраслях. Одним из важнейших стало решение о сокращении количества валютных курсов до трех в целях оптимизации импортных операций, снижение внутренней процентной ставки в два раза и разрешение открывать счета в иностранной валюте, что впервые с 1981 г. было сделано в 2004 г.

В 2001 г. был принят закон о частных банках, что фактически революционизировало сферу финансов после тотального запрета на их деятельность в предшествовавший период. В 2005 г. это решение было дополнено допущением деятельности исламских банков. В 2000 г. были внесены поправки в законы, ограничивавшие хождение иностранной валюты, что служило одним из важнейших препятствий для привлечения иностранных инвестиций в страну. В 2003 г. последовали законы о запрещении отмывания денег, а в следующем за ним – о создании индустриальных городов. В 2006 г. были внесены поправки в закон о налогообложении, снизившие ставки подоходного налога в поощряемых отраслях, и в том же году была открыта валютная биржа в Дамаске. Следующий 2007 г. стал наиболее плодотворным с точки зрения создания условий для функционирования предпринимательского капитала. В частности, последовало открытие фондовой биржи, разрешение на слияние компаний после оценки их капитальных активов, закон № 8 о поощрении инвестиций, о создании инвестиционного управления. В том же году был опубликован закон №32, разрешавший инонациональным инвесторам-владельцам предприятий на территории промышленных городов, подпадающих под действие закона №21 от 1958 г., иметь в собственности и арендовать землю и иную недвижимость, необходимую для ведения их предприятий в размере, превышающем установленный потолок, при условии использования этой недвижимости для

нужд проекта. В 2008 г. были приняты законы о недвижимости и инвестиционных операциях с нею, а также новый закон о компаниях. Позже были утверждены законы о присоединении к международному договору о регистрации образцов промышленной продукции, закон от защите национального производителя от негативных последствий процессов в мировой торговле, закон о торговых марках. В 2005 г. был принят специальный закон о присоединении к международному соглашению о противодействии террору и пресечении финансирования экстремистской деятельности.

Было существенно пополнено финансовое законодательство и подвергнут корректировке ряд принципов функционирования финансовых институтов. В частности, существенное внимание было уделено изменениям в налоговой практике, предоставлены преференции некоторым категориям налогоплательщиков с целью стимулировать инвестиционную деятельность, сформулированы требования к операциям с недвижимостью, чтобы упорядочить рынок недвижимости, стимулировать процессы накопления и более активно использовать его средства в экономическом развитии.

Столь объемный список новых положений показывает, что Сирия создала ощутимые предпосылки для юридического обеспечения самых разных аспектов деятельности в условиях рыночной экономики. При этом список не исчерпывается перечисленными законами и существенно дополняется многочисленными решениями и действиями Центрального банка Сирии и Совета по денежной и кредитной политике, которые образуют разветвленный механизм, обслуживающий иностранные капиталовложения, особенно прямые иностранные инвестиции. С 2006 г. полностью сняты ограничения с операций, связанных с кредитованием импорта, в связи с чем Центробанк разрешает банкам финансирование всех импортных сделок частного и смешанного секторов в иностранной валюте. В равной мере разрешается вовлеченным в операции с валютой компаниям продажа с их счетов, открытых в лицензированных банках, валюты импортерам непосредственно или через зарубежные институты.

Цель этих мероприятий – усиление экспортной составляющей во внешнеэкономической деятельности Сирии, что достигается, в частности, за счет увеличения доли обрабатывающих отраслей в структуре ВВП. Для усиления этого направления созданы Высший совет по экспорту, Управление

развития и продвижения экспорта, Фонд развития экспорта, подписаны двусторонние соглашения о свободе торговли с рядом арабских стран, включая ССАГПЗ, с Турцией, Ираном, Китаем и другими государствами. Планируется также создание специальной экономической зоны Агрополис в Эль-Габе, предназначенной для размещения инвестиций и приема технологий в целях производства конкурентоспособной сельскохозяйственной продукции и поставок ее исключительно на экспорт.

В общем, имеются основания утверждать, что целый блок усовершенствований, повышающих открытость рынку и облегчающих участие в региональных интеграционных процессах, призван помочь Сирии изменить отношение к себе со стороны мирового бизнес-сообщества, стимулировать мобилизацию внутренних накоплений и увеличить приток внешних ресурсов. Эти меры в конечном итоге направлены и на улучшение условий жизни в стране. Однако они по определению не могут принести немедленный эффект. Таким образом, ожидания народа не оправдываются, хотя в век глобализации и растущих потребительских стандартов он рассчитывает на новое отношение к своим нуждам в самом широком спектре, включая большие политические и экономические права.

Между тем, главной целью в понимании власти было удержание страны хотя бы на минимально необходимом уровне макроэкономических показателей. Очередным этапом на этом пути стал десятый пятилетний план развития 2006–2010 гг. Он был временем совершенствования законов и положений, регулирующих внешнеэкономическую деятельность, особенно в той ее части, которая связана с поощрением иностранных инвестиций, особенно прямых. Страна добилась некоторых успехов в этой области, хотя рамки использования ПИИ не были расширены в заметной степени, а объемы поступления ресурсов не выросли существенно. По-прежнему особым вниманием пользовались такие отрасли, как обрабатывающая промышленность – 41% инвестиций, торговля – 15,7%, финансы, страхование и недвижимость – 15,2%, горно-добывающая промышленность – 9,6% (4, с. 87).

В ходе реализации плана была проявлена политическая воля к тому, чтобы добиться большей прозрачности финансовых институтов и действий тех структур власти, что имеют отношение к вопросу. Параллельно закладывались условия для полноценного функционирования фондовой биржи в виде юридиче-

ских и корпоративных основ ее деятельности, регулирующих порядок размещения акций, особенности их обращения, котировки, вообще ведения биржевых операций. Были предприняты шаги для подготовки специалистов способных профессионально разбираться в механизмах фондовой деятельности и обеспечивать работу биржи как важнейшего рыночного инструмента.

Концепция завершившегося плана предусматривала улучшение условий экономического роста за счет выхода на более высокие макроэкономические показатели, дальнейшего совершенствования инвестиционного климата и общего оздоровления социальной обстановки в стране. В частности, темпы роста ВВП определялись на уровне 7%, предполагалось создание дополнительных 1,25 млн. рабочих мест, снижение уровня безработицы до 8%, сокращение доли населения, живущего за чертой бедности до 7,1%. Одновременно государство рассчитывало на доведение доли иностранных инвестиций в ВВП до 2,9%, а показатель участия частного капитала в совокупных инвестициях до 47% (4, с. 28).

В перечень плановых наметок входило также повышение эффективности занятости и производительности труда, достижение более высокого уровня конкурентоспособности национальной продукции и качества услуг. В связи с этим основной упор делался на поощрение наиболее перспективных отраслей, продукция которых востребована на мировом рынке, и инфраструктурных объектов, способствующих наращиванию промышленного потенциала. В свете этого приоритет отдавался предприятиям обрабатывающей промышленности как наиболее перспективному средству внедрения и закрепления в нишах мирового рынка.

В качестве подложки для программы модернизации национальной промышленности намечались существенные подвижки на разных направлениях хозяйственной деятельности и меры, ведущие к интенсификации производства и обеспечению устойчивого развития. План действий на этих направлениях предстает в общем достаточно насыщенным, ориентированным на массовые изменения в материально-технической базе, в механизмах управления экономическими процессами, в результате чего просматривается общая тенденция к либерализации экономических институтов и к большей открытости внешнему рынку.

Многомерность этих задач очевидна, а объем деятельности по их претворению в жизнь разнообразен и простирается

от структурных реформ до децентрализации хозяйственной деятельности, от приватизации информационно-коммуникационного пространства до ударного инфраструктурного строительства и от обеспечения роста внутренних сбережений до ускоренного роста обрабатывающей промышленности и расширения программ в области образования, научно-исследовательских разработок, здравоохранения и т.п.

В связи с этим вполне резонно предположить, что поставленные цели намечались со своего рода «запасом» и представляли собой максимум возможного в текущих обстоятельствах. В большой мере концепция подъема экономики несет в себе элементы декларативности, неких намерений в социальной и экономической сферах. Она должна была показать решимость власти добиться предельных результатов при реализации экономической стратегии, основанной на социально ориентированном рынке. Очевидно также и то, что планы социально-экономического развития в Сирии носят индикативный характер и не являются поэтому директивными. Тем не менее, они демонстрируют основные направления движения и меру способности государства в обеспечении экономического роста.

Особенностью истекшего планового периода стало то, что в ходе его страна прошла через мировой финансовый кризис. По ряду признаков, как отмечалось, она не пострадала от этого события в разрушительной степени, поскольку в предшествующие годы не вписалась в процессы, связанные с масштабными структурными реформами и либерализацией внешней торговли в степени, которая могла бы гарантировать ей жесткие потрясения. Тем не менее, кризис не прошел бесследно для сирийской экономики. Во всяком случае, по наметкам Всемирного банка реальные темпы роста ВВП, которые в 2008 г. снизились и составляли 5,2%, в 2009 г. сократились до 3%. На 2010 г. предполагалось, что они смогут подняться только до 3,5%, что в два раза меньше, чем устанавливалось планом (1).

С этой точки зрения весьма показательной может стать ситуация, которая наблюдалась к исходу плана в обрабатывающей промышленности, которая, как отмечалось, рассматривается как важное звено в перестройке экономики на экспортные рельсы. О динамике показателей в этой области могут свидетельствовать следующие данные о капитале (млн. сир. ф.) и о динамике других показателей во второй половине истекшего десятилетия.

Отрасли	Данные о предприятиях	2005	2006	2007	2008	2009
	Количество	140	117	172	139	160
Механо-сборочная	Капитал	951	3192	3735	12168	3376
	Раб. сила	792	1455	1838	1285	1672
	Количество	247	246	166	174	201
Химическая	Капитал	2496	5235	6054	3318.5	6114
	Раб. сила	1604	2504	1974	1632	2063
	Количество	380	333	278	317	266
Продовольст-венная	Капитал	2838	3415	2923	3871.7	7533
	Раб. сила	1764	1983	1929	1786	1422
	Количество	227	240	134	156	130
Ткацко-прядильная	Капитал	1259	4331	918	1188.8	1629
	Раб. сила	1774	1857	1396	1225	1331
	Количество	994	936	750	786	757
Итого	Капитал	7544	16173	13638	20574	18652
	Раб.сила	5893	7799	7137	5988	6488

Источник: (4, с. 54)

Из приведенных данных можно сделать некоторые предварительные выводы, которые показывают тенденции, сложившиеся к концу истекшего десятилетия в сфере обработки.

В частности, можно заключить, что в механосборочном производстве отмечалась неравномерность развития с точки зрения количественного роста предприятий, но в целом рассматриваемый этап завершился ростом их числа. Но в трех других явно прослеживалась тенденция убывающего роста числа предприятий.

Однако, в целом по всем указанным отраслям отмечается рост инвестированного капитала, причем можно констатировать, что в механосборке за указанный период он увеличился в наибольшей степени, т.е. 3,6 раза, а в других отраслях – соответственно в 2,5; в 2,6 и в 1,3; раза. И это тоже неплохой показатель, который мог бы быть выше, если не кризис.

Что касается показателей занятости, то значительный рост наблюдался для механосборочной отрасли – в 3,5 раза и для химической – в 1,3 раза, в остальных падение составило соответственно 20 и 25%.

Другими словами, по всем данным механосборка вышла на первое место в обрабатывающей промышленности, а в других отраслях процесс не был столь же прямолинейным, и рост капитала не обязательно сопровождался наращиванием показателей занятости или количественного состава отраслей. Хотя косвенно можно рассматривать соотношение размещенного капитала и численности рабочих рук в производстве продовольствия и в ткацко-прядильной отрасли как свидетельство повышения технического строения капитала и увеличения доли оборудования в производстве на фоне некоторого ухудшения показателей развития обрабатывающей промышленности.

Примерно сходная картина наблюдается и в динамике развития транспортной инфраструктуры. Во всяком случае, здесь инвестиционная программа оценивалась на период 2001–2009 гг. в размере 71401 млн. сир. ф. и в 2,8 раза превышала объем ассигнований на 1991–2000 гг. При этом даже в разгар кризиса совокупные капиталовложения в транспорт не только не уменьшились, но возросли с 9,2 млрд. ф. в 2008 г. до 10,3 млрд. в 2009 г., хотя реальные инвестиционные расходы вылились в гораздо меньшие суммы и составили за два года соответственно 1,6 и 1,4 млрд. ф. Хотя эти цифры не следует драматизировать, поскольку степень освоения финансовых ресурсов на транспорте всегда отставала от плановых. Например, в благополучные 2005 и 2006 гг. выделенные средства составляли соответственно 10,5 млрд. и 20,1 млрд. ф., а реально израсходованные – 4,1 млрд. и 8,1 млрд. Хотя разница в освоенных ресурсах по их физическому объему между двумя периодами существенна. Степень выполнения плановых заданий также оказалась беспрецедентно низкой в кризисные годы – соответственно 17,4% и 13,8% (подсчитано по: 4, с. 65).

Приведенные сведения регистрируют на примере двух важнейших отраслей национальной экономики – обрабатывающей промышленности и транспортной инфраструктуры – определенную неравномерность процессов развития, хотя это обстоятельство не является чем-то исключительным в сирийской практике, равно как и для практики в других арабских и иных развивающихся государствах.

Указанные выше цифры не выходят в целом за рамки обыденных и позволяют предполагать, что спад не будет слишком затяжным, поскольку, например, не было губительных «пузырей» на фондовом рынке, и удалось избежать его обва-

ла, в том числе и потому, что емкость этого рынка невелика. К тому же «завязанность» страны на иностранные инвестиции не настолько очевидна, чтобы их отток мог надолго подорвать динамику рынка, имеется также возможность некоторых манипуляций с госрасходами в сторону их сокращения. Поэтому в силу сказанного замедление не должно бы быть слишком долгим, и межотраслевые и внутрихозяйственные связи имеют шансы вернутся в предкризисное состояние, хотя, вероятнее всего, поступательность движения в социальной и экономической сферах явно будет нарушена.

Между тем, новый, одиннадцатый, пятилетний план на 2011–2015 гг. как будто бы игнорирует такую возможность. Во всяком случае, поставлена цель достичь темпов роста ВВП в размере 5,7% в год. А это нелегко, учитывая большую социальную нагрузку на бюджет, которая складывается из больших отчислений на нужды бесплатного образования, здравоохранения, охраны материнства и детства, 80% субсидий на электричество для населения и других статей, отличающихся высокой затратностью (6, № 467, 11. 2010, с. 10).

В начавшемся пятилетии предполагается обеспечить высокие темпы роста, прежде всего, в обрабатывающей промышленности – 13,1%, в финансах, страховании и недвижимости – 9,5%, в транспорте и связи – 8,2%, торговле и туризме – 7,2%. Далее с некоторым отставанием от приведенных темпов следуют услуги – 5,9%, строительство – 5,7%, электро- и водоснабжение – 3,9%. Затем в порядке убывания идут госуслуги – 2,4%, сельское хозяйство – 2,2%, добывающая промышленность – 0,5%. Другими словами, очевидно, что государство рассчитывает в первую очередь обеспечить рост в отраслях, за счет которых можно ускорить развитие и создать накопления для дальнейшей модернизации воспроизводственных механизмов. В целом же предусматривалось повышение удельного веса обрабатывающей промышленности в ВВП до 11,8% и доведение общей доли производственных секторов (вместе с сельским хозяйством) до 30%. Совокупные инвестиции в подъем экономики планируются в размере 4300 млрд. сир. ф., из которых 2036 млрд. приходятся на государство и 2264 – на частный сектор. (6, № 467, 14.11.2010, с. 11). То есть, это – первый случай, когда частные капиталовложения оказываются выше государственных, что в принципе соответствует ситуации, которая воспринимается западной экспертизой как наиболее приемлемая.

Залогом выполнения заданий, по мнению руководства экономическим блоком Сирии, могут быть новые тенденции, связанные с модернизацией национальной системы хозяйствования и получившие импульс в 2005 г. Появление этих тенденций стало возможным благодаря инициации структурной перестройки, которая должна быть продолжена в новом пятилетии. Эта кампания слишком масштабна, чтобы быть завершенной за годы одного плана. Поэтому она будет осуществляться и в новом пятилетии, поскольку результаты оказались положительными и помогли выстоять стране в кризис. В противном случае ей грозили рост госдолга в размере, близком к объему ВВП, падение курса национальной валюты в 4 раза, инфляция и экономический коллапс (6, № 467, 14.11.2010, с. 10).

За прошедшие годы доля сельского хозяйства в ВВП сократилась с 25 до 21%, в том числе и за счет того, что темпы роста других отраслей оказались более высокими, чем в аграрном секторе. Этот процесс запланирован и на будущее, что отвечает курсу на диверсификацию производства и его переориентацию на усиление в нем индустриального компонента. Интенсификация аграрного сектора на промышленной основе как важнейшая сфера экономической активности также будет опираться на более современные технологии производства и эффективные методики труда, чтобы обеспечить продовольственную безопасность и расширить базу занятости в деревне. Без этого государство не видит возможностей создать благоприятные условия для жизни и работы простых товаропроизводителей, от вклада которых зависят величина и качество общественного продукта. Чтобы обеспечить необходимый уровень производительности сельского хозяйства и за счет этого фактора компенсировать сокращение возможностей экстенсивного роста, государство предполагает и в дальнейшем наращивать поддержку деревне. Но не механически, а с учетом мер, которые связаны с изменениями в ценообразовании, в организации управления товарными потоками, в характере сбыта продукции и в других сферах. При этом при абсолютном росте показателей аграрного производства, его относительная доля в ВВП будет сокращаться ввиду более быстрого развития иных отраслей в результате продолжающейся структурной перестройки экономики (6, № 467, 11. 2010, с. 10).

В области промышленности также предполагается добиваться преемственности тенденций, которые составляли ос-

нову предшествующего плана. Именно тогда было обращено особое внимание на диверсификацию источников роста в стране и структурную перестройку производственнной сферы. Движение по этому пути обрело форму национального проекта, во главу которого было поставлено намерение изменить строение экономики, конкретно повысить ее возможности и обеспечить жизнеспособность в масштабах, гарантирующих кризисную устойчивость за счет развития альтернативных нефти отраслей, особенно обрабатывающей промышленности, повышения качества и конкурентоспособности продукции и эффективности труда. Все эти меры так или иначе соотносятся с необходимостью проведения структурных реформ, без которых экономический прогресс в Сирии не представляется возможным.

Ныне вопросы жизнеообеспечения Сирии во всей их сложности жестко стоят в практической плоскости, т.е. требуют реальных действий от руководства, которое должно продемонстрировать, что понимает посланные обществом сигналы. События свидетельствуют, что все объективные условия созрели для того, чтобы придать реформенному процессу нужную динамику и однозначно показать, что власти работают в нужном направлении. Если отвлечься от крайностей, то, видимо, можно полагать, что протесты в Сирии указывают не столько на неприятие режима, сколько на желание активизировать экономическую жизнь и преодолеть застой в развитии.

Ныне уже становится ясным, что неуверенные реформы не выполняют своего предназначения, имеют невысокий политический эффект и оказывают недостаточное влияние на экономику. Прохождение точки их зависания становится насущной проблемой современности и важнейшим условием модернизации страны, которая должна войти в эпоху глобализации максимально подготовленной к новым вызовам и испытаниям.

Текущие политические потрясения, поразившие страну, могут заметно сказаться на ее судьбах и привести к непредсказуемым осложнениям на разных направлениях. Они могут затронуть и экономику. Но экономическая составляющая развития, диктуемая объективными законами и обстоятельствами, остается неизменной. И эти последние невозможно игнорировать, хотя можно скорректировать приоритеты, подвергнуть редакции планы и программы либо совершить другие действия, так или иначе идущие вразрез с логикой развития.

Чтобы притушить нежелательные тенденции, у Сирии не остается иного выхода, кроме активного движения по пути реформ. Видимо, настала пора отказаться от затянувшейся сверки результатов неторопливых реформ с реалиями жизни и действовать с полной ответственностью перед лицом новых обстоятельств. Иначе лозунг социально ориентированного рынка без экономически и политически выверенных и своевременных структурных реформ окажется выхолощенным и утратит привлекательность как свидетельство намерения добиться устойчивого развития с минимальными издержками для населения.

1. Economic Development and Prospects 2009, The World Bank, 3 October 2009.
2. Nabli M.K., Veganzones-Varoudakis M.-A., Reforms and Growth in MENA Countries. New Empirical Evidence // Middle East and North Africa. Working Paper Series, № 36 May 2004.
3. Economy Today.
4. Такрир аль-истисмар ас-санавий ар-раби фи сурия \\ Хайат аль-истисмар-ас-сурийя, Дамаск 2009.
5. Аль-маджмуа аль-иктисадийя ас-санавийя 2009, Дамаск 2010.
6. Аль-Иктисадийя, Дамаск.

В.С.Шевченко

«КЕДРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» В ЛИВАНЕ (2005 г.)

Сохранение сирийского военного присутствия в Ливане после окончания гражданской войны в 1989 г. имело принципиальное значение для Дамаска в условиях неурегулированности ближневосточного конфликта и нестабильной ситуации в регионе в целом.

Учитывая взаимозависимость конфессиональной и политической ситуации в обеих странах, сирийцы были заинтересованы в том, чтобы исключить возможные рецидивы конфликтов на конфессиональной почве в Ливане, которые могли бы затронуть и Сирию. Во многом именно этим определялась политика сирийских властей, а также то, что Ливанское руководство при участии Дамаска «разбавлялось» политиками, сотрудничающими с сирийцами или зависящими от них. Дамаск всячески стремился не допустить возрождения радикального христианского национализма, который мог стать идеологической базой для противников нового просирийского режима в Ливане.

Сразу же после окончания войны сирийцы активизировали деятельность по ослаблению маронитского лагеря, рассматривая его как основную угрозу своим интересам. В 1994 г. «Ливанские силы» были распущены и объявлены вне закона, а в 1995 г. их руководитель Самир Джааджаа был приговорен к пожизненному тюремному заключению. Ему было инкриминировано убийство премьер-министра Рашида Караме в 1987 г. и одного из маронитских лидеров Дани Шамуна в 1990 г. После ареста С. Джааджаа внутри ЛС началась борьба за власть между фракцией Стриды Джааджаа (супруги и продолжательницы линии С. Джааджаа) и более умеренными политиками, настроенными на сотрудничество с просирийским режимом.

В 1997 г., после истечения срока тюремного заключения, был освобожден и вернулся в руководство партии (после войны ЛС, в соответствии с Таифскими соглашениями 1989 г., добровольно сложили оружие и стали политической партией)

бывший начальник штаба «Ливанских сил» генерал Фуад Малек. Им, при поддержке сирийцев, была предпринята попытка полностью захватить контроль над партией. Однако сторонники Стриды Джааджаа взяли верх, обеспечив, таким образом, целостность партии и неизменность ее политического курса. Фракция Ф. Малека оказалась в полной изоляции и самораспустилась.

Действия сирийцев привели к расколу партии «Катаиб», которая распалась на две фракции: умеренную, функционирующую в Ливане («Аль-Катаиб аль-любнанийя»), возглавляемую Джорджем Сааде, и под руководством А. Жмайеля («Исправительное движение Катаиб»), действовавшую за рубежом и выступавшую против сирийского присутствия в Ливане. (В октябре 2001 г. лидером «Аль-Катаиб аль-любнанийя» был избран Карим Пакраддуни, который стал придерживаться лояльной к Дамаску линии поведения)[1].

В сложных для маронитов условиях выразителем интересов общины стала маронитская церковь в лице патриарха Н. Сфейра, который поддержал Таифские соглашения 1989 г., но был против сирийского контроля над Ливаном. Руководство церкви окончательно перешло в оппозицию в 1994 г. в связи с началом судебного процесса по делу С. Джааджаа.

В качестве метода выдавливания христианского истеблишмента из политической жизни страны использовался избирательный закон 1992 г., предусматривавший разделение страны одновременно на крупные избирательные округа (19–28 мест) и мелкие (3–8 мест), причем последние создавались в районах с преобладающим христианским населением. Таким образом, мусульманские избиратели в гораздо большей степени влияли на выбор депутатов-христиан, и избранные христианские политики часто не были выразителями интересов христианского населения конкретного района. Подобная ситуация с незначительными изменениями сохранялась также во время выборов 1996 и 2000 гг. В этих условиях новая маронитская элита, вышедшая из бывшего правохристианского лагеря, теряла свои позиции и была вынуждена следовать либо в фарватере просирийского руководства Ливана, либо перейти в оппозицию.

Важнейшим пунктом борьбы антисирийской оппозиции с правительством был вопрос о ливанских заключенных, находившихся в сирийских тюрьмах. Представители «Ливанских сил» заявляли, что задержанные ливанцы – сторонники оппо-

зиции – обвинялись в сотрудничестве с Израилем и других политических преступлениях и направлялись в сирийские тюрьмы.

В 1993 г. была учреждена комиссия, которая должна была выяснить судьбу граждан, пропавших без вести в годы гражданской войны, но под давлением Дамаска работа комиссии была приостановлена. Президент и премьер-министр Ливана неоднократно заявляли, что в Сирии нет ливанцев, арестованных по политическим соображениям. Однако, идя на уступки требованиям оппозиции, президент И. Храуи объявил, что в сирийских тюрьмах находятся 210 ливанцев – 200 мусульман и 10 христиан. Вскоре был создан «Комитет семей, задержанных в Сирии», который стал добиваться освобождения ливанских заключенных. В результате в марте 1998 г. сирийские власти признали задержание 155 ливанцев и освободили 121 из них. В феврале 2000 г. конференция, на которой должно было быть объявлено о судьбе оставшихся в Сирии ливанских заключенных, была отменена, а ливанские власти снова заявили, что граждан Ливана в сирийских тюрьмах нет. Такое заявление ливанского правительства, явно продиктованное Дамаском, вызвало резко отрицательную реакцию у оппозиции и лишь усилило недовольство ливанцев просирийской политикой Бейрута.

Значительные изменения на ливанской политической сцене произошли в 2000 г., когда Израиль полностью вывел свои войска с территории Ливана, поставив, таким образом, под сомнение необходимость дальнейшего пребывания там сирийского воинского контингента. Вывод израильских войск активизировал деятельность ливанской оппозиции, которая требовала ликвидации любого иностранного военного присутствия в стране.

В июне скончался президент Сирии Х. Асад – архитектор ливанской политики Дамаска, проводивший жесткий курс не только в отношении Ливана, но и на Ближнем Востоке в целом. Приход на руководящий пост его сына Бащара Асада породил у ливанцев надежды на смягчение сирийского курса. Сразу же после смерти Х. Асада усилилось внешнее давление на Дамаск с требованием вывести войска из Ливана.

Новая политическая ситуация способствовала выходу из подполья ливанской христианской оппозиции. В 2000 г. проходят первые заметные антисирийские акции студенческих организаций – сторонников М. Ауна и «Ливанских сил», которые имели определенный пропагандистский успех.

Под покровительством патриарха с целью консолидации христианских сил с 2001 г. начало действовать депутатское объединение «Курнат Шехван». В его состав вошли преимущественно маронитские политики из таких организаций, как «Свободное патриотическое движение» М. Ауна, «Ливанские силы», «Национальная либеральная партия», «Реформаторское движение Катаиб» А. Жмайеля, «Партия демократического обновления».

В политической программе объединения говорилось о необходимости защиты демократии и обеспечении полноценного разделения властей, уважения прав человека и разработки более справедливого избирательного закона; указывалось на необходимость ограничения вмешательства служб безопасности в различные сферы жизни. Что касается отношений с Сирией, то, по мнению членов объединения, только полное восстановление суверенитета Ливана и возвращение ему свободы принятия политических решений могло сохранить исторически дружеские отношения между двумя странами[2].

В целях сохранения своего влияния в Ливане Дамаск стал настаивать на продлении срока президентского правления Э. Лахуда на три года в нарушение ливанской конституции. Против такого шага сирийцев резко выступил премьер-министр Р. Харири, поддерживаемый ливанской оппозицией. Главным аргументом оппозиции против конституционной поправки о продлении президентских полномочий Э. Лахуда стало то, что, принимая этот документ, Ливан поступает вопреки международному праву и идет на конфликт с ООН.

В то же время, продление срока Э. Лахуда поддерживалось целым рядом политических и религиозных организаций. Традиционно проправительственные партии направили меморандум Генеральному секретарю ООН, где охарактеризовали такую поправку как «общенациональное демократическое решение». Среди них – шиитские организации «Амаль» и «Хизбалла», а также «Сирийская национал-социальная партия» (СНСП) и «фалангисты» во главе с К. Пакраддуни (основное крыло партии «аль-Катаиб аль-любнанийя»). В поддержку Э. Лахуда высказался и ливанский Верховный муфтий шейх Мухаммад Каббани, который указал на важный вклад Сирии в дело безопасности Ливана. Против принятия поправки резко выступил лидер ПСП В. Джумблат.

Особый накал в отношениях между противоборствующими сторонами вызвала резолюция 1559 Совета Безопасности ООН

от 2 сентября 2004 г. по Ливану, принятая по инициативе США и Франции. В ней содержался призыв ко «всем остающимся в Ливане иностранным силам уйти из этой страны, распустить и разоружить все ливанские и не-ливанские нерегулярные формирования, а также распространить контроль правительства Ливана на всю ливанскую территорию». Это было явное давление на Дамаск с целью вывода его войск из Ливана. Резолюция также содержала заявление о поддержке Совбезом «свободного и справедливого избирательного процесса на предстоящих президентских выборах в Ливане, проводимых в соответствии с ливанскими конституционными нормами, сформулированными без иностранного вмешательства или влияния»[3]. Это заявление было направлено против продления полномочий президента Э. Лахуда.

Бейрут и Дамаск отвергли резолюцию как неприемлемую и посягающую на государственный суверенитет Ливана и Сирии. Уже на другой день после ее принятия ливанский парламент проголосовал за внесение поправки к 49 статье Конституции и продление срока полномочий президента Э. Лахуда на три года. Из 125 депутатов, принявших участие в голосовании, 96 проголосовали «за», 29 – «против», воздержавшихся не было. Примечательно, что сам Р. Харири проголосовал «за», и всего два депутата из его фракции проголосовали против продления срока президентства Э. Лахуда. Это было сделано, чтобы дезавуировать антисирийскую деятельность Харири. Как отмечают ливанские источники, Харири был заинтересован в принятии резолюции ООН 1559 и использовал в этих целях свои дружеские связи с президентом Франции Ж. Шираком. Этот факт не ушел от внимания сирийцев и в дальнейшем осложнил отношения Р. Харири с Дамаском.

20 октября 2004 г. после объявления о продлении президентского правления Э. Лахуда, Р. Харири добровольно ушел с поста премьер-министра. Уйдя в отставку, он продолжил активную политическую деятельность, став одним из лидеров оппозиции.

Сформированное 26 октября 2004 г. правительство под руководством Омара Караме (брата погибшего в 1987 г. премьер-министра Рашида Караме) открыто придерживалось просирийской ориентации. Это заставило лидера друзской общины В. Джумблата перейти в оппозицию существующему режиму и сотрудничать с маронитским блоком.

В декабре 2004 г. блок «Курнет Шехван» принял участие в формировании более широкого «Бристольского объединения» (по названию гостиницы), в которое вошел ряд мусульманских политиков, в том числе и В. Джумблат. Новая организация призывала к проведению демократических выборов и полной реализации Таифских соглашений, прекращению сирийского вмешательства, укреплению солидарности всех ливанцев, вне зависимости от конфессиональной принадлежности. После ухода в отставку в октябре 2004 г. к «Бристольскому объединению» присоединился и бывший премьер-министр Ливана Р. Харири. Многие считали, что такой альянс может изменить баланс политических сил в стране и значительно увеличить шансы оппозиции на победу в парламентских выборах в мае 2005 г[4].

Несмотря на то, что в состав блока входили представители различных религиозных групп, в т.ч. и мусульмане, важную роль в нем по-прежнему играли марониты.

Ситуация в стране кардинально изменилась после того, как 14 февраля 2005 г. в результате террористического акта погиб Рафик Харири. Сразу после убийства ответственность взяла на себя неизвестная ранее террористическая группировка «Ан-Наср валь-джихад фи биляд аш-Шам».

Семья убитого назначила 35-летнего младшего сына Р. Харири – Саадэддина продолжателем «политической и национальной миссии» отца.

Ливанская оппозиция возложила ответственность за убийство Р. Харири на ливанские и сирийские власти и призвала мировое сообщество создать специальную международную комиссию для расследования этого преступления. Бывший президент Ливана Амин Жмайель заявил о том, что если Сирия не причастна к убийству Р. Харири непосредственно, то она виновна в том, что не предотвратила это преступление. Один из лидеров ливанской оппозиции, генерал Мишель Аун, также обвинил в трагедии президента Э. Лахуда и Дамаск.

В прессе появились сведения, что накануне покушения в беседе с ирландской журналисткой Л. Мэрлоу Р. Харири заявил, что Бащар Асад открыто угрожал ему и Валиду Джумблату физической расправой в том случае, если они выступят против продления срока полномочий Лахуда и за вывод сирийских войск из Ливана. О подобных угрозах заявил в интервью телеканалу «Аль-Арабийя» бывший сирийский вице-президент

А. Хаддам: «Харири получал много угроз. Асад сказал мне, что он передал Харири некоторые очень, очень жесткие слова… что-то вроде “Я раздавлю любого, кто попытается не повиноваться нам».

Дамаск, в свою очередь, обвинил ливанскую оппозицию в использовании убийства Харири в предвыборных целях. Сирийский лидер заявил, что он готов оказать максимальное содействие следствию, чтобы узнать, кто стоял за этим преступлением. Сирия также обвинила в убийстве экс-премьера Ливана Израиль, расценивая это как попытку снова привести страну к хаосу и гражданской войне.

По мнению британского политолога и специалиста по сирийско-ливанским отношениям Патрика Сила, причастность Дамаска к ликвидации Р. Харири маловероятна, так как это выглядело бы как «самоубийственный акт» сирийского режима. Он считает, что убийство Харири – дело рук одного из многочисленных врагов сирийского режима, главными среди которых являются Израиль, правохристианские и ультраисламистские политические группировки в Ливане[5].

В феврале представители ливанской оппозиции, неформальным лидером которой стал В. Джумблат, заявили о начале «мирной и демократической интифады за независимость». Оппозиция обратилась к международному сообществу и ливанской диаспоре за рубежом оказать содействие в защите «плененного ливанского народа, находящегося под угрозой государственного терроризма». В заявлении содержалось требование «отправить в отставку утратившую законность власть и сформировать переходное правительство для защиты ливанского народа, обеспечения немедленной эвакуации сирийских войск из Ливана и создания необходимых условий для честных и свободных парламентских выборов»[6].

В стране начались массовые антисирийские демонстрации, объединившие представителей разных общин страны. Демонстранты обвиняли в смерти Р. Харири сирийцев и просирийского президента Э. Лахуда; численность протестовавших составляла по разным оценкам от 25 до 50 тыс. чел. Демонстрации в поддержку оппозиции были проведены ливанскими эмигрантами в ряде городов мира – Сиднее, где собралось до 10 тыс. человек, Сан-Франциско, Дюссельдорфе, Монреале, Лондоне. Отличительным знаком антисирийских демонстрантов были красно-белые шарфы (цвета ливанского флага).

В. Джумблат потребовал, чтобы вместе с сирийскими войсками из Ливана ушел и президент Э. Лахуд. «Последний сирийский грузовик должен увезти и Лахуда, так как, пока он занимает пост президента республики, правда об убийстве Харири не будет раскрыта. Он покровительствует спецслужбам, которые его убили либо помогли совершить это убийство», – заявил Джумблат. Однако большая часть оппозиции не поддержала это требование, опасаясь, что отставка Э. Лахуда еще больше дестабилизирует обстановку в стране.

В свою очередь, активистам «Хизбаллы» удалось собрать на свой митинг не менее 500 тыс. чел. Его участники обратились с призывом к Сирии не уходить из Ливана. Предостерегая другие иностранные государства от вмешательства во внутренние дела Ливана, они скандировали: «Мы не Грузия! Мы не Украина! Мы – Ливан!».[7]

12 марта президент Ливана Э. Лахуд провел пресс-конференцию для ливанских СМИ, во время которой впервые со времени начала кризиса дал свою оценку происходящим в стране событиям. Обвинив оппозицию в нежелании поддерживать диалог, Э. Лахуд заявил, что оппозиционеры могут принять участие в формировании и работе правительства, добиваясь, таким образом, своих целей. Им были определены три основных направления деятельности администрации президента: поиск лиц, причастных к убийству Р. Харири, проведение честных выборов, безоговорочное выполнение Таифских соглашений.

Однако попытки Э. Лахуда наладить диалог с оппозицией не привели к желаемым результатам, оппозиционеры уже требовали отставки самого президента. В целях дискредитации оппозиции директор Службы общественной безопасности генерал Джамиль Сейид публично обвинил некоторых ее членов в коррупции и попытках использовать убийство Харири, чтобы «замести следы преступлений, совершенных ими против ливанцев в годы гражданской войны»[8].

14 марта оппозиции удалось собрать на массовое шествие более 150 тыс. своих сторонников. Оппозиционеры выдвинули три основных требования: отставка генерального прокурора Аднана Аддума, отставка руководителей шести спецслужб страны, организация международного расследования обстоятельств убийства Р. Харири. Как заявил представитель оппозиции, депутат ливанского парламента Фарес Суаид, эти требования не подлежали обсуждению[9].

Смягчить напряженную ситуацию пытались представители так называемой третьей силы, которую возглавил бывший премьер-министр С. Хосс. Свою главную задачу «третья сила» видела в том, чтобы остановить «разрушительную внутриполитическую предвыборную конфронтацию, которая угрожала национальному единству и существованию самого ливанского государства».

Главной причиной раскола ливанского общества С. Хосс считал неполное выполнение Таифских соглашений, которые предусматривали создание Высшего совета по ликвидации конфессиональной системы в Ливане. Как и передислокация сирийских войск в долину Бекаа, отказ от конфессиональной системы должен был состояться еще в 1992 г. По мнению С. Хосса, именно конфессиональная система была причиной всех ливанских кризисов.

К «третьей силе» можно было отнести и центристскую позицию сестры Р. Харири, депутата парламента Бахии Харири. Ее предложения, касающиеся урегулирования ситуации в стране, с которыми она выступила 14 марта, вызвали поддержку как оппозиции, так и сторонников президента. В частности, она предложила создать комиссию для ревизии выполнения Таифских соглашений, заявила о необходимости сохранения движения сопротивления в лице вооруженных отрядов «Хизбаллы» и установления равноправных отношений между Сирией и Ливаном.

После ухода в отставку премьер-министра О. Караме, президент Ливана Э. Лахуд своим указом поручил именно ему сформировать новое правительство. Кандидатуру О. Караме поддержали 69 депутатов, и председатель парламента Набих Берри призвал к формированию правительства национального спасения, которое включало бы представителей оппозиции. Впервые депутатская фракция «Хизбаллы» в парламенте заявила о своей готовности войти во второе правительство О. Караме.

Ливанская оппозиция выступила против решения Э. Лахуда о назначении О. Караме на пост премьер-министра, считая, что это приведет лишь к затягиванию кризиса. По мнению В. Джумблата, на пост премьер-министра следовало бы назначить политика, придерживающегося нейтральной позиции. Под давлением оппозиции, которая угрожала объявить всеобщую забастовку с целью отстранения О. Караме от процесса фор-

мирования правительства, 13 апреля президент Э. Лахуд объявил об отставке и.о. премьер-министра.

После соответствующих консультаций с членами парламента, Э. Лахуд поручил формирование правительства Наджибу Микати. За Микати проголосовали 37 оппозиционных и 20 лояльных президенту депутатов. Таким образом, оппозиция объявила поручение Микати сформировать правительство своей победой[10].

Получивший образование в США, Н. Микати, кроме политики, успешно занимался бизнесом и через свои родственные связи поддерживал близкие отношения с Б. Асадом. Он считался умеренным просирийским политиком, однако после убийства Р. Харири отошел от просирийски настроенных ливанских политических деятелей и приблизился к оппозиции.

Неучастие Н. Микати и членов его будущего правительства в парламентских выборах было основным условием поддержки со стороны оппозиции. После поручения сформировать правительство Н. Микати подтвердил, что он и будущие члены его кабинета не будут участвовать в парламентских выборах (ливанский закон не запрещает членам правительства быть одновременно депутатами парламента). Он также заявил о своей готовности выполнять Таифское соглашение и сотрудничать как с оппозицией, так и с политическими силами, поддерживающими президента.

Свое правительство Н. Микати сформировал практически за три дня. Уже 19 апреля он огласил состав кабинета, состоящего из 14 министров, из которых никто не выдвигался кандидатом на парламентских выборах. Министерские портфели были распределены примерно поровну между представителями оппозиции и сторонниками президента. Со своей стороны, Э. Лахуд выразил надежду, что правительство Микати «будет способствовать активизации национального диалога, который является основным средством единения между ливанцами». Однако ни Э. Лахуд, ни Н. Микати не смогли наладить внутриливанский диалог. Под все возрастающим давлением антисирийской оппозиции и международного сообщества сирийское руководство было вынуждено принять решение о выводе своих войск из Ливана.

Значительную роль в этом вопросе сыграли США. Причислив Сирию к странам – спонсорам терроризма после событий 11 сентября 2001 г., Вашингтон начал кампанию по дискредитации Дамаска.

Американо-сирийские отношения резко ухудшились после американского вторжения в Ирак в марте 2003 г., когда США обвинили Сирию в том, что она попустительствует проникновению на иракскую территорию террористических организаций. 11 декабря 2003 г. президент Дж. Буш подписал «Закон об ответственности Сирии» (Syria Accountability Act), а в мае 2004 г. объявил о частичном введении экономических санкций[11].

Представители американской администрации грубо вмешивались во внутренние дела Ливана, используя любой повод для критики политики Дамаска. Так, касаясь назначения О. Караме на пост премьер-министра вместо Р. Харири, заместитель госсекретаря США Р. Армитидж заявил: «Новое ливанское правительство сформировано в Дамаске, что представляет собой нарушение резолюции 1559 СБ ООН» и посоветовал Дамаску «предоставить возможность ливанцам самим определять судьбу Ливана».

8 марта 2005 г. подкомитет по делам Ближнего Востока палаты представителей конгресса США представил проект «Закона об освобождении Ливана и Сирии». В нём утверждалось, что «деятельность сирийского правительства, связанная с поддержкой терроризма, созданием ракет дальнего действия и оружия массового поражения, продолжением оккупации Ливанской Республики, нарушением прав человека в Сирии и Ливане представляет угрозу национальной безопасности Соединенных Штатов Америки и всеобщему миру». Исходя из этих утверждений, США обязуются «воспретить Сирии финансировать или предоставлять любую помощь и убежище террористическим организациям, разрабатывать и создавать оружие массового поражения и ракеты дальнего действия, продолжать оккупацию Ливана и вмешиваться в деятельность ливанского правительства»[12].

С целью поддержки ливанской антисирийской оппозиции по приглашению американского президента Дж. Буша маронитский патриарх Н. Сфейр в середине марта 2005 г. посетил США, где также встретился с госсекретарем К. Райс и Генеральным секретарем ООН К. Аннаном. Во время встречи американский президент подчеркнул, что «ливанский народ должен быть свободным и свободно высказывать то, к чему он стремится, и выбирать то, что он хочет». Дж. Буш заверил, что совместно со своими европейскими партнерами США делают все возможное для завершения вывода сирийских войск с ли-

ванской территории и проведения свободных и честных выборов без внешнего вмешательства.

Действительно, весьма жесткую позицию с требованием незамедлительного вывода сирийских войск из Ливана заняли европейские страны. Активную роль в этом вопросе играла Франция: президент Ж. Ширак посетил Ливан, где встречался с лидерами антисирийской оппозиции. Ливанское правительство осудило действия французского президента как «подталкивающие оппозицию к экстремизму», а министр информации И. Ферзли заявил, что «Ширак ведет сражения на ливанской территории»[13].

В рамках неформального четырехстороннего саммита 18 марта в Париже с участием лидеров Франции, Германии, Испании и России было принято совместное заявление по Ливану, в котором содержалось требование выполнения резолюции СБ ООН 1559, а также призыв к проведению свободных парламентских выборов в Ливане в назначенный срок под контролем независимых наблюдателей и «ливанского правительства, способного действовать в интересах всех ливанцев». Лидеры четырех стран выразили поддержку специальному представителю ООН Т. Род-Ларсену и международной комиссии по расследованию убийства Р. Харири под руководством П. Фитцджералда.

Примечательным фактом, характеризующим степень вовлеченности европейских стран во внутриливанские дела, было открытое «возмущение» министра иностранных дел Великобритании Д. Стро назначением О. Караме главой ливанского правительства. В ответ спикер ливанского парламента Н. Берри направил главе МИД Великобритании телеграмму следующего содержания: «Будучи весьма обеспокоенными возмущением Вашего Превосходительства повторным назначением О. Караме на пост министра иностранных дел, просим назвать приемлемого для Вас кандидата на этот пост, дабы Вы впредь не испытывали возмущения. При этом сообщаем, что назначение кандидата на пост премьер-министра в Ливане осуществляет не президент, а парламент. Со своей стороны, мы могли бы выразить наше мнение по поводу назначения министра иностранных дел Великобритании»[14].

Определенное давление на Дамаск оказывали также и арабские страны. Так, во время визита Б. Асада в Эр-Рияд 3 марта 2005 г. наследный принц Саудовской Аравии Абдалла

бен Абдель Азиз призвал сирийского лидера выполнить требования международного сообщества и немедленно приступить к выводу сирийских войск из Ливана. Принц Абдалла дал понять Б. Асаду, что арабским странам будет трудно поддерживать Дамаск перед усиливающимся международным давлением, если «со стороны Сирии не последует конкретных шагов» по выводу войск из Ливана. Со своей стороны, Б. Асад заверил принца Абдаллу, что сирийские войска будут выведены из Ливана до 22 марта, дня проведения очередного саммита ЛАГ в Алжире[15].

В рамках арабского саммита генеральный секретарь ООН К. Аннан встретился с президентом Сирии и обсудил с ним выполнение резолюции 1559 СБ ООН. Сирийский президент представил детальный план вывода сирийских войск в соответствии с временным графиком (вывод войск предполагалось завершить к маю 2005 г., до начала новых парламентских выборов).

В выступлении перед сирийским парламентом 5 марта 2004 г. Б. Асад заявил, что вывод сирийских войск из Ливана будет осуществлен в соответствии с Таифскими соглашениями, а также резолюцией 1559 СБ ООН. По его мнению, настало время пересмотреть отношения между Сирией и Ливаном. Б. Асад также признал, что сирийское военное присутствие было использовано некоторыми силами в своих политических целях.

К середине марта сирийские войска в составе 14-тысячного воинского контингента и около 4 тыс. сотрудников спецслужб были выведены из северных и центральных районов Ливана, а оставшиеся части численностью примерно 8 тыс. военнослужащих передислоцированы в долину Бекаа.

Вскоре свои штаб-квартиры, расположенные в столице и других ливанских городах, покинули сотрудники сил безопасности. К 26 апреля 2005 г. Сирия, в соответствии с ранее достигнутой договоренностью с представителем ООН, полностью вывела свои войска с территории Ливана.

Таким образом, «кедровая революция», охватывающая период с момента убийства Харири и до ввода сирийских войск, привела к окончанию 30-летнего военного сирийского присутствия в Ливане и приходу к власти правительства Саада Харири, проводившего в значительной степени независимый от Дамаска политический курс. Однако, непреложным фактом

стало то, что вмешательство Сирии способствовало изменению этноконфессионального и политического ландшафта в Ливане, т.е. были значительно ослаблены правохристианские силы и укрепились позиции мусульманских, главным образом, шиитских партий и организаций.

[1] http://www.lcps-lebanon.org
[2] http://www. Qornet shehwan gathering// Lebanon wire
[3] http://www.lebanonwire.com // Full Text of UN Security Council Resolution 1559 on Lebanon. 2004, 3 сентября.
[4] http://www.tayyar.org официальный сайт «Свободного патриотического движения»
[5] Patrick Seale. Who killed Rafik Hariri? // The Guardian, February 23, 2005
[6] Волович А. Ливан и Сирия после Харири: испытание на прочность. Сборник «Ближний Восток и современность» вып. 25, М., ИБВ, 2005, с. 115–117.
[7] http://www.cedar revolution.org.
[8] http://www.lebanonwire.com.
[9] http:// www.lebanon news.net.
[10] Аль-Мустакбаль, 14.04.2005.
[11] Ан-Нахар, 15.05.2004.
[12] The Middle East and North Africa. L., 2007, p. 700
[13] Аль-Мустакбаль, 11.03.2005
[14] Аль-Хаят, 17.03.2005.
[15] Ан-Нахар, 7.03.2005.

В.И.Юртаев

ИРАН: ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ

Будучи переизбранным на второй срок в 2009 г., президент Махмуд Ахмадинежад продолжил политику встраивания Исламской Республики Иран (ИРИ) в систему международных отношений посткризисного мира, в основу которой положены идеи «справедливости» и «созидательного взаимодействия» («та'амол-е сазандэ»)[1]. 22 августа 2010 г. он, обращаясь к меджлису (парламенту) и правительству страны, отметил, что «Иран установил особые отношения как минимум с 40 странами мира в банковской и страховой сферах, импорта и экспорта, и второй его шаг состоит в том, чтобы правительство воспользовалось ситуацией для создания нового международного порядка для выхода из-под господства капиталистического строя». Первым шагом станет всесторонняя экономическая самообеспеченность[2]. Так, спустя 30 лет после начала исламизации страны ИРИ заявила о своей готовности решать более сложные задачи, имеющие масштабное международное измерение.

Фактически, в условиях мирового финансово-экономического кризиса руководство ИРИ выступило с инициативой формирования нового международного экономического пространства, альтернативного капиталистическому. Новый миропорядок Тегеран видит как создание обстановки «сбалансированности и справедливости», на основе отрицания режима господства в международных отношениях и усиления глобального видения перспектив регионального сотрудничества. Эти планы ИРИ придется соотнести с видением глобальной перспективы развития мира основными игроками на международной арене (США, ЕС, Китай, Россия, Индия) для выбора своих стратегических союзников. Или остаться в нише «мира ислама», реализуя сценарии «опоры на собственные силы».

Выбор достаточно затруднителен, тем более что основные возможные стратегические союзники в начале июня 2010 г.

проголосовали за введение новых санкций против Ирана в связи с дальнейшим углублением иранской атомной программы. Режим санкций был ужесточен с принятием Резолюции Совета Безопасности ООН от 9 июня 2010 г. № 1929 (12 голосов «за»; Бразилия и Турция проголосовали против; воздержался – Ливан). В ней, в частности, было определено, что «Иран не будет предпринимать какой-либо деятельности, связанной с баллистическими ракетами, способными доставлять ядерное оружие, включая пуски с применением баллистической ракетной технологии». Так завершился сложный многомесячный этап работы, рассчитанной на политико-дипломатическое урегулирование проблем ядерной программы Ирана[3].

Хотя президент ИРИ М. Ахмадинежад назвал новые санкции «назойливыми мухами» и «использованной салфеткой», но уже первые последствия этого решения СБ ООН серьезно обеспокоили Тегеран. Прежде всего следует отметить, что перед ИРИ на неопределенное время закрылись двери для участия в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в качестве государства-члена, на что иранское руководство делало ставку. В условиях возникшей международной изоляции под угрозой оказались также планы Тегерана по созданию региональной организации в Юго-Западной Азии по типу Европейского Союза (ЕС). Еще более одиозными стали выглядеть замкнутые на идею «Большого Ирана» геополитические построения, включающие как страны ближневосточного региона – ось Дамаск–Багдад–Тегеран, так и Центральную Азию и Россию, а также идея геополитического союза на пространстве от Урала до Персидского залива.

В результате под вопросом оказалась уже третья попытка найти формат вхождения Исламской Республики Иран в мировую политику (первая связана с именем имама Р. Хомейни, вторая – с пятым президентом ИРИ М. Хатами). Отметим, что новый «старт ирано-исламской цивилизации» был дан в 2005 г. и связан с именем победившего тогда на выборах шестого президента ИРИ М. Ахмадинежада и одобрением его действий высшим руководителем (рахбар) страны, которым является великий аятолла Сейед Али Хосейни Хаменеи.

Устремленность иранского руководства, направленная на укрепление присутствия ИРИ в мире, была обусловлена как фундаментальной причиной – приверженностью идее «исламской революции», так и необходимостью вывода растущей на-

циональной экономики на внешние рынки. Следовало учитывать и давление внутренних социально-экономических и политических факторов, среди которых – высокая инфляция (около 20%), незанятость населения (до 25%), ситуация демографического взрыва («массы» населения страны – молодежь) и нарастающего молодежного протеста.

В этой обстановке особенно явно проявилась недостаточная эффективность системы власти как по причине незрелости ее кадрового состава, так и из-за несоответствия властей требованиям глобализации, что явилось следствием тридцатилетней самоизоляции страны.

Все это, особенно после попытки оппозиции осуществить в Иране «оранжевую революцию» на президентских выборах 2009 г., не могло не отразиться на внутриполитическом курсе М. Ахмадинежада.

Оценивая внутриполитические изменения в самом Иране, американские аналитики отметили, что в стране нарастают признаки усиления в правительстве и госаппарате позиций военных, а точнее – представителей Корпуса стражей исламской революции (КСИР), из среды которого вышел и президент М. Ахмадинежад[4].

Международные экономические санкции против ИРИ в связи с ее атомной программой принимались и ранее, и их неэффективность неоднократно анализировали в своих комментариях эксперты. Сами иранские руководители всегда подчеркивали, что применение санкций, их воздействие только повышают конкурентоспособность иранской экономики. Тем более неожиданным для Тегерана оказался «эффект домино» после июньского решения СБ ООН. Тогда произошла резкая актуализация постоянной для иранского руководства проблемы: как обеспечить активное присутствие страны в мировой экономике и политике. По сути речь шла о выживаемости самого строя «исламской республики» в Иране.

И для соседних с Ираном стран пришла пора серьезно задуматься об удержании стабильности и безопасности в регионе Среднего Востока и даже Центральной Евразии.

Тем более, что после объявления 3 августа 2010 г. президентом США Б. Обамой решения о выводе американских войск из Ирака и завершении военной фазы операции проблема сотрудничества и безопасности в зоне Персидского залива стала одной из самых обсуждаемых проблем. При этом нельзя забы-

вать о том, что суннитские арабские государства Персидского залива не могут игнорировать глобальные амбиции шиитского Ирана, поскольку темой новой риторики Тегерана в любой момент способны оказаться как региональные, так и двусторонние отношения. Особенно после реального ухода США из Ирака, когда «баланс сил» резко изменится и обретший ядерный статус Иран предложит себя в качестве гаранта регионального спокойствия в контексте глобальной безопасности.

США уже предложили арабским государствам зоны Персидского залива «ядерный зонтик», тем самым расширяя обязательства Вашингтона по обеспечению безопасности этих стран. В условиях «глобализации» внешней политики ИРИ арабские страны скорее всего примут предложенный Вашингтоном формат защиты региональной безопасности, что сохранит мощное присутствие США в зоне Персидского залива. И тем самым удержат свою привязку к предложенной американской стратегии в регионе, нацеленной на гарантии бесперебойного поступления энергоресурсов.

В этом сценарии Ирану останется только примириться с причислением страны к «оси зла» – поскольку Исламская революция и возрастающее влияние Ирана на исламские движения оцениваются Западом в качестве важнейшего источника нестабильности. А стремление Тегерана выйти на критический рубеж 20% обогащения урана показалось мировому сообществу настолько угрожающим, что это вызвало применение новых международных санкций.

Путь, который выбран рахбаром ИРИ А. Хаменеи и который призван реализовать действующий президент ИРИ М. Ахмадинежад, нацелен прежде всего на всемерную глобализацию процессов региональной интеграции и сотрудничества под эгидой ИРИ. «Справедливость. Равенство. Высокие нравственные ценности» – вот три основания для нового мира, который строит М. Ахмадинежад[5]. Этот подход вытекает из тех положений теории исламской революции, которые заложены через Конституцию ИРИ в основание строя «исламской республики» и учитывает новую ситуацию вокруг ИРИ в начале XXI века.

Отметим, что качественное изменение обстановки в зоне Персидского залива стало следствием дисбаланса сил в регионе, который возник после создания США и НАТО «военного навеса» в Ираке (с 2003 г.) и в Афганистане (с 2001 г.) и неко-

торое время не был заметен. Но рано или поздно геополитическое давление от присутствия США должно было сказаться. На фоне ослабевшего Ирака стало заметным не просто относительное, а в разы конкретное усиление «веса» Ирана, который к 2005 г. стремительно превратился в регионального «тяжеловеса». По сути дела, противостоящий глобальному гегемону Иран получил своего рода «геополитическую накачку» от вовсе не желавших этого США и на фоне «просевшего» Ирака и относительно слабых в военном отношении арабских государств Персидского залива начал выступать в роли нового регионального лидера.

Широко практикуемый США геополитический подход с неизбежностью был воспринят Тегераном, однако полноценного диалога не получилось. Вынужденный говорить с американцами на языке геополитики исламский Иран остался в своем смысловом поле. В какой-то момент Тегеран попал в плен в общем-то вынужденной глобальной риторики, возникшей иллюзии собственной «глобальности» и в условиях мирового финансово-экономического кризиса решил перейти в глобальное контрнаступление на Запад.

Таким образом, военно-политическое присутствие США с 90-х годов не только изменило «лицо региона», но и неожиданно для многих аналитиков стало новой питательной средой для «конфликта интересов» в зоне Персидского залива, придав ему глобальное измерение.

Неудивительно, что и Тегеран начал рассматривать региональные риски в широком стратегическом контексте. При этом статусный фактор – один из первейших, определяющих решения, принимаемые современным иранским руководством.

С одной стороны, это обусловлено вековым стремлением иранских мусульман-шиитов вновь обрести былое величие и использовать возникший в начале XXI в. шанс для того, чтобы заявить о своих правах в этом мире и, по крайней мере, претендовать на участие в развитии мировой цивилизации.

С другой стороны, это стало следствием напряженности, возникшей по границе мира ислама в связи с ядерной программой ИРИ и из-за глобального терроризма, созданного «Аль-Каидой».

Однако игра на «статусном» поле оказывается во многом виртуальной. На практике наблюдаемая в первом десятилетии XXI в. актуализация конфликтности во всех ее проявлениях

пока ведет к росту негативной значимости исламского фактора в мировой политике, но не меняет сколь-либо соотношение сил на мировой арене.

Внутри самого Ирана недовольство части молодежи страны показывает, что неэффективность государственного управления оказывает глубинное воздействие на внутриполитическую ситуацию, большее, чем это допускалось иранскими руководителями. А это, в свою очередь, означает, что найденный имамом Хомейни принцип «правления справедливого исламского правоведа» либо не подходит для создания конкурентоспособного на мировой арене государства, либо не реализован так, как должно.

Сравнивая реальные и планируемые достижения Исламской Республики за тридцать лет с ориентирами развития шахского Ирана, видишь в них немалое сходство. Да, изменилось само их основание («монархия – исламская республика»). Но заданная в 70-е годы траектория экономического развития страны сохранилась. С той лишь существенной разницей, что временная граница по основным индикаторам развития страны сдвинулась вправо – к границе 2025 года. Другими словами, только за последние 5–8 лет развитие Ирана в целом вышло на уровень, которого страна достигла в канун революции 1979 г.

Поэтому поиск пути реформирования государственного управления с целью создания эффективной (с точки зрения вхождения в общемировое пространство) и конкурентоспособной модели, обеспечивающей устойчивое развитие иранского шиитского государства, является одной из поворотных задач, стоящих на повестке дня для Ирана.

В Иране стремление шаха к тотальной модернизации не учло опасности лавинообразного проявления такого спутника модернизации XX века как «вестернизация», что сделало термин «западничество» («гарбзадэги») ругательным. Сегодня корень зла самими иранцами видится в «плохом управлении».

В этой связи интересно вспомнить, что нынешний рахбар ИРИ Али Хаменеи, будучи президентом ИРИ, направил письмо тогдашнему рахбару ИРИ имаму Хомейни, который в ответ издал фетву, опубликованную в газете «Кейхан» 7 января 1988 г. Фетва выводила законодательную власть государства из сферы исключительной компетенции аятолл, впервые в истории шиизма в эпоху «ожидания» определяя их общие с остальными

гражданами обязанности по отношению к центральной власти. Однако дальнейшего развития данная богословская дискуссия не получила и, возможно, именно поэтому в ИРИ сложилась столь изощренная и малоэффективная в современном динамичном мире система сдержек и противовесов. Сам став рахбаром ИРИ, Али Хаменеи не рискнул продолжить начатую дискуссию, хотя данная возможность сохраняется в потенции и сегодня. Возможно, это и есть путь модернизации социально-политической системы страны по-шиитски, но чтобы убедиться в этом требуется большая политическая воля.

Кроме того, у Ирана есть альтернатива, рожденная новыми основаниями международного взаимодействия в условиях глобализации. Точнее – регионализации как этапа глобализации. Суть данного пути в том, чтобы, сохраняя основы исламского правления в самой ИРИ, наладить эффективный диалог с внешним миром в рамках региональной интеграции в сферах, сотрудничество в которых будет определять развитие мира в XXI веке.

В первую очередь, это сотрудничество в космосе. По оценке Дж.К. Молца из Центра по проблемам нераспространения ядерного оружия Монтерейского института международных исследований (США), к числу космических держав в Евразии относятся Япония, КНР, Индия, Северная Корея, Иран, Великобритания, Франция и Россия; «на подходе к обретению космического статуса в Азии 10–12 стран: Австралия, Вьетнам, Индонезия, Малайзия, Пакистан, Сингапур, Таиланд, Тайвань, Филиппины». Среди рисков эксперт выделил соблазны военной «пробы пера», отсутствие доступа к получению доходов от технологий, неразвитость международного космического режима, отсутствие культуры космического менеджмента и др. Однако было подчеркнуто значение экономическо-военных аспектов мотивации по выходу в космос и особенно в разрезе регионального сотрудничества[6].

Таким образом, в мире возникает новый формат регионализации на высоком статусно-технологическом основании.

Отметим, что 2 февраля 2009 г. (14 бахмана 1387 г.) Исламская Республика Иран стала 10-й космической державой. Запуск второй ракеты-носителя «Сафир» («Посланник»), которая успешно вывела связной микроспутник «Омид» («Надежда») на орбиту, был приурочен к 30-й годовщине Исламской революции (1979 г.) и осуществлен с иранского ракетного по-

лигона в Семнане. Президент М. Ахмадинежад, лично руководивший запуском, подчеркнул, что «Омид» несет всему миру «послание единобожия, мира и справедливости»[7].

И если Тегеран готов к участию в региональной кооперации в сфере освоения космоса, то здесь потребуется провести тонкую грань между курсом ИРИ на «всемирную исламскую революцию» и участием страны в процессе регионализации на пространстве Евразии. Сделать это тем более необходимо, поскольку практически все страны континента в сфере международных отношений опираются на принцип неконфессиональности. Сохраняет свою значимость и геополитический подход, лежащий в основании дипломатии США. Достаточно широкое применение в региональном экономическом сотрудничестве получил принцип прагматизма. Об этом свидетельствует, например, российско-иранский опыт торгово-экономического сотрудничества.

Как и предсказывали аналитики, санкции не повлияли на завершение работ на Бушерской АЭС. Можно поздравить иранский народ с этим крупным достижением. Вопрос о ядерной энергетике в стране возник в начале 1971 г., при шахе, когда началась разработка проектов, призванных превратить страну к 2000-му году в «пятую индустриальную державу мира». Реакция ведущих мировых держав была предсказуемо сдержанной. Во-первых, для развитых стран это событие было обыденным. Во-вторых, все принципиальные вопросы были согласованы заранее. Для получения первого значимого результата понадобилось 18 лет (1992 г.). Собственно строительство АЭС длились 15 лет. Церемония открытия АЭС состоялась 21 августа 2010 г., а на следующий день, 22 августа, президент ИРИ М. Ахмадинежад лично представил первый иранский беспилотный бомбардировщик «Каррар» («Атакующий»). «Он создан как посол смерти для врагов человечества, но главная миссия этого летательного аппарата – мир и дружба. Его целью является также удерживание врагов в парализованном состоянии на своих базах», – заявил президент Ирана, добавив, что беспилотник представляет собой средство сдерживания и создан для обороны[8]. Не случайно было выбрано и название для беспилотника, ведь известное в Иране словосочетание «Хейдар-е Каррар» – это эпитет первого шиитского имама Али, особо чтимого в шиитском исламе и в Иране. Правда, всего через месяц, выступая 23 сентября 2010 г. на

65-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, президент М. Ахмадинежад подчеркнул, что «сегодняшний мир нуждается в логике всеобщей любви, справедливости и сотрудничества...»[9].

Знаковым также можно считать заявление М. Ахмадинежада о том, что «пришло время перейти от политики конфронтации к политике сотрудничества», сделанное 18 декабря 2010 г. по результатам переговоров с «шестеркой» 7 декабря в Женеве. В переговорах принимали участие заместители глав внешнеполитических ведомств России, США, Великобритании, Китая, Германии, Франции, а также верховный представитель Евросоюза по иностранным делам и политике безопасности Кэтрин Эштон[10].

В контексте сделанных накануне переговоров заявлений представителей стран «шестерки» (совместное коммюнике министров иностранных дел России, Индии и Китая о том, что иранская ядерная проблема должна быть решена через диалог[11] и др.) можно предположить, что Тегеран готов начать новый этап международного взаимодействия по иранской ядерной проблеме.

Тем более, что и США все более склоняются к использованию невоенных методов. Администрация Барака Обамы заметно усилила политическую составляющую давления, пытаясь найти «болевые точки» режима Исламской Республики. Это уже не столько «политика результата», характерная для команды предыдущего президента США Дж. Буша, сколько «политика моделирования», выстраивающая нужные для достижения результата рамки процесса по выработке оптимального решения. Одной из таких «болевых точек» для ИРИ является, по мнению американских экспертов, угроза оказаться в изоляции от таких стран, как Россия и Китай.

Постепенно дезавуируется и ставка на нагнетание военной угрозы, о чем свидетельствует заявление министра обороны США Роберта Гейтса о том, что военный удар по Ирану только объединит иранский народ и убедит Тегеран в необходимости обладания ядерным оружием[12]. В целом, однако, ситуация очень непростая. ИРИ продолжает находиться в шаге от эпицентра еще не завершенной американцами «бури в пустыне».

В начале XXI в. мир ислама и один из его лидеров – Иран, ключевая страна в зоне Персидского залива и крупнейшая экономика в Юго-Западной Азии – все заметнее втягиваются в

борьбу за лидерство на евразийском пространстве. Иран находится на перепутье, перед ним большой выбор. Мир Модерна стремительно уходит и найденные рецепты возрождения все более устаревают. В этих условиях велик соблазн решить проблему эффективности государства внешним путем – например, через актуализацию идеи достижения единства мира путем исламской революции. Однако путь военизированной мобилизации уммы на государственном уровне или под эгидой международного терроризма – далеко не самый безопасный способ решения внутренних и международных проблем.

---

[1] Мохаммади Манучехр. Будущее миропорядка и внешняя политика Исламской Республики Иран. – Тегеран: Ин-т международных отношений МИД /ИРИ/, 2009 (лето 1387 г.х.). – С. 79–88. – на перс яз.

[2] http://president.ir/fa/?ArtID=23447

[3] Новые санкции в отношении Ирана введены в связи с невыполнением им требований СБ ООН и МАГАТЭ – В.Чуркин // http://www.prime-tass.ru/news/0/%7B44F03800-54DF-478F-BED6-760FEBBED06E%7D.uif

[4] Билл Герц. Военные в Иране, похоже, берут власть в свои руки // http://www.inopressa.ru/article/21Jun2010/washtimes/iran.html

[5] Совбез ООН проголосовал за санкции в отношении Ирана // http://www.bbc.co.uk/russian/international/2010/06/100609_breaking_iran.shtml

[6] Молц Дж. К. Доклад на заседании «круглого стола» «Проблемы космических исследований в Азии: национальная мотивация, региональная динамика и глобальные последствия». Дипломатическая академия МИД России, Москва, 23 сентября 2010 г.

[7] Лисов И., Розенблюм Л. Иран – десятая космическая держава // Новости космонавтики // http://www.novosti-kosmonavtiki.ru/content/numbers/315/09.shtml

[8] Иран готовится к атаке // http://vz.ru/politics/2010/8/22/427087.html

[9] Full speech by Mahmoud Ahmadinejad at UN // Russia Today. 23 September 2010. http://www.youtube.com/watch?v=k4phNuwx8Hs. Retrieved 24 September 2010 // http://www.youtube.com/watch?v=QpAIHLsTkjo&feature=related, ИРНА, 11.01.05 // http://www.iran.ru/rus/bulletins/politic/2005-1/#26700

[10] Президент Ирана видит «позитивные моменты» в переговорах с «шестеркой» // 19.12.2010 //
http://ru.trend.az/print/1799965.html
[11] Страны РИК признали право Ирана использовать атом в мирных целях // 15.11.2010 //
http://rian.ru/world/20101115/296476124.html
[12] Гейтс: удар по Ирану только убедит его в необходимости ядерного оружия // 16.11.2010 //
http://rian.ru/world/20101116/297104814.html

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА*

1995 г.

1. **А.З.Егорин:** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко:** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально-экономического и общественно-политического развития" (совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 1.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас):** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян:** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин:** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко:** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
9. **А.В.Федорченко:** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко:** "Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина:** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев:** "Объединенные Арабские Эмираты".

---

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

16. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 3.

17. **Н.М.Мамедова:** "Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии".

18. "Турция: современные проблемы экономики и политики". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

19. Коллектив авторов "Сирийская Арабская Республика".

20. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко:** "Рынки Ближнего Востока".

21. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 4.

1998 г.

22. **А.Г.Ковтунов:** "Проблемы интеграции стран Магриба".

23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

24. **А.В.Федорченко:** "Экономика переселенческого общества (совместно с ИВ РАН)".

25. **С.Б.Багдасаров и А.Н.Чавушьян:** "Военный и военно-экономи-ческий потенциал стран Ближнего и Среднего Востока" (информационно-аналитический справочник, совместно с ИВ РАН).

26. **Л.И.Данилов:** "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве".

27. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 5.

28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока". Сборник.

29. **К.А.Капитонов:** "Ближний Восток в лицах".

30. "Современная Саудовская Аравия". Справочник.

31. **К.З.Хамзин:** "Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо-израильский конфликт".

32. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

33. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев:** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."

34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1999 г.

35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).

36. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 6.

37. **Г.И.Гучетль:** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии" (совместно с ИВ РАН).

38. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Государство Катар: проблемы развития".

39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке". Материалы конференции. Москва, 04.02.99 г.

40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

41. **В.А.Ушаков:** "Иран и Мусульманский мир".

42. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 7.

43. **Е.Я.Сатановский:** "Экономика Израиля в 90-е годы".

44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).

45. **Е.С.Мелкумян:** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".

46. **В.В.Кунаков:** "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".

47. **А.И.Яковлев:** "Саудовская Аравия: пути эволюции" (совместно с ИВ РАН).

48. **М.А.Сапронова:** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989–1999)" (совместно с ИВ РАН).

49. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 8.

50. "Востоковедный сборник".

2000 г.

51. "Турецкая Республика". Справочник (совместно с ИВ РАН).

52. **М.Р.Арунова:** "Афганская политика США в 1945–1999 гг." (совместно с ИВ РАН).

53. "Политическая элита Ближнего Востока". Сборник.

54. "Ближний Восток: проблемы региональной безопасности". Сборник статей (совместно с РАЕН).

55. **С.Э.Бабкин:** "Движения политического ислама в Северной Африке" (совместно с ИВ РАН).

56. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 9.

57. "Арабский Восток: ислам и реформы". Сборник статей (Совместно с Институтом Африки РАН).

58. "Афганистан: проблемы войны и мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

59. **Аль-Харири Мухаммад:** "Налоговые системы Сирии и Египта".

60. **В.В.Азатян, А.А.Ткаченко:** "Интеграционные процессы в экономике стран Северной Африки" (совместно с Институтом Африки РАН).

61. **К.И.Поляков:** "Исламский фундаментализм в Судане".

62. "Миграционные процессы и их влияние на израильское общество". Сборник статей (Совместно с Иерусалимским университетом и Открытым университетом Израиля).

2001 г.

63. "Турция между Европой и Азией". Итоги европеизации на исходе XX века. Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

64. "Ислам и политика". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

65. **Е.Я.Сатановский:** "Израиль в современной мировой политике".

66. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Султанат Оман" (совместно с ИВ РАН).

67. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 10.

68. **А.Г.Вирабов:** "Алжир: кризис власти" (Кризис общественного строя Алжира и перспективы его либерализации) (совместно с ИВ РАН).

69. **"**Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке". Сборник статей (совместно с Академией геополитики и безопасности).

70. **К.И.Поляков, А.Ж.Хасянов:** "Палестинская национальная автономия: опыт государственного строительства".

71. **К.И.Поляков:** "Арабские страны и ислам в России (90-е годы XX века)".

72. **Зеэв Гейзель:** "Политические структуры Государства Израиль"

73. "Востоковедный сборник". Выпуск второй.

74. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 11.

75. "Россия на Ближнем Востоке". Материалы конференции.

76. **С.Э.Бабкин:** "Религиозный экстремизм в Алжире".

77. "Мусульманские страны у границ СНГ". Сборник статей, (совместно с ИВ РАН).

78. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 12.

2002 г.

79. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 13.

80. **Н.Ю.Ульченко:** "Экономика Турции в условиях либерализации (80–90-е годы)" (совместно с ИВ РАН).

81. "Мусульмане на Западе". Сборник статей (Совместно с РАЕН).

82. "Востоковедный сборник". Выпуск третий.

83. "Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 – июнь 2002 г.)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

84. **М.Ф.Видясова, М.Ш.Умеров:** "Египет в последней трети XX века (Опыт либерализации экономики и политической системы)" (совместно с ИСАА, МГУ).

85. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 14.

86. **Р.Р.Сикоев:** "Талибы (религиозно-политический портрет)" (совместно с ИВ РАН).

87. "Востоковедный сборник". Выпуск четвертый.

88. "Армия и власть на Ближнем Востоке". Сборник статей.

89. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 15.

90. **М.П.Гучанин:** "Турция и США: основные этапы торгово-экономического сотрудничества".

91. **С.М.Задонский:** "Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения".

92. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 16.

2003 г.

93. **С.В.Бондаренко, А.А.Ткаченко:** "Нефть и газ Египта и Алжира на рубеже XX–XXI вв."

94. **Д.Полисар:** "Выбирая диктатуру. (Ясир Арафат и формирование органов власти палестинской администрации)". Перевод А.Д.Эпштейна.

95. "Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы". Сборник статей (совместно с ИВ РАН, ИСАА).

96. **Алек Д.Эпштейн:** "Бесконечное противостояние. (Израиль и арабский мир: войны и дипломатия, история и современность)".

97. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Кувейт: Контуры экономических перемен" (совместно с ИВ РАН).

98. **О.В.Плешов:** "Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане" (совместно с ИВ РАН).

99. "Ирак: первые итоги, выводы, уроки". Сборник.

100. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 17.

101. **М.З.Ражбадинов:** "Радикальный исламизм в Египте" (совместно с ИВ РАН).

102. "Иракский кризис. Международный и региональный контекст". Материалы "круглого стола" ИСАА. Апрель 2003 г.

103. "Иран и СНГ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

104. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 18.

105. "Саудовская Аравия: эволюция режима и пределы возможного в политическом развитии" Сборник статей.

106. **Г.Г.Косач, Е.С.Мелкумян:** "Внешняя политика Саудовской Аравии". Приоритеты, направления, процесс принятия решения".

107. "Афганистан и сопредельные страны". Сборник статей (совместно с РАЕН).

108. **В.М. Ахмедов:** "Сирия на рубеже столетий. Власть и политика" (совместно с ИВ РАН).

109. **В.П.Юрченко:** "Египет: проблемы национальной безопасности".

110. "Востоковедный сборник". Выпуск пятый.

111. "Российско-саудовские отношения: проблемы и перспективы" (по материалам круглого стола).

112. "Ирак под американским управлением: демократизация или вьетнамизация» (по материалам круглого стола).

113. "Арабо-израильский конфликт: старые проблемы и новые планы". Сборник статей.

114 **Е.И.Уразова:** "Экономическое сотрудничество Турции и тюркских государств СНГ" (совместно с ИВ РАН).

115. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 19.

116. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 20.

117. **М.С.Сергеев:** "Берберы Северной Африки: прошлое и настоящее"

118. **А.Р.Аганин, З.А.Соловьева:** "Современная Иордания".

2004 г.

119. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "«Русские» и власть в современном Израиле".

120. "Программы урегулирования палестино-израильского конфликта: три года после переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе". Сборник статей и документов под редакцией **Алека Д.Эпштейна**.

121. **А.О.Филоник, А.И.Вавилов:** "Саудовская Аравия: поиски внутренней гармонии" (совместно с ИВ РАН).

122. **Е.И.Миронова:** "Алжир: смена приоритетов развития" (совместно с Институтом Африки).

123. "Иракский кризис". Аналитические записки.

124. "Терроризм". Сборник статей.

125. "Ислам на современном Востоке. Регион стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

126. **И.А. Новиков:** "Оружие массового поражения на Ближнем Востоке" (совместно с информационно-аналитическим центром "Акцент").

127. "Иран и Россия". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

128. "Офицерский корпус ближневосточных государств". Сборник.

129 "Россия и США на Ближнем Востоке". Аналитические записки.

130. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 21.

131. "Армия, ВТС, ОМП на Ближнем Востоке". Аналитические записки.

132. "Проблемы Ближнего Востока. Аналитические записки".

133. "Курдский вопрос на рубеже тысячелетий" (круглый стол 19.02.2004).

134. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 22.

135. "Турция в новых геополитических условиях". Материалы круглого стола, март 2004 г. (совместно с ИВ РАН).

136. "Израиль и арабо-израильский конфликт. Аналитические записки".

137. "Иран. Аналитические записки".

138. **А.В.Федорченко, О.А.Зайцева, Д.А.Марьясис:** "Израиль в начале XXI века".

139. **И.А.Матвеев:** "Национальная и общеарабская слагаемые политики Сирии на Ближнем Востоке".

140. "Современный Исламский Восток и страны Запада". Сборник статей.

141 **А.В.Гасратян:** "Проблемы социально-экономического развития Ливана (1970–2000 гг.)".

142. **В.П.Юрченко:** "Сирия: проблемы национальной безопасности. (Военная политика и военное строительство в период правления ПАСВ 1963–2004 гг.)"

143. "Палестино-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии". (Сборник статей и документов) под редакцией **Алека Д. Эпштейна**.

144. «Афганистан в начале XXI века». Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

145. **М.З.Ражбадинов:** "Египетское движение «Братьев-мусульман»" (совместно с ИВ РАН).

146. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 23.

147. «Сирия. Проблемы внутриполитической стабильности и внешней безопасности» (материалы круглого стола, 21 сентября 2004 г.).

148. «Ирак: 100 дней переходного правительства».

149. "Востоковедный сборник". Выпуск шестой.

150. "Иран после парламентских выборов" (Круглый стол 27.04.2004 г.). Сборник статей.

151. **Б.В.Долгов:** "Исламистский вызов и алжирское общество" (совместно с ИВ РАН).

152. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 24.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА*

2005 г.

153. **М.К.Занбуа, А.О.Филоник:** "Формирование производственной инфраструктуры в Сирии (1946–2004)"

154. **Р.Г.Ланда:** "Политический ислам: предварительные итоги".

155. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и проблема палестинских беженцев: история и политика".

156. **О.В.Плешов:** "Ислам и политическая культура в Пакистане" (Совместно с ИВ РАН).

157. "Ислам и общественное развитие в начале XXI века" (Совместно с ИВ РАН).

158. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 25.

159. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 26.

160. **А.В.Рясов:** "«Левые» на Арабском Востоке: ливийский опыт".

161. **И.М.Мохова:** "Западное Средиземноморье: проблемы интеграции".

162. **Н.З.Мосаки:** "Курдистан: ресурсы и политика". Часть 1, Часть 2 (Совместно с ИВ РАН).

2006 г.

163. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль в эпоху «пост-сионизма»: наука, идеология и политика".

164. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Вокруг размежевания: общество и политика Израиля в 2005 году".

165. "Афганистан, Иран, Пакистан: время выборов и перемен". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

166. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 27.

167. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 28.

---

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

168. **Л.Н.Руденко:** "Проблемы привлечения иностранных инвестиций в арабские страны в условиях глобализации" (Совместно с ИВ РАН).

169. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Королевство Бахрейн" (Совместно с ИВ РАН).

170. "Востоковедный сборник". Выпуск седьмой.

171. **А.Г.Бакланов:** "Ближний Восток: «Дорожная карта» региональной безопасности".

172. **Алек Д. Эпштейн:** "Почему провалилась «Дорожная карта»?".

173. **Д.А.Нечитайло:** "Международный исламизм на Северном Кавказе".

174. **М.А.Сапронова:** "Иракская конституция в прошлом и настоящем" (Из истории конституционального развития Ирака).

175. **Алек Д. Эпштейн:** "Израильская война против «Хезболлы» и формирование новых контуров ближневосточной политики".

176. "Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

177. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 29.

178. "Современная Турция: проблемы и решения". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

179. **С.Ю.Серёгичев:** "Судан: исламо-традиционализм и армия".

2007 г.

180. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 30.

181. "Государство Израиль: политика, экономика общества". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

182. "**К.В.Вертяев:** "Курдский вопрос в политике Турции (конец XX – начало XXI века)" (Совместно с ИВ РАН).

183. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 31.

184. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 32.

185. **М.Н.Гусев:** "Исламский фактор в Юго-Восточной Азии. Роль внешних сил".

186. "Востоковедный сборник". Выпуск восьмой.

187. **Г.Г.Косач:** "Саудовская Аравия: внутриполитические процессы «этапа реформ" (конец 1990–2006 гг.).

188. **Д.А.Марьясис:** "Израиль в системе международных экономических отношений (1985–2005 гг.)" (Совместно с ИВ РАН).

189. **Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева:** "Лига арабских государств и интеграционные процессы в арабском мире" (Совместно с ИВ РАН).

190. **Алек Д. Эпштейн:** "ХАМАС в региональной политике".

191. **С.Н.Саруханян:** "Ядерный фактор в российско-иранских отношениях".

192. **В.П.Юрченко:** "Военная политика и военное строительство в странах Арабского Востока (конец XX – начало XXI века)". Справочно-аналитическое издание. Часть 1 и часть 2.

193. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 33.

2008 г.

194. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 34 (Совместно с ИВ РАН).

195. **Г.А.Меламедов, Алек Д. Эпштейн:** "Дипломатическая битва за Иерусалим. Закулисная история" (Совместно с МГУ, ИСАА, Ассоциацией «Гишрей Тарбут»).

196. **В.В.Куделев:** " «Аль-Каида»: структуры, союзники и покровители".

197. **Г.Г.Косач:** "Саудовский дипломатический корпус: этапы эволюции и источники формирования".

198. **М.А.Сапронова:** "Правительство и парламент в арабских странах (правовой статус и политическая практика)".

199. **Е.С.Мелкумян:** "Регион залива: конфликты, компромиссы, сотрудничество" (Совместно с ИВ РАН).

200. **Е.А.Кудров:** "Конфликт в Дарфуре: основные причины и тенденции".

201. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и (не)контролируемые территории: уйти нельзя остаться" (Совместно с Ассоциацией «Гишрей Тарбут»).

202. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 35 (Совместно с ИВ РАН).

203. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 36 (Совместно с ИВ РАН).

204. "Турция накануне и после парламентских и президентских выборов 2007 г." Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

205. **И.А.Свистунова:** "Иракский фактор во внешней политике турецкой республики (1990–2007 г.).

206. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 37 (Совместно с ИВ РАН).

2009 г.

207. **Алек Д. Эпштейн:** "Антитеррористический террор".

208. **В.В.Евсеев, В.И.Сажин:** "Иран, уран и ракеты".

209. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 38 (Совместно с ИВ РАН).

210. **А.Б.Подцероб:** "Ислам во внутренней и внешней политике стран Магриба".

211. **В.В.Куделев:** "Аль-Каида" и война в Ираке".

212. "Ближний Восток: вызовы XXI века". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

213. **Алек Д. Эпштейн:** "Израильтяне и палестинцы: от конфронтации – к переговорам и обратно" (Совместно с ассоциацией «Гишрей Тарбут»).

214. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 39 (Совместно с ИВ РАН).

215. **В.И.Месамед:** "Иран-Израиль: от партнерства к конфликту".

216. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 39 (Совместно с ИВ РАН).

2010 г.

217. **Ю.С.Кудряшова:** "Турция и Европейский Союз: история, проблемы и перспективы взаимодействия".

218. **И.И.Стародубцев:** "Топливно-энергетический комплекс Турции и энергетический фактор в российско-турецких отношениях". (Совместно с МГИМО)

219. "Турция в условиях новых внутренних реалий". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

220. **Ю.В.Зинькина:** "Коптская община современного Египта: Проблемы и перспективы".

221. **В.Чернин:** "Ближневосточный фронтир. Израильское поселенчество: история и современность". (Совместно с ассоциацией «Гишрей Тарбут»).

222. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 41 (Совместно с ИВ РАН).

223. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 42 (Совместно с ИВ РАН).

224. **В.И.Месамед:** "Иран в Центральной Азии: два десятилетия диалога"

2011 г.

225. "ШОС и страны Ближнего и Среднего Востока (К 10-летию образования ШОС)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

226. **Алек Д. Эпштейн:** "Россия и Израиль: трудный путь навстречу" (Совместно с Центром содействия гуманитарному образованию общества «Право Мира»).

227. **Алек Д. Эпштейн:** "Генезис и закат "левого" Израиля".

228. **Д.О.Бирюков:** "Правовое регулирование рынка ценных бумаг государств Ближнего Востока".

Адрес в Интернете: www.iimes.ru

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI

AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**

2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**

3. "The socio–economic and political development in the Arab World". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

4. "The Contemporary Middle East" (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**

6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**

7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**

8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf countries" by **L.Rudenko**

9. "Israel on the eve of the XXI-th century" by **A.Fedorchenko**

10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev and A.Fedorchenko**

11. "Water resources in the South West and South East Asia" by **A.Filonik and N.Rogozhina**

12. "The Arab World in the end of the XX-th century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

13. "The Contemporary Middle East" № 2 (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin and V.Isaev**

15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

16. "The Contemporary Middle East" № 3 (collection of essays)

17. "Iran in the XX-th Century. The Role of State in Economic Development" by **N.Mamedova**

18. "Turkey: Problems of modern Economy and Policy" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

19. The Syrian Arab Republic"

20. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov, L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Ultchenko**

21. "The Contemporary Middle East" № 4 (collection of essays)

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**

23. "Countries of the Middle East" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A.Fedorchenko**

25. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov and A.Chavushian** In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

26. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**

27. "The Contemporary Middle East" № 5 (collection of essays)

28. "Actual Problems of the Middle East"

29. " Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**

30. "The contemporary Saudi Arabia"

31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**

32. "Afghanistan: War and Problems of Peace" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

33. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria and A.Yakovlev**

34. "Iran: Evolution of Islamic Rule" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1999

35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

36. "The Contemporary Middle East" № 6 (collection of essays)

37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**

38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik and V.Isaev**

39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

40. "The Environment and Development in the Arab World" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

41. "Iran and the Muslim World" by **V.Ushakov**

42. "The Contemporary Middle East" № 7 (collection of essays)

43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu.Satanovsky**

44. "Evolution of political Systems in the East". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**

46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**

47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**

48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**

49. "The Contemporary Middle East" № 8 (collection of essays)

50. "Oriental Records" (collection of essays)

2000

51. "Republic of Turkey"

52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by **M.Arunova**

53. "Political Elite in the Middle East"

54. "The Middle East: Problems of regional Security" (collection of essays). In association with the Russian Academy of Natural Sciences

55. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by **S.Babkin**

56. "The Contemporary Middle East" № 9 (collection of essays)

57. "The Arab World: Islam and Reforms" (collection of essays)

58. "The Afghanistan: Problems of War and Piece" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

59. "Tax Systems in Syria and Egypt" by **Al-Hariri Muhammad**

60. "Processes of Integration in the Economy of Northern Africa States" by **V.Azatian and A.Tkachenko**

61. "Islamic Fundamentalism in the Sudan" by **K.Polyakov**

62. "Mass Migration and its Impact on the Israeli Society" (collection of essays)

2001

63. "Turkey between Europe and Asia" In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

64. "Islam and Policy" (collection of essays)

65. "Israel in the Contemporary World Policy" by **Eu.Satanovsky**

66. "The Sultanate of Oman" by **A.Filonik and V.Isaev**

67. "The Contemporary Middle East" № 10 (collection of essays)

68. "Algeria: crisis of power" by **A.Virabov**

69. "Islamism and Extremism in the Middle East" (collection of essays) In association with the Academy of Geopolicy and Security

70. "The Palestinian National Autonomy: the Experience of the State Creation" by K.Polyakov and A.Hasyanov

71. "Arab Countries and Islam in Russia" by **K.Polyakov**

72. "Political Structures in the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**

73. "Oriental Records" № 2 (collection of essays)

74. "The Contemporary Middle East" № 11 (collection of essays)

75. "Russia in the Middle East" (conference papers)

76. "Religious Extremism in Algeria" by **S.Babkin**

77. "Muslim Countries at the Borders of the CIS" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

78. "The Contemporary Middle East" № 12 (collection of essays)

2002

79. "The Contemporary Middle East" № 13 (collection of essays)

80. "Turkish Economy under liberalization" by **N.Ultchenko**

81. "Muslims in the West" (collection of essays). In association with the Russian Academy of Natural Sciences

82. "Oriental Records" № 3 (collection of essays)

83. "Afghanistan in a Transition" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

84. "Egypt in the last third of the 20th Century" by **M.Vidiassova and M.Umerov**

85. "The Contemporary Middle East" № 14 (collection of essays)

86. "Taliban (the Religious and Political Profile)" by **R.Sikoev**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

87. "Oriental Records" № 4 (collection of essays)

88. "Army and Power in the Middle East" (collection of essays)

89. "The Contemporary Middle East" № 15 (collection of essays)

90. "Turkey and USA: main Stages in Trade and Economic Cooperation" by **M.Guchanin**

91. "The Nuclear Program of Iran and Russian-American Relations" by **M.Zadonsky**

92. "The Contemporary Middle East" № 16 (collection of essays)

2003

93. "Oil and Gas in Egypt and Algeria on the Verge of Two Centuries." by **S.Bondarenko and A.Tkachenko**

94. "Electing Dictatorship: Why Palestinian Democratization Failed" by **D.Polisar**

95. "Russia-Turkey Relations: History, present State and Perspectives" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa

96. "An Everlasting Confrontation. Israel and the Arab World: Wars and Diplomacy" by **A.D.Epstein**

97. "Kuwait: Contours of Economic Changes" by **A.Filonik and V.Isaev**

98. "Islam, Islamism and nominal Democracy in Pakistan" by **O.Pleshov.** In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa

99. "Iraq: First Results, Conclusions, Lessons" (collection of essays.

100. "The Contemporary Middle East" № 17 (collection of essays)

101. "Radical Islamism in Egypt" by **M.Rajbadinov**

102. "Crisis in Iraq. International and Regional Context"

103. "Iran and CIS" (collection of essays)

104. "The Contemporary Middle East" № 18 (collection of essays)

105. "Saudi Arabia: Evolution of Regime and Possible Limits in Political Development" (collection of essays)

106. "Saudi Arabia External Policy" by **G.Kosach and E.Melkumyan**

107. "Syria at the Turn of the Centuries. Power and Politics" by **V.Ahmedov**

108. " Afghanistan and Neighboring Countries" (collection of essays)

109. "Egypt: Problems of National Security (1952–2002.)" by **V.Yurchenko**

110. "Oriental Records" № 5 (collection of essays)

111. "Russian-Saudi Relations: Problems and Perspectives" (collection of essays)

112. "Iraq under the American Administration: democratization or «viet-namization»"

113. "Arab-Israeli Conflict: Old Problems and New Plans" (collection of essays)

114."The Economic Co-operation between Turkey and the Turkic States of the CIS" by **E.Urazova**

115. "The Contemporary Middle East" № 19 (collection of essays)

116. "The Contemporary Middle East" № 20 (collection of essays)

117. "Berbers of North Africa: Past and Present" by **M. Sergeev**

118. "Contemporary Jordan" by **A.Aganin and Z.Solovieva**

2004

119. "The «Russians» and Power in the State of Israel" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**

120. "Peaceful Settlement of the Palestine–Israeli Conflict: Three Years after Camp David and Taba Talks"(essays and documents) Edited by **Alek D. Epstein**

121. " Saudi Arabia: Search for Inner Harmony" by **A.Filonik** and **A.Vavilov**

122. "Algeria: Change of Priorities in Development" by **E.Mironova**

123. Analytical records. "Iraqi Crisis"

124. Analytical records. "Terrorism"

125. "Islam in Contemporary Orient. Region of Middle and Near East, South and Central Asia". (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

126. "Weapon of Mass destruction in the Middle East" by **I.Novikov**

127. "Iran and Russia" (collections of essays)

128. "Officer Corps in the Middle Eastern States" (collections of essays)

129 Analytical records. "Russia and USA in the Middle East"

130. "The Contemporary Middle East" № 21 (collection of essays)

131. Analytical records. "Army, Weapon of Mass Destruction, Military and Technical Cooperation in the Middle East"

132. Analytical records. "Problems of the Middle East"

133. "Kurdish Question at the turn of the Millennia"

134. "The Contemporary Middle East" № 22 (collection of essays)

135. "Turkey in the New Geopolitical Conditions (documents of the Round Table, March 2004)

136. Analytical records. "Israel and Arab-Israeli Conflict"

137. Analytical records. "Iran"

138. "Israel in the beginning of the XXI-th Century" by **A.Fedorchenko, O.Zaitzeva, D.Mariyasis**

139. "Contemporary Islamic East and European Countries" (collection of essays)

140. "National and Pan-Arab Components of the Syrian Policy in the Middle East (1946–2003)" by **I.Matveev**

141. "Problems of Social-economic Development of Lebanon (1970–2000)" by **A.Gasratian**

142. "Syria: problems of national security" by **V.Yurchenko**

143. "Palestine-Israeli conflict in the mirror of public opinion and international diplomacy" (collection of essays) Edited by **Alek D. Epstein**

144. "Afghanistan in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays)

145. "Egyptian movement of «Muslim brothers»" by **M.Rajbadinov**

146. "The Contemporary Middle East" № 23 (collection of essays)

147. "Syria. Problems of Internal Political Stability and External Security" (documents of the Round Table, 21 September 2004)

148. "Iraq: 100 days of transition"

149. "Oriental Records" № 6 (collection of essays)

150. "Iran after Elections" (documents of the Round Table, April 2004)

151. "Islamic challenge and the Algerian society" by **B.Dolgov**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

152. "The Contemporary Middle East" № 24 (collection of essays)

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF MIDDLE EASTERN STUDIES

2005

153. "Creating of productional infrastructure in Syria" by **M.Zanbua and A.Filonik**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

154. "Political Islam: preliminary results" by **R.Landa**

155. "Israel and the problem of Palestinian refugees: history and policy" by **Alek D. Epstein**

156. "Islam and political culture in Pakistan" by **O.Pleshov**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

157. "Islam and social development in the beginning of XXI-th Century". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

158. "The Contemporary Middle East" № 25 (collection of essays)

159. "The Contemporary Middle East" № 26 (collection of essays)

160. "«Leftists» in the Middle East: Libyan experience" by **A.Rjasov**

161. "Western Mediterranean: problems of integration" by **I.Mokhova**

162. "Kurdistan: resources and policy" Part 1, Part 2 by **N.Mosaki.** In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2006

163. "Israel in the era of post-zionism: science, ideology and policy" by **Alek D. Epstein**

164. "On the situation with delimitation: society and policy in Israel in 2005" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**

165. "Afghanistan, Iran, Pakistan: time of elections and changes" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

166. "The Contemporary Middle East" № 27 (collection of essays)

167. "The Contemporary Middle East" № 28 (collection of essays)

168. "Globalization and capital investments process in the Arab World" by **L.Rudenko**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

169. "Kingdom of Bahrain" by **V.Isaev**, **A.Filonik**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

170. "Oriental Records" № 7 (collection of essays)

171. "The Middle East: «The Road Map» and regional security" by **A.Baklanov**

172. "Why did «The Road Map» fail?" by **Alek D. Epstein**

173. "International Islamism in the Northern Caucasus" by **D.Nechitailo**

174. "The Iraqi Constitution in the past and in the present" by **M.Sapronova**

175. "The War of Israel against «Hesbollah» and creation of new contour of the Middle Eastern policy" by **Alek D. Epstein**

176. "The Kurdish problem in the Western Asia in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

177. "The Contemporary Middle East" № 29 (collection of essays)

178. "The Modern Turkey: problems and solutions" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

179. "The Sudan: the Islamic traditionalism and army" by **S.Seregichev**

2007

180. "The Contemporary Middle East" № 30 (collection of essays)

181. "The state of Israel: policy, economy, society" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

182. "The Kurdish problem in Turkish policy (the end of XX – the beginning of XXI centuries)" by **K.Vertiaev**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

183. "The Contemporary Middle East" № 31 (collection of essays)

184. "The Contemporary Middle East" № 32 (collection of essays)

187. "The Islamic factor in South-East Asia. The role of external forces" by **M.Gusev**

186. "Oriental Records" № 8 (collection of essays)

187. "Saudi Arabia: political processes and "Stages of Reform" (the end 1990–2006)" by **G.Kosach**

188. "Israel inside the world economic relations" by **D.Mariyasis**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

189 "The League of the Arab states and international process in the Arab world" by **L.Rudenko, Z.Solovieva**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

190. "HAMAS in the regional policy" by **Alek D. Epstein**

191. "The nuclear factor in Russian-Iranian relations" by **S.Sarukhanjan**

192. "The military policy and force development in the Middle East (the end of XX – the beginning of XXI centuries)" by **V.Yurchenko**

193. "The Contemporary Middle East" № 33 (collection of essays)

2008

194. "The Contemporary Middle East" № 34 (collection of essays)

195. "The diplomatic battle for Jerusalem. Behind-the-scene story" by **G.Melamed and Alek D. Epstein**. In association with the Institute of Asian and African Studies, Moscow State University and Gishrey Tarbut Association

196. "Al-Qaeda: the structure, the allians and the sponsors" by **V.Kudelev**

197. "Saudi Arabian diplomatic corps: stages of evolution and sources of formation" by **G.Kosach**

198. "Government and parliament in the arab countries (legal status and political practice)" by **M.Sapronova**

199. "The Persian Region: conflicts, compromises, cooperation" by **E.Melkumyan**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

200. "The conflict in the Darfur Province: main reasons and tedencies" by **E.Kudrov**

201. "Israel and (un)controlled territories: to leave or stay" by **Alek D. Epstein**. In association with the Gishrey Tarbut Association

202. "The Contemporary Middle East" № 35 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

203. "The Contemporary Middle East" № 36 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

204. "Turkey before and after 2007 parliamentary and presidential elections" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

205. "The Iraqi Factor in the foreign policy of the Republic of Turkey (1990–2007)" by **I.Svistunova**

206. "The Contemporary Middle East" № 37 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2009

207. "Antiterroristic terror" by **Alek D. Epstein**

208. "Iran, uranium and rockets" by **V.Evseev**, **V.Sazhin**

209. "The Contemporary Middle East" № 38 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

210. "Islam in internal and external policy of Magrib" by **A.Podcerob**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

211. "Al-Qaeda and the war in Iraq" by **V.Kudelev**

212. "The Middle East: challenges of the XXI-st century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

213. "Israelites and Palestinians: from confrontation to negotiations and back to the point" by **Alek D. Epstein**. In association with the Gishrey Tarbut Association

214. "The Contemporary Middle East" № 39 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

215. "Iran-Israel. From partnership to conflict" by **V.Mesamed**

216. "The Contemporary Middle East" № 40 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2010

217. "Turkey and EU: history, problems and prospects for cooperation" by **U.Kudrjashova**

218. "Turkey's fuel and energy complex and oil and gas industries in Russian-Turkish relations" by **I.Starodubtcev**

219. "Turkey in the context of new internal circumstances" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

220. "Coptic community in contemporary Egypt: problems and prospects" by **U.Zinkina**

221. "Middle Eastern frontier. Israeli settlement: history and modernity" by **V.Chernin**

222. "The Contemporary Middle East" № 41 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

223. "The Contemporary Middle East" № 42 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

224. "Iran in Central Asia: two decades of dialogue" by **V.Mesamed**

2011 г.

225. "SCO and The Middle Eastern Countries (ten years of activity)" In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

226. "Russia and Israel: the hard road to each other" by **Alek D. Epstein**. In association with "The Law For Peace" Society

227. "The genesis and fall of «leftist» Israel" by **Alek D. Epstein**

228. "The legal regulation of the equity market in The Middle Eastern Countries" by **D.Birjukov**

Internet: www.iimes.ru

Научное издание

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

ВЫПУСК СОРОК ЧЕТВЕРТЫЙ

Подписано в печать 07.09.2011 г.
Формат 60x90/16. Печать офсетная
Бумага офсетная №1 Объем 23 уч. изд. л.
Тираж 800 экз. Тип. Зак. № 164

Типография «Вишневый пирог»
115114, Москва, 2-й Кожевнический пер., 12